

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ВИЛЬГЕЛЬМ ДИЛЬТЕЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ШЕСТИ ТОМАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

А. В. Михайлова† и Н. С. Плотникова

ВИЛЬГЕЛЬМ ДИЛЬТЕЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ • ТОМ III

ПОСТРОЕНИЕ
ИСТОРИЧЕСКОГО
МИРА В НАУКАХ
О ДУХЕ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В.А.КУРЕННОГО

« Т Р И К В А Д Р А Т А » М О С К В А 2 0 0 4

ББК 87.3

Д 21

ПОДГОТОВКА ИЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНЫ
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА ФРИТЦА ТИССЕНА (КЕЛЬН, ФРГ)

DAS EDITIONSPROJEKT SOWIE DER DRUCK WURDEN GEFÖRDERT
DURCH DIE FRITZ THYSEN STIFTUNG (KÖLN, BRD)

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ИЗДАНИЯ:

Профессор Фритцеф Роди (Бохум, ФРГ)
Профессор Александр Хаардт (Бохум, ФРГ)
Профессор Карл Аймермахер (Бохум, ФРГ)
Профессор А. А. Михайлов (Минск)
Профессор Ганс-Ульрих Лессинг (Бохум, ФРГ)

ПЕРЕВОДЧИКИ ТОМА:

В. А. Куренной, А. П. Огурцов, А. В. Михайловский

СВЕРКА ТЕКСТА:

Е. В. Малахова, В. В. Малахов

РЕДАКТОР:

В. С. Походаев

Дильтей В.

Собрание сочинений: В 6 т. Под ред. А. В. Михайлова и Н. С. Плотникова.
Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе / Пер. с нем. под ред.
В. А. Куренного. – М.: Три квадрата, 2004

© B.G. Teubner-Verlagsgesellschaft m.b.H., Stuttgart;
Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen 1958, 1961
© Три Квadrата, Москва, 2004

ISBN 5-94607-039-8

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора	11
Предисловие немецкого издателя	35

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Очерки по основоположению наук о духе

<i>Первый очерк. ПСИХИЧЕСКАЯ СТРУКТУРНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ</i>	43
--	----

I. ЗАДАЧА, МЕТОД И ПОРЯДОК ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ

1. Задача	44
2. Задача теории знания	47
3. Используемый здесь метод основоположения	48
4. Исходный пункт: дескрипция процессов, в которых возникает знание	49
5. Место этой дескрипции во взаимосвязи основоположения	52

II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДЕСКРИПТИВНЫЕ ПОНЯТИЯ

1. Психическая структура	54
2. Постигание психической структуры	58
3. Структурные единства	60
4. Структурная взаимосвязь	63
5. Виды структурной взаимосвязи	64

<i>Второй очерк. СТРУКТУРНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ЗНАНИЯ</i>	66
---	----

I. ПРЕДМЕТНОЕ ПОСТИЖЕНИЕ

1. Ограничение предметного постижения	66
2. Отношение между переживанием и психическим предметом	68
3. Отношение между созерцанием и чувственными предметами	75
4. Структура постигающего переживания	78
5. Постигающие переживания как структурные единства и их внутренние отношения	79

II. ПРЕДМЕТНОЕ ОБЛАДАНИЕ			
I. Чувство	89		
1. Отграничение переживаний чувства	89		
2. Всеобщий характер действия в переживании чувства	91		
3. Структурное единство переживания чувства	94		
4. Структурные сопряжения чувств между собой	98		
5. Система отношений чувств друг к другу в отличие от системы предметного постижения и воления	100		
Дополнение: завершение внутренней телеологии структурной взаимосвязи чувств в объективных образованиях	102		
II. Воление	106		
(Первый фрагмент)			
1. Объем переживаний воления	106		
2. Анализ воления	108		
(Второй фрагмент)			
1. Основание воления в предметном постижении и чувстве	111		
2. Отграничение воления от чувства	112		
3. Структурное единство волевого действия	113		
4. Уровни структурного единства в переживании и отношения переживаний между собой	114		
5. Система переживания в волевом действии.	114		
Третий очерк. ОТГРАНИЧЕНИЕ НАУК О ДУХЕ (Третья редакция)	115		
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ			
Построение исторического мира в науках о духе			
I. ОТГРАНИЧЕНИЕ НАУК О ДУХЕ	123		
II. РАЗЛИЧИЕ ПОСТРОЕНИЯ В НАУКАХ О ПРИРОДЕ И НАУКАХ О ДУХЕ	133		
Историческая ориентация	133		
III. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ВЗАИМОСВЯЗИ НАУК О ДУХЕ	165		
Первый раздел: Предметное постижение	166		
Второй раздел: Структура наук о духе	175		
Первая глава: Жизнь и науки о духе	176		
1. Жизнь	176		
2. Жизненный опыт	178		
		3. Различия видов психического действия в жизни и классы высказывания в жизненном опыте	179
		4. Идеальные единства как носители жизни и жизненного опыта	180
		5. Происхождение наук о духе из жизни индивидов и сообществ	181
		6. Взаимосвязь наук о духе с жизнью и проблема общезначимости этих наук	183
		Вторая глава: Методические подходы, в которых дан духовный мир	
		1. Линии репрезентаций, исходящие от переживания	184
		2. Отношение взаимозависимости в понимании	187
		3. Постепенное прояснение жизнепроявлений в ходе постоянного взаимодействия обеих наук	191
		Третья глава: Объективация жизни	192
		Четвертая глава: Духовный мир как комплекс воздействий	198
		1. Всеобщий характер комплекса воздействий духовного мира	199
		2. Комплекс воздействий как основное понятие наук о духе	203
		3. Метод установления отдельных комплексов воздействий	204
		4. История и ее понимание посредством систематических наук о духе	207
		Историческое знание	207
		Уровни исторического понимания	209
		Обособление комплекса воздействий	
		с точки зрения исторического предмета	211
		Размежевание комплексов воздействий в истории	
		посредством аналитического метода	213
		1. Системы культуры	213
		2. Внешние организации и политическое целое.	
		Политически организованные нации	217
		3. Периоды и эпохи	224
		Систематическая обработка комплексов воздействий и общностей	235
		РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ	
		План продолжения к построению исторического мира в науках о духе	
		НАБРОСКИ К КРИТИКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗУМА	
		ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.	
		ПЕРЕЖИВАНИЕ, ВЫРАЖЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ	239
		I. Переживание и автобиография	239
		1. Задача критики исторического разума	239
		2. Осознавание, реальность: время	240

3. Взаимосвязь жизни	245
4. Автобиография	248
Дополнение к параграфу «Взаимосвязь жизни»	251
II. Понимание других людей и проявлений их жизни	253
1. Проявления жизни	253
2. Элементарные формы понимания	255
3. Объективный дух и элементарное понимание	256
4. Высшие формы понимания	258
5. Перенесение-себя-на-место-другого, воссоздание, повторное переживание	262
6. Истолкование, или интерпретация	265
Приложения	
1. Понимание музыки	269
2. Переживание и понимание	273
3. Методы понимания	274
4. Герменевтика	274
5. Границы понимания	275
III. Категории жизни	
Жизнь	276
Переживание	277
Длительность, схватываемая в понимании	280
Значение	281
Значение и структура	286
Значение, значительность, ценность	287
Ценности	290
Целое и его части	293
Развитие, сущность и другие категории	293
IV. Биография	
1. Научный характер биографии	295
2. Биография как художественное произведение	297
ВТОРАЯ ЧАСТЬ.	
ПОЗНАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ	
Водные замечания	
1. История	301
2. Новая задача	302
Первый проект продолжения к построению исторического мира в науках о духе	
1. Фундаментальное отношение: структура исторических образований	303

2. Структура всякой исторической взаимосвязи	313
3. Субъекты исторических высказываний	314
4. Раса, народ и т. д. как конкретно-исторические субъекты	315
5. Системы культуры	315
6. Экономическая жизнь	316
7. Право и его организация в сообществе	316
8. Расчленение общества	316
9. Нравы, этос и жизненный идеал	316
10. Религия и ее организация	316
11. Искусство	319
12. Науки	319
13. Мировоззрение и философия	319
14. Взаимосвязь организаций в государстве	320
15. Нации как носители власти, культуры и т. д.	320
16. Человечество и всеобщая история	321
17. Природа системы. Цель книги	327

Второй проект продолжения к построению исторического мира в науках о духе

1. Проблема истории	329
2. Нации	335
3. Эпохи	339
4. Прогресс	339
5. Универсально-историческая взаимосвязь	340
6. Заключение	345

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Приложение

I. ДОПОЛНЕНИЯ К ОЧЕРКАМ ПО ОСНОВОПОЛОЖЕНИЮ НАУК О ДУХЕ К ТЕОРИИ ЗНАНИЯ

1. Задача	349
-----------	-----

Третий очерк: ОТГРАНИЧЕНИЕ НАУК О ДУХЕ

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ

1. Задача	359
-----------	-----

ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ

Первая глава	366
Задача	366

Вторая глава	373
Как возможно познание в науках о духе?	373
Дополнения к первой главе	378

II. ДОПОЛНЕНИЯ К ПОСТРОЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО МИРА

1. Логическая взаимосвязь в науках о духе	
Психическая структура	380
2. Фрагменты к учению о структуре	
Психическая жизнь	388
Структура	389
Внешний мир	389
3. Проблема теории познания	
Проблема теории познания в науках о духе	389
Кант и Фихте	390
Упразднение трансценденции субъективности	391
4. Просвещение как пример	
Структура эпохи Просвещения	392
Государственная жизнь в эпоху Просвещения	396
Музыка Просвещения	399
Пиеизм	400
5. Историческое развитие	403

Примечания издателя и редактора	406
Указатель имен	414

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Настоящий том собрания сочинений Вильгельма Дильтея (1833–1911) включает в себя работы, наброски и варианты, опубликованные в 1927 году в седьмом томе немецкого собрания сочинений, изданного Бернхардом Гротгейзенем. Все они возникли в поздний период творчества немецкого мыслителя и относятся к числу наиболее влиятельных его сочинений. Несмотря на единство общего замысла всей философской работы Дильтея, направленной на обоснование теоретической и гносеологической специфики «наук о духе», представленные здесь тексты отличаются рядом существенных особенностей, обратить внимание на которые и предназначено настоящее предисловие¹.

Согласно многим устоявшимся интерпретациям, в «Построении исторического мира в науках о духе» Дильтей отходит от попыток положить в основание наук о духе описание и анализ психической жизни² и обращается к разработке герменевтической концепции понимания объ-

¹ Общий обзор творчества Дильтея дан в первом томе настоящего собрания сочинений: *Плотников Н.* Жизнь и история: Философская программа Вильгельма Дильтея // *Дильтей В.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Введение в науки о духе. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 15–264.

² Основание для такого рода выводов дают критические высказывания Дильтея в адрес интроспективной методики, например: «В интроспекции, направленной на собственное переживание, невозможно постичь устремляющиеся вперед течение психической жизни; ведь любая фиксация останавливает это течение и наделяет то, что зафиксировано, некоторой длительностью» (Наст. изд. С. 280), или «Человек познает себя только в истории, но никогда с помощью интроспекции» (Там же. С. 331). Однако не следует переоценивать негативный характер этих высказываний, поскольку сам по себе дескриптивный подход в психологии вовсе не сводится к «интроспекции» как методу наблюдения актуально наличествующих психических переживаний. Так, у Александра Пфендера, развивавшего собственный вариант дескриптивной психологии, место интроспекции занимает «ретроспекция» – методика описания не текущих, а прошлых переживаний (*Пфендер А.* Введение в психологию. СПб.: Кн. склад «Провинция», 1909. С. 114–115). Структурно эквивалентную роль в феноменологии Гуссерля игра-

ективированных «проявлений жизни». Это изменение позиции нередко рассматривается как поворот Дильтея от психологии к герменевтике. Противопоставление герменевтического и психологического получило широкое распространение в работах многих мыслителей XX столетия, развивавших герменевтические подходы в философии и гуманитарных науках и опиравшихся на такую трактовку творчества Дильтея. Однако современные интерпретаторы наследия немецкого мыслителя ставят под сомнение представление о глубоком расхождении между его ранними и поздними работами, рассматривая последние как прямое и органичное продолжение общего плана Дильтея, заявленного уже в первом томе «Введения в науки о духе» и объединенного замыслом «критики исторического разума». В контексте этой дискуссии публикуемое в настоящем издании предисловие Бернхарда Гротгейзена, отдающего должное и преемственности в творчестве Дильтея и определенной новизне его поздних работ, продолжает сохранять свое значение в качестве образца взвешенной позиции.

Тезис о преемственности в творчестве Дильтея и отсутствии в нем дисконтинуального герменевтического поворота, может быть подкреплен двумя основными соображениями. Во-первых, описание и анализ психической жизни продолжает играть важнейшую роль при рассмотрении наук о духе также и в его поздних сочинениях (в особенности в «Очерках по основоположению наук о духе»). Несмотря на размежевание с психологией как частной научной дисциплиной, Дильтей опирается и продолжает развивать свои предшествующие наработки по «описательной и расчленяющей» структурной психологии, как в методологическом, так и в предметном отношении отличающейся от «объясняющих», естественнонаучных подходов. Во-вторых, противопоставление поздних работ Дильтея его предшествующему творчеству, формулируемое в терминах поворота от психологии к герменевтике, оправдано лишь в той мере, в какой сама герменевтика рассматривается в узком смысле, в первую очередь, как метод понимания и истолкования текстов. Расширительное толкование герменевтики³ как способа понимания любых «жизнепроявлений», в число которых входит также

ет рефлексия, также имеющая мало общего с интроспекцией (см.: Идеи чистоты феноменологии и феноменологической психологии. Кн. 1. § 78–79).

³ Подробнее см.: Rodi F. Das strukturierte Ganze: Studien zum Werk Wilhelm Diltheys. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2003. S. 17–35.

и подлежащая дескрипции психическая жизнь, позволяет, напротив, говорить о том, что Дильтей, обращаясь к герменевтике в своих поздних работах, находит удачную формулировку для подходов, развиваемых также и в предшествующий период. В таком широком смысле центральной герменевтической проблемой оказывается взаимосвязь целого и частей, а также непрерывный и никогда до конца не завершённый процесс понимания, осуществляемого в ходе соотнесения частей с целым и целого с частями. Поэтому задача постижения «структурной взаимосвязи жизни» – начиная с психической взаимосвязи и заканчивая взаимосвязью истории – есть задача по своему существу герменевтическая⁴. Крайне высокая частотность понятия «взаимосвязь» у Дильтея закрепляет эту систематическую особенность его философствования на лексическом уровне. Герменевтика, таким образом, не является методом, искусственно наложенным на проблематику наук о духе, но вытекает из специфики самого предмета исследования, что соответствует реалистической, а не конструктивистской установке философии Дильтея.

Реализм философии Дильтея необходимо учитывать и при прочтении термина «построение» («Aufbau»), вынесенного в название всего тома. Система наук о духе не конструируется и не создается на основе принимаемых априорно категорий и принципов. Науки о духе являются органичным продолжением развития самой жизни и ее практических задач («жизнь постигает здесь жизнь»)⁵, а их категории должны

⁴ Ср.: «Взаимосвязь жизни дана нам лишь потому, что сама жизнь есть структурная взаимосвязь, в которой переживания сопряжены друг с другом так, что эти связи могут переживаться. Эта взаимосвязь постигается с помощью всеобщей категории, которая позволяет высказываться обо всей действительности, – категории отношения целого к частям ...» (Наст. изд. С. 244).

⁵ Одна из главных особенностей философии Дильтея заключается в том, что вся многообразная система жизненных и исторических взаимосвязей, начиная с элементарных форм и заканчивая наиболее сложными, является гомологичной и органично перетекающей с одного уровня на другой. Проблемы разрыва, забвения, отчуждения, противопоставления индивида сложившимся социальным формам жизни и т. д., определяющие тематику большинства разновидностей социальной и философской мысли двадцатого столетия, остаются фактически вне поля зрения Дильтея. В этом, пожалуй, состоит одна из основных сложностей освоения его наследия в современной ситуации. Мартин Хайдеггер таким образом определил эту особенность построений Дильтея: «Формальная структура взаимосвязи

быть выявлены путем анализа психической жизни во всех трех ее составляющих – когнитивной (познающей), эмоциональной (чувствующей) и волевой (ориентированной на практическое действие). Новизна трактовки проблемы категорий у Дильтея не отменяет, однако, определенной преемственности с традицией, получившей окончательную формулировку у Канта. Категории представляют собой не наивысшие определения бытия самого по себе (метафизическая трактовка категорий), но характеризуют наиболее общие способы нашего представления о бытии (теоретико-познавательная трактовка). Говоря словами Дильтея, категории суть «высшие точки постижения действительности», каждая из которых, в свою очередь, «характеризует свой особый мир предикаций»⁶. Реализм Дильтея распространяется лишь на познание переживаемой взаимосвязи жизни, которая сама по себе не является сформированным формальными категориями «феноменом», за которым располагается трансцендентная ему «вещь сама по себе»⁷. С точки зрения докантовской метафизики реализм Дильтея имеет, однако, ограниченный характер, поскольку все наше познание у него подчинено «закону феноменальности», утверждающему, что наш доступ к реальности всегда опосредован сознанием⁸. Следует, однако, учи-

жизни в конечном итоге определяется у Дильтея гуманистическим идеалом Гёте и Гумбольдта» (*Heidegger M. Phänomenologie der Anschauung und des Ausdrucks: Theorie der philosophischen Begriffsbildung. Frühe Freiburger Vorlesung Sommersemester 1920 / Hrsg. von Claudius Strube (Gesamtausgabe, Bd. 59.) Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1993. S. 161).*

⁶ Наст. изд. С. 240.

⁷ Ср.: «Вопрос о том, имеет ли то, что обнаруживается в нас как осознаваемый факт (переживание), своим условием реальность другого рода, лежит вне круга достоверного знания наук о духе. Этот вопрос можно прояснять с опорой на кантовскую теорию времени. С критической точки зрения эта теория не затрагивает вопроса о реальности времени. Тот факт, что в сознании обнаруживается поток времени, является, конечно, реальным. Да и отношения между ожиданием и осуществлением того, что ожидается, стремлением и его удовлетворением – все это содержит в себе временную последовательность. Действительная жизнь, которая нам известна, протекает во времени. Проблема Канта касается только условий обнаруживающихся в сознании фактов. Эти условия не входят в область достоверного знания наук о духе» (Там же. С. 374).

⁸ «Факты сознания представляют собой единственный материал, из которого строятся объекты ... Поэтому я лишь по видимости живу среди неза-

тывать что такая «объективная» метафизическая концепция действительности несоизмерима с теоретико-познавательной концепцией Дильтея⁹, и последний считал себя последовательным реалистом, устраняющим спекулятивные конструктивистские трансценденции как классической метафизики, так и Кантовой «теории познания»¹⁰. Здесь мы укажем лишь на важнейшие отличия в построении системы катего-

висимых от моего сознания вещей; в действительности же моя самость отличается от фактов моего собственного сознания и образов, находящихся во мне самом. Мое сознание и есть то место, которое заключает в себе весь этот кажущийся столь необъятным внешний мир, это та материя, из которой сотканы все объекты, которые я встречаю в этом мире ... При этом сама экзистенция, реальность, существование – все это лишь выражения того способа, каким мое сознание распоряжается своими впечатлениями, своими представлениями» (*Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. XIX. Grundlegung der Wissenschaft vom Menschen, der Gesellschaft und der Geschichte. Ausarbeitungen und Entwürfe zum zweiten Band der Einleitung in die Geisteswissenschaften (ca. 1870–1895) / Hrsg. von Helmut Johach und Frithjof Rodi, Göttingen, 1982. S. 58–59).*

⁹ Наиболее отчетливо это обнаруживается в том, что у Дильтея отсутствует онтологическое противопоставление субъективной и объективной сущности. Различие «внешнего» и «внутреннего», используемое Дильтеем, нельзя понимать в том смысле, что речь идет о двух разных регионах: внутренней области переживаний и внешнего пространственного мира предметов. В собственном смысле имеется лишь переживаемая взаимосвязь жизни, которая постигается различными системами категорий.

¹⁰ Ср.: «Связующая нить эпохи *теории познания* обнаруживается в попытке развивать познание в виде систематического целого таким образом, что анализ априори отделяется от данного как вещи самод по себе и т. д., и она получает свое завершение, когда происходит крах этой систематики, а также уверенности в том, что познание имеет дело с явной трансценденцией – трансценденцией субъективности и трансценденцией предметов. Раньше я упразднил последнее, теперь же, опираясь на свои психологические работы, я пытаюсь упразднить трансценденцию субъективности.

Нам неизвестен никакой переживаемый или испытываемый на опыте носитель жизни. Такой носитель был бы трансцендентен самой жизни. Он принадлежал бы к классу таких понятий, как душа или предмет, находящийся по ту сторону сознания. Метафизика упраздняется благодаря теории познания и психологии, в которой имеет место другой вид трансценденции. Я хочу сказать, что объективная и космическая метафизика отделяется от метафизики субъективности, и вторая является столь же несостоятельной, как и первая» (Наст. изд. С. 391).

рий у Дильтея и Канта¹¹. У последнего система категорий является формальной (не зависящей от характера «материи» познаваемого предмета), неизменной (неисторичной) и завершенной в количественном отношении (включает двенадцать категорий). Согласно Дильтею, категории, напротив, не имеют формально однородного характера: категории наук о духе отличаются от категорий естественных наук. Этому различию соответствуют два рода категорий: формальные и реальные. Первые относятся ко всей действительности вообще, тогда как вторые представляют собой «структурные формы самой жизни», выраженные «согласно ее временному течению»¹². Множество категорий наук о духе является, кроме того, незавершенным и открытым¹³. Категории имеют исторический и изменчивый характер, что определяется историческим характером жизни как таковой. Кроме того, категории наук о духе относятся к миру постольку, поскольку он имеет отношение к человеческой жизни, то есть обладают отчетливо выраженным антропоморфным характером. Представление об историческом характере категорий не переходит, однако, у Дильтея в утверждение их культурной относительности. Развитие системы категорий и развитие самих наук о духе – единый поступательный процесс. В то же время формальные категории хотя и свободны от антропоцентризма, генетически также суть «абстрактные выражения для логических разновидностей психического действия»¹⁴. Построение системы категорий не является чисто познавательной задачей, но удовлетворяет прагматическим потребностям самой жизни. В этой связи Дильтей постоянно подчеркивает выдающуюся роль Фихте, у которого энергия заняла место субстанции, а формы

практического деяния пришли на замену чисто рассудочным определениям, характерным для философии эпохи Просвещения.

Работы и фрагменты, собранные в настоящем томе, примечательны также тем, что испытали заметное влияние двух других немецких мыслителей – Гегеля и Гуссерля. «Логические исследования» Эдмунда Гуссерля, вышедшие в 1900–1901 гг., имеют для Дильтея двойное значение. С одной стороны, в них он находит поддержку собственного проекта «описательной психологии», подвергнутого в 1896 году острой критике экспериментальным психологом Германом Эббингаузом. В то же время влияние семантических анализов Гуссерля сказывается в появлении двух характерных для поздних работ Дильтея понятий. Речь идет о понятии «выражения» («Ausdruck»), дополнившем категориальную пару «переживание – понимание» до знаменитой дильтеевской триады «переживание – выражение – понимание»¹⁵, и понятии «значения» («Bedeutung»). Впрочем, уже в программном тексте 1900 года «Возникновение герменевтики» Дильтей указывает на то, что анализ внутреннего опыта должен быть дополнен анализом «разумения» объективированных форм языковых выражений, важнейшими из которых являются письменные источники. Тот и другой вид анализа как раз и «дают в своей совокупности подтверждение того, что в науках о духе возможно *общеэзначимое* познание»¹⁶.

Понятие «объективного духа», заимствованное у Гегеля¹⁷, играет ключевую роль для понимания поздних работ Дильтея. Оно включает в себя различные языки, нормы социального поведения, культурные,

¹¹ Подробнее о системе категорий Дильтея см.: Jung M. Dilthey zu Einführung. Hamburg: Junius, 1996. S. 123–130.

¹² Наст. изд. С. 252.

¹³ Ср.: «Жизнь в своем своеобразии постигается с помощью категорий, которые чужды познанию природы. И здесь решающий момент состоит в том, что эти категории не приложимы а priori к жизни, как чему-то ей чуждому, а укоренены в сущности самой жизни. Ведь сама жизнь существует только в виде этого определенного способа сопряжения целого со своими частями. И если мы абстрактно выделяем эти сопряжения в качестве категорий, то уже сам этот подход предполагает, что число этих категорий не ограничено, а их отношение не может обрести логическую форму» (Там же. С. 281).

¹⁴ Там же. С. 245.

¹⁵ Данная триада, впрочем, в законченном виде была сформулирована уже Иоганном Дройзеном, у которого она включает три элемента: внутреннее (внутренний процесс) – выражение (Äußerung) – понимание. Ср.: «Возможность понимания заключается в конгениальном нам характере выражений, наличествующих в качестве исторического материала. Она обусловлена тем, что чувственно-духовная природа человека дает любому внутреннему процессу чувственно-воспринимаемое выражение. В каждом выражении отражаются внутренние процессы. Воспринятое выражение, прорецируясь во внутрь того, кто воспринимает, вызывает такой же внутренний процесс» («Очерк истории», § 9: Droysen J. G. Historik / Historisch-kritische Ausgabe von P. Lezh. Bd. I. Stuttgart; Bad Canstatt: Frommann-holzboog, 1977. S. 423).

¹⁶ Дильтей В. Возникновение герменевтики // Собрание сочинений. Т. IV. Герменевтика и теория литературы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 240.

¹⁷ Его ранним работам была посвящена книга Дильтея «История молодого Гегеля», вышедшая в 1905 году.

государственные, правовые и экономические институты, равно как и те формы объективации человеческой деятельности, которые Гегель относил к сфере абсолютного духа, – искусство, религию и философию. Отрицая само понятие «абсолютного духа» как метафизическую конструкцию, Дильтей объединяет в понятии объективного духа все те объективированные формы, которые хотя и складываются в ходе деятельности отдельных человеческих существ, однако обладают рядом свойств, которые не могут рассматриваться в психологических категориях: «Понимание этого духа – не психологическое познание. Это возвращение к духовному образованию, наделенному свойственной ему структурой и закономерностью. ... Так, предмет, с которым история литературы или поэтика имеют дело в первую очередь, всецело отличен от психических процессов в голове поэта или в головах читателей. Здесь реализована духовная взаимосвязь, которая вступает в чувственный мир и которую мы понимаем, двигаясь в обратном направлении»¹⁸. Будучи совокупностью всех объективных выражений жизни, «в которых общность, существующая между индивидами, объективировалась в чувственном мире»¹⁹, объективный дух является также наиболее всеобъемлющим «комплексом воздействий». Но исторически складывающийся объективный дух не есть нечто чуждое отдельному человеческому существу: «Индивид как носитель и представитель вплетенных в него общностей пользуется историей и постигает ее – историю, в которой возникали эти общности. Он понимает историю, так как он сам есть историческое существо»²⁰.

Давая новую формулировку понятию «объективный дух», Дильтей в то же время отрицает главный тезис Гегеля о прогрессирующем, целенаправленном и разумном развитии всемирной истории. Философия, согласно Гегелю, привносит в историю простую мысль: «разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершается разумно»²¹, тогда как в своей содержательной телеологии «всемирная история есть прогресс в сознании свободы»²². Дильтей ставит под сомнение разумность исторического

процесса, трактуя ее как метафизический постулат: «Сегодня мы должны исходить из реальности жизни; в жизни актуально присутствует целостность душевной взаимосвязи. Гегель конструирует метафизически; мы анализируем то, что дано. И сегодняшний анализ человеческой экзистенции наполняет всех нас ощущением слабости, пониманием роли власти темного влечения, недуга неясностей и иллюзий, конечности во всем том, что есть жизнь, даже там, где из нее возникают высшие формы совместной жизни. Поэтому объективный дух мы не можем понимать из разума, но должны вернуться к структурной взаимосвязи жизненных единств, которая пронизывает человеческие сообщества»²³. Существует, кроме того, герменевтическое препятствие для того, чтобы говорить о некоем целенаправленном ходе мировой истории: как незавершенный процесс она остается все еще не сложившейся в целое совокупностью частей, которые человек наделяет значением и осмысляет, руководствуясь «*историческим сознанием конечности* любого исторического явления»²⁴. Эта конечность ставит перед ним и совершенно новые задачи: «Когда-то стремились понять жизнь из мира. Однако существует лишь один путь – от истолкования жизни к миру. И жизнь наличествует лишь в переживании, понимании и историческом постижении. Мы не вносим никакого смысла из мира в жизнь. Мы открыты возможности того, что смысл и значение возникают только в человеке и в его истории. Но не в отдельном, а в историческом человеке. Ведь человек есть историческое существо»²⁵. В то же время Дильтей не отрицает прогресс отдельных «комплексов воздействий». В соответствии с представлениями о науке своего времени, к такой постоянно прогрессирующей области он относит, прежде всего, науку. Кроме того, в ходе истории возрастает достоверность «философского самоосмысления»²⁶, опирающаяся на развитие наук о духе. Ограниченность нашего познания истории и его подверженность последующим корректировкам не превращает, тем не менее, это познание в простую фикцию: «Мы всегда видим лишь ограниченное отношение исторических членов к завершеному к этому моменту целому. Но самое главное состоит в том, что то,

¹⁸ Наст. изд. С. 129.

¹⁹ Там же. С. 256.

²⁰ Там же. С. 197.

²¹ Гегель Г. В. Ф. Философия истории. СПб.: Наука, 1993. С. 64.

²² Там же. С. 72.

²³ Наст. изд. С. 196. Ср. также: С. 219.

²⁴ Там же. С. 345.

²⁵ Там же. С. 345.

²⁶ Там же. С. 404.

что мы видим, является действительным значением, даже если оно и ограничено. Оно не может быть устранено ни в каком последующем контексте. Поэтому видение историка – истинно»²⁷.

Влияние на Дильтея философских построений Гуссерля было более широким, но и менее определенным²⁸. С одной стороны, как это видно во втором «Очерке по основоположению», Дильтей непосредственно опирается на «Логические исследования», вводя понятие «выражение». Меньше обращается внимание на то, что в первом «Очерке» Дильтей, используя свою собственную терминологию, фактически включает в анализ психических структур интенциональное определение психического, введенное в философскую психологию Францем Brentano, а затем развитое Гуссерлем²⁹. Однако во фрагментах, возникших, по всей

видимости, несколько позже, мы встречаем уже резко критические отзывы Дильтея о попытках Brentano и его учеников установить жесткие структурные критерии психической жизни³⁰. Понятия «выражение» и «значение» также в конечном итоге приобретают у Дильтея существенно иной смысл. Гуссерль в первом из «Логических исследований» отличает класс «выражений», наделенных значением (*bedeutsam*), от знаков-признаков, выполняющих функцию оповещения или указания (*Anzeige*) на том основании, что первые выполняют свою функцию также и «в уединенной душевной жизни» (*im einsamen Seelenleben*), то есть вне какого бы то ни было коммуникативного употребления. Говорить о наличии значения, согласно «Логическим исследованиям» Гуссерля, можно лишь в том случае, если с выражением изначально были связаны акты придания значения или интенции значения (*bedeutungsverleihende Akte oder Bedeutungsintentionen*)³¹. На основании этой структуры Гуссерль развивает затем учение о значении как идеальном «виде» (*Spezies*), который обеспечивает однозначность выражений в смысле их независимости от подвижной психической конституции отдельных субъектов, его конкретных и темпоральных по своей природе психических актов³². В конечном итоге значения, как и числа в математике, «образуют идеально замкнутую совокупность общих предметов, для которых быть мыслимыми или выраженными – случайные обстоятельства»³³. Дильтею, напро-

содержательная определенность в этих переживаниях наличествует только для некоторого действия» (Наст. изд. С. 62). Ср. у Brentano: «Любой психический феномен содержит в себе нечто в качестве объекта, хотя и не одинаковым образом. В представлении нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви – любит, в ненависти – ненавидит и т. д.» (*Brentano Ф. Избранные работы*. М.: Дом интеллектуальной книги, 1996. С. 33). Терминологической фиксации интенциональной структуры переживания в терминах «акта» и «предмета», закрепленной в «Логических исследованиях» Гуссерля, соответствует у Дильтея пара «действие» («психическое действие») и «содержание». В ряде случаев Дильтей, впрочем, также употребляет понятие «акта» (Там же).

³⁰ Ср.: Наст. изд. С. 287.

³¹ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II (1). М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 48. В соответствии с этим определением к выражениям в собственном смысле слова не относятся жесты, мимика и подобные им знаки-признаки.

³² Ср.: Там же. С. 100–101.

³³ Там же. С. 104.

²⁷ Наст. изд. С. 399.

²⁸ История взаимовлияния и взаимодействия Гуссерля и Дильтея является довольно сложной. Из свидетельств, в частности, Р. Ингардена и Г. Плеснера известно, что Гуссерль обязан Дильтею получением экстраординарного профессорского места в Геттингене после выхода «Логических исследований» (см.: *Ингарден Р. Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля*. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 7; *Plessner H. Husserl in Göttingen // Rede zur Feier des hundertsten Geburtstages Edmund Husserls. Göttinger Universitätsreden*. 1959. № 24. S. 6). Гуссерль рассказывал своим ученикам, что несколько встреч с Дильтеем в 1905 году в Берлине дали ему толчок, определивший его развитие от «Логических исследований» к «Идеям к чистой феноменологии и феноменологической философии» (см.: *Schuhmann K. Husserl-Chronik. Denk- und Lebensweg Edmund Husserls / Husserliana. Dokumente. Bd. I. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1977. S. 88*). Представляя Гуссерля своей супруге, Дильтей даже назвал его «самым значительным философом со времен Гегеля» (*Plessner H. Ibid.*). Известно также, что Гуссерль подверг «историцизм» Дильтея резкой критике в статье «Философия как строгая наука» (1911), инициировавшей непродолжительную переписку между ними (см.: *Вопросы философии*. 1995. № 10. С. 144–150). Достаточно негативная оценка влияния Гуссерля на Дильтея принадлежит Эрнсту Трёлчу: «... его [Дильтея] запутала критика Риккерта и Гуссерля, и он попытался в своих последних работах пересмотреть при помощи Гуссерля и феноменологии свои основные положения. Однако сил для того, чтобы осуществить эту задачу, у него не было» (*Трёлч Э. Историзм и его проблемы*. М.: Юрист, 1994. С. 408).

²⁹ «Я представляю, выношу суждение, испытывая страх, ненависть, желание – все это разновидности действия, однако при этом всегда есть некоторое «что», с которым они сопрягаются, равно как и любое «что», любая

тив, совершенно чужды такого рода ориентированные на образец формальных языков семантические построения, поскольку он нацелен на понимание «жизнепроявлений» во всей их полноте³⁴.

Решая эту задачу, Дильтей выделяет *три* основных класса жизнепроявлений: понятийные и пропозициональные языковые выражения, поступки (*Handlungen*) и выражения переживания (*Erlebnisausdrücke*)³⁵. Лишь понятия и суждения, входящие в первый класс жизнепроявлений, могут достигать полной независимости от индивидуального человеческого начала³⁶, однако такого рода выражения как раз и не представляют практически никакого интереса для гуманитарных наук³⁷. Поступки относятся к числу экстравербальных проявлений жизни и не осуществляются с прямым коммуникативным намерением. При этом мотив, ведущий к совершению поступка, может дать лишь ограниченное представление о полной жизненной взаимосвязи, поскольку он «уничтожает возможности, заложенные в нашем существе»³⁸. Наконец, третий класс жизнепроявлений, выражения переживания, включают в себя как простые (мимику, жесты, произвольные эмоциональные проявления), так и сложные формы

(произведения художественной культуры). Именно этот класс жизнепроявлений может сказать о психической взаимосвязи «больше, чем какая бы то ни было интроспекция. Выражение поднимается из глубин, не освещенных сознанием»³⁹. Но если в случае простых форм интерпретация может приводить к ошибкам, вызванным как обстоятельствами текущего момента, так и намеренной неискренностью, то такого рода ошибки исключены в случае великих художественных произведений, в которых «духовное высвобождается от связи со своим творцом – поэтом, художником, писателем, поэтом именно здесь мы и способны достигнуть сферы, где кончается заблуждение»⁴⁰. Таким образом, наряду с областью закрепленного в понятиях и суждениях знания и сферой поступков, дающих лишь одностороннее представление о жизненной взаимосвязи в целом, существуют также выражения переживания, в которых «открываются глубины жизни, недоступные наблюдению, рефлексии и теории»⁴¹.

Категория «значение» является важнейшей для поздних работ Дильтея. В силу связи с объективированными формами жизнепроявлений, значение также отличается объективностью, которой недостает подвижной психической жизни. В то же время трактовка «значения» у Дильтея отличается от трактовки Гуссерля, для которого оно связано с интенциональной сущностью психических актов. Объективность значения у Дильтея обеспечивается возможностью понимания жизнепроявлений, однако значение является категорией не семантической в узком смысле слова, как у Гуссерля или Фреге⁴², а в первую очередь герменевтической. Иначе говоря, у Дильтея «значение» и «значительность» (*Bedeutsamkeit*) определяют артикуляцию частей в совокупном составе исторического или психического течения жизни, открывая тем самым доступ к применению герменевтической процедуры понимания целого на основании понимания частей и частей – на основании понимания целого. В силу этого значение является универсальной категорией, применимой как к частному психическому феномену внимания, когда какой-то предмет попадает в сферу нашего восприятия, так и к

³⁴ Подробно различие между чисто теоретическими, «монологическими» языками и специфическими задачами герменевтики Дильтея, продиктованными особенностями исторически-наследуемых повседневных форм выражения, см. у Хабермаса: *Habermas J. Erkenntnis und Interesse*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1973. S. 204 ff. Подробнее о различии между «выражением» в понимании Гуссерля и Дильтея см.: *Rodi F. Hermeneutische Logik im Umfeld der Phänomenologie*: Georg Misch, Hans Lipps, Gustav Spet // *Erkenntnis des Erkannten: Zur Hermeneutik des 19. und 20. Jahrhunderts*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. S. 148–151.

³⁵ См.: Наст. изд. С. 253 и далее.

³⁶ «... суждение является тем же самым как для того, кто его высказывает, так и для того, кто его понимает: суждение словно бы транспортируется, оставаясь при этом неизменным, из чертогов того, кто его высказывает, в чертоги того, кто его понимает» (Там же. С. 253).

³⁷ «... для постигающего человека этот вид понимания ничего не говорит о его отношении к скрытой подоснове и полноте душевной жизни. Здесь нет даже намек на те особенности жизни, из которых вырастает понимание, а именно этот характер понимания и объясняет, почему в нем нет требования ретроспективного взгляда на душевную взаимосвязь» (Там же. С. 253).

³⁸ Там же. С. 254.

³⁹ Наст. изд. С. 254.

⁴⁰ Там же. С. 255.

⁴¹ Там же. С. 255.

⁴² Гуссерль использовал свое понятие «значения» как синоним «смысла» в терминологии Фреге.

«совокупному значению этого мира». Значение отдельных частей позволяет нам осмысливать как собственную автобиографию, так и отдельные исторические комплексы воздействий, поскольку значение – «всеохватывающая категория, благодаря которой постигается жизнь»⁴³. Семантический аспект значения поясняется Дильтеем лишь косвенным образом, как «отношение внешнего, чувственного с чем-то внутренним, выражением чего оно и является»⁴⁴. Таким образом, всякое объективированное жизнепроявление фрагментарно, оно является внешним образом выраженной «частью», которая позволяет понять «целое», представляющее собой нечто «внутреннее» (в предельном случае – саму жизнь).

К центральным систематическим понятиям «Построения исторического мира в науках о духе» относится также «комплекс воздействий» (*Wirkungszusammenhang*⁴⁵). В науках о духе понятие «комплекс воздействий» играет столь же существенную роль, как и понятие причинно-следственной взаимосвязи в науках о природе. Концепцию «комплекса воздействий» можно рассматривать как попытку Дильтея обеспечить науки о духе предметом, способным благодаря своей объективности и независимости от субъективных характеристик индивидуально-психологического рассмотрения конкурировать с каузальной связью естест-

⁴³ Наст. изд. С. 281.

⁴⁴ Там же. С. 284.

⁴⁵ Перевод данного выражения является конвенциональным, однако необходимо отметить, что в «Построении исторического мира в науках о духе» у Дильтея встречается случай употребления выражения «*Wirkungskomplex*» (во фразе «Структура определенной эпохи раскрывается, далее, как взаимосвязь отдельных, частичных взаимосвязей и движений, соединенных в один обширный комплекс воздействий» (Там же. С. 233).

⁴⁶ В рамках концепции «комплекса воздействий» Дильтеем продолжает развиваться противопоставление данной «изнутри» взаимосвязи в науках о духе и гипотетически примысливаемой взаимосвязи в «объясняющих» науках о природе, которое до этого было со всей остротой заявлено им «Идеях о описательной и расчленяющей психологии». В этой связи примечательно, что понятие «комплекс воздействий» используется Дильтеем и по отношению к естественным наукам: «Науки о природе имеют своим основанием пространственную взаимосвязь явлений. Возможность подсчета и измерения того, что имеет пространственную протяженность или движется в пространстве, позволяет здесь разыскивать точные всеобщие законы. Однако внутренний комплекс воздействий лишь примысливается, и его предель-

вознания»⁴⁶. Человеческий исторический мир не складывается только из действий отдельных психических существ. В нем существуют также независимые от индивидов образования, сложившиеся в результате прежних человеческих интеракций и выступающие по отношению к индивиду в качестве объективной исторической реальности. К таковым относятся нормы, институты, правовые системы, языки и т. д., достигшие исторической стабильности. Комплекс воздействий – это не продукт причинного взаимодействия индивидов, он является «имманентно-телеологическим» по своей природе. Иначе говоря, он представляет собой взаимосвязь, которая «следуя структуре психической жизни, порождает ценности и реализует цели»⁴⁷. Являясь продуктом совместной деятельности многих людей, комплекс воздействий складывается в силу того, что для реализации своих целей и ценностей индивиды подчиняются определенным нормам и правилам. Как интерессубъективное образование комплекс воздействий «нельзя постичь психологически». Выступая как объективная реальность по отношению к индивиду, он в то же время является продуктом действия отдельных людей, нуждаясь в них для своего существования и развития. Выступая как внешнее по отношению к индивиду образование, комплекс воздействий требует от него не полного, а лишь частичного участия. Например, судья, реализующий определенный судебноп-правовой комплекс воздействий, является в то же время членом своей семьи, пишет стихи и т. п. «Тем самым индивиды не включены в комплекс воздействий во всей своей целостности, но среди многообразия отношений воздействия связаны друг с другом только те процессы, которые принадлежат определенной системе, и при этом отдельное лицо включено в различные комплексы воздействий»⁴⁸. Отдельную проблему составляет типологизация комплексов воздействий. Американский исследователь творчества Дильтея Рудольф Макрилл выделяет два таких типа: системы культуры, каждая из которых выполняет свою собственную функцию в определенной сфере (образование, экономика, политика и т. д.), и внешняя организация обще-

ные элементы не могут быть явным образом предъявлены. Напротив того, предельные единства исторического мира, как мы видели, даны в переживании и понимании» (Наст. изд. С. 205).

⁴⁷ Там же. С. 200.

⁴⁸ Там же. С. 214.

⁴⁹ Макрилл Р. А. Творческая сила истории и построение исторического мира у Дильтея // Герменевтика. Психология. История: Вильгельм Дильтей и

ства, складывающаяся из различных функций в рамках определенного национального государства⁴⁹. Сложным по своему составу комплексом воздействий можно назвать, кроме того, отдельную историческую эпоху, в рамках которой составляющие ее отдельные комплексы воздействий обладают определенным типологическим сходством. Обладая своим собственным «горизонтом» (Дильтей использует термин, введенный ранее Ницше), каждая эпоха центрирована в самой себе, и такая же структурная особенность присуща как отдельным человеческим существам, так и комплексам воздействий⁵⁰. Понятие «центрированности в самом себе», используемое Дильтеем, следует понимать в том смысле, в каком Л. фон Ранке говорит, что «каждая эпоха стоит в непосредственном отношении к Богу, и ее ценность основана вовсе не на том, что из нее выйдет, а на ее существовании, на ее собственном «я». Благодаря этому рассмотрение истории, а именно индивидуальной жизни в истории, получает совершенно особую привлекательность: каждая эпоха должна быть рассматриваема как нечто, имеющее цену само по себе, и являться в высшей степени достойной рассмотрения»⁵¹.

В «Построении исторического мира в науках о духе» Дильтей пытается разрешить еще одну проблему, ставшую камнем преткновения практически для всех разновидностей дескриптивно-психологического подхода в философии конца XIX – начала XX вв. Это проблема общезначимости познания в науках о духе⁵². Инструментом ее решения в поздних работах Дильтея оказывается именно герменевтический подход. Процедура понимания, основанная на человеческой «общности»,

позволяет выйти за пределы единичного характера переживания, составляющего основной модус человеческого существования, и придать всеобщий характер познанию в науках о духе: «Хотя в переживаниях мы таким вот образом и испытываем на опыте жизненную действительность в многообразии ее сопряжений, на первый взгляд все же может показаться, что в переживании мы можем знать всегда только единичное – то, что является лишь нашей собственной жизнью. Оно остается знанием о единственном в своем роде, и никакое логическое средство не может помочь нам выйти за пределы этого ограничения, предписанного характером опыта переживания. Только понимание снимает ограничение индивидуальным переживанием, так же как, с другой стороны, оно придает личным переживаниям характер жизненного опыта. Когда оно распространяется на все большее число людей, духовные творения и сообщества, горизонт единичной жизни расширяется, и в науках о духе открывается путь, ведущий через общее к всеобщему»⁵³. Общезначимость, а тем самым и объективность наук о духе является, согласно Дильтею, основанием для того, чтобы практически использовать гуманитарное знание для обратного воздействия на жизнь: «Жизнь и жизненный опыт являются неиссякаемым источником разумения общественно-исторического мира; это разумение, отправляясь от жизни, проникает во все новые глубины; но лишь в обратном воздействии на жизнь и общество науки о духе достигают своего высшего значения, и значение это пребывает в постоянном возрастании»⁵⁴. Разрешение возникающего при этом конфликта между чисто познавательными и практическими задачами наук о духе Дильтей видит в «понимании исторического мира как комплекса воздействий, центрированного в самом себе, тогда как каждый содержащийся в нем отдельный комплекс воздействий в силу полагания и реализации ценностей также имеет свой центральный пункт в себе самом, но все они, однако, структурно связаны в одно целое, в котором из значительности отдельных частей возникает смысл взаимосвязи общественно-исторического мира. Так что *любое ценностное суждение и любое целеполагание, простирающееся в будущее, должно основываться исключительно на этой структурной взаимосвязи*»⁵⁵. Таким образом, между научным познанием, имеющим форму констатации, и ценностным полаганием для Диль-

современная философия. Материалы научной конференции РГГУ. М.: Три квадрата, 2002. С. 62. Данная типология восходит к классификации, введенной Дильтеем еще в первом томе «Введения в науки о духе» и основанной на различии «наук о системах культуры» и «наук о внешней организации общества» (см.: Дильтей В. Введение в науки о духе. Собрание сочинений. Т. I. С. 325 и далее).

⁵⁰ Ср.: «Как индивид, так и любая система культуры, любое человеческое сообщество имеет центральный пункт в самом себе» (Наст. изд. С. 200).

⁵¹ Ранке Л. Об эпохах новой истории: Лекции, читанные баварскому королю Максимилиану в 1854 г. М.: Тип. И. А. Баландина, 1898. С. 4.

⁵² Ср.: «... в каждой науке как таковой содержится требование общезначимости. Если должны существовать науки о духе как науки в строгом понимании, то они должны постоянно и критически полагать себе эту цель» (Наст. изд. С. 183).

⁵³ Наст. изд. С. 187.

⁵⁴ Там же. С. 183.

⁵⁵ Там же. С. 184. (*Курсив мой.* – В.К.)

тея не существует непроходимой грани. В этом же ключе можно трактовать и общий замысел обоснования наук о духе. Как точно выразился Манфред Ридель, намерения Дильтея состояли не только в том, чтобы теоретически обосновать, но и практически возродить влияние идеалистической философии, придав новый импульс ее идеалу освобождения⁵⁶. Той же задаче освобождения подчинена и многократно обсуждавшаяся, начиная со статьи Гуссерля «Философия как строгая наука», проблема исторического релятивизма Дильтея. Как выражается сам Дильтей: «Осмысление жизни делает нас глубокими, история – свободными». Освобождающая же сила познания истории заключается в том, что она возвышает нас над конкретно-исторической обусловленностью наших воззрений и продвигает в деле философского самоосмысления.

ТЕРМИНОЛОГИЯ

При переводе мы главным образом руководствовались конвенционально принятым редакторами и переводчиками русскоязычного издания собрания сочинений Дильтея лексиконом, который будет опубликован в последнем томе данной серии переводов. Тем не менее, в силу самостоятельной структуры составивших настоящий том отдельных произведений, а также ввиду той общности, которая свойственна работам близким по тематике и времени возникновения, в ряде случаев мы избирали особые формы трансляции терминов⁵⁷. Прежде чем указать на эти особые случаи, необходимо отметить также одну общую особенность языка Дильтея, определяющую его специфическую сложность. Она состоит в определенной терминологической консервативности Дильтея, избегающего – в отличие, например, от Гуссерля и Хайдеггера

– терминологических инноваций и словотворчества. Следствием этого является крайне высокая лексическая частотность многих понятий, на более ярким примером чего у Дильтея является слово *взаимосвязь* (*Zusammenhang*). В равной мере оно употребляется при рассуждениях о психологии, истории, системах культуры, эпистемологии и т. д. Однако, учитывая важнейшее систематическое значение этого термина, на которое указывалось выше, лишь в редких случаях перевод позволяет разнообразить данное словоупотребление, прибегая, например, к варианту «контекст».

Из числа терминологически закрепленных в настоящем томе вариантов к важнейшим относятся следующие:

Немецкие выражения *Bedeutung* и *Sinn* передаются как *значение* и *смысл* соответственно. Это обусловлено тем, что в поздних работах Дильтея два эти выражения различаются (хотя и не безусловно строгим образом): целое наделяет части *значением*, тогда как части придают целому *смысл*⁵⁸.

Fortgezogenwerden – *вовлеченность* (например: «Все эти «о», «относительно», «на», все эти отношения пережитого к вспоминаемому и, равным образом, к будущему влекут меня куда-то – назад и вперед. Вовлеченность в этот ряд основывается на требовании все новых членов, в которых нуждается сквозное переживание»).

Gliederung – *подразделение* (например: «Причем этот объективный дух содержит в себе подразделение, охватывающее все человечество в целом и простирающееся вплоть до типов самого узкого объема. Это подразделение, принцип индивидуации, актуально присутствует в нем»).

Ich – «я». Форма *Я* (заглавная буква без кавычек) используется лишь в тех контекстах, где речь идет о соответствующей концепции Фихте. Близкий, но не тождественный термин *Selbst* передается как *самость*. Согласно системе образов, использующихся Дильтеем в тех случаях, когда речь идет о самости, она описывается как объемное образование (например: «В переживании мы не можем постичь нашу самость ни в форме потока, ни в глубинах того, что она в себе заключает. Ведь эта скромная сфера сознательной жизни подобна острову,

⁵⁶ Diltthey W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften / Einleitung von Manfred Riedel. 3. Aufl. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1990. S. 18.

⁵⁷ Историю складывания традиции перевода терминологии «Построения исторического мира в науках о духе» на русский язык можно проследить с работы Густава Шпета «История как проблема логики», в которой седьмая глава второй книги посвящена разбору взглядов Дильтея. Однако соответствующие части работы так и не были опубликованы в свое время и появились в печати лишь в последние годы (Шпет Г., Хайдеггер М. Два текста о Дильтее. М.: Гнозис, 1995. С. 7–136; Шпет Г. История как проблема логики. М.: Наука, 2002. С. 836–916).

⁵⁸ Ср. «Здесь, следовательно, существует отношение частей к целому, в котором отдельные части получают свое значение от целого, а целое – свой смысл от частей ...» (Наст. изд. С. 316). На эту особенность поздних работ Дильтея обратил внимание также Рудольф Макрилл: *Makkreel R. A. Diltthey: Philosoph der Geisteswissenschaften*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991. S. 427 (Anm.).

поднимающемуся из недоступных глубин»), тогда как «я» предстает в основном как точечное образование, примысливаемый или устанавливаемый в рефлексии полюс переживания, направленного на некоторое содержание.

Leistung – в контекстах, указывающих на терминологическую спецификацию этого широко употребляемого Дильтеем выражения, передается двояким образом: как *операция* в тех случаях, где речь идет о психических функциях индивидов (например «операции мышления»); как *свершение* в тех случаях, когда речь идет об intersубъективных формах взаимодействия (например «комплексы воздействий реализуют свершения»).

nachbilden – *воссоздавать* (в субстантивированной форме – *воссоздание*).

nacherleben – *повторно переживать* (в субстантивированной форме – *повторное переживание*).

nachfühlen – *осуществлять последующее вчувствование* (в субстантивированной форме – *последующее вчувствование*).

Sachverhalt – *положение дел*. Такой перевод не всегда было возможно провести в тексте по стилистическим соображениям, однако в большинстве случаев мы старались сохранить именно такой вариант перевода этого термина, получившего в конце XIX – начале XX вв. широкое распространение в философском лексиконе благодаря ученикам Брентано и часто используемого, в частности, в «Логических исследованиях» Гуссерля. Можно также отметить, что в первом томе «Введения в науку о духе» Дильтей практически не употребляет это выражение, тогда как в «Построении исторического мира в науках о духе» оно встречается очень часто.

Selbigkeit – *тождество*. Свернутая форма выражения «тот же самый», аналогичная по форме соответствующему производному выражению от указательного местоимения «selbst» в немецком языке. Категорию «тождество» следует четко отличать от категории «тождественность» (или «идентичность»), поскольку она не обладает присущей последним формальной строгостью⁵⁹.

Verhalten – *действие*. Если попытаться реконструировать полную терминологическую форму выражения, в котором используется это понятие, то таковой, на наш взгляд, является выражение *Verhaltensweisen des Seelenlebens* (*разновидности действия психической жизни*), употребляемое в «Очерках по основоположению». Способ употребления понятия *Verhalten* у Дильтея позволяет сделать вывод, что речь идет об описании по существу интенциональной природы сознания, для чего Дильтей использует, однако, не устоявшийся в феноменологической литературе термин «акт», но прибегает к более обыденному выражению. Учитывая эту особенность языка Дильтея, мы также отказались от термина «акт» в переводе и прибегли к одному из его возможных синонимов («действие»). Следует, однако, учитывать, что психическое действие является производным от более фундаментального уровня *жизнеотношений* (*Lebensbezüge*).

О НАСТОЯЩЕМ ИЗДАНИИ

Основу настоящего издания составляет седьмой том немецкого собрания сочинений В. Дильтея, подготовленного Бернхардом Гротгейзенем и впервые вышедшего в свет в 1927 году. При переводе мы пользовались восьмым изданием этого тома: *Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. VII. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. 8., unveränderte Aufl. Stuttgart: B. G. Teubner Verlagsgesellschaft; Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1992.*

Примечания Дильтея оформляются как постраничные ссылки. Таким же образом вынесены и указания на источники, оставленные Дильтеем непосредственно в тексте публиковавшегося при его жизни «Первого очерка по основоположению наук о духе». Примечания немецкого издателя (с соответствующим указанием) и русского редактора даются в сквозной арабской нумерации и помещены в конце книги. Примечания, указывающие на существующую в тексте лауну, даются только в том случае, если она сколько-нибудь значительна. Небольшие пропуски отмечаются в тексте фрагментов отточием без специального примечания.

Вставки, сделанные в тексте Дильтея немецким издателем, выделяются угловыми скобками. Уточняющие ссылки на немецкие источники, сделанные немецким издателем, а также указание существующих русских переводов в примечаниях Дильтея даны в прямых скобках.

⁵⁹ Ср. «В понимании исторического продукта как выражения чего-то внутреннего еще не заключено никакого логического тождества (Identität), но содержится лишь специфическое отношение тождести (Selbigkeit), присущей различным индивидам». Подробнее о категории «тождество» в системе категорий Дильтея см.: *Jung M. Dilthey zu Einführung. Hamburg: Junius, 1996. S. 125–126.*

Примечания Бернхарда Гротгейзена, включающие текстологическое описание отдельных фрагментов, предположительные датировки, соотнесения с другими работами автора в настоящем издании опущены, мы ограничиваемся нижеследующий краткой справкой о происхождении и датировке отдельных частей книги.

I. ОЧЕРКИ ПО ОСНОВОПОЛОЖЕНИЮ НАУК О ДУХЕ

Согласно реконструкции Б. Гротгейзена «Очерки по основоположению наук о духе» должны были включать следующие части, в основу которых предполагалось положить доклады, прочитанные в Прусской Академии наук:

ПЕРВЫЙ ОЧЕРК: психическая структурная взаимосвязь (заседание 2 марта 1905 года).

ВТОРОЙ ОЧЕРК: структурная взаимосвязь знания (заседание 23 марта 1905 года)

ТРЕТИЙ ОЧЕРК:

а) отграничение наук о духе;

б) переживание (заседание 6 декабря 1906 года и 7 марта 1907 года).

ЧЕТВЕРТЫЙ ОЧЕРК: понимание других личностей и их жизнепроявлений (заседание 20 января 1910 года).

Только первый очерк был опубликован при жизни Дильтея. В наибольшей степени запутаны фрагменты третьего и предполагаемого четвертого очерка.

ПЕРВЫЙ ОЧЕРК:

ПСИХИЧЕСКАЯ СТРУКТУРНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ

Работа была опубликована в «Отчете о заседании Прусской Академии наук 15 марта 1905 года» и представляет собой подготовленный для печати вариант доклада, прочитанного Дильтеем на общем заседании Академии 2 марта 1905 года.

ВТОРОЙ ОЧЕРК:

СТРУКТУРНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ЗНАНИЯ

Набросок к докладу, прочитанному Дильтеем на заседании Академии наук 23 марта 1905 года. Как отмечает немецкий издатель, публикующиеся очерки лишь отчасти отражают содержания докладов. На заседаниях зачитывались их фрагменты, тогда как подготовленные наброски впоследствии подвергались дальнейшей разработке и переструктурировались.

ТРЕТИЙ ОЧЕРК:

ОТГРАНИЧЕНИЕ НАУК О ДУХЕ (Третья редакция)

Наброски к первой части третьего очерка по основоположению наук о духе, помеченные в архиве Дильтея как последний вариант. Первые две редакции см. в «Приложении».

II. ПОСТРОЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МИРА В НАУКАХ О ДУХЕ

Работа впервые вышла в «Трудах Прусской Академии наук» (Philosophisch-Historische Klasse, Jg. 10, Berlin 1910, S. 1–133).

III. ПЛАН ПРОДОЛЖЕНИЯ

К ПОСТРОЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО МИРА В НАУКАХ О ДУХЕ. НАБРОСКИ К КРИТИКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗУМА

Разрозненные наброски и записи под диктовку из архива Дильтея, скомпонованные Бернхардом Гротгейзеном. Датировка отдельных фрагментов затруднительна, а их композиция и названия лишь отчасти основываются на сохранившихся указаниях самого Дильтея. Кроме того, реконструкция «Первого проекта продолжения к построению исторического мира в науках о духе» включает ряд глав, которые вынесены в содержание работы, но не содержат никакого текста.

IV. ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОПОЛНЕНИЯ К ОЧЕРКАМ ПО ОСНОВОПОЛОЖЕНИЮ НАУК О ДУХЕ К ТЕОРИИ ЗНАНИЯ

Запись под диктовку, которая, по-видимому, легла в основу доклада Дильтея в Академии, прочитанного 22 декабря 1904 года.

ТРЕТИЙ ОЧЕРК:

ОТГРАНИЧЕНИЕ НАУК О ДУХЕ

Тексты представляют собой наброски для докладов в Академии 6 декабря 1906 года (первая редакция) и 7 января 1909 года (вторая редакция).

Вторая глава второй редакции восходит к наброску, подготовленному для последнего доклада Дильтея в Академии (20 января 1910). Б. Гротгейзен в некоторых случаях (см. выше комментарий к первой части книги) рассматривает этот фрагмент как четвертый очерк по основоположению наук о духе.

ДОПОЛНЕНИЯ
К ПОСТРОЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО МИРА

Не вошедшие в «Построение исторического мира в науках о духе» части, которые должны были быть положены в основу начала третьей части работы.

Перевод первой (Очерки по основоположению наук о духе) и четвертой части книги (Приложение) выполнен Виталием Куренным; вторая часть книги (Построение исторического мира в науках о духе) переведена Александром Михайловским и Виталием Куренным (начиная со второго раздела (Структура наук о духе) третьей главы (Общие положения о взаимосвязи наук о духе)); третья часть книги (План продолжения к построению исторического мира в науках о духе. Наброски к критике исторического разума) переведена Александром Огурцовым.

Виталий Куренной

ПРЕДИСЛОВИЕ НЕМЕЦКОГО ИЗДАТЕЛЯ

В опубликованном в 1883 году первом томе «Введения в науки о духе» Дильтей сообщал о подготовке второго тома этой работы, который должен был содержать по преимуществу теоретико-познавательное обоснование наук о духе. В то время он полагал, что этот том, в своих основных частях разработанный уже к моменту публикации первого тома, должен вскоре последовать за ним. Второй том так и не был завершен, но подготовительная работа к нему велась на протяжении десятилетий. Можно сказать, что почти все, что было написано с тех пор Дильтеем, представляет собой, в сущности, подготовку к продолжению «Введения в науки о духе» и, в конце концов, почти все тома, составляющие его собрание сочинений, могли бы выйти под общим названием «Введение в науки о духе» или же «Критика исторического разума» – ибо именно так обозначал свою задачу Дильтей уже при составлении первого тома «Введения в науки о духе» (см. также предисловие издателя к пятому тому немецкого собрания сочинений (S. XIII)).

Это обстоятельство придает внутреннее единство творчеству Дильтея. Все оно пронизано одной единой взаимосвязью. Сколь бы фрагментарной оно ни было в основной своей части, сквозь все это творчество проходит одна великая основная мысль, цель, которую он неустанно преследовал. В то же время это позволяет нам лучше понять и особый характер работ и статей, написанных Дильтеем после выхода в свет первого тома «Введения в науки о духе». Речь идет именно о подготовительной работе, а не о чем-то окончательном. Только второй том, который должны были подготовить эти различные работы, содержал бы однозначную формулировку изложенных в них идей.

В поздний период своего творчества Дильтей намеревался издать второй том «Введения в науки о духе» и тем самым привести свою работу к законченному виду. Сперва в 1895 году (см. об этом предисловие издателя к пятому тому немецкого собрания сочинений (S. LXVI)), затем – в 1907 году. Именно тогда Дильтей предложил мне как издателю совместно подготовить и опубликовать второй том «Введения». Печа-

тающиеся в настоящем издании статьи и фрагменты были созданы по большей части в это время (1907–1910). Из многочисленных бесед и дискуссий, которые были результатом продолжавшейся многие годы совместной работы, ниже воспроизводится лишь то, что могло бы послужить пониманию его замысла в целом.

В своем поиске позитивного основоположения наук о духе Дильтей в первую очередь руководствовался идеей, что таковое может быть обнаружено в точной научной психологии. При этом перед ним должен был встать вопрос о том, насколько он может просто опираться на уже достигнутые результаты психологического исследования и в какой мере такого рода психологию еще предстоит создать в основных своих чертах. Он испробовал и тот, и другой путь. Поначалу ему казалось, что достаточно, в сущности, обобщить результаты, уже существующие в психологии, и отсюда извлечь то, что могло бы быть полезным для основоположения наук о духе. Иногда ему вообще представлялось, что его собственная задача состоит не столько в том, чтобы следовать каким-то новым и самостоятельным познавательным подходам, сколько в общем энциклопедическом упорядочивании и обосновании, еще отсутствующем в науках о духе (в отличие от естественных наук). Однако чем шире разворачивалось поле психологических исследований, тем больше он сомневался в том, можно ли вообще дать такой очерк психологии, который служил бы надежным и самостоятельным основоположением наук о духе, равно как и в том, подходит ли для такого рода основоположения психология в том виде, как она существовала на тот момент. Наконец он пришел к выводу о необходимости в основных чертах и с новой точки зрения разработать психологию, которая могла бы образовывать основу для наук о духе. Решение этой задачи не представлялось ему, однако, возможным в рамках простого введения в науки о духе. Поначалу это была совершенно самостоятельная задача. Однако затем возникла и другая сложность: следует ли вообще исходить из какой-то определенной науки, которая в достаточной степени надежно фундирована в самой себе, чтобы служить основанием для прочих наук о духе?

Дильтей исходил из того, что ученый, работающий в области наук о духе, может обнаружить в психологии надежное основание для своей работы. Психическая жизнь содержит в себе действительность, здесь нам дано нечто непосредственно достоверное, неподверженное сомнению. Однако как обстоят дела с *постижением* психических фактов? Сохраняется ли при этом непосредственная достоверность, присущая переживанию? Согласно Дильтею, это не так в случае *объясняю-*

щей психологии (см. GS V¹). Однако удовлетворяет ли этому условию *описательная* и *расчленяющая* психология? Должен ли вообще ученый, систематически и исторически занимающийся науками о духе, обладать такого рода психологическим знанием? Зависит ли в этой области надежность научного построения от описания и расчленения лежащих в его основе психологических фактов? Должен ли такой ученый теоретически *знать*, что значит чувствовать, волишь и так далее, чтобы в конкретном случае делать высказывания о душевной жизни определенной личности, народа или эпохи? Не будет ли, напротив, любое введение понятийного определения психического процесса вместо простого выражения переживаний лишать его высказывания их непосредственной достоверности? Но даже если бы действительно можно было достичь такого рода в себе достоверных понятийных определений, то что бы это дало для понимания всего многообразия исторических явлений?

Таковы некоторые из вопросов, которые интересовали Дильтея в последние годы жизни. От них мы можем отличать другие проблемы, начало которых связано с понятием понимания и внутренней структуры наук о духе. В науках о духе речь идет не о методическом знании психических процессов, а о повторном переживании и понимании этих процессов. В этом смысле *герменевтика* являлась бы подлинным основанием наук о духе. Однако у герменевтики нет никакого самостоятельного предмета, познание которого могло бы служить основанием для познания и вынесения суждения о других зависящих от него предметах. Основные понятия герменевтики могут быть изложены только в самих науках о духе; они уже предполагают существование совокупного духовного мира. Таким образом, целостность самой жизни есть исходный пункт для этих понятий, тогда как, с другой стороны, они ведут к пониманию этой целостности. Следовательно, речь уже не идет, так сказать, о построении снизу, об основоположении, которое исходит из определенных, подлежащих в этой своей определенности расчленению и описанию фактов, но о подходе, который с самого начала ориентируется на всю совокупность наук о духе и нацелен на то, чтобы возвысить эти подходы до методического самоосмысления, которое как раз и конституирует эту совокупную взаимосвязь.

¹ Здесь и далее ссылки на немецкое собрание сочинений Дильтея (*Dilthey W. Gesammelte Schriften. Leipzig, 1914 ff.*) оформляются аббревиатурой GS с последующим указанием номера тома. – *Прим. ред.*

В какой-то степени науки о духе могут быть представлены как автономное целое, и тогда задача состояла бы в том, чтобы изложить их внутреннюю структуру. Отсюда вытекают определенные отношения зависимости, которые заложены в самой структуре наук о духе. Фундаментальным является отношение переживания, выражения и понимания. Ученый, работающий в области наук о духе, находится внутри этой взаимосвязи. Он не выходит за ее пределы, чтобы разыскивать обоснование своих результатов в каких-то фактах как таковых, которые можно было бы установить, отвлекаясь от этой совокупной взаимосвязи. Его установка является полностью герменевтической; он не покидает область понимания. Он понимает жизнь в многообразии способов ее проявления, однако сама жизнь никогда не становится для него предметом познания. Как однажды выразился Дильтей: «Жизнь постигает здесь жизнь», – причем никогда нельзя перейти границы, полагаемые сущностью понимающего повторного переживания.

Обе точки зрения, которые я для простоты хотел бы назвать психологической и герменевтической, получают свое оформление в статьях и фрагментах настоящего тома. Оба первых «Очерка», которые мы предпосылаем «Построению исторического мира в науках о духе», вносят существенный вклад в психологию Дильтея. Сюда же относятся и рассуждения о структурной психологии, которые заимствованы из частей «Построения», исключенных при публикации этой работы. Они озаглавлены «Логическая взаимосвязь в науках о духе» и печатаются здесь в приложении. «Третий очерк» (в третьей редакции) также чрезвычайно показателен для герменевтического направления работы Дильтея. Обращает на себя внимание отличие установки, представленной в этом очерке, от той, что представлена в первых двух. Однако нам следует сравнить публикуемые в приложении первые две редакции этого третьего очерка, чтобы обнаружить их своего рода переходный характер. Третья редакция третьего очерка важна и в другом отношении. Она представляет собой вариант первоначального замысла, который хотя и был значительно модифицирован в опубликованной статье («Построение исторического мира в науках о духе»), однако вновь был подхвачен и развит в рукописях, объединенных нами под общим названием «План продолжения к построению».

Что касается самого «Построения исторического мира», то в нем важнейшее значение имеют две перспективы – с точки зрения объективного духа и с точки зрения комплекса воздействий. Эти перспективы представляют собой нечто новое в сравнении с психологической точкой зрения. В то же время они отличаются и от герменевтической

схемы в том виде, как она изложена в уже упоминавшемся третьем очерке и, прежде всего, в плане продолжения «Построения». «Построение исторического мира в науках о духе» исходит из созерцания самой истории. Здесь Дильтей более непосредственным образом, чем это обычно свойственно его философским рассуждениям, посвященным наукам о духе, опирается на результаты своих обширных исторических занятий. Более глубокую разработку многих подходов к методически-систематическому обоснованию своей позиции Дильтей откладывает до второго тома «Введения в науки о духе», в который – сообразно новому порядку – должно быть включено «Построение исторического мира». Эти подходы, однако, представлены в тех набросках, которые мы размещаем непосредственно вслед за «Построением». Что касается этих рукописей, то в первой части «Плана продолжения к построению исторического мира в науках о духе» мы размещаем две статьи и несколько дополнений, собранных под общим названием «Переживание, выражение и понимание», которые дают представление, правда, лишь в предварительной форме, о Дильтеевом *герменевтическом* подходе к обоснованию наук о духе. Решающим здесь является понятие *значения*. Уже в работе «Элементы поэтики» (GS Bd. VI) Дильтей осознает всю ценность этого понятия. Здесь же эта категория обнаруживает свой основополагающий характер для наук о духе. Она предстает в качестве фундаментального понятия всей герменевтики, а тем самым и наук о духе вообще. К ней присоединяются затем другие «категории жизни», в которых осуществляется понимание всякой взаимосвязи жизни.

В первую очередь эти категории должны найти применение по отношению к жизни отдельного индивида. Таким образом, *биография* была бы исходным пунктом любого исторического повествования. Биография, пишет Дильтей уже в первом томе «Введения в науки о духе», излагает «основополагающий исторический факт во всей чистоте, полноте и непосредственной действительности»². Значительный индивид представляет собой «не только основной элемент истории, но и в определенном смысле ее высшую реальность»; здесь мы на опыте испытываем «действительность в полном смысле, увиденную изнутри, и даже не увиденную, а пережитую». Теперь, на основании того, что переживается на опыте в человеческой жизни, можно создать идею науки, которая изла-

² Дильтей В. Собрание сочинений: В 6 т. Т. I. Введение в науки о духе. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 310 (Далее: Дильтей. Собр. соч. Т. I.) – Прим. ред.

гает этот опыт в обобщенном и подвергнутом рефлексии виде, – идею *антропологии*, как называет ее Дильтей. Согласно его замыслу, набросок этой дисциплины завершает первую часть основоположения наук о духе (ср. также анализ человека во втором томе собрания сочинений и посвященные антропологии рассуждения первого тома «Введения в науки о духе»). План продолжения «Построения исторического мира» в том виде, как он предстает из этой перспективы, предусматривает непосредственный переход от биографии к *универсальной истории*. «Человек как факт, предшествующий истории и обществу, есть фикция генетического объяснения», – пишет Дильтей уже в первом томе «Введения в науки о духе». «Дух есть историческая сущность». «Отдельный человек всегда живет, мыслит и действует в сфере общности», – сфере, которая исторически обусловлена. В этом смысле история для Дильтея не есть нечто, «отделенное от жизни, отделенное от настоящего в силу своей временной удаленности». В каждом из нас есть нечто универсально-историческое, и поэтому необходимо научиться понимать единство, связывающее историческое измерение и форму жизни человека.

Таким образом, рассмотрение жизни отдельного человека ведет нас к *истории*. Она составляет предмет второй части продолжения «Построения исторического мира», которая имеет две редакции. Речь здесь идет только о разрозненных набросках, постоянно возобновляющемся начинании. Однако несмотря на то, что эти наброски не представляются чем-то целостным по своей внешней форме, они, тем не менее, пронизаны единой взаимосвязью, и те заглавия, которыми почти все они снабжены, указывают на место, предназначенное для них в общем плане работы. Поэтому совершенно фрагментарный характер этих последних записей все же оставляет у нас впечатление широко задуманного труда, который ясно представлялся Дильтею в своих основных чертах и согласно его общему плану должен был подвергнуться методически-философскому самоосмыслению результаты его универсально-исторического познания.

Берлин, лето 1926
Бернхард Гротгейзен

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ОЧЕРКИ ПО ОСНОВО- ПОЛОЖЕНИЮ НАУК О ДУХЕ

ПЕРВЫЙ ОЧЕРК

ПСИХИЧЕСКАЯ СТРУКТУРНАЯ
ВЗАИМОСВЯЗЬ

Науки о духе образуют взаимосвязь познания, которая стремится достичь предметного и объективного знания сцепления человеческих переживаний в человеческом исторически-общественном мире. История наук о духе демонстрирует непрерывную борьбу с трудностями, которые встают на ее пути. Постепенно они в каких-то границах преодолеваются, и исследование, пусть и издалека, приближается к той цели, которая постоянно видится каждому истинному ученому. Исследование возможности этого предметного и объективного познания образует основание наук о духе. Ниже я предлагаю некоторые соображения относительно такого рода основания.

В том виде, как человеческий исторический мир проявляется в науках о духе, он не представляет собой словно бы *копии* некой действительности, располагающейся вне его. Такую копию познание не способно создавать: оно было и остается привязанным к своим средствам созерцания, понимания и понятийного мышления. Науки о духе также не нацелены на создание такого рода копии. То, что произошло и происходит, неповторимое, случайное и моментальное возводится в них к исполненной ценности и смысла взаимосвязи – именно в нее продвигающееся вперед познание стремится проникать все глубже и глубже, все более объективным становится оно в постижении этой взаимосвязи, будучи, однако, не в состоянии когда-либо избавиться от основной черты своего существа: то, что есть, оно может испытать на опыте только посредством последующего вчувствования и конструирования, путем связывания и разделения, в абстрактных взаимосвязях, в связи понятий. Обнаружится также, что и историческое изложение событий прошлого может приближаться к объективному постижению своего предмета только на основании аналитических наук об отдельных целевых взаимосвязях и лишь в границах, очерченных средствами понимания и мыслящего постижения.

Такого рода познание процессов, в которых складываются науки о духе, одновременно является условием понимания их *истории*. На этом основании познается отношение частных наук о духе к сосуществованию и последовательности переживания, на которых основываются эти науки. В этом познании мы видим взаимодействие, имеющее целью понять целостность исполненной ценности и смысла взаимосвязи, лежащей в основании такого сосуществования и последовательности переживания, а затем – исходя из этой взаимосвязи – постичь сингулярное. Вместе с тем эти теоретические основания позволяют нам, в свою очередь, понять, как позиция сознания и горизонт времени всякий раз образуют предпосылку того, что исторический мир видится данной эпохе некоторым определенным образом: различные эпохи наук о духе словно бы пронизаны теми возможностями, которые предоставляют перспективы исторического видения. Да это и понятно. Развитие наук о духе должно сопровождаться их логическим теоретико-познавательным самоосмыслением, то есть философским осознанием того способа, каким из переживания того, что произошло, образуется созерцательно-понятийная взаимосвязь человеческого исторически-общественного мира. Для понимания этого и других процессов в истории наук о духе нижеследующие рассуждения, надеюсь, окажутся полезными.

I. ЗАДАЧА, МЕТОД И ПОРЯДОК ОСНОВОПОЛОЖЕНИЯ

1. Задача

При установлении основ наук о духе, само собой разумеется, невозможен подход, отличный от того, который должен использоваться при установлении основ знания. Если бы существовала общепризнанная *теория знания*, то речь бы здесь шла лишь о ее применении к наукам о духе. Однако такая теория является одной из самых молодых среди научных дисциплин. Кант первый уразумел проблему теории знания во всей ее всеобщности; попытка Фихте объединить решения Канта в законченную теорию была преждевременной; сегодня же противостояние усилиям в этой области столь же непримиримо, как и в области метафизики. Поэтому остается только выделить из всей области философского основоположения взаимосвязь положений, которые удовлетворяют задаче обоснования наук о духе. Опасность односторонности на этой стадии развития теории знания подстерегает любую попытку. И все же избранный подход будет тем менее ей подвержен, чем более всеобщим обра-

зом будет пониматься задача этой теории и чем полнее будут привлекаться все средства для ее разрешения.

Как раз этого и требует особая природа наук о духе. Их *основоположение* должно сопрягаться со *всеми классами знания*. Оно должно распространяться на область *познания действительности* и *полагания ценности*, равно как *определения цели* и *установления правил*. Частные науки о духе складываются из знания о фактах, о значимых всеобщих истинах, о ценностях, целях и правилах. И человеческая исторически-общественная жизнь в себе самой постоянно продвигается от постижения действительности к определению ценности, а от нее – к целеполаганию и установлению правил.

Если история излагает ход исторических событий, то это всегда происходит путем отбора того, что передается в источниках, тогда как последнее всегда определено ценностным отбором фактов.

Еще более отчетливо проявляется это отношение в науках, которые имеют своим предметом отдельные системы культуры. Жизнь общества подразделяется на целевые взаимосвязи, и каждая целевая взаимосвязь всегда реализуется в поступках, связанных правилами. Причем эти систематические науки о духе суть не только теории, в которых блага, цели и правила выступают как факты общественной действительности. Теория возникает из рефлексии и сомнения относительно свойств этой действительности, относительно оценки жизни, относительно высшего блага, относительно воспринятых по традиции прав и обязанностей, но в то же время сама эта теория является промежуточным пунктом на пути к установлению целей и норм для регулирования жизни. Логическим основанием политической экономии является учение о ценности. Правоведение должно восходить от отдельных положений позитивного права к содержащимся в них всеобщим правовым правилам и правовым понятиям, переходя, в конечном итоге, к рассмотрению проблем, которые затрагивают отношения оценки, установления правил и познания действительности в этой области. Следует ли искать в принудительной власти государства исключительное основание правового порядка? И если общезначимые принципы должны занимать какое-то место в праве, то чем они обоснованы: имманентным воле правилом обязательности этой воли, или наделением ценностью, или разумом? Те же вопросы повторяются в области морали, и, конечно, понятие безусловно значимой обязательности воли, которое мы называем долженствованием, составляет подлинно основной вопрос этой науки.

Основоположение *наук о духе* должно, следовательно, распространяться на все классы знания так же, как того требует всеобщее *философи-*

ское обоснование. Ибо это последнее должно распространяться на каждую область, в которой отброшено преклонение перед авторитетом и где через призму рефлексии и сомнения стремятся достигнуть значимого знания. Философское основоположение в первую очередь должно дать правовое основание знанию в области *предметного постижения*. В той мере, в какой научное познание выходит за границы наивного сознания предметной действительности и ее свойств, оно стремится установить регулируемый законами предметный порядок в сфере чувственно данного. И, наконец, здесь возникает проблема приведения доказательства объективной необходимости методов познания действительности и их результатов. Но и наше знание о *ценностях* требует такого основоположения. Ибо ценности жизни, обнаруживающиеся в чувстве, подвергаются научной рефлексии, которая здесь также ставит задачу добыть объективно необходимое знание. Его идеал был бы достигнут в том случае, если теория, руководствуясь твердой мерой, указала бы ценностям жизни их ранг, – таков древний, не единожды обсуждавшийся вопрос, который поначалу выступает как вопрос о высшем благе. Наконец, в области *целеполагания* и *установления правил* философское основоположение такого рода не менее необходимо, чем в двух других областях. Ведь и те цели, которые ставит себе воля, и те правила, которыми она оказывается связанной в том виде, как они поначалу достаются человеку от передаваемого традицией обычая, религии и позитивного права, – все это разлагается рефлексией, и дух должен также и здесь извлечь из себя самого значимое знание. Повсюду жизнь ведет к рефлексии по поводу того, что жизнь обнаруживает в себе, рефлексия же, в свою очередь, ведет к сомнению, и если жизнь должна утверждать себя в противоположность этому сомнению, то мышление может закончиться только значимым знанием.

На этом покоится влияние мышления во всяком действии жизни. Постоянно сдерживая натиск живого чувства и гениальной интуиции, мышление победоносно утверждает свое влияние. Возникает же оно из внутренней необходимости обрести нечто твердое в беспокойной смене чувственных восприятий, страстей и чувств, – обрести то, что делает возможным постоянный и единый образ жизни.

Эта работа совершается в форме научного размышления. Но конечная *функция философии* состоит в том, чтобы, объединяя, обобщая и обосновывая, завершить это научное осмысление жизни. Мышление, таким образом, выполняет по отношению к жизни свою определенную функцию. Жизнь в своем спокойном течении постоянно обнаруживает разного рода реальности. Много разного выносит она на берег нашего

крошечного «я». Та же смена в нашей жизни чувств и влечений может удовлетворяться ценностями всякого рода – чувственными ценностями жизни, ценностями религиозными, художественными. И в сменяющихся отношениях между потребностями и средствами удовлетворения возникает процесс целеполагания, при этом образуются целевые взаимосвязи, которые пронизывают все общество, объемля и определяя каждого его члена. Законы, указы, религиозные предписания действуют как принуждающие силы и определяют каждого в отдельности. Так что дело мышления всегда остается одним и тем же: постигать отношения, существующие в сознании между этими реальностями жизни, и от сингулярного, случайного и преднайденого, осознанного как можно более ясно и отчетливо, продвигаться к содержащейся в нем необходимой и всеобщей взаимосвязи. Мышление способно лишь повышать энергию сознания применительно к реальностям жизни. К пережитому и данному оно привязано внутренним принуждением. И философия, будучи сознанием всякого сознания и знанием всякого знания, есть лишь высшая энергия осознания. Так, наконец, она ставит вопрос о привязанности мышления к формам и правилам и, с другой стороны, о внутреннем принуждении, которое связывает мышление с тем, что дано. Таков последний и высший уровень философского самоосмысления.

Если очертить проблему знания в этом объеме, то ее разрешение в теории знания можно назвать *философским самоосмыслением*. И именно в этом состоит главная задача основополагающей части философии; из этого основоположения вырастают энциклопедия наук и учения о взглядах на мир, которые и завершают работу философского самоосмысления.

2. Задача теории знания

Таким образом, эту задачу философия разрешает в первую очередь в качестве *основоположения* или, иначе говоря, в качестве *теории знания*. Данным для нее являются все мыслительные процессы, которые определяются целью обнаружения значимого знания. В конечном счете, ее задача состоит в ответе на вопрос, возможно ли и насколько возможно знание.

Если я осознаю, что я имею в виду под знанием, то последнее отличается от голого представления, предположения, вопрошания или допущения тем сознанием, которое сопровождает некоторое содержание: наиболее всеобщий характер знания заключается в объективной необходимости, которую заключает в себе это сознание.

В этом понятии объективной необходимости содержатся два момента, составляющие исходный пункт теории знания. Один из них заключается в очевидности, сопровождающей правильно осуществляемый мыслительный процесс, а другой – в характере осознания реальности в переживании или в характере данности, которая связывает нас с внешним восприятием.

3. Используемый здесь метод основоположения

Метод разрешения этой задачи состоит в возврате от целевой взаимосвязи, которая направлена на порождение объективно необходимого знания в различных областях такового, к тем условиям, от которых зависит достижение данной цели.

Подобный анализ целевой взаимосвязи, в которой должно быть выявлено знание, отличается от анализа, выполняемого в психологии. Психолог исследует психическую взаимосвязь, на основании которой возникают суждения, нечто говорится о действительности и высказываются истины, имеющие всеобщую значимость. Он стремится установить, какова эта взаимосвязь. В ходе расчленения мыслительных процессов психологом возникновение заблуждения так же возможно, как и устранение такового; процесс познания без подобного опосредующего звена заблуждения и его устранения нельзя было бы, конечно, ни описать, ни прояснить в его возникновении. Точка зрения психолога, следовательно, в определенном отношении такая же, как и точка зрения естествоиспытателя. И тот, и другой хотят видеть только то, что есть, и не желают иметь дело с тем, что должно быть. Однако при этом между естествоиспытателем и психологом есть существенное различие, которое обусловлено свойствами той данности, с которой они имеют дело. Психическая структурная взаимосвязь имеет субъективно-имманентный телеологический характер. Под этим я понимаю то обстоятельство, что в структурной взаимосвязи, понятие которой нам предстоит подробно обсудить, заключена целевая устремленность. Тем самым, однако, еще ничего не было сказано об объективной целесообразности. Такой субъективно-имманентный телеологический характер происходящего чужд внешней природе как таковой. Имманентная объективная телеология как в органическом, так и в физическом мире является лишь способом постижения, извлекаемым из психического переживания. Напротив, субъективно и имманентно телеологический характер различных видов психических действий, равно как и структурных отношений между эти-

ми действиями, дан в пределах психической взаимосвязи. Он содержится в связи самих процессов. В рамках предметного постижения как основополагающего психического действия этот характер психической жизни, определяющий включение в ее структуру целевой устремленности*, проявляет себя в двух основных формах постижения – постижения переживаний и внешних предметов, – равно как и в последовательности форм репрезентации. Формы же репрезентации как ступени этой последовательности связываются в целевую взаимосвязь в силу того, что в них предметное получает все более полную, все более осознанную репрезентацию, которая все лучше соответствует требованиям постижения того, что схватывается предметно, и во все большей степени делает возможным включение отдельных предметов в первично данную совокупную взаимосвязь. Так, уже всякое переживание нашего предметного схватывания содержит тенденцию к постижению мира, коренящуюся в совокупной взаимосвязи психической жизни. Вместе с тем в психической жизни уже дан принцип отбора, согласно которому те или иные репрезентации предпочитаются или отбрасываются. Именно сообразно этому они подчиняются тенденции к постижению предмета в его взаимосвязи с миром в том виде, как тот первично дан в чувственном горизонте схватывания. В психической структуре, таким образом, уже укоренена телеологическая взаимосвязь, направленная на постижение предметного. И она возвышается затем до ясного осознания в теории знания. Однако теория знания не довольствуется этим. Она задается вопросом, действительно ли достигают своей цели те разновидности действия, которые заключены в сознании. Критерии, используемые ею при этом, суть высшие положения, абстрактно выражающие то действие, с которым связано мышление, если оно действительно должно достичь своей цели.

4. Исходный пункт: дескрипция процессов, в которых возникает знание

Так выясняется, что задача наукоучения может быть разрешена лишь на основании созерцания психологической взаимосвязи, в которой эмпирически взаимодействуют те процессы, с которыми связано порождение знания.

В соответствии с этим возникает следующее отношение между психологической дескрипцией и теорией знания. Абстракции теории зна-

* См. мою работу по описательной психологии, S. 69 ff. [GS V, 207 ff.].

ния соотнесены с переживаниями, в которых знание возникает в двойной форме, проходя при этом различные ступени. Они предполагают уразумение того процесса, в ходе которого на основании восприятия даются имена, образуются понятия и суждения, и по мере чего мышление постепенно продвигается от единичного, случайного, субъективного, относительного (а потому смешанного с заблуждениями) к объективно значимому. Следовательно, должно быть установлено, в частности, какое переживание имело место и было обозначено с помощью понятия, когда мы говорим о процессе восприятия, о предметности, именовании и значении словесных знаков, о значении суждения и его очевидности, а также о значении взаимосвязи научных высказываний. В этом смысле в первом издании работы, посвященной наукам о духе*, и в работе по описательной психологии** я подчеркивал, что теория знания требует соотнесения с переживаниями процесса познания, в котором это знание возникает***, и что для образования этих предварительных психологических понятий требуются лишь описания и расчленения того, что содержится в переживаемых процессах познания****. Поэтому в такого рода описательно-расчленяющем изложении процессов, в которых возникает знание, мне виделась ближайшая задача, предваряющая построение теории знания*****. С родственной точки зрения в настоящее время были предприняты превосходные исследования Гуссерля, которые, выступая как «феноменология познания», осуществили «строгое дескриптивное фундирование» теории знания, положив тем самым начало новой философской дисциплине.

Кроме того, я утверждал, что требование строгой значимости теории знания не отменяется в силу ее сопряжения с такими дескрипциями и расчленениями. Ведь в дескрипции высказывается только то, что содержится в процессе порождения знания. Подобно тому, как теорию, которая в любом случае представляет собой абстракцию, выделенную из этих переживаний и их отношений друг к другу, никак нельзя понять без этого сопряжения, так и вопрос о возможности знания также пред-

полагает разрешение другого вопроса: каким образом восприятие, имена, понятия, суждения сопрягаются с задачей постижения предмета. Таким образом, идеал подобной полагающей основания дескрипции заключается теперь в том, чтобы и в действительности высказаться только о положении дел и давать ему твердое словесное наименование. Приближение к этому идеалу возможно потому, что постигаются и расчленяются только факты и отношения таковых, содержащиеся в развитой психической жизни исторического человека, которую обнаруживает в себе занимающийся описанием психолог. Тем более необходимо постоянно продвигаться вперед по пути исключения понятий о функциях психической жизни, которые именно здесь особенно опасны. Работа над решением этой задачи в целом только начинается. Лишь постепенно можем мы приближаться к точным выражениям, описывающим состояния, процессы и взаимосвязи, о которых идет речь. Уже здесь, правда, обнаруживается, что задача основоположения наук о духе все еще не может быть разрешена таким образом, чтобы это решение сочли убедительным все те, кто работает в данной области.

По крайней мере одно условие разрешения этой проблемы мы можем выполнить уже сейчас. Дескрипция процессов, порождающих знание, не в последнюю очередь зависит от того, что охватываются все области знания. Но это также и то условие, с которым связано достижение теории знания. Итак, нижеследующая попытка нацелена на то, чтобы равным образом окинуть взглядом различные взаимосвязи знания. Но это возможно только в том случае, если будет исследована особая структура обширных взаимосвязей, обусловленных различными видами действия психической жизни. На этом может затем основываться сравнительный подход в теории знания. Этот сравнительный подход позволяет довести анализ логических форм и законов мышления вплоть до той точки, в которой полностью исчезает видимость подчинения материи опыта формам и законам мышления. Это достигается следующим методом. Процессы мышления, осуществляющиеся в переживании и созерцании (и не связанные при этом ни с какими знаками), могут быть представлены в виде элементарных операций, таких, как сравнение, связывание, разделение, сопряжение, – в отношении своей познавательной ценности их можно рассматривать как восприятия более высокой степени. Согласно своим правовым основаниям формы и законы дискурсивного мышления могут быть теперь разложены на процессы элементарных операций, на переживаемую функцию знаков и на содержание переживаний созерцания, чувствования, воления, – содержание, на котором основывается пости-

* XVII, XVIII [Einleitung in die Geisteswissenschaften, GS I, XVIII (Дильтей. Собр. соч. Т. I. С. 273–274)].

** S. 8 [GS V, 146].

*** S. 10 [GS V, 147].

**** S. 10 [GS V, 147].

***** Там же.

жение действительности, установление ценности, определение цели и установление правила как в отношении того, что есть в них общего, так и в отношении их формальных и категориальных особенностей. Такой подход может быть чистым образом реализован в области наук о духе, и, следовательно, согласно этому методу может быть обоснована объективная значимость знания в этой области.

Отсюда следует, что дескрипция должна выйти за границы переживаний предметного постижения. Ибо если нижеследующая теория стремится равным образом охватить знание в области познания действительности, оценок, целеполаганий и установления правил, – то ей необходим возврат и к той взаимосвязи, в которой все эти различные психические процессы связываются друг с другом. Кроме того, в ходе познания действительности возникает и связывается в своеобразную структуру с процессами познания сознание норм, с которыми сопряжено достижение цели познания. Но в то же время из характера данности внешних объектов не может быть устранена связь с волевыми действиями – отсюда еще и с другой стороны возникает зависимость абстрактного развития теории науки от взаимосвязи психической жизни в целом. То же следует и из расчленения процессов, которые позволяют нам понимать других индивидов и их творения; эти процессы являются основополагающими для наук о духе, сами же они коренятся в целостности нашей психической жизни*. Исходя из этой точки зрения, ранее я постоянно подчеркивал необходимость рассмотрения абстрактного научного мышления в его связях с психической целостностью**.

5. Место этой дескрипции во взаимосвязи основоположения

Такого рода описание и расчленение процессов, обнаруживающихся в целевой взаимосвязи порождения значимого знания, целиком и полностью движутся в рамках предпосылок эмпирического сознания. Последнее предполагает реальность внешних предметов и других лиц, и в нем содержится представление о том, что эмпирический субъект определя-

* См. мою статью о герменевтике в сборнике 1900 года, посвященном Зигмунду [GS V, 317 (*Дильтей В.* Возникновение герменевтики // *Собрание сочинений*. Т. IV. Герменевтика и теория литературы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 237–262. (Далее – *Дильтей*. Собр. соч. Т. IV.)].

** *Geisteswiss.* XVII, XVIII [GS I, XVIII (ср.: *Дильтей*. Собр. соч. Т. I. С. 274)].

ется той средой, в которой он живет и, в свою очередь, обратным образом воздействует на эту среду. Когда дескрипция описывает и расчленяет эти отношения как содержащиеся в переживаниях факты сознания, то вместе с тем, разумеется, ничего не говорится о реальности внешнего мира и других лиц или же об объективности отношений действия и претерпевания: строящиеся на основании дескрипции теории должны, конечно же, сперва попытаться вынести решение относительно правомерности предпосылок, содержащихся в эмпирическом сознании.

Само собой разумеется также, что описываемые переживания и выявляемая взаимосвязь таковых могут здесь рассматриваться лишь с точки зрения, предписываемой наукоучением. Главный интерес направлен на отношения, связывающие эти процессы, на отношения их зависимости от условий сознания и от данностей, а также, наконец, на те отношения, которые связывают эту взаимосвязь с обусловливаемыми ею отдельными процессами, возникающими в ходе порождения знания. Ибо субъективно и имманентно телеологический характер психической взаимосвязи, в силу которого действующие в ней процессы приводят к некоторым результатам, что и позволяет говорить здесь о целеустремленности, является, конечно, основанием для отбора из потока мыслей значимого знания о действительности, ценностях или целях.

Подведем же итог сказанному о месте дескрипции в пределах основоположения. Она закладывает основание теории, и эта теория обратным образом соотносится с нею. Связывать ли в таком случае дескрипцию процессов познания и теорию знания в отдельных частях теории друг с другом или же предпосылать взаимосвязанную дескрипцию теории – это вопрос целесообразности. Сама теория перенимает от дескрипции знания оба признака, с которыми связана значимость последней. Любое знание подчинено нормам мышления. В то же время, следуя этим нормам мышления, оно сопрягается с тем, что переживается и что дано, и сопряжение знания с тем, что дано, есть, говоря точнее, отношение зависимости от него. Результаты дескрипции свидетельствуют о том, что всякое знание подчиняется высшему правилу: следуя нормам мышления, основываться на том, что переживается или дано по мере восприятия. Соответственно этому разделяются две основные проблемы наук о духе³. Из их обсуждения в настоящих очерках по основоположению наук о духе будет складываться теория знания, так как эти проблемы имеют решающее значение для обоснования возможности объективного познания. Их более точное определение может быть получено только на основании дескрипции.

II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДЕСКРИПТИВНЫЕ ПОНЯТИЯ*

1. Психическая структура

Эмпирическое течение психической жизни складывается из отдельных процессов: ведь любое наше состояние имеет свое начало во времени и, пройдя ряд изменений, вновь исчезает в нем. Причем это течение жизни представляет собой развитие, ибо взаимодействие душевных побуждений таково, что в них порождается тенденция, направленная на достижение все более определенной психической взаимосвязи, согласующейся с условиями жизни, – на достижение, так сказать, завершенной формы этой взаимосвязи. И возникающая при этом взаимосвязь действует в каждом психическом процессе: она обуславливает пробуждение и направление внимания, от нее зависят апперцепции и ею определяется репродукция представлений. Равным образом от этой взаимосвязи зависит пробуждение чувств или желаний или же принятие какого-то волевого решения. Психологическая дескрипция имеет дело только с тем, что фактически уже наличествует в этих процессах; она не занимается физи-

* Эта дескриптивная часть исследования представляет собой дальнейшую разработку той точки зрения, которая представлена в моих ранних работах. Их цель состояла в том, чтобы обосновать возможность объективного познания действительности, а в пределах него, в особенности, предметное постижение психической действительности. При этом – в противоположность идеалистическому учению о разуме – я возвращался не к априори теоретического рассудка или практического разума, которое, якобы, имеет своим основанием чистое «я», но к содержащимся в психической взаимосвязи структурным отношениям, которые могут быть выявлены. Эта структурная взаимосвязь «образует фундамент процесса познания» (Beschr. Psychologie S. 13 [GS V, 151]). Первую форму этой структуры я обнаружил во «внутреннем отношении различных сторон одного действия» (S. 66 [GS V, 204]). Вторая форма структуры – это внутреннее отношение, которое связывает внешнеположенные друг другу переживания в пределах одного действия, как то: восприятия, доставляемые воспоминанием представления и связанные с языком процессы мышления (там же). Третья форма заключается во внутреннем отношении разновидностей действия друг к другу в пределах психической взаимосвязи (S. 67 [GS V, 204]). Развивая теперь свое основоположение теории познания, которая имеет объективную реалистическую и критическую ориентацию, я должен решительно указать на то, сколь многим я обязан «Логическим исследованиям» Гуссерля (1900, 1901), открывшим новую эру в использовании дескрипции для теории познания.

ологическим или психологическим объяснением возникновения или же состава такого рода возникающей психической взаимосвязи*.

Отдельная психическая жизнь, имеющая индивидуальное строение, в своем развитии составляет *материал* психологического исследования, ближайшей целью которого является установление *общего в этой психической жизни* индивидов.

Теперь мы проведем одно различие. В психической жизни существуют закономерности, которые определяют последовательность процессов. В этих *закономерностях* и состоит то различие, которое здесь следует рассмотреть. Вид отношения между процессами или моментами одного и того же процесса является в одном случае характерным моментом самого переживания (так, в психической взаимосвязи возникают впечатления сопринадлежности и жизненности), тогда как другие закономерности в последовательности психических процессов не характеризуются тем, что способ их связи может переживаться. В таком случае связующий момент нельзя обнаружить в самом переживании. Здесь дает о себе знать обусловленность. Мы ведем себя здесь, стало быть, так же, как и по отношению к внешней природе. Отсюда характер нежизненного и внешнего в этих взаимосвязях. Закономерности этого последнего вида устанавливаются наукой путем выделения отдельных процессов из взаимосвязи этих последних и путем индуктивного умозаключения к их закономерностям. Эти процессы суть ассоциация, репродукция, апперцепция. Закономерность, которую они позволяют установить, состоит в единообразии, соответствующем законам изменения в сфере внешней природы.

При этом разного рода факторы в актуальных состояниях сознания обуславливают последующее состояние сознания также и тогда, когда они без всякой взаимосвязи, подобно слоям в психическом составе (*status conscientiae*), располагаются друг над другом. Впечатление, которое оказывает давление на актуальное психическое состояние извне, полностью изменяет его как нечто ему вполне чуждое. Случайность, совпадение, наслаивание друг на друга – такие отношения постоянно заявляют о себе в состоянии сознания какого-то данного момента и при возникновении психических изменений. И такие процессы, как репродукция и апперцепция, могут быть обусловлены всеми этими моментами состояния сознания.

* Beschr. Psych. S. 39 ff. [GS V, 177 ff.].

От этого единообразия отличается другой вид закономерностей. Я называю его *психической структурой*. Под психической структурой я понимаю порядок, согласно которому в развитой душевной жизни психические факты разного рода закономерно связываются друг с другом посредством *внутренне переживаемого отношения**. Это отношение может связывать друг с другом части одного состояния сознания, а также переживания, которые отстоят друг от друга по времени, или же различные виды действия, содержащиеся в этих переживаниях**. Эти закономерности, следовательно, отличаются от тех единообразий, которые могут быть установлены при рассмотрении изменений психической жизни. Единообразия суть правила, которые могут быть выявлены в изменениях, поэтому любое изменение представляет собой отдельный случай, который находится в отношении подчинения к единообразию. Структура, напротив, есть порядок, в которой психические факты связаны друг с другом посредством внутреннего отношения. Каждый связанный таким образом с другими факт есть часть структурной взаимосвязи; закономерность состоит здесь, следовательно, в отношении частей в пределах некоторого целого. Там речь идет о генетическом отношении, в котором психические изменения зависят друг от друга, здесь, напротив, – о внутренних отношениях, которые могут быть постигнуты в развитой психической жизни. Структура есть совокупность отношений, которыми связываются друг с другом отдельные части психической взаимосвязи среди смены процессов, среди случайности соседства психических элементов и последовательности психических переживаний.

Что следует понимать под этими определениями, станет яснее, если указать на то, какие психические факты обнаруживают такого рода внутренние отношения. Элементы чувственной предметности, которая представлена в психической жизни, постоянно изменяются под воздействием внешнего мира, и именно от них зависит многообразие, данное единичной психической жизни. Отношения, которые возникают между ними, – это, например, отношения совместности, раздельности, различия, сходства, равенства, целого и части. В психическом переживании, напротив, обнаруживается внутреннее отношение, которое связывает такого рода содержание с предметным постижением, или с чувствами, или с каким-то стремлением. Очевидно, что это внутреннее отношение в каждом случае

особое. Отношение восприятия к предмету, скорбь о чем-то, стремление к какому-то благу – эти переживания содержат ясно отличающиеся друг от друга внутренние отношения. Каждый вид отношения в своей области, кроме того, конституирует закономерные отношения между отстоящими друг от друга по времени переживаниями. И, наконец, между самими видами отношений также наличествуют закономерные отношения, благодаря которым они и образуют единую психическую взаимосвязь. Я называю эти отношения внутренними, так как они коренятся в психическом действии как таковом; вид отношения и разновидность действия соответствуют друг другу. Одним из таких внутренних отношений является такое, которое в случае предметного постижения связывает действие с тем, что дано в содержании. Или такое, которое в случае целеполагания связывает действие с тем, что дано в содержании, как с представлением объекта целеполагания. И внутренние отношения между переживаниями в пределах некоторой разновидности действия представляют собой или отношение репрезентируемого к репрезентирующему, или обосновывающего к обосновываемому – в случае предметного постижения, или же цели и средства, решения и обязательства – в случае такой разновидности действия, как воля. Этот факт внутреннего отношения, как и подчиняющее его единство многообразного, присущ исключительно психической жизни. Его можно лишь испытать на опыте и выявить, но не определить.

Теория структуры имеет дело с этими внутренними отношениями. И только с ними, а не с попытками классификации психической жизни согласно функциям, или силам, или способностям. Она не утверждает и не оспаривает того, что есть нечто подобное. Она также не предпринимает заранее ответ на вопрос, развивается ли у человечества или у индивида психическая жизнь из чего-то простого, достигая богатства структурных отношений. Такого рода проблемы лежат совершенно вне ее области.

Психические процессы связываются этими отношениями в структурную взаимосвязь, и, как будет показано, вследствие этой структурной особенности психической взаимосвязи процессы переживания порождают некоторый совокупный эффект. Хотя структурной взаимосвязи и не присуща целесообразность в объективном смысле, но здесь имеет место целевое действие, направленное на достижение определенных состояний сознания.

Таковы понятия, которые позволяют предварительно определить то, что следует понимать под психической структурой.

Учение о структуре представляется мне главной частью описательной психологии. Оно могло бы быть развито как особое, всеобъемлю-

* Beschr. Psych. S. 66 [GS V, 204].

** Beschr. Psych. S. 66 ff., 68 ff. [GS V, 204 ff., 207 ff.].

щее целое. Именно оно представляет собой основание наук о духе. Ибо подлежащие в нем раскрытию внутренние отношения, конституирующие переживания, затем отношения, существующие между членами ряда переживаний в пределах некоторой разновидности действия, отношения, которые в конечном счете образуют структурную взаимосвязь психической жизни, а также связь, которая ведет здесь к связыванию отдельных процессов в субъективную телеологическую взаимосвязь, и, наконец, отношение действительности, ценностей и целей, равно как и структуры, к этому раскрытию – все это является основополагающим для *построения* наук о духе в целом. Равным образом они являются основополагающими для *понятия* наук о духе и для их *ограничения* от наук о природе. Ибо уже учение о структуре показывает, что науки о духе имеют дело с данностью, которая никак не представлена в науках о природе. Элементы чувственной предметности, будучи сопряжены с психической взаимосвязью, входят в область изучения психической жизни; чувственные же содержания в своем сопряжении с внешними предметами, напротив, конституируют физический мир. Эти содержания не образуют физический мир, но они являются предметом, с которым мы сопрягаем чувственные содержания в постигающем действии. Однако наши созерцания и понятия о физическом мире выражают лишь то положение дел, которое дано в этих содержаниях в качестве свойств предмета. Науки о природе не занимаются тем действием предметного постижения, в рамках которого они возникают. Внутренние отношения, которые могут связывать содержания в психическом переживании, – акт, действие, структурная взаимосвязь – все это исключительно предмет наук о духе. Это их владение. Этой структуры, а также способа переживания психической взаимосвязи в нас самих и способа понимания ее в других – уже этих моментов достаточно, чтобы обосновать особую природу логического подхода в науках о духе. Остается добавить: предмет и характер данности решает вопрос о логическом подходе. Какие же средства у нас в наличии для того, чтобы прийти к несомненному постижению структурных отношений?

2. Постижение психической структуры

Со знанием структурной взаимосвязи дело обстоит особым образом. В языке, в понимании других людей, в литературе, в высказываниях поэтов или историков – повсюду нам встречается знание о закономерных внутренних отношениях, о которых здесь идет речь. Я о чем-то забо-

чусь, чему-то радуюсь, что-то делаю, желаю наступления какого-то события – эти и сотни подобных оборотов языка содержат такого рода внутренние отношения. В этих словах я безотчетно выражаю некоторое внутреннее состояние. Всегда есть внутреннее отношение, выражающееся в этих словах. Точно так же я понимаю, когда кто-нибудь обращается таким образом ко мне, понимаю я тотчас и то, что с ним происходит. Стихотворения поэтов, повествования историографов о давно ушедших временах уже до всякой психологической рефлексии наполнены подобными выражениями. Я спрашиваю теперь, на чем основывается это знание. Оно не может базироваться на предметности, поскольку та состоит из чувственных содержаний, на одновременности или последовательности в области предметного, а также на логических отношениях между этими содержаниями. Это же знание, наконец, должно некоторым образом основываться на переживании, заключающем в себе такого рода действие, – радость по поводу чего-то, потребность в чем-то. Знание – вот оно, помимо всякого осмысления оно связано с переживанием, и нельзя найти никакого другого истока и основания этого знания, кроме переживания. И речь при этом идет именно об обратном заключении от выражений к переживаниям, а не о даваемой им интерпретации. Необходимость отношения между определенным переживанием и соответствующим выражением психического переживается непосредственно. Трудная задача стоит перед структурной психологией – выносить суждения, которые адекватно (с точки зрения сознания) отражают структурные переживания или, иначе говоря, совпадают с определенными переживаниями. В качестве непосредственного основания для этого ей служат вырабатываемые и уточняемые на протяжении тысячелетий формы выражения психического, которые она продолжает разрабатывать и генерализовать, заново verifying адекватность этих форм выражения на самих переживаниях. Бросим взгляд на выражения, которые доставляет нам жизненное общение, и литературные высказывания во всем их объеме. Вспомним об искусстве истолкования, предназначенном для интерпретации этих выражений и высказываний. И сразу становится ясно: то, на чем основывается герменевтика всякого наличного духовного общения, – это и есть те твердые структурные отношения, которые закономерно обнаруживаются в любых проявлениях жизни*.

* См. мою статью о герменевтике в сборнике 1900 года, посвященном Зигварту [GS V, 317 (*Дильтей. Собр. соч.* Т. IV. С. 237–262)].

Однако насколько достоверно то, что наше знание об этих структурных отношениях восходит к нашему переживанию, а также, с другой стороны, и то, что это делает возможным нашу интерпретацию всех психических процессов, настолько же трудно установить связь между этим знанием и переживанием. Лишь в очень ограниченных условиях переживание остается неизменным в процессе внутреннего наблюдения. Весьма различным образом мы доводим переживание до отчетливо констатирующего сознания. Это удастся то применительно к одной, то применительно к другой существенной черте. Мы различаем, обращаясь к воспоминаниям. В сравнении мы выявляем внутренние закономерные отношения. Мы прибегаем к фантазии как к своего рода психическому эксперименту. В прямых выражениях переживания, найденных виртуозами в этой области – великими поэтами и религиозными деятелями, – мы в состоянии исчерпать все внутреннее содержание переживания. Сколь бедным и убогим было бы наше психологическое знание чувств, если бы не существовало великих поэтов, которые сумели выразить все многообразие чувств и с удивительной точностью выявить структурные отношения, наличествующие в чувственном универсуме! И для такого рода дескрипции, в свою очередь, совершенно безразлична связь книги стихов Гёте со мной как с субъектом или же с личностью самого Гёте: дескрипция имеет дело только с переживанием и никак не связана с личностью, которой эти переживания принадлежат.

Если продолжать проследивать эти проблемы далее, то для психолога речь при этом всегда идет о тщательном различении того, что следует понимать под переживанием, самонаблюдением и рефлексией переживаний и что при этом дано в этих различных видах структурной взаимосвязи. То, что необходимо добавить помимо этого к сказанному об основоположении знания, может быть разъяснено лишь при рассмотрении отдельных разновидностей действия.

3. Структурные единства

Каждое переживание имеет свое содержание.

Под содержанием мы понимаем не какие-то заключенные в объемлющем целом части, которые могут быть выделены мышлением из этого целого. В таком понимании содержание было бы совокупностью того, что поддается различению в переживании, тогда как последнее охватывало бы все это наподобие сосуда. Напротив, из всего того, что можно различить в переживании, лишь часть может быть названа содержанием.

Существуют переживания, в которых нельзя заметить ничего помимо психического состояния. В психическом переживании боли локализованный ожог или укол можно отличить от чувства, но в самом переживании они неразличимы, поэтому между ними нет никакого внутреннего отношения. Рассматривать здесь чувство как неудовольствие, вызванное чем-то гложущим или мучительным, – значит совершать насилие над этим положением дел. Равным образом в комплексе влечений обнаруживаются состояния, где со стремлением не связано никакого представления объекта, а значит, и в этом положении дел не содержится ничего от внутреннего отношения между актом и предметом. Поэтому нельзя, пожалуй, исключать возможности существования таких переживаний, где бы отсутствовало отношение чувственного содержания к тому акту, в котором оно для нас наличествует, или к предмету, равно как и переживаний, в которых чувство или стремление не сопрягалось бы с этим предметом*. Это можно объяснять теперь как угодно. Можно сказать, что эти переживания образуют нижние границы нашей психической жизни, а над ними надстраиваются те переживания, в которых действие по отношению к некоторому содержанию, с которым оно сопрягается, содержится как нечто различимое в восприятии, или чувстве, или акте воли. Для констатации структурного единства в переживаниях – а именно оно является здесь предметом нашего рассмотрения – достаточно обширного состава встречающихся в переживаниях внутренних отношений между актом (это слово берется нами в широком смысле) и содержанием. А то, что существует большое число таких отношений, не может вызывать сомнений. Предмет в переживании внешнего восприятия сопрягается с чувственным содержанием, посредством которого он мне дан. То, от чего я ощущаю неудовольствие, сопрягается с самим чувством неудовольствия. Представление объекта в целенаправлении сопряжено с волевым действием, которое направлено на воплощение в действительность образа объекта. Зрительный образ, гармоническое сочетание звуков или шорох мы называем содержанием

* Сказанное должно лишь исключить из области нашего рассмотрения чрезвычайно сложные вопросы, которые возникают при подведении указанных фактов под понятие действия, ибо от ответа на них никак не зависит развиваемое здесь понятие структуры. Тем более что для основоположения теории познания мне представляется совершенно безразличным, отклонит ли более обстоятельное дескриптивное психологическое исследование такого рода подведение или же, допуская его, объяснит себе это положение дел.

переживания, и оно отличается и сопрягается с тем действием, которое это содержание предполагает, утверждает, чувствует, желает или волит. Я представляю, выношу суждение, испытывая страх, ненависть, желание – все это разновидности действия, однако при этом всегда есть некоторое «что», с которым они сопрягаются, равно как и любое «что», любая содержательная определенность в этих переживаниях наличествует только для некоторого действия.

Я замечаю какой-то цвет, я выношу о нем суждение, он радует меня, я хочу его видеть – этими выражениями я обозначаю различные виды действия, сопрягающиеся с одним и тем же содержанием в переживании. И точно так же одна и та же разновидность действия, например суждение, может сопрягаться как с цветом, так и с другими предметами. Следовательно, ни разновидность действия не определяет присутствие содержания, ни содержание – возникновение разновидности действия. Поэтому мы вправе отделять друг от друга две эти составные части переживания. И одновременно мы обнаруживаем их связанными в переживании в некое структурное единство. Что же касается отношения между актом и содержанием, то оно коренится в действии. Мы называем его внутренним отношением, так как оно может быть пережито и основывается на закономерности действия.

Переживания, таким образом, раскрывают себя как структурные единства, и затем из них образуется структура психической жизни.

Но в переживании обнаруживается и другой важный пункт отношения. Как одно и то же содержание сопрягается с предметами, так же, с другой стороны, оно, по-видимому, должно сопрягаться с неким «я», которое действует. Как правило, оба эти пункта отношения никоим образом не содержатся в переживании. Чем больше преобладает обращение к предметному в ходе постижения или стремления, тем менее заметно в переживании «я», которое постигает – пусть даже посредством того же самого «я» – и которое стремится. Когда Гамлет страдает на сцене, для зрителя меркнет его собственное «я». Стремясь закончить какую-то работу, я буквально забываю самого себя. Конечно, это отношение всегда присутствует в жизненном чувстве, в котором переживается некоторое расположение по отношению к окружающему миру, выражающееся в удовольствии или неудовольствии, в любви или ненависти. И чем решительнее воля противопоставляет себя миру своими собственными целевыми определениями, тем сильнее ощущается ее ограничение, и тем решительнее проявляется отношение ее действия как к предметам, так и к тому, что действует, желает, жаждет или волит. Однако присоединение представления о «я» в этих процессах

может получать различную психологическую интерпретацию. Если, тем не менее, от переживания перейти к рефлексии, то отношение действий к тому, что действует, становится неизбежным. С точки зрения рефлексии именно его требует также использование понятия отношения. Если в действии содержится некий вид отношения, то рефлексия требует примысливания «я», которое стоит в определенном отношении к многообразным содержаниям или же в многообразных отношениях к определенному содержанию.

Так, с точки зрения опредмечивания переживания и с точки зрения его рефлексии, новое переживание полагается в отношение к моему знанию психической взаимосвязи, к которой это актуальное переживание принадлежит наряду с другими переживаниями. Внутренний структурный строй, который таким образом возникает для рефлексии, есть строй психической взаимосвязи, строй принадлежности нового переживания к этой взаимосвязи и, наконец, действия этой психической взаимосвязи в этом (равно как и во всяком другом) переживании по отношению к предметному миру. Если я называю эту взаимосвязь своим «я», или субъектом, то в таком случае «я», или субъект, находится в определенных отношениях к предметному миру: я вижу предметы, испытываю страдание под их воздействием или хочу ими обладать. Эта манера выражения верна для предметного мышления также и тогда, когда в самом отдельном переживании нет ничего от этого «я».

4. Структурная взаимосвязь

Теперь мы рассмотрим *отношения*, которые существуют между *структурными единствами*, постигаемыми в переживаниях. В определенных переживаниях мы обнаруживаем внутреннюю связь между актом и содержанием. Характер этого отношения представляет собой некоторое действие по отношению к содержанию. Здесь действие не находится к содержанию в одном только временном или логическом отношении. Нельзя сказать, что здесь как бы сосуществуют друг подле друга два различных слоя духовных фактов, представляющих собой содержания и разновидности действия, не идет здесь речь и о чисто логическом отношении, устанавливаемом в ходе рефлексии содержания и действия, – напротив, между тем и другим наличествует внутреннее отношение, которое мы назвали *структурным единством*. Взаимоотношение того, что можно разделить в целом, которое порождается этим отношением, яв-

ляется взаимоотношением *sui generis*: оно обнаруживается только в психической жизни. А именно это и есть простейший случай психической структуры*.

Но в то же время все переживания, включающие в себя одно и то же действие применительно к содержанию, не просто сходны друг с другом: между ними при этом устанавливаются такие *отношения*, которые коренятся в природе действия.

Наконец, сами разновидности действия находятся во внутреннем отношении между собой и поэтому образуют взаимосвязанное целое. Так возникает понятие *структурной психической взаимосвязи*.

И здесь обнаруживается еще одна примечательная черта структуры. Она вплетает в себя также акты восприятия, чувства, воления, образуя взаимосвязь посредством связывания многих внутренних отношений в целое некоего процесса или состояния. Познание состоит в исследовании некоторой целевой взаимосвязи: здесь отношение, которые мы называем волением, объединяется в структурное единство одного потока с отношением, которые мы называем предметным постижением, и во всей этой целевой взаимосвязи отдельные процессы действуют совместно, чтобы вызвать состояния, которые каким-то образом наделены в сознании характером ценности или цели.

Эта структура психической взаимосвязи обнаруживает, на первый взгляд, сходство с биологической структурой. Но если внимательнее проследить это сходство, мы обнаружим здесь всего лишь смутную аналогию. Скорее, истина заключается в том, что именно на этих свойствах психической жизни, согласно которым она представляет собой структурную взаимосвязь, покоится различие между физическими предметами и тем, что мне дано в переживании, равно как и в рефлексии этого переживания.

5. Виды структурной взаимосвязи

Многообразие содержания безгранично. Из него составляется весь предметный мир, с которым мы сопрягаем себя в нашем действии. Но и то, что мы называем действием по отношению к предметному миру, поначалу представляется неопределенным по числу: вопрошание, полагание, предположение, утверждение, наслаждение, одобрение, удовольствие и их противоположность, а также желание, страсть, воление –

таковы модификации психического действия. Их различия не могут быть выведены из смены содержания, с которым сопрягается действие. Ибо при смене содержания может продолжать существовать одно и то же действие. Между модификациями действия существуют родственные отношения. Однако сравнивая эти модификации, мы достигаем такого действия, как предметное постижение и чувство: они родственны только в том, что оба суть именно некое действие. Обнаруживается также, что при изменении внешних условий одна модификация переходит в другую. Если исчезают обстоятельства, от которых зависит реализация страстного желания, то эта страсть может перейти в обычное желание. Если отношение комплекса ощущений к предмету оказывается неверным, то высказывание о предмете превращается в сомнение или становится вопросом.

Принцип, который вносит порядок в это многообразие действия, заключается только в различии видов внутреннего или структурного отношения, которые в нем обнаруживаются. Необходимо, таким образом, применить этот принцип к данным психическим положениям дел.

* Beschr. Psych. S. 66 [GS V, 204].

ВТОРОЙ ОЧЕРК

СТРУКТУРНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ЗНАНИЯ

1. ПРЕДМЕТНОЕ ПОСТИЖЕНИЕ

В психической взаимосвязи можно различить три вида сопрягающихся друг с другом структурных отношений. Каждый из них образует систему, в которой переживания связываются в некое целое структурным образом. При этом каждый вид выполняет свою функцию в психической взаимосвязи. Здесь я попытаюсь лишь отграничить друг от друга эти структурные виды взаимосвязи и описать те из них, которые задействованы в процессе познания. Более обстоятельное расчленение чувствований или воления требуется только в случае, когда речь идет о том, чтобы описательную психологию положить в основу наук о духе.

1. Отграничение предметного постижения

Представления, суждения, чувства, желания, акты воли повсюду сплетены друг с другом в психической взаимосвязи – таковы данные эмпирического осмотра психической жизни. Гармоническая связь звуков вызывает чувство удовольствия; но вот в это спокойное эстетическое наслаждение врывается зрительное восприятие, оно пробуждает воспоминания, и так возникает страстное желание, которое затем подавляется на основе суждения в силу страха перед последствиями его удовлетворения, – таким образом эмпирический состав психической жизни обнаруживает переплетение процессов, которые относятся ко всем классам психического действия. И единообразия, устанавливаемые нами в этой генетической взаимосвязи психических процессов, относятся к взаимодействию многообразных факторов, в такой форме сплетающихся друг с другом в психической взаимосвязи. Так, репродукция наших представлений оказывается обусловленной интересами и вниманием, с которым усваиваются впечатления и воспроизводятся их представления, равно как и взаимосвязью наших представлений и числом их повторений.

Многообразное переплетение различного рода факторов, образующих эту генетическую взаимосвязь процессов, пронизано в психической жизни различными видами внутреннего отношения, каждый из которых характеризуется тем, что соответствующие ему переживания связываются друг с другом в некоторую систему определенным внутренним отношением. Отношения внутри такой системы составляют основную часть твердых фундаментальных взаимоотношений, словно бы анатомическую структуру развитой психической взаимосвязи в ее надежном закономерном составе. Одно из этих внутренних отношений связывает восприятия, пробуждаемые воспоминанием представления, суждения, связи суждений – и так вплоть до систематической взаимосвязи знания. И что бы ни содержалось в этих переживаниях, в любом из них обнаруживается определенный вид осознания содержания – сознания того, что мы называем предметностью. При этом цельный характер отношений структурного единства, конституирующихся благодаря такого рода разновидностям действия, и отличает систему этих отношений.

Идеал данного предметного действия и содержащаяся в его фундаментальных отношениях направленность на объективное постижение мира были чрезвычайно сильно – словно бы в трансцендентальном осмыслении – выражены Гёте. Что определенное содержание располагается не только в переживании, но и в некоторой разновидности сознания, – это обнаруживают те его модификации, которые отличают различные переживания предметного характера. Такова, например, свойственная восприятию данность, или же допущение некоторого фактического обстоятельства фантазией художника или поэта, или же полагание реальности в суждении. Сколь бы многочисленны – если рассматривать это психологически – ни были различия между фантазией и восприятием одного и того же предмета (скажем, применительно к содержанию), со структурной точки зрения характер осознания предметности остается при этом одним и тем же. Предметы – это не только то, что дано в чувствах, предметами равным образом могут быть наши переживания или же части того содержания, которое дано посредством переживания, а также сходства, отношения. Мир есть лишь совокупность или порядок того, что постигается предметно. И к этому предметному относятся как наши чувства, так и наша воля. Тот способ, каким мы осознаем предметное, мы будем отныне называть предметным постижением.

2. Отношение между переживанием и психическим предметом

Всякое знание о психических предметах фундировано в акте переживания. Переживание есть в первую очередь структурное единство различных видов действий и содержаний. Мое воспринимающее действие вместе с его отношением к предмету является переживанием не в меньшей степени, чем мое чувство, испытываемое по отношению к чему-то, или мое воление чего-то. Переживание всегда достоверно само по себе. Поскольку же переживание образует правовое основание всей взаимосвязи моего знания относительно психических предметов в целом, то я должен расчленять его, сообразуясь с содержащейся в нем достоверностью. Содержание (например красный или синий цвет) и действия (например постижение красного цвета или же удовольствие от него) наличествуют для меня. Это для-меня-наличное-бытие можно назвать бытием осознанным или переживанием (если брать это слово не столько в смысле жизненного процесса, а, скорее, в смысле того, каким образом этот процесс наличествует для меня). Наличествующее для меня – это и обнаруживающееся в представлении чувственное качество, подобное ощущению боли или стремлению, но равным образом это и математическое отношение, и осознание мною налагаемого договором обязательства. Выражение «наличествовать-для-меня» есть уже выражение рефлексии по поводу существующего фактического обстоятельства, так как оно определяется здесь как принадлежащее «я». Конечно, сопряжение переживания с «я», которому оно принадлежит, может пониматься мной как некое положение дел – то же самое может иметь место и в случае отношения чувственного комплекса к внешнему предмету. И все же то, о чем мы говорим, не есть нечто содержащееся в переживании в данном конкретном случае – оно есть то общее, что характеризует их все: они осознаются, они наличествуют для меня. Эта сторона есть у любого переживания. Если определенное переживание говорит о том, что имеется некоторый предмет, то в нем одновременно содержится и то, что есть у него общего с любым другим переживанием: это высказывание о предмете и его содержательных определенностях является осознанным, и оно наличествует и имеется как осознанное. Шорох, относимый больным, пребывающим в лихорадке, к предмету за его спиной, образует переживание, которое во всех своих частях – в наличии шороха и в отнесении его к предмету – является реальным. И этой реальности факта сознания совершенно не отменяет то, что предположение относительно предмета, находящегося за кроватью больного, является ложным.

Таково всеобщее условие, согласно которому все, что наличествует для меня – то есть сознание или переживание, – должно содержаться в разновидностях моего действия, иначе они не наличествовали бы для меня; однако это сознание отличается от действия. Печаль относительно чего-то в качестве действия переживается и наличествует для меня. Это же справедливо и для потребности в чем-либо. Совершенно безразлично, каким образом это осмысливается с психологической точки зрения: достоверность переживания не требует дальнейшего опосредования, и поэтому оно может быть названо непосредственно достоверным.

Любое высказывание о пережитом является объективно истинным, если оно приводится к адекватному соответствию с переживанием. Ведь оно эксплицирует не отношение переживания восприятия к предметам, давая содержательное определение их объективности, оно говорит лишь о том, что имеет место воспринимающее действие. И этот факт сознания дан мне как реальность.

Поэтому здесь никогда не возникает вопроса о том, имеет ли место факт сознания. Чувство имеет место постольку, поскольку оно чувствуется, и оно таково, как оно чувствуется: сознание этого чувства и его особенность, его данность и его реальность не отличаются друг от друга. Наличествовать для нас, быть для нас данным или же быть фактом сознания – все это лишь различные выражения для одного и того же фактического обстоятельства, в соответствии с которым объект не противостоит акту постижения, но этот акт и данный в нем факт суть одно. Однако если я назову все это осознанием, то это нужно понимать таким образом, что отношения чувственных содержаний к некоторому предмету наличествуют для меня в такого рода осознании так же, как какое-нибудь чувство или стремление; это выражение остается неадекватным, так как речь идет, скорее, о внутреннем бытии, и при этом здесь не подразумевается какого бы то ни было предположения относительно акта, благодаря которому возможно осознание.

Проблемы, поставленные Кантом в учении о внутреннем чувстве, совсем не затрагивают эту реальность фактов сознания как таковых. Дело заключается в том, чтобы ответить на вопрос, может ли нечто, данное определенным образом, рассматриваться как продукт и раскладываться на факторы. Наша жизнь складывается из процессов, выступающих для сознания во временной последовательности, и что бы за ними ни скрывалось, оно не является чем-то переживаемым, а потому оно и не требуется для основоположения наук, материал которых, имеющий характер процессов или событий, заключен в переживаниях. Для реальности чувственных содержаний безразлично, даны ли они на-

шему сознанию лишь в сопряжении с внешним предметом и вытекает ли для нас их наличие только в силу этого сопряжения: если чувственные содержания вместе с этими фактами сознания обладают реальностью, то они обладают реальностью именно как части этих фактов сознания даже в том случае, если отвлечься от этого сопряжения. Если переживание как факт сознания реально, то реальна и любая часть, содержащаяся в этом переживании. И любая репрезентация также обозначает нечто реальное при условии, если она правильно осуществляется. Так реальность отдельного переживания возводится здесь – посредством психологических понятий, суждений и взаимосвязей – до уровня объективно значимого знания.

В то же время образование относящихся к переживанию понятий в своем историческом развитии фундировано пониманием, которое, в свою очередь, основывается на переживании. От подобного усложнения мы должны здесь отвлечься, чтобы прояснить отношение переживания к постижению психической взаимосвязи. Внутреннее бытие и содержание, которое мной осознается, едины в переживании.

Что же происходит, когда я обращаю внимание на свое переживание, когда я спрашиваю себя: что в нем заключено? В этом состоит вторая важная проблема для обоснования наук о духе. Ночь напролет я не смыкаю глаз, обеспокоенный тем, смогу ли я завершить начатый мною труд, и я глубоко страдаю, взвалив на себя эту заботу. Здесь наличествует структурная взаимосвязь сознания, основание которой образует предметное постижение и с которой, в свою очередь, сопрягается внутреннее отношение чувства заботы и страдания, вызванного предметно постигаемым фактом, – и та же самая взаимосвязь наличествует для меня здесь в качестве комплекса фактов моего сознания. Это осознание и то, что я осознаю, суть одно. На этот факт я могу лишь обратить внимание. Я произвожу внутреннее наблюдение – или над переживанием, или над тем, что сохранилось от него в воспоминании. Тем самым оно становится для меня предметом. Но то, что я замечаю, и посредством чего я достигаю ясности относительно содержательной особенности предмета, – все это или содержится в самом переживании, или переживание репрезентирует для меня предмет, будучи переживанием воспоминания. Поскольку это так, постольку предмет имманентен переживанию. С другой стороны, осуществляется отмежевание переживания от предмета – последний становится частично трансцендентным переживанию. Решающим теперь является то, что эта частичная трансценденция коренится как в самом переживании, так и в отношении постижения к этому переживанию. Обращая внимание на предмет, я при-

вожу к различающему сознанию структурные взаимосвязи, которые содержатся в эмоциональном состоянии. Я выявляю их посредством элементарных логических операций, изолирую их, идентифицирую структурное отношение, имеющее место в настоящий момент, со структурным отношением, содержащимся в предшествующих переживаниях. Действуя таким образом, я могу в отстоящих друг от друга во времени моментах выявить отдельные черты переживаний, с которыми затем сцепляются другие черты. И по мере того, как я таким вот образом различаю имманентные переживанию отношения, само мое постижение переживания, руководствуясь содержащимися в этом переживании структурами, перемещается к переживаниям, которые структурно с этим переживанием связаны и образуют его основание. Представление о моих рукописях есть предметно постигаемое основание моего переживания, и, направляя на это свое внимание, я выделяю это представление из множества других представлений. От чувства, направленного на предметное, я отделяю чувство усталости, представляющее собой основание чувства озабоченности завершением этих рукописей. Различая, я осознаю структурные отношения этих составных частей. Именно вследствие структурной природы этого единства переживания постижение требует дальнейшего движения к оставшимся позади, структурно взаимосвязанным переживаниям. Я устал от трудов, мне известно состояние моих рукописей, я озабочен незаконченностью того, что лежит передо мной и завершение чего требует от меня еще многочисленных усилий, которые едва ли поддаются обозрению. Все эти «о», «от» и т. д., все эти отношения того, что мне вспоминается, к тому, что переживается, короче говоря, эти внутренние структурные отношения – все они должны быть постигнуты мной, если я намерен исчерпать полноту переживания в такого рода постижении. Именно для того, чтобы совершить это, я должен, следуя структурному строю, возвращаться к воспоминаниям о других переживаниях.

Доставляемое воспоминанием переживание трансцендентно сознанию, живущему переживанием настоящего. Оно есть нечто такое, что лежит вне этого сознания. Оно полагается не как нечто вообще трансцендентное сознанию, но как то, что трансцендентно настоящему моменту этого сознания, наполненному переживанием. Эту трансценденцию я называю трансценденцией переживающего сознания. Поэтому течение времени и связующее его воспоминание представляют собой объективное основание для отправляющегося от переживания возникновения сознания трансценденции. И одновременно я уверен в объективной реальности этого трансцендентного, следуя структурному отношению,

связующему воспоминание с переживанием. В переживании я замечаю еще и нечто другое. Обратное продвижение от переживания к психической взаимосвязи, руководствующееся заключенными в этом переживании структурными отношениями, демонстрирует мне в качестве своего условия тенденцию, направленную на исчерпание непостижимого переживания и реализацию равенства между самим переживанием и высказыванием о нем. Этот психологический факт не поддается дальнейшей экспликации. Психическая энергия, направляемая на осуществление актов, необходимых для достижения этого совпадения, заключается как раз в том, что закономерное продвижение по линии структурной сущностной особенности, согласно которой переживаемое положение дел обратным образом требует все новых членов, вызывает чувство удовлетворения в том случае, если это требование удовлетворяется. Этот процесс не включает в себе иной ценности, чем та, что связана с удовлетворением актов, направленных на исчерпание переживания. В этом задействован не произвол, но, скорее, процесс продвижения ко все новым членам взаимосвязи, обусловленный самим положением дел и тем удовлетворением, которое заключено в исчерпании этого процесса.

Восполнение переживаний до психической взаимосвязи основывается на закономерности продвижения за пределы любого постигаемого содержания переживания; это продвижение обусловлено положением дел, и с каждым его шагом связано удовлетворение, которое постоянно сменяется неудовлетворением, вытекающим из неисчерпаемости переживания. Будет также показано, что факт внешнего восприятия является основанием для необходимого продвижения актов к некоторому трансцендентному предмету.

В ходе этого процесса возникает, таким образом, созерцание психической взаимосвязи. Оно становится предметом постижения. Переживание теперь сопрягается с психической взаимосвязью, частью которой оно является. Для связующего сознания оно теперь представляет собой часть наряду с другими частями, образующими взаимосвязь. Однако особая природа психического предмета не исчерпывается отношением отдельного переживания – как части – к целому психической взаимосвязи. Положение дел, включающее в себя структуру, структурное единство переживания, корнящееся в определенном действии, а также структурные отношения переживаний друг к другу и, наконец, структурные отношения разновидностей действия между собой – все это является основанием для возникновения созерцания психической взаимосвязи. Если же мы зададим себе вопрос, что имеется в виду, когда мы говорим об этой взаимосвязи, то это – в отличие от простой сум-

мы или совокупности частей, образующих некое целое, – будет единство психической жизни, конституируемое благодаря всеохватывающим и связующим все члены отношениям. Точно так же, как в понятии субъекта или «я» действие по отношению к предметному, стало быть, и структурное отношение как в актах переживания, так и между актами, и есть то самое, что только и конституирует это понятие. Эта психическая взаимосвязь частично трансцендентна, поскольку в ней всегда содержится еще и переживание, и она трансцендентна частично только для переживающего сознания.

Постижение переживания посредством элементарных логических операций и дискурсивные акты мышления мы разводили до сих пор только с помощью абстракции. Ибо акты, реализация которых должна привести к исчерпанию переживания и которые ведут к конституированию психической взаимосвязи как некоторого предмета, включают в себя обозначение, образование понятий и суждение. Дефинитивная твердость предмета достигается только в полагании через суждение. Согласно этому, с другой стороны, процесс, в ходе которого психическая взаимосвязь постигается как предмет, есть продвижение к постижению переживания, которое дает более подобающее, более надежное, более основательное выражение тому, что содержится в этом переживании. И здесь также возникает двоякое отношение адекватной репрезентации переживаний и одновременно трансценденции, возникающей в ходе постижения. Суждение имеет в виду переживание. Оно представляет собой обусловленную природой знаков репрезентативную взаимосвязь, которая сопрягается с переживанием. В суждении всегда содержатся моменты, выражающие сущностные определения психического. Уже простое высказывание о некотором переживании – например, что это страдание непереносимо, – содержит два такого рода сущностных определения, которые выходят за пределы отдельного переживания и как таковые предстают передо мной независимыми от этого переживания. То, что имеется в виду в суждении, есть, следовательно, положение дел, трансцендентное переживанию и указывающее на некую психическую взаимосвязь по способу сущностного определения или связи сущностных определений. И эти сущностные определения – если руководствоваться адекватностью – не могут быть сведены к переживаниям. Они направлены только на то, чтобы их исчерпать, привести к ясному сознанию, объединить.

Теперь же предмет постижения, основывающегося на переживаниях, – психическая жизнь или субъект – репрезентируется в понятиях, которые могут образовываться различным образом. Любое из на-

правлений этого образования фундировано в природе этого предмета и в том способе, которым он дан. Содержащееся в сознании требование достижения объективно значимого знания и цели, преисполненной безусловной ценности, привело школу Сократа к признанию разумного субъекта, обитающего в глубинах душевной жизни, в качестве необходимого условия удовлетворения этого требования. Вместе с тем было положено начало развитию трансцендентальной психологии. С другой стороны, те, кто наблюдает людей, – поэты и историографы – представляют человеческое существо состоящим из продуктивных возможностей (таких, как живость ума, остроумие, властолюбие, любовь к отечеству, эгоизм), которые, оказывая совокупное воздействие, являют собой добродетели и пороки, соединенные в различных пропорциях. Это направление, ориентированное на составление психического предмета из способностей, приводит к возникновению теории психических функций в силу того, что телеологическое взаимодействие способностей, ведущее к образованию совокупного процесса психической жизни, постигается как некое объемлющее положение дел, существующее в психической взаимосвязи. Этот психологический вид постижения развивается в немецкой психологической школе, которая имеет своих классических представителей в лице Тетенса и Канта. Если же, напротив, проводится идея строго причинной взаимосвязи психических процессов, если психические изменения понимаются на основании единообразия психических событий, то возникает, опять же, иной порядок психологических понятий. Или же можно проследить структурные отношения, которые связывают переживания индивидуальной психической жизни во внутреннюю телеологическую взаимосвязь, – это направление, которому мы стремимся здесь следовать. И наряду со всеми этими попытками понятийного постижения психической взаимосвязи постоянно продолжает оставаться действенным религиозное самоосмысление, которое хотя и прибегает к понятийным репрезентациям, но всегда придерживается представления о тайне душевной жизни, тайне, которая связывает реальным отношением эту жизнь с божественным. Внутренний опыт, связь с Богом, отказ от собственного «я» – все это конституирующие переживания для этого постижения жизненного процесса и для этого опредмечивания внутреннего мира. Любое такое опредмечивание переживания схватывает лишь одну сторону психической действительности. И все же каждое из них всякий раз давало возможность целым эпохам выражать в понятиях переживаемую психическую реальность и оказывать на нее подобающее воздействие посредством этих понятий.

Свяжем же теперь отношение переживания и постижение психических предметов. Внимание к психическому факту, его наблюдение и постижение в рамках психической взаимосвязи, суждение относительно постигнутого и, наконец, систематическое единство знания психической взаимосвязи – все эти различные виды постижения способны выражать любую реальность в той мере, в какой та совпадает с переживаниями. И здесь мы всегда имеем дело только с репрезентациями того, что пережито. Точно так же понятие психической взаимосвязи обозначает некую реальность, поскольку те репрезентации, посредством которых она устанавливается, несомненным образом содержатся в переживании. Конечно, постижение, основывающееся на переживании, сходно с постижением, фундированным чувственным созерцанием, в том, что оно включает сопряжение с некоторым предметом. Однако оно отличается от него одним моментом, который является определяющим для теории и для метода знания в этой области. Составные части, закономерности, разновидности действия, внутренние структурные отношения содержатся в самом переживании. Постигание психической взаимосвязи есть такая же бесконечная задача, как и постижение внешних объектов. Однако эта задача ограничивается только тем, чтобы извлечь из переживаний лишь то, что в них содержится. Реальность психического предмета, следовательно, эксплицируется одновременно и все более полным, и все более понятийным образом. Процесс постижения всегда содержит в себе оба момента: удовлетворение, возникающее в результате идентификации с переживаниями того, что имеет характер понятия и суждения, и чувство неудовольствия, вызванное невозможностью до конца исчерпать переживания. Сообразно этому ошибка психического постижения заключается, прежде всего, в иллюзорной надежде до конца исчерпать все содержание переживаний, двигаясь при образовании понятий в каком-то одном направлении.

3. Отношение между созерцанием и чувственными предметами

От рассмотренного постижения психической взаимосвязи отличается постижение внешних предметов. Если первое характеризуется тем, что имеет свое основание в переживании, а также особенностями того, что переживается, то второе характеризуется тем, что имеет своим основанием чувственное созерцание, а также его основными особенностями. Быть представленным, если понимать это в смысле наличия передо мной содержания, – это тот способ наличия для меня чувственно созер-

щаемого, который неотъемлем от него как такового. Чувства или стремления суть разновидности действия, которые могут быть репрезентированы как содержания, чувственно созерцаемое же, напротив, наличествует только как содержание.

Чувственно созерцаемое – если отвлечься сейчас от безграничного многообразия содержания – содержит также различия в том способе, каким содержания наличествуют для меня. Свободное представление некоторого цвета, звука, быстрая смена неопределенных зрительных образов перед погружением в сон, воображаемые заросли растений, по размерам своим и цвету выходящие за пределы того, что бывает в действительности, восприятие предмета, представление того же предмета, которое доставляет нам воспоминание, – все это элементы такого рода многообразия. Особенно ясно проступают два различия. Чувственно созерцаемое – это либо свободное представление, например некоторый цвет, либо же нечто, допускаемое по мере фантазии, например упомянутые заросли, или же определяемая актом восприятия данность. С другой стороны, чувственно созерцаемое либо сопрягается с некоторым предметом, как, например, отдельное восприятие собора Св. Стефана, либо же оно наличествует для меня без подобного сопряжения содержания с некоторым отличным от него <предметом>, как какой-нибудь представляемый цвет или звук.

Между этими формами в многообразии чувственно созерцаемого существуют, в свою очередь, связи, которые важны как для размежевания разновидностей действия, так и для теории знания, ибо они затрагивают структурно обусловленные и телеологические отношения, основывающиеся на действии чувственного постижения.

В пределах данного многообразия чувственно созерцаемого отношение между актом, чувственно созерцаемым и предметом образует некое структурное единство. Наиболее отчетливо это отношение обнаруживается, если исходить из суждения относительно чувственно данного. В нем предметное определяется посредством чувственно данного в созерцании. Следовательно, предметное должно быть каким-то образом заключено в восприятии (как в том, в чем оно дано). Но так это и есть в действительности.

Я исхожу из восприятия какого-нибудь предмета, например, дерева. Что от него действительно дано⁴ ..., так это ствол, части ветвей, листва, и все это – с определенной точки зрения. Этот единичный образ я дополняю репрезентациями. Результат этого постижения получает свое единство в силу сопряжения с одним и тем же предметом. Самые различные способы постижения – созерцания, языковое обозначение, представле-

ния различной степени живости и полноты – связаны в единую систему внутренних отношений. Совокупную систему этих отношений мы называем целостным представлением, понимая, конечно, слово «представление» в самом широком смысле. В этой системе, как мы видим, лишь одна небольшая часть дана чисто в созерцании. Данное таким образом мы называем чистым созерцанием. Здесь предмет дан в самом чувственном созерцании. И этот характер данности, присущий такому чувственному восприятию, не есть содержание, присоединяющееся к другим содержаниям, из которых складывается воспринимаемое в качестве чувственно созерцаемого. Он означает, скорее, тот способ, каким созерцаемые содержания наличествуют для меня в чувственном восприятии. В противоположность чистому характеру однозначно определенной данности, который присущ такому чистому созерцанию, репрезентации, связанные с этим созерцанием в целостное представление, открывают простор для свободного действия. Характер этой данности проясняется, в свою очередь, через рефлексию того обстоятельства, что один и тот же предмет встречается в различных видах действия. Так, с наличием предмета восприятия благодаря рефлексии связываются переживания, которые имели место в ходе осуществления волевого действия относительно этого предмета: сопротивление, невозможность изменения, давление внешнего мира. Ведь то, что воспринимается и наделено характером данности, оказывает сопротивление, оно не может быть изменено, оно оказывает давление на субъект. Из этих отношений, связующих восприятия, возникает характер объективной необходимости, с которой в процессах предметного постижения полагается содержание этих восприятий, равно как и содержание всех их репрезентаций. Следовательно, характер данности, присущий чувственному восприятию, есть основание необходимости любого высказывания о предметах в пределах чувственного постижения. Даже если характер данности восприятия и указывает на нечто такое, что само не есть восприятие, все равно это отношение без всякого содержания и вне круга постижения, всегда требующего какого-то «что», какого-то содержания, заключается в имманентных отношениях содержательно определенных членов этого постижения.

От восприятия отличается преставление, данное в воспоминании. Оно репрезентирует то, что было воспринято. Отражение получает характер репрезентации, когда в воспоминаемом представлении мы вновь опознаем тот же предмет. Здесь, таким образом, действительно имеет место репрезентация на основании отражения, и все в целом понятие познания как отражения восходит к отношению воспоминания к восприятию.

В связи, которая сопрягает члены структурной взаимосвязи в ходе предметного постижения, важным элементом является, в свою очередь, отличие отдельного восприятия от предмета и его отношение к этому предмету. Отдельное восприятие сопрягается здесь с предметом посредством целостного представления. Здесь также речь идет не о генетическо-психологическом отношении, а об отношении фундирования. Столь же мало, как реальное восприятие, в сферу опыта входит и сопряжение восприятия с отличным от него предметом. Однако вполне ясно логическое принуждение, которое оказывает это положение дел. То, что попадает в сферу опыта, может служить лишь прояснению этого принуждения. На морском горизонте появляется предмет. Он увеличивается по мере приближения. С восходом солнца изменяется цвет предмета. Допустим, что я – островитянин, который никогда прежде не видел корабля и который теперь соединяет между собой эти образы. Они различны, но континуальность, которая связывает моменты непрерывного наблюдения, принуждает к тому, чтобы относить их к одному и тому же предмету. Описанный процесс служит лишь прояснению того, каким образом из принуждения самих отдельных конкурирующих опытов вытекает требование примыслить то, что не дано ни в одном из этих отдельных опытов. Это целостное представление репрезентирует множество отдельных восприятий, сопряженных, однако, только с одним предметом. Оно дано в созерцании и все же не может быть действительно реализовано ни в каком созерцании. Оно означает некую задачу, и чтобы ее разрешить и действительно познать подразумеваемый предмет, постижение влечется ко все новым актам репрезентации.

Таким образом, в чувственном постижении имеет место сопряжение с предметом, которое в одном пункте, важном для теории знания и учения о методе, отличается от постижения того, что имеет психический характер. Предмет трансцендентен восприятию, любое отдельное восприятие неадекватно предмету, и репрезентации направлены на то, чтобы приближаться к предмету.

4. Структура постигающего переживания

Итак, в структуре постигающего переживания и в той, и в другой области можно различить три момента. Одна ее особенность состоит в отношении к предметному – в соответствии с этим одно и то же может быть представлено по мере восприятия и фантазии или же постигнуто по мере выдвижения предположений и формулировки суждений. Виды струк-

турных отношений, коренящиеся в различных способах постижения, могут быть направлены на один и тот же предмет – каждый сам по себе. Наряду с этим различные предметы могут находиться – восприниматься, мыслиться или волиться – в одном и том же структурном отношении. Разновидность отношения к предметам и предметы могут изменяться независимо друг от друга. Я могу выносить суждение относительно каждого из возможных предметов, и один и тот же предмет может – наряду с моим судящим действием по отношению к нему – вступать в разнообразные структурные отношения. И, наконец, содержание переживания, образующее в то же время материю направленности на предмет, отличается не только от действия, но и от предметной направленности. Содержание, например комплекс чувственных впечатлений от восприятия некоего дома, только и делает возможным отношение к такому единичному предмету, как дом. Однако различные содержания в разное время суток, при различной погоде, с различных точек зрения сопрягаются с одним и тем же предметом – с этим определенным домом. А, с другой стороны, например, одно и то же содержание пережитого во сне неопределенного впечатления допускает различные толкования, то есть оно может сопрягаться с различными предметами.

5. Постигающие переживания как структурные единства и их внутренние отношения

1.

Все переживания, которые выделяются своим характером предметного постижения, связаны, в свою очередь, внутренними отношениями друг с другом. Эти структурные отношения пронизывают все переплетения, соединяющие чувства и волевые намерения с предметным постижением. И сколь бы далеко ни отстояли друг от друга постигающие переживания, какой бы модификации они ни подвергались со стороны изменяющихся обстоятельств – внешних и внутренних, – ровно в такой же степени они могут связываться между собой отношениями, общими для процессов предметного постижения. Они связывают эти переживания друг с другом во взаимосвязь особого рода. Будучи захвачен процессом познания, я могу быть отвлечен каким-то сообщением, вошедшим человеком или физическим недомоганием. Это отвлекающее обстоятельство может длиться и далее, пока я буду продолжать тот процесс познания, в который я вовлечен, – и тем не менее эти далеко отстоящие друг от друга пе-

реживания познания связываются как части в совокупное целое моей взаимосвязи познания. Последняя обусловлена характером отношений в системе предметного постижения. Ибо в этих отношениях заложена тенденция распространения на всю психическую жизнь.

2.

Отношения переживаний в пределах предметного постижения связывают два содержания, обнаруживающихся в этих переживаниях. Эти содержания входят в положение дел, которое дано предметно. Вместе с существованием двух интенсивных величин, дана также и степень интенсивности. Фактическая связь качества цвета с экстенсивной протяженностью включает в себя и то, что цвет не может быть представлен без протяженности. Несмотря на то, что постижение этого положения дел предполагает акты связывания и разделения, такого рода отношения имеют место не между этими актами, но между содержаниями, входящими в этот фактический состав. Значимость указанных отношений не зависит от актов сознания, в которых они постигаются. Равным образом силлогизм выражает только логические отношения, коренящиеся в предметном, а не отношения между актами мышления. Посылки и заключение связываются в конце концов во взаимосвязь, природа которой – обоснование заключения посредством посылок. Однако в силлогизме не постигаются в качестве обосновывающих акты, но в нем постигается некое положение дел. Предметное постижение не сопровождается осознанием тех мыслительных операций, которые мы выполняем. В нем присутствуют только содержания и отношения между содержаниями. Подход, трактующий множество различных элементов, выделяемых в содержании предметного постижения, как множество актов, комбинирующихся в ходе порождения представления взаимосвязанного целого, выходит за пределы дескриптивно устанавливаемого фактического состава. В основание этого фактического состава в качестве условий, налагаемых сознанием, подводятся в таком случае акты, которые соответствуют объективным отношениям. Акт означает в таком случае условие сознания, необходимое для знания объективного отношения. Поддающееся выявлению структурное отношение в пределах постижения существует только между действием и содержанием, которое служит материей для определения предмета.

Это структурное отношение, кроме того, определяет в двояком направлении продвижение к постижению той предметности, которая

позволяет в переживаемом и созерцаемом констатировать всё новые отношения. В одном направлении протекает процесс постижения предметного через ряд репрезентаций, которые должны исчерпать все то, что содержится в переживании и созерцании. Другое направление включает переживания, в которых постигаются отношения между различными предметами.

Таким образом, отношения связывают в первую очередь те постигающие переживания, в которых один и тот же предмет различным образом наличествует для нас. Созерцание, воспоминание, целостное представление, именование, подведение частного под общее, связывание частей в некоторое целое, суждение – все это способы постижения. Когда мы переходим от созерцания к воспоминанию или к суждению, то – без всякой смены предмета – изменяется тот вид и способ сознания, каким этот предмет наличествует для нас. Общая для всех этих способов постижения направленность на один и тот же предмет связывает их в телеологическую взаимосвязь. В нее входят только те переживания, которые работают на постижение этой определенной предметности. Этот телеологический характер, обусловленный направленностью на постижение предмета, обнаруживается, кроме того, в том, что все отношения между способами постижения одной и той же предметности отличаются тем, что все эти способы включают в себя достоверность своей истинностной ценности в ходе идентификации того, что они имеют в виду, с тем, что лежит в их основании и является созерцаемым или переживаемым. Выражением этой достоверности является сознание убежденности. Оно представляет собой осознание достигнутого совпадения акта постижения с тем, что переживается или созерцается. Так, суждению соответствует направленность на постижение предмета, если оно сопровождается осознанием того, что подразумеваемое в нем есть сама вещь, сознание же убежденности, сопровождающее истинное суждение, есть выражение непосредственно или опосредованно производимого совмещения с самой вещью, которая дана интуитивно. Только этот телеологический характер существующей здесь взаимосвязи и определяет продвижение от одного члена этой взаимосвязи к другому. Как мы видим, в положении дел, включающем в себя данную в переживании и созерцании материю постижения и сопряжение ее с предметом, есть момент, который ведет постижение ко все более адекватной форме. Каждая такая форма должна – как сопрягающаяся с одним и тем же предметом – иметь возможность реализовать идентификацию с созерцаниями или переживаниями, в которых дана материя для постижения это-

го предмета. И пока переживание еще не исчерпано или же пока предметность, данная в отдельных созерцаниях частичным и неадекватным образом, еще не получила адекватного выражения, то, что имеется в виду, или то, что высказывается, содержит некоторый изъян, требующий подобающего выражения. Таким образом, мы окинули взглядом всю полноту отношений между постигающими переживаниями, которые коренятся в структуре этих переживаний и в структурных отношениях способа выражения, вытекающих из связи этих переживаний с одним и тем же предметом.

Мы попытаемся прояснить то построение, в котором конституируется возникающая таким образом взаимосвязь. Восприятия, которые относятся к одному и тому же предмету, сопрягаются друг с другом в телеологической взаимосвязи, поскольку они направляются к тому же самому предмету. Обратная сторона некоторого объекта или же его внутренняя часть лишь со-подразумевается в случае отношения восприятия, которое не содержит ни того, ни другого. И поэтому это восприятие нуждается в другом восприятии, которое восполняет материю постижения предмета. В этот процесс восполнения уже вовлечено воспоминание. Последнее, входящее во взаимосвязь предметного постижения, прочно связано с интуитивным основанием, и эта связь заключается в том, что воспоминание наделено функцией замещения этого основания. Здесь отчетливо обнаруживается различие между постижением переживания, доставляемого воспоминанием, которое изучает лежащий в основании этого переживания процесс на предмет его единообразия, и рассмотрением воспоминания согласно его же функции во взаимосвязи постижения, состоящей в замещении или репрезентации пережитого или постигнутого. Под воздействием и влиянием душевного состояния воспоминание может вбирать в себя содержания, отличные от тех, что лежат в его основании, – именно это является фундаментом эстетических образов фантазии. Но воспоминание, включенное в указанную телеологическую взаимосвязь, нацеленную на постижение предмета, направлено на отождествление с материей созерцания и переживания предметного постижения. Возможность установления сходства воспоминания с основанием восприятия предметного постижения и показывает то, что воспоминание выполняет свою функцию в процессе предметного постижения.

Сигнификативное постижение, которое надстраивается над интуитивным, основывается на переживании или созерцании. Между выражениями существует некая система отношений. Под выражением мы понимаем «любую *речь* и любую ее часть, равно как и любой существ-

венно сходный с нею знак»*. И такие выражения отличаются от знаков иного рода тем, что они нечто значат. «Если мы поначалу будем оставаться на почве психологической дескрипции, то конкретный феномен оживленного смыслом выражения подразделяется, во-первых, на *физический феномен*, в котором конституируется выражение со своей физической стороны, и, во-вторых, на *акты*, которые придают ему *значение* и, возможно, *созерцательную полноту*, в которой конституируется отношение к выраженной предметности»**. Поскольку выражение таким вот образом сопрягается с предметностью, оно нечто подразумевает. Поскольку выражение осуществляет это отношение с помощью актуального или актуализированного созерцания или переживания, отношение между именем и тем, что именуется, реализуется в «наполнении значения»***. Причем физический феномен выражения и отношение его к подразумеваемой предметности есть не просто нечто сосуществующее, одновременное, но они образуют внутреннее единство. Особенность последнего заключается в том, что мы, переживая представление слова, живем, тем не менее, не актом этого представления, но исключительно осуществлением его смысла, его значения****. Наш интерес направлен на подразумеваемый предмет. И этот интерес исходит из наглядного представления слова и, следуя его функции, устремляется к предмету и указывает на него. Переживание, относящее имя к предмету, который является значением этого имени, и полностью реализующее это отношение посредством соответствующего созерцания, образует, таким образом, внутреннее единство, которое характеризуется способом отношения, корнящимся в сущности значения. Здесь ничего не меняет то обстоятельство, что это переживание составлено из ряда актов, образующих его части, и что оно фундировано в некотором созерцании. Оно представляет собой структурное единство.

* Husserl, Logische Untersuchungen II, p. 30 [ср.: Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II (1). М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 42. Расхождения с указываемым русским переводом вызваны тем, что Дильтей цитирует первое издание «Логических исследований», тогда как перевод выполнен по второму, измененному изданию этой работы].

** Log. Unters. II, 37 [ср.: Гуссерль. Указ. соч. С. 47].

*** Husserl, ebenda II, 38 [Гуссерль. Указ. соч. С. 48].

**** ebenda II, 39 [Гуссерль. Указ. соч. С. 49].

Переживание суждения имеет составной характер в еще большей степени⁵. И здесь мы вновь встречаем уже наблюдавшуюся связь. Структурированное единство, которое существует в переживании и которое может быть разложено на несколько моментов (на акты, составляющие его части), всегда определяется одним отношением, которому подчинены другие отношения. В переживании суждения таковым выступает отношение сигнификативно осуществляемого высказывания к тому предметному, о котором оно высказывается.

Теперь мы рассмотрим ту сторону суждения, которая связывает слова в предложение. Здесь нам встречается новое структурное отношение из сферы высказываний – то, которое регулирует связь отдельных элементов речи в высказывании. Речь здесь идет о разрешении проблемы, которую можно назвать чистой грамматикой. Язык имеет «не только физиологический, психологический и культурно-исторический, но и априорный фундамент. Это касается сущностных форм значения и априорных законов их усложнения или модификации. И нельзя помыслить такой язык, который сущностно не определялся бы еще и этими законами»*. Значение речи связано с существующей здесь закономерностью, поэтому ее нарушение приводит к бессмыслице. «Если мы скажем *круглое или, человек и есть* и т. п., то не существует вовсе никаких значений, которые соответствовали бы этим сочетаниям в качестве выражаемого ими смысла»**. Здесь имеет место интересный пример метода считывания внутренних отношений с внешней формы. В области значений господствует априорная закономерность, «согласно которой все возможные формы находятся в систематической зависимости от небольшого числа примитивных форм, устанавливаемых законами существования. Вместе с этой закономерностью – поскольку она является априорной и чисто категориальной – мы достигаем научного осознания основной и главной части конституции «теоретического разума»»⁶.

В этой ориентации постигающих переживаний, согласно которой они нацелены на схватывание и выражение предметности во все более подходящих формах, уже заключено, однако, продвижение переживания или отдельного созерцания в направлении ко всеобщему, так как положение дел может быть прояснено только посредством имен, понятий, суждений. Даже если конечный пункт пути связан с установлением некоторого факта или закономерности, путь к этому конечному пункту всегда

будет идти через всеобщее. И в том, и в другом случае постижение предмета завершается и тенденция к этому постижению удовлетворяется только сознанием того, что мы обладаем самой вещью, и обладаем ею полностью. Но если уже в этой ориентации заключено продвижение ко всеобщему, то значит она требует продвижения от отношений, которые обнаруживаются в единичном объекте, к тем отношениям, которые имеют место в более обширных предметных взаимосвязях. Так одно направление отношений ведет к другому. В одном направлении между собой были связаны переживания, нацеленные на все более адекватное постижение одного и того же предмета посредством различных форм репрезентации. В другом направлении связываются переживания, которые схватывают отношения между изменяющимися предметами, – будь то посредством одной и той же формы постижения или же посредством связывания различных форм. Так возникают более обширные сопряжения, которые включены в предметные положения дел. Особенно отчетливо это видно в гомогенных системах, представляющих собой пространственные, звуковые или числовые отношения*. Любая наука ограничивает свою деятельность одной определенной областью предметов, и в ней она обретает свое единство. И взаимосвязь научной области порождает сопринадлежность предложений, выражающих знание. Завершением всех отношений, содержащихся в переживаемом и созерцаемом, было бы понятие мира. В это понятие включено требование выразить все, что может переживаться или созерцаться, через взаимосвязи содержащихся в переживаемом и созерцаемом отношений фактического. И поэтому, в конце концов, можно сказать, что структурное отношение, состоящее в определении предмета посредством переживаемого или данного содержания, порождает систему предметных отношений и в них выражается, а также что благодаря этому структурному отношению переживания этого класса сопрягаются друг с другом все более широким и все более тесным образом.

3.

Объединяя изложенные моменты предметного постижения, мы приходим, таким образом, к разумению того, что обнаруживается здесь как сущность познания. Чтобы узнать, что такое познание, мы должны спросить, что следует понимать под его составными частями – под ак-

* ebenda II, 319 [ср.: Гуссерль. Указ. соч. С. 316].

** ebenda II, 312 [ср.: Гуссерль. Указ. соч. С. 305].

* Beschr. Psych. 44 [GS V, 172].

том восприятия, под словесными обозначениями, под суждениями. На это можно ответить так: под этим следует понимать то, что имеет в виду воспринимающий, представляющий, судящий в то время, когда он осуществляет эти акты. Переживающий достоверно знает, что он переживает. Этот вид достоверности не указывает на что-либо, лежащее позади него, он покоится в себе самом. Если же мы затем образуем идеальное теоретическое понятие чистого созерцания, то вместе с последним в силу характера данности будет полагаться и некая реальность, указывающая на то, что устанавливает эту данность, делает возможным ее незыблемость и ее давление. Поначалу это можно рассматривать как некий факт; однако его следует прояснить, чтобы правильно оценить фундированные им особенности актов познания. Любой другой акт, который образует составную часть предметного постижения, строящегося на этих основаниях, обозначает, имеет в виду, означает возврат к переживанию или чистому созерцанию. Этот же акт⁷ обозначает, значит или имеет в виду некоторый предмет, который постигается на основании того, что содержится в переживании или созерцании. Предмет имманентен переживанию. В созерцании, которое на деле включено в наше постижение, – в этом созерцании он есть, напротив, то, с чем сопрягаются соперничающие друг с другом отдельные созерцания. Акты постижения представляют собой поначалу элементарные логические операции: обнаружение равенства, различение, определение степеней, связывание, размежевание, часть и целое согласно отношению сосуществования, равно и как связанность, различенность окружающей среды, наконец, постижение фактических отношений. Эти элементарные операции могут быть осуществлены помимо какого бы то ни было обозначения посредством слов или посредством знаков иного рода. Они суть восприятия второй степени и выражают только положение дел, которое при этом обладает примечательным своеобразием в границах созерцания. Элементарные операции выявляют положения дел. Эти последние наличествуют для меня не как факты сознания, но выступают в качестве независимой от сознания действительности. В этом отношении им присуща определенная независимость от перемен в потоке сознания, особый вид всеобщности. Подобно тому, как качество звука остается равным самому себе, хотя отдельные звуки сменяют друг друга, дистанция между двумя звуками как таковая также есть некий факт, который сохраняет свою тождественность в психической смене музыкальных переживаний. Эти положения дел суть сущностные определения, и в качестве таковых они являются основополагающими для познания, поскольку

оно означает нечто большее, чем появление или совместное пребывание в сознании.

Постижение пережитого представляет собой ценность и цель и помимо постижения чувственных положений дел. Аналог последним можно обнаружить в простых формах высказывания о том, что нечто является красивым или хорошим (не только для меня, но и вообще), – обнаружить в качестве того, что подразумевается в этих высказываниях. Оно также требует оснований, которые еще предстоит разыскать.

4. СОДЕРЖАЩАЯСЯ В СТРУКТУРЕ ПОСТИЖЕНИЯ ТЕНДЕНЦИЯ К СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ И ЗАВЕРШЕНИЕ ЭТОЙ ТЕНДЕНЦИИ В НАУКЕ

Таким образом, в предметном постижении согласно самой природе положений дел, содержащихся в переживании и созерцании, заключено требование повсеместного установления отношений между всем тем, что может переживаться и восприниматься. И одновременно в структуре схватывания заложен единый принцип, порождающий эту взаимосвязь и содержащий в себе гарантию ее значимости.

Восприятие, образование предметного представления, в котором отдельные образы восприятия определенным образом сопрягаются друг с другом, так что отдельный предмет определяется ими содержательно, подведение особенного под общее, подведение видов под род, связь частей в целое, акты обозначения и возникающее на их основании суждение в своих различных формах, связывание суждений вплоть до образования систематической взаимосвязи некоторой области познания, – все эти акты обнаруживают общий характер: они находятся в отношении репрезентированного и репрезентирующего. Каждый член указанной здесь взаимосвязи репрезентируется посредством другого члена, и то, что является последующим в этой взаимосвязи, представляет собой репрезентацию предыдущего. Так представление предмета репрезентирует содержания восприятия, с которыми это представление сопрягается. Всеобщее представление репрезентирует единичные представления. Связь признаков некоторого понятия репрезентирует индивидуальные представления, входящие в объем этого понятия, и, наконец, взаимосвязь познания, охватывающая одну из предметных областей, репрезентирует совокупность восприятий, которые сопрягаются с этими предметами.

Вся психология этой взаимосвязи предметного постижения имеет своим центральным пунктом указанное понятие репрезентирования,

а своей главной задачей – прояснение этого понятия. Ясно, что это понятие включает в себя совершенно различные модификации действия и что разыскание этих модификаций есть необычайно трудное и запутанное дело. Ибо данное в воспоминании единичное представление репрезентирует восприятие в смысле, совершенно отличном от того, каким образом суждение репрезентирует созерцаемое или переживаемое.

Переживание, связанное отношением репрезентации с одним или несколькими обуславливающими его переживаниями, основывается на этих последних. Под сказанным здесь понимается не генетическая связь переживаний друг с другом. «Основываться» не означает здесь «быть обусловленным генетически». Это означает, скорее, отношение между обосновывающими и обосновываемыми актами, согласно которому одни представляют собой правовое основание других. Здесь выясняется, что отношение основания имеет место не между актами, а между тем, что в этих актах содержится.

Так отношению между репрезентируемым и репрезентирующим соответствует отношение между обосновываемым и обосновывающим. Суждение восприятия, в конце концов, имеет своим фундаментом, или своим правовым основанием, один или несколько актов восприятия, которые репрезентируются посредством суждения. Таким образом, все указанные переживания пронизывает одно и то же отношение, согласно которому одни переживания репрезентированы в других переживаниях и обосновывают их.

Таким образом, в любое переживание, содержащее некоторую репрезентацию и являющееся обоснованным, включено отношение к переживаниям, которые в нем репрезентированы и обосновывают его. И, кроме того, все переживания, заключающие в себе репрезентированность, обоснование, репрезентацию, обоснованность, связаны друг с другом в одну взаимосвязь однородностью действия, свойственной этим переживаниям, и отношениями, полагаемыми в этом действии. Разновидность действия – это то, что определяет вид этой взаимосвязи и одновременно содержит в себе момент своей связи с некоторым целым. В этих отношениях содержатся неизменно присутствующие отношения, лежащие в основании предметного постижения. Таков неизменный фон, который то здесь, то там выхватывает переменчивый свет мгновенного осознания.

II. ПРЕДМЕТНОЕ ОБЛАДАНИЕ

I. ЧУВСТВО

Настоящее размышление требует предварительного изложения определенных положений, касающихся структуры чувства и воления. Речь же идет только о том, чтобы подготовить основания для проведения сравнительного подхода в теории знания. Необходимо освободить логику, а затем и всю теорию знания от ее преимущественного отношения к познанию действительности и сформулировать логические и научно-теоретические положения так, чтобы они равным образом относились как к познанию действительности, так и к установлению ценности, как к целеполаганию, так и к установлению правил. При этом элементарные операции, предвещающие дискурсивное мышление, постигаются во всех этих различных областях согласно своему отношению к дискурсивным операциям. Этот сравнительный способ рассмотрения позволяет затем установить, какие условия, вытекающие из структурной взаимосвязи предметного постижения, чувства и воления, являются определяющими для логических форм.

Применимо ли понятие структуры к переживанию чувства? Конечно же, однако в том случае, если переживания чувства представляют собой структурные единства, если во взаимоотношении этих структурных переживаний господствуют структурные отношения и если совокупность этих отношений в психической взаимосвязи приводит к результату, который в субъектно-имманентной телеологии психической взаимосвязи структурно связан с результатами предметного постижения и воления. На этом основании может быть затем показано, что структурные отношения чувства составляют область, ограниченную как от постижения, так и от воления. И тем самым для логики и теории знания эта область вместе с встречающимися в ней восприятиями раскроется как одна из трех областей, с которыми должны сопрягаться все общие логические и научно-теоретические констатации.

1. Ограничение переживаний чувства

В первую очередь необходимо установить общий характер тех переживаний, которые в обычном словоупотреблении имеют название чувств.

Когда от какой-нибудь формы предметного постижения мы переходим к чувству, то с самого начала обнаруживается, что они никоим образом не сопоставимы с чувством. Слуховое и зрительное восприятие, осязание можно сравнить друг с другом; суждение относительно увиденного предмета можно сравнить с восприятием, но когда я придерживаюсь определенного способа познания чувства, я не могу провести такого рода сравнение. Описательная психология, постигающая лишь то, что существует в развитой душевной жизни, обнаруживает, таким образом, в чувствах область психологических фактов, элементы которой хотя и вплетены везде в факт постижения или воления, но там, где они каким-то образом встречаются, они не поддаются сравнению с этими фактами.

Между чувственным восприятием, чувственной эмоцией и чувственным желанием я могу, конечно, обнаружить пункты сравнения – это общность содержаний, которые встречаются в различных видах действия, но сами эти разновидности действия не поддаются сравнению друг с другом.

Переживаемое таким образом различие отделяет чувство от предметного постижения, равно как и от воления. По отношению к анализу это различие дает о себе знать в первую очередь тем, что в чувстве выявляется противоположность, обычно именуемая противоположностью удовольствия и неудовольствия.

Чувства составляют многообразие, которое обнаруживает различия в интенсивности и в качестве. Они могут быть упорядочены по степени интенсивности: с одной стороны, друг за другом в позитивном направлении следуют степени интенсивности удовольствия, наслаждения и одобрения, и, с другой стороны, друг за другом в негативном направлении следуют различные степени неудовольствия, отвращения и неодобрения. Качественными различиями в чувствах могут быть названы удовольствие и неудовольствие в узком смысле, одобрение и неодобрение, наслаждение и отвращение.

В соответствии с этим признаком установим границы чувства и предварительно, следуя тому же признаку, отграничим область его переживаний. Чувства сплетены как с интеллектуальными, так и с волевыми переживаниями, и их присутствие в них простирается настолько широко, что можно говорить о повсеместном присутствии чувств в психической жизни. Внимание направляется интересом, последний же представляет собой участие чувства, возникающее на основании расположения и отношения к предмету. То же самое имеет место и в том случае, когда пускается в ход юмор или остроумие, что сопровож-

дается удивительными комбинациями чувств, доставляющих удовольствие. Когда же волевое действие сталкивается с напряжением или задержкой, то эти волевые состояния вызывают чувство неудовольствия. В противоположность этому удачный исход сопровождается чувством удовольствия.

Когда же мы говорим о чувстве сходства или чувстве действительности, то слово «чувство», напротив, используется в двояком смысле. Здесь дает о себе знать общий характер осознания, обуславливающий это двоякое использование выражения «чувство». Утверждение и отрицание, сомнение и уверенность сами по себе еще не доставляют ни удовольствия, ни неудовольствия. Есть чистая, беспримесная радость⁸ по поводу освобождения от предположений любого рода. И насколько в волевой сфере осознание, понимание обязательства моей воли по осуществлению какого-то поступка в силу акта, которым я себя обязал, не связано само по себе с чувством удовольствия или неудовольствия, – настолько же легко из взаимосвязи жизни проистекает определенное чувство боли, чувство ограничения. Таким образом, сознание волевого действия само по себе не является чувством, хотя очень сходно и связано с ним. Говоря в общем виде: существует осознание состояния, которое хотя и очень сходно с чувством и связано с ним, само, однако, не может рассматриваться как чувство. И подобно тому, как осознание здесь недостаточно отделено от чувства, равным образом и для переживаний, которые позволяют нам понять нечто от нас отличное – будь оно действительным или вымышленным, – выражение «последующее вчувствование» должно быть отброшено как слишком узкое. Речь здесь идет, скорее, о последующем переживании, в котором совокупная психическая взаимосвязь чужого существования в целом должна постигаться на основании того, что дано единичным образом.

2. Всеобщий характер действия в переживании чувства

Теперь же следует указать, что таким образом отграниченная область чувств обнаруживает во всех своих переживаниях одно и то же действие и одни и те же структурные особенности. Привлечение же других переживаний, которые не характеризуются через удовольствие или неудовольствие, напротив, не позволяет определить структурные единства, структурные отношения и телеологические процессы этой области.

Характер структуры в этой области обусловлен одной чертой действия чувства, на которую здесь можно лишь указать или же образно ее выразить, хотя ей и нельзя дать никакой дефиниции. В области предметного постижения переживание включает в себя направленность на определенный предмет, и различные переживания связаны здесь направленностью на постижение этого предмета. Переживание воли обнаруживает направленность на осуществление, на реализацию некоего факта как в единичном переживании, так и в отношениях переживаний друг к другу. Что же мы обнаруживаем в переживаниях чувства? Деятельность, как и направленность, исключены из этой области – не только в чувстве расположения, но и в чувстве, связанном с предметом, присутствует только состояние как вид действия – состояние, которое связано с постижением данного предмета, или такое, которое основывается на расположении субъекта. Способ, каким это состояние обусловлено внешними предметами или расположением субъекта, в случае такого, так сказать, инверсивного действия скрывается в глубине субъекта. Участие, которое принимают испытываемые на опыте факты в этом состоянии, теряется в том особом способе, каким это участие исчезает в целостном состоянии. Любое состояние чувств выражает лишь объемлющее действие этого глубинного измерения субъекта по отношению к его расположению и по отношению к предметам. В силу этого в мире чувств дан характер структуры, который совершенно отличается от характера структуры в двух других сферах. Это обнаруживается как в структурном единстве переживаний чувств, так и в структурных сопряжениях этих переживаний друг с другом.

Отсюда следует, что моменты, из которых состоят переживания этого класса, подчинены главному структурному моменту, переживаемому как чувство. Расположение переживается в чувстве, предметы в нем опробуются и служат источником наслаждения. Все переживания чувств едины в этом, и там, где они господствуют в душе, любое жизненное отношение, любой предмет, любая чужая индивидуальность является, по-видимому, поводом именно для того, чтобы переживать ее в опыте, страдать от нее, наслаждаться ею. И для того, чтобы обнаружить в собственном переживании многообразие возникающего таким образом мира чувств, следует обратиться к поэтам, которые учат нас находить в самих себе то, что в противном случае прошло бы незамеченным под напором жизни, – земную радость и земное страдание, самоотречение души, погруженной в устойчивую предметную действительность, язык настроений, на котором обращается к нам природа. Структура чувства состоит, таким образом, в этом возврате от предметов к действию. Эта возвратная отне-

сенность, даже если источником наслаждения и страдания в ней являются незначительные колебания, представляет собой настроение. Но поскольку субъект посредством репрезентаций прошлых переживаний чувства устанавливает твердые отношения предметов и людей к себе самому, а равным образом и систему отношений собственных чувств к вещам, индивидам, человеческим общностям (до всего человечества включительно), живя не теоретическим, но и не практическим действием, а этими устойчивыми сопряжениями, постольку такое жизнепонимание мы называем душевным складом. Последний основывается, следовательно, на воспоминании, которое репрезентирует переживания чувств и располагает эти репрезентации в упорядоченные отношения к вещам, личностям, общностям. Так возникает градация сосредоточенности душевного склада, включающая воспоминание, верность себе, постоянство переживаемых в чувстве отношений жизни вплоть до наивной или же осознанной и желаемой изоляции переживаний чувств в одних только настроениях, представляющих собой выражение мимолетного. В этом-то и состоит жизнепонимание, которое стремится испытать все, что есть в мире, – каждое само по себе и в свой момент. Теперь видно, что структура чувства делает возможной систему отношений, опосредованную репрезентацией, систему, которая сопрягает с одними и теми же предметами многочисленные переживания чувств. Из этих отношений следует, далее, что чувство, данное в качестве переживания, состоит из обширного многообразия качеств. Эти качественные определенности в самом переживании теснейшим образом связаны с расположениями и с предметами, вызывающими такого рода определенности. От объяснений генетической психологии, от утверждений аналитического метода относительно того, что в чувстве может быть различено или выделено на опыте, мы отделяем здесь способ рассмотрения, который имеет своим предметом только результат проявления чувств в психической структурной взаимосвязи. Чувство, если рассматривать его таким образом, хотя и не является системой, однако его результатом является, тем не менее, то, что универсум становится предметом всеохватывающей симпатии, гармония и диссонансы в нем доставляют наслаждение и страдание, индивид связывается эмоциональными отношениями с вещами, личностями и человеческими общностями, устанавливаются твердые объективные сопряжения между положением дел, имеющим всеобщий характер, и эстетическим или этическим чувством. Так над чувством надстраивается понятийный и основывающийся на суждениях оценочный образ действий. И действительность этих оценок распространяется как на построение мировоззрений, так и на установление ценностей.

Таким вот образом возникают три формы ценности: ценности жизни, основывающиеся на чувстве расположения, действенные ценности, сопрягающиеся с обуславливающей средой расположения, и собственные ценности предметов и личностей, выражающие направленные на предметы чувства в суждениях и понятиях.

То объективное, что есть в ценностях, является следствием твердых отношений в чувстве, направленном на предметы. Принципом положения дел в морали. Предметным в эстетике.

3. Структурное единство переживания чувства

Акты предметного постижения образуют основание чувства. Все, что, будучи актом, принадлежит этому постижению, может выступать в качестве такого основания. И отношение субъекта и предметного мира, возникающее в этих актах в качестве сквозной схемы постижения, становится объективным основанием как нашего чувства, так и нашей воли. Переживание чувства есть его действие по отношению к расположением или предметам, которые даны объективно или же предполагаются и воображаются в качестве возможных.

Нижнюю границу структурного единства переживаний чувства образуют телесные чувства и беспредметные настроения. И то, и другое суть чувства, ибо они имеют своеобразный признак внутренней противоположности удовольствия и боли. Они несут в себе эту противоположность, но при этом удовольствие и неудовольствие могут быть отличены в них от локализованного сверлящего, гложущего, колющего ощущения. Однако в них не содержится никакого заметного действия по отношению к этому содержанию. И локализованные ощущения мы также отличаем от чувства только в том случае, если они находятся в центре нашего внимания. Напротив, физическая боль может иметь место наряду с каким-то другим действием (протекая как бы на более низком уровне психической жизни). Ее малозаметный характер в таком случае вполне совместим с чрезвычайной силой самой боли. Так в напряжении воли на поле битвы человек может не заметить рану. Беспредметные настроения, как правило, также образуют лишь фон другого действия – подобно свету и тени, отбрасываемым светилом, скрытым за облаками.

По другую сторону этой границы переживание чувства представляет собой структурное единство, в котором эмоциональное состояние структурно – следуя природе действия чувства – слито с действительным или представляемым расположением субъекта или с восприятием

или представлением предмета. Здесь предмет варьируется независимо от действия чувства. Да и это действие также может многообразно варьироваться применительно к одному и тому же предмету.

Если человек постигает воображаемую мелодию, если он следит за тем, как в ней изменяются высота звуков, последовательность инструментов, ритмов и тональностей, и если он в то же время обнаруживает себя захваченным соответствующей сменой чувств, то в таком случае предметность, данная посредством постижения или воспоминания, отчетливо отличается от чувства. Смена музыкальных образов не совпадает здесь со сменой чувств. Вариация этих образов и вариация чувств оказываются здесь, следовательно, отличными друг от друга. Переживаемое различие становится еще более отчетливым в рефлексии. Причем звуковые образы и чувства не располагаются в сознании друг над другом, на двух различных уровнях, но – именно это является здесь решающим и характерным – связаны друг с другом внутренним отношением. И это отношение есть действие применительно к звуковым образам. Это и не взаимоотношение ассоциаций, где чувство было бы связано с воспринимаемым или представляемым содержанием. Удовольствие лишь сопровождает содержание, которое доставляет мне радость. Это взаимоотношение выражает язык: я испытываю радость от чего-то и нахожу удовольствие в чем-то, затрагивающее меня событие радует меня или причиняет мне боль. Следовательно, действие имеет здесь место так же, как и в суждении относительно предмета или же в волеии целевого объекта.

Таким образом, действие и предмет независимо друг от друга варьируются в чувствах, но, даже разводимые идеально, реально они не могут существовать друг без друга. Однако в способе, каким они связаны друг с другом, могут обнаруживаться и различия. Тот способ, каким чувства связаны с расположениями или предметами, собственно и порождает в этой сфере инверсивного течения, устремляющегося вглубь субъективности, особые структурные различия.

Из предметного постижения возникает схема субъекта и предметного мира, и этому соответствует основное различие чувств – чувств расположения и чувств, направленных на предмет. Чувства расположения имеют своим основанием созерцания субъекта в его отношениях к предметам и личностям. Эти последние являются причинами чувств лишь косвенно, поскольку они определяют модификации субъективного состояния. Так, в случае успеха возникает радостное сознание силы, или – под давлением обстоятельств – чувство бессилия по отношению к миру, а также ненависть, страх, благодарность. Чувства, направленные на предмет, напротив, связаны, исходя из нашего расположения, с пости-

жением предметов. Одни из них вызываются чувственными содержаниями, отношениями между ними, обычными восприятиями, не сопряженными с предметом или объектами чувств. Другие возникают из интерпретации чувственных явлений, которые обнаруживает для нас живое существо, из интерпретации, осуществляемой в ходе последующего переживания или понимания. Степень понимания зависит от родственности психической структурной взаимосвязи*.

Все это указывает на переживание или нечто сходное с ним. Такое последующее переживание неверно рассматривать как последующее вчувствование, ибо в этих процессах в игру вступает вся жизненная сила наших разновидностей действия. От этого последующего переживания отличаются также и чувства, вызываемые постижением чужой жизни: разделяемая радость, сострадание, презрение, уважение, восхищение. Они имеют место в той степени, в какой интерпретация проявлений других живых существ продвигается за пределы мгновенного состояния, обнаруживающего себя, например, в крике или жесте, к постижению всей жизни другого в целом. В этой связи нередко смешиваются два вида переживаний чувств, которые, однако, необходимо различать. Одна часть переживаний представляет собой переживаемые последующим образом чувства другого субъекта, как те проявляются в качестве элемента моего собственного процесса понимания. Отличным же от них элементом переживания является чувство, направленное на последующим образом переживаемое чувство, испытываемое другой личностью, например сострадание или разделяемая радость. Мы обнаруживаем их отделенными друг от друга в сфере, которая наиболее могущественна с точки зрения осуществления интерпретации внутреннего существа, – в постижении инструментальной музыки: здесь благодаря интерпретации обнаруживают себя процессы, происходящие во внутреннем существе другого, – они выявляются, будучи связаны с чувственным воздействием звука, последовательностью звуков в отдельных мелодиях и их сочетаниях, в ритмах и созвучии. Вызываемые здесь таким вот образом чувства образуют целый мир настроений, сопровождающих чувственную предметность. Нигде участие чувств в последующем переживании не проявляет себя столь независимым образом. Напротив, благодаря высвобождению музыкальной предметности из взаимосвязи процесса, протекающего в действительности, эмоции, вызываемые этими чувствами, исключаются. Никто не будет сострадать Бетховену на том основании, что в одном из его адажио нахо-

дит выражение тема страдания, и никто не будет способен разделить радость безмятежного веселья, присутствующего в аллегро Гайдна.

Интерпретации предметности, заключающейся в звуках, родственна интерпретация природы. Вживание в природу является ее эмоциональной интерпретацией, которая, отправляясь от настроения созерцающего, осуществляет последующее вчувствование на основании того, что есть в ней родственного. Прочувствовать природу – значит вызвать влияющее на наше настроение обратное воздействие, <основывающееся> на уже осуществленной интерпретации природного явления, например свечения моря или зрелища сумрачного леса. И здесь чувство, направленное на предмет, также не связано с какой бы то ни было эмоцией, вызванной чувствами.

Напротив, оба рода чувств – чувства, содержащиеся в последующем переживании, и чувства, связанные с эмоциями другого человека, – смешаны у читателя романа или у зрителя, который смотрит трагедию, потому что в таком случае имеет место как последующее переживание эмоций, которые испытывает, например, Миньон или Юлия⁹, так и сострадание их страданию.

С самого начала в мире чувств мы встречаемся с общим фактом градации отношений субъективности и объективности в этих чувствах. Здесь оказываются действительными условия, располагающиеся в глубинах психической взаимосвязи. Чувство, таким образом, представляет собой словно бы орган постижения как нашей собственной, так и чужой индивидуальности, и именно благодаря вчувствованию в природу ее неповторимого своеобразия, которая недостижима для знания. Недоступная знанию глубина словно бы раскрывается в чувстве. На основании предметного постижения осуществляется, так сказать, обращение к этой глубине. Словно бы это постижение, определяющее предмет на основании чувства, настоятельно продвигается к нему. Находясь в среде взаимодействия нашей самости и предметов, чувства соизмеряют силу нашей самости, давление мира, энергию окружающих нас личностей.

Рассмотрим теперь природу чувства, направленного на предмет. В суждении об этих чувствах предметное имеет атрибуты красоты, значения и ценности. Когда мы одобряем сами себя и довольны собою, мы получаем удовольствия от собственных личных качеств, придающих нашему существованию ценность, значение и красоту, и так возникает суждение о самом себе. Такое же превращение удовлетворения или одобрения в объективное свойство объекта, обнаруженное нами в суждении, осуществляется и в суждениях относительно чувственного предме-

* Beschr. Ps. 60 [GS V, 198].

та или другой личности, как то: «эта роза красива», «Сократ в тюрьме держал себя достойно». Таким образом, структурному единству чувства, направленного на предмет, соответствует суждение, притязающее на значимость на основании предмета.

Чувства расположения содержат иной вид структурного отношения. Возможно, оно исходит вот откуда. Гегель говорит о «смутном трепетании духа в самом себе»¹⁰, когда он подобен материи и несет всю материю своего знания в самом себе. Так Ричль называет чувство «духовной функцией, в которой «я» остается при самом себе». И в том же самом смысле предметность, с которой имеет дело действие чувства, издавна связывается с продвижением вперед или с воспрепятствованием жизни.

Чувства, направленные на предмет, и чувства расположения обнаруживают свое своеобразие в том, что они отделены друг от друга даже там, где они связаны между собой.

4. Структурные сопряжения чувств между собой

Отдельные чувства мы всегда находим вплетенными в психическую взаимосвязь. Они обнаруживаются во взаимосвязи предметного мышления – как неприятное чувство от его неудач, как чувство напряжения в духовной работе или как удовлетворение от достигнутого познания; они сопровождают смену и сопряжения наших представлений, равно как и расположения нашей самости; они пронизывают текстуру всех наших волевых действий как неприятное чувство от неудовлетворенного желания, как радость деятельности или как доставляющее неудовольствие напряжение от нее, как удовлетворение от осуществленных изменений в предметном мире или в нашем собственном состоянии. В этой взаимосвязи, которая имеет определяющий характер, они связаны с другим действием. Чувства, обнаруживаемые таким образом, не имеют внутренних сопряжений друг с другом. Но и там, где их собственное действие определяет состав переживания, переживания чувств, по-видимому, не связаны друг с другом строго упорядоченными отношениями. Между переживаниями чувств нет того отношения, которое имеет место в случае репрезентации или между средством и целью. Они появляются и исчезают подобно блику, который вспыхивает и гаснет на гребне волны. От предметного постижения и волевого действия они отличаются тем, что в последних переживания сопряжены друг с другом в определенном порядке, в то время как отношения между чувствами в том случае, если мы переживаем некоторый аффект или страдание, кажутся неупорядочен-

ными и случайными, – различие, которое в любом случае придает этому виду действия особенный характер.

Отношения между чувствами имеют место лишь постольку, поскольку средним членом между ними является репрезентация. Словно бы устремляясь в глубину, одно чувство посредством своей репрезентации может вызывать другое чувство, основанное на первичной эмоции. Такого рода чувством является, в первую очередь, сострадание к своему собственному страданию, радость по поводу своего собственного счастливого состояния. Если страдание и счастье должны вызывать чувства относительно себя, то они должны быть здесь репрезентированы в представлении. И сострадание к самому себе – это не повторение страдания, но это особое трогающее и беспокоящее чувство, которое полностью отличается, например, от невыносимой физической боли или от скорби невозможной утраты. Радостное чувство собственной силы вызывает гордость за самого себя. Также и здесь чувство и эмоция, вызванная другим чувством, различны по своему характеру, что как раз и обнаруживает характер структуры этого отношения. Немного запутанным и все же, несомненно, на деле выявляемым является отношение между последующим вчувствованием в чужое переживание и состраданием или разделяемой радостью. Простейший случай имеет место, когда я вчувствуюсь в сильное выражение чувств: здесь сострадание чужому страданию не является ни ослабленным повторением этого страдания, ни этим последующим вчувствованием, но оно связано структурным отношением с процессом последующего вчувствования. Злорадство, зависть, недоброжелательность, как о том достоверно свидетельствует самонаблюдение, возникают во многих случаях таким образом, что чужое счастье вызывает уменьшение собственного чувства «я», а затем это понижение посредством таких репрезентаций, как суждение, пробуждает и чувство зависти по отношению к тому, кто счастлив. И равным образом в случае злорадства последующее переживание чужого несчастья только посредством возрастания нашей собственной самости вызывает радость по поводу чужого несчастья. Если одного школьника наказывают, то другие радуются, что избежали порки. Сопрягаться могут также и переживания, в еще большей степени отстоящие друг от друга. Благодарение, оказанное другим человеком, может вызывать приятное чувство, а затем оно, возможно, при суммировании мелких благодеяний пробуждает в случае повторения чувство благодарности. И здесь природа структурного отношения состоит в том, что удовлетворение от благодеяния не повторяет себя, например, в качестве радости, направленной на причину таковой, но вызывает новое чувство особого рода. Природа этого

отношения такова, что в него могут включаться новые члены, например, как следствия других членов. Чужое страдание влечет за собой сострадание; сила, с которой я его чувствую, может влечь за собой сострадание к себе самому, поскольку теперь я сам страдаю в столь значительной степени.

От отношения, заключенного в чувстве, вызванном другой эмоцией, мы отличаем другое отношение, которое мы называем переносом. Если часть какого-то предмета вызывает дурное чувство, то оно может передаваться на весь предмет в целом. Дурное чувство, связанное с плохим известием, может переноситься и на то лицо, от которого оно исходит.

5. Система отношений чувств друг к другу в отличие от системы предметного постижения и волеия

Эта совокупность чувств отграничена как целое, связанное структурными отношениями в одну систему. Причем отграничение от предметного постижения не подлежит сомнению в рамках чистой дескрипции. Структура двух этих систем является для нас полностью различной. Намного сложнее <отграничение> этой структурной взаимосвязи чувств от структурной взаимосвязи волеия. И здесь мы не задаемся вопросом о том, является ли волеие самостоятельной функцией, но в контексте этой дескрипции речь идет только о том, отличается ли его структура от структуры чувства.

Действие чувств <отграничено> от предметного схватывания и может быть также отграничено от волевого действия. Условием и основанием чувства является какой-нибудь процесс предметного постижения. Как и предметное постижение, чувство также является основанием волевого действия. Целеполагание основывается на переживании ценности. Поэтому существует внутренняя взаимосвязь, простирающаяся от чувства через стремление и желание к воле. Можно было бы, таким образом, предположить, что чувство является только первой формой тех разновидностей действия, которые окончательно формируются в волевом решении и в целенаправленном поступке. Здесь обнаруживается континуальность, которая связывает чувства, аффекты и желания таким образом, что они кажутся только формами или ступенями одного и того же действия. Та же самая противоположность, дающая о себе знать в удовольствии и неудовольствии, сохраняется, по-видимому, в желании и во внутреннем сопротивлении чему-либо. Однако эта континуальность обнаруживает себя равным образом и на границе ощущения и чув-

ства. И в том, и в другом случае она состоит в том, что одна из функций имеет свое основание в другой функции (чувство – в ощущении, воля – в чувстве) и что на этом основании – при минимальном участии надстраивающейся над ним функции – прирастает результат этой последней. Противоположность удовольствия и неудовольствия, стремления и избежания также представляет собой лишь основание для целеполагания. Любое волевое решение как таковое позитивно – даже если его содержание составляет избежание. Тенденция со стороны стремления, желания или воли к тому, чтобы какой-то предмет стал действительным, полностью отделяет это действие от действия чувства.

В волевом действии над чувством надстраивается нечто такое, что не может быть ни выведено из чувства, ни сопоставлено с ним.

Два основания, как мне представляется, позволяют убедительным образом говорить о размежевании действия чувства и волевого действия. Есть широкая область чувств, которые не вызывают никаких побуждений к осуществлению поступка. Таковы те чувства, из которых складывается наслаждение искусством. Это происходит от того, что приметы этих чувств изъяты из взаимосвязи действительности, с которой имеет дело наша воля. Процессы, обычно побуждающие нас к поступку, не затрагивают нас в нашем действии, которое не связано с волей. Не менее важно и то, что из сопереживаемого мной при этом, от лиц или судеб, которые здесь встречаются, не исходит никакого препятствия для воли и никакого давления на меня. Пока я пребываю в области искусства, душа не испытывает давления со стороны действительности. То, что мы видим на сцене, и при самом крайнем реализме может вызвать ответное действие разве что у необразованного человека, спутавшего присущую искусству видимость с действительностью. Наиболее совершенная форма такого рода не связанных с волей воздействий на чувства представлена в музыке. Ибо чувства здесь вызываются творениями одной лишь фантазии, каковыми являются музыкальные темы и мелодии. И хотя свое теснейшее отношение к жизни человеческих чувств они заимствуют из мимики выражений, эти темы или ритмы представляют собой, тем не менее, лишь тень речевого выражения, возведенную в закономерность звуковых отношений и таким образом преобразованную в чистую красоту. Они освобождаются от определенного волевого содержания действительной жизни. Поэтому сильнейшее выражение волевого устремления, которое встречается нам в одной из симфоний Бетховена, не вызывает в нас сопротивления и не оказывает на нас давления. Выражение сильной воли, когда оно встречается нам, будучи таким вот образом освобождено от всякого содержания, возведено в зако-

номерность звуковых отношений и ими преображено, побуждает нас лишь к свободному от волевого устремления постижению формы волевого действия. И это не следствие того, что так вызываются приятные, но слабые чувства. Воздействие искусства может быть настолько сильным, что превзойти его могут лишь немногие виды удовольствия. При- сущая вокальной музыке возможность, которая позволяет вещам, оказы- вающим сильнейшее воздействие на наши чувства, действовать на нас в одно и то же время и таким образом пробуждать сознание богатства са- мой жизни (как то происходит, например, во время сцены бала в «Дон Жуане» или же когда Бах в своих кантатах воздействует на нас возвы- шенной и спокойной серьезностью трансцендентного и, вместе с тем, беспокойными, надеющимися и страшящимися светлыми движениями души), – все это порождает столь интенсивное и энергичное чувство во- одушевления, что здесь можно говорить об одном из самых сильных из вообще возможных воздействий на чувства. Нет, таким образом, недо- статка в силе чувства, нет и никакого препятствия к переходу от этого чувства к воле. Но оказывается, что есть условия, при которых наши чувства вообще не имеют тенденции к тому, чтобы вызывать волевые процессы и поступки. Есть и другие формы сильных чувств, которые родственны тем, что вызываются произведениями искусства, и кото- рые, как правило, также не пробуждают волю. В первую очередь это чув- ства, вызываемые природой, которые и представляют собой именно та- кой случай. Равным образом и наслаждение от общественного веселья на празднике или во время игры не вызывает никакого стремления к участию в них – даже когда это наслаждение является очень сильным.

*Дополнение: Завершение внутренней телеологии
структурной взаимосвязи чувств в объективных образованиях*

Имманентная телеология протекания чувств находит свое завершение в создании и эмоциональном переживании объективных образований. Воздействия внешнего мира, как представляется, постоянно препятст- вуют закономерному протеканию чувств. Если мы переживаем единство с природой, то в самой природе для нас, видимо, есть моменты, кото- рые ведут к нарушению этого единства. В природе, по-видимому, есть нечто чуждое, что мы никогда не можем полностью пережить в чувстве. В ней есть закономерность, которая не имеет ничего общего с законо- мерностью протекания наших чувств. Это пропасть, которая разделяет нас и природу и которая осознается нами. Но не только в природе –

в нас самих есть моменты, разрушающие эту гармонию. Когда мы погру- жаемся в созерцание природы, пробуждаются воспоминания, возника- ют чувства, которых нет в природе и которые полностью принадлежат только нашему собственному «я». Неожиданно мы вспоминаем о нане- сенной нам обиде, и это приводит нас в негодование; мы размышляем о грядущих событиях; пробуждаются надежды, опасения. Когда мы терза- емся нашими мыслями, что знает обо всем этом погруженная в сумерки природа? Человек в своей эгоистичности становится чуждым природе, единство разрушается. И если эти противоречия между его эгоистично- стью и данной объективностью ведут человека к нахождению более вы- сокой формы ценности, то, с другой стороны, он стремится к тому, что- бы установить единство в пределах самих своих настроений путем порождения новых объективных образований силами своей фантазии. Создаются произведения искусства, в которых устраняется разногласие между внутренней закономерностью чувств и внешней закономернос- тью. Новые формы, новые закономерности включают нечто наглядное, – это формы, которые только и делают возможным сцепление, образу- ющее единый комплекс или единый поток чувств. Здесь для нас впервые в полной мере проясняются структурные отношения между чувствами. При созерцании произведения искусства они следуют друг за другом со- согласно внутренним закономерным структурным отношениям; все эти чувства образуют некое целое. Это целое мы сами можем вновь пережи- вать в некотором расположении чувств, следуя той вложенности друг в друга, которая отличает все наши переживания. Все различные, внут- ренне связанные друг с другом чувства сплетаются в целостное пережи- вание, в целостное настроение. Когда мы, например, слушаем музыку, нередко дает о себе знать определенное расположение чувств, которое полностью переживается теперь в определенной последовательности – вплоть до того, пока в конце вновь не возвращается то же самое распо- ложение чувств, но теперь, пройдя различные стадии, оно осознается в полной мере. Конечно, согласно весьма отдаленной аналогии с процес- сом познания, можно было бы говорить о том, что целостное чувство находит удовлетворение на отдельных стадиях и что оно становится тем целым, в котором все находит свое удовлетворение. Есть вариации од- ной и той же темы в музыке, возвращение или полное развитие темы в конце, – и все это представляет собой выражение этого факта. То, что имплицитно уже присутствует в целостном чувстве, эксплицитно осо- знается в закономерной последовательности, чтобы затем вновь стать более высоким единством. Задача искусства вообще может, таким обра- зом, заключаться в том, чтобы отчетливо пережить те структурные

единства чувств, которые наличествуют у любого человека или присущи ему. Самым мощным его средством для этого является контраст. Данное расположение чувств, на первый взгляд, стремятся вытеснить другие чувства, и все же из такой борьбы расположение чувств выходит более чистым, более осознанным. Возможно, что это и есть закон жизни чувств, согласно которому целостное чувство может быть полностью осознано и удовлетворено только в борьбе с другими чувствами.

Отсюда мы можем бросить взгляд на телеологию жизни чувств. Средство и цель не чужды друг другу в ходе протекания эстетических чувств; самого по себе индифферентного средства для достижения имеющей ценность цели не бывает. Цель как раз и есть такое структурное целое. Само это структурное целое не является, однако, чем-то абстрактным, каким-то понятием, не является оно и категориальным оформлением на самом деле чуждых друг другу элементов, но такое целое в своей целостности дано нам исключительно в переживании, и реализуется оно в структурной взаимосвязи одновременно наличных эмоциональных элементов.

Для эстетика теперь возникает вопрос, каким должно быть данное в созерцании целое, чтобы вызываемые чувства могли быть связаны друг с другом в структурное единство. Если бы не было никаких внутренних отношений между созерцанием и чувством, то было бы невозможно и никакое искусство. Любое искусство необходимо предполагает определенные единообразия во внутренних отношениях между чувством и созерцанием. Необходимо, чтобы одинаковые расположения чувств в одинаковых обстоятельствах были связаны структурными отношениями с равными элементами созерцания. В искусстве, таким образом, есть определенные единообразия, такие, как ритм, вариация одной и той же темы, тот же самый мотив линий, симметрия, которые в различных формах эксплицируют и позволяют осознать равные элементы расположения чувств.

Если бы, таким образом, внутренняя закономерность протекания настроения находила свое завершение в искусстве, то дальнейшая задача человека состояла бы в том, чтобы оформить протекание своих аффективных реакций как завершенное единство, сделать его аффективно в себе замкнутым единством. История показывает нам постоянно возобновляющиеся усилия человека, направленные на стабилизацию. Человек не верит, что мог бы оформить совокупность своих аффективных реакций в единство. Только в единстве великого страдания он мог бы обрести собственное единство. Все мелкое, ничтожное должно быть отброшено. Однако же отвергая свои аффективные реакции в пользу одного лишь страдания, человек не может обрести покой;

сложное многообразие его аффективных реакций само устремляется в своей тотальности к единой форме. Одного рода чувства и расположения чувств человечество осознает благодаря великим художникам; отдельный же человек стремится к тому, чтобы разыскать новое аффективное единство на базисе других аффективных элементов. Образуются аффективные типы целых эпох, целых народов. Наряду с этим индивид стремится реализовать присущее ему самому аффективное единство. На основании этой эмоциональной унификации аффективные способы выражения получают определенное оформление. В изобразительных искусствах, в актерском стиле, в жизненном общении людей между собой возникает определенное единообразие внешних движений как выражений внутреннего аффективного единства.

Структурная система ценностных чувств находит, наконец, свое завершение в определенных объективно-универсальных системах ценностей. Весь мир постигается с единой ценностной точки зрения. Он является добрым или злым, или в нем есть хороший и плохой принцип. Или в пределах этого мира выявляются факты, которые обозначаются как хорошие или плохие, а все другие оцениваются в соотнесении с этими фактами. Или же создаются трансцендентные образования, которые дают ценностное завершение тому, что находится в этом мире. Возникают обширные единые расположения ценностных чувств, такие, как пессимизм или оптимизм. Они получают свою собственную окраску в зависимости от внутренней связи с различными реакциями нашего «я». Речь может идти о сомневающемся, о гневно возмущающемся, о сожалеющем и спокойно воспринимающемся или же о причиняющем боль и преисполненном сострадания пессимизме. Однако же и здесь человек не может найти себе удовлетворения в ограничении, одним обширным ценностным чувством, и здесь тотальность ценностных чувств сама устремляется к единой форме. Человек разыскивает объективные ценностные взаимосвязи, в которых многообразие его ценностных чувств, его одобрение и отвержение, его чувство прекрасного и безобразного, благого и злого, равно как и все другие ценностные чувства, находит выражение на различных уровнях и в различных оттенках этих взаимосвязей. Здесь же располагаются и возникающие из волевого действия человека целевые взаимосвязи, которые придают ценностям их систематическое единство и объективно завершают внутреннюю структурную взаимосвязь ценностного чувства.

II. ВОЛЕНИЕ

(ПЕРВЫЙ ФРАГМЕНТ)

1. Объем переживаний воления

Под волением я понимаю определенную разновидность действия, которая встречается во множестве переживаний и возникает из переживаний, образующих определенную взаимосвязь. Мы осознаем в этих переживаниях намерение реализовать некоторый факт. Эта разновидность не поддается сравнению с отношениями репрезентации и обоснования в случае предметного постижения или же с радостью по поводу чего-то и болью от чего-то в случае чувства. Как и первые две разновидности действия, воление обнаруживает отношение к некоему содержанию; это содержание представляет собой нечто предметное, которое волился; процесс воления сопрягается с этим предметным. Воление представляет собой действие, однако, будучи особым его видом, оно может только переживаться, но не излагаться в понятиях. Если я скажу, что оно представляет собой намерение, направленность на реализацию некоторого предмета, следствие, выступающее в качестве причины, или же если я скажу, что в нем полагается цель, которая должна быть осуществлена, то тем самым я лишь обозначаю это действие, которому нельзя дать дефиниции. Тем самым я указываю, что это действие сопрягается с содержанием таким образом, что включает в себя тенденцию к реализации, и для обозначения этого действия должны использоваться категории, имеющие своим источником именно волю. Если мы выделим из переживания эту черту, которая как таковая никогда не встречается в переживании самом по себе, то ее можно будет назвать процессом, компонентом психической взаимосвязи. Там, где воление является конституирующим для переживания, оно всегда сопрягается с содержанием, которое должно быть реализовано, и поэтому мы называем его действием. Воление проходит последовательность состояний, которая определяется дальнейшим движением в процессе его дифференциации. Таковы состояния порыва, стремления, решения, волевой взаимосвязи.

Когда же это намерение находится в известных условиях, когда оно встречается во взаимодействии индивидов, возникают еще и другие состояния, которые обусловлены этим взаимодействием и должны быть отнесены к тому же самому действию. Обстоятельства, при которых каким-то образом проявляется воление, могут препятствовать содержащемуся в нем намерению – здесь возникает сознание противодействия, имеет мес-

то давление внешнего мира. Это препятствие не обязательно должно всегда вызывать неудовольствие – некоторые охотно встречаются с препятствиями в своей работе, – во всяком случае, осознание этого препятствия не связано с чувством неудовольствия, которое здесь возникает. Взаимодействие индивидов порождает, далее, особое отношение, когда из договора или обещания или же из природы самих отношений возникает обязательство воли, принуждающее к совершению тех или иных поступков или же воспрещающее таковые. Для нашего подхода безразлично, как психологически постигается внешнее препятствие и внутреннее обязательство. Согласно широко распространенному словоупотреблению осознание этих модификаций волевого действия называется чувством – осознание препятствия или обязательства называется чувством такового. Несомненно, эти модификации волевого действия часто сопровождаются ощущением неудовольствия. Препятствие ощущается в качестве чего-то болезненного, обязательство, будучи некоторым ограничением, вызывает неудовольствие. Однако не всякое препятствие или обязательство вызывает мучительное чувство давления или же чувство ограничения. Есть и счастливое ограничение. Обязанность следования в жизни твердым правилам приносит удовлетворение – в противоположность ничем не связанному состоянию. Осознание препятствия и обязательства может быть также отлечено от примешивающихся чувств неудовольствия. Последние относятся не к тому предмету, который препятствует, и не к тому обязательству, которое связывает, но к самому препятствованию и связыванию. Здесь достаточно сказать, что во взаимосвязи отношений они занимают важное место в силу оснований, располагающихся в области волевого действия. Все же различающиеся здесь виды переживаний образуют взаимосвязь, которую мы называем волевой взаимосвязью.

Они являются членами одного целого, в котором занимают определенное место. Любое такое переживание находится к волевой взаимосвязи в некотором отношении, природа которого определена особым характером волевого действия. Переживания, сохраняющиеся на протяжении многих лет, могут связываться друг с другом этими отношениями. Микеланджело строит собор Св. Петра. Возникают задержки, появляются другие планы. Однако поверх этих разрывов простираются бесчисленные волевые акты, связанные друг с другом намеченной интенцией. Целеполагание имеет своим следствием принятие решения, выступающего в качестве его средства; становятся необходимы средства достижения средств; обнаруживаются препятствия; договоренности ведут к возникновению обязательств. Чрезвычайно сложное целое, в котором на протяжении многих лет одно намерение обуславливает от-

дельные акты, пронизанные отношениями, обусловленными природой волевого действия. Сюда повсюду включаются чувства, восприятия, рассуждения. Волевые определения продолжают оказывать воздействие в форме своих репрезентаций, которые сами не являются волей, но способны лишь репрезентировать или вызывать волю.

И здесь нам вновь встречается структурная взаимосвязь, которая пронизывает все возникающие и исчезающие процессы душевной жизни, тем или иным образом обусловленные как снаружи, так и изнутри, – нечто подобное твердому каркасу или системе отношений, упорядоченной системе, которая вытекает из природы этого действия.

Для того, чтобы проникнуть в эту систему, мы должны будем более подробно проанализировать эти переживания.

2. Анализ воления

Форма воления, которая с наибольшей отчетливостью позволяет различить составные части этого действия, обнаруживается там, где это действие направлено на реализацию некоторого внешнего изменения и на пути к этой цели производит осознанный выбор целей и средств. Во взаимосвязи жизни поначалу всегда требуется некоторый содержащийся в настоящем состоянии момент, который обнаруживает себя как потребность и имеет своим основанием лежащие диспозиции, такие, как склонности, присущие мне желания, пристрастия, поскольку действительность нравственных норм поступка также связана с его материей. Извне ли, изнутри ли – само течение жизни дает поводы, воздействующие на содержащиеся в такого рода диспозициях условия. Эти последние определяют затем продвижение к представлениям подлежащего осуществлению состояния, которое связано с этими диспозициями. Если мы назовем это подлежащее достижению состояние целью, то в таком случае то, что волеится в этой цели, представляет собой удовлетворение некоторого рода, а само будущее состояние есть, по сути, лишь средство для этого удовлетворения. Здесь сразу же нужно выделить в качестве важного момента то, что такого рода удовлетворение представляет собой нечто всеобщее в сравнении с предметами, выступающими в качестве средства этого удовлетворения. Эти предметы поддаются разысканию потому, что они вызывают чувство удовольствия, или потому, что сама диспозиция разыскивает предметы удовлетворения. Заключение в предмете возможность вызывать позитивные чувства составляет ценность предмета для субъекта.

И поскольку обнаруживаются различные предметы, а воспоминание сохраняет прежние, в то время как появляются новые, и поскольку точно так же друг за другом заявляют свои права различные потребности, а сознание остается при прежних, в то время как обнаруживаются новые, постольку уже отсюда в нас возникает спор различных представлений о цели. Где речь идет только о порождении будущего состояния, о производстве ведущего к нему изменения как о средстве удовлетворения, – там к этому добавляется то, что другие содержащиеся в нем стороны и возникающие отсюда обратные воздействия на жизнь чувств и стремлений могут как негативные ценности вступать в спор с позитивными ценностями, с которыми связано это изменение. Зачастую я не знаю, испытаю ли я, в конце концов, добрые чувства, производя то изменение, которого я – считая его средством удовлетворения – так сильно желаю. То же самое отношение имеет место и между жизнью моих чувств и стремлений и представлениями объектов, порождаемых причинным сцеплением жизни, – как восприятие внешних предметов, как мысли о наступлении будущих состояний они могут быть и надежными, и сомнительными.

Когда, таким образом, передо мной есть несколько возможностей, позволяющих вызывать внутренние или внешние изменения для удовлетворения побуждений, содержащихся в сложившейся взаимосвязи моей психической жизни, и когда эти возможности осознаются, тогда то и возникает ситуация выбора, который осуществляется в ходе рассуждения, связующего причинные отношения и оценку ценностей.

Здесь обнаруживается отличие акта ценностной оценки от выбора или предпочтения. Ценностная оценка еще не содержит в себе принуждения к тому, чтобы в некоторый момент времени устанавливать для себя определенную цель. Воление предполагает доступную моему представлению возможность реализации какого-то внутреннего или внешнего процесса, и осуществляемый здесь выбор, завершающий спор различных ценностных представлений, может особенно отчетливо выявить ту черту самостоятельного деяния или спонтанности, которая содержится в волении. Рассуждения по своей природе бесконечны, они – уж если мы того пожелаем – заканчиваются только одним: решением, что надо действовать. Тот момент, который является определяющим в ходе принятия решения, мы называем мотивом.

При вынесении решения мы руководствуемся в первую очередь схемой, содержащейся в причинной взаимосвязи средств и целей в том виде, в каком она наличествует в действительности, а также уже вынесенным в ходе размышления над выбором заключением, что цель может быть реализована. Разумеется, однако, что это решение подвергается

после этого всем тем модификациям, которые возникают с течением времени. Они могут приводить к приостановлению осуществления решения, равно как и делать более благоразумным выбор других средств, отличающихся от предусмотренных.

Другие особенности взаимосвязи в сфере воления определяются прежде всего тем, что воление порождает целевые взаимосвязи, которые реализуются в некотором сообществе. Внешняя организация общества также может сперва рассматриваться как включающая в себя такого рода целевые взаимосвязи. Таким образом, воление манифестирует себя в сообществе. Это возможно только потому, что воление – если речь идет об отдельной личности – основано на том, чтобы определять и быть определенным, приказывать и повиноваться. Приказ как таковой не подчиняется никакому *ratio*, никакому основанию. Он может действовать совершенно партикулярно из побуждений, которые не передаются от одного лица к другому, действовать в силу той возможности принуждения, которая дана в причинной взаимосвязи. Это фундаментальное отношение приказа и повиновения делает возможной внешнюю организацию общества и завершается в принудительном праве государства. Целевые взаимосвязи должны, однако, иметь иное основание, позволяющее осуществлять кооперацию. Оно заключается в том, что цель, которая достигается только благодаря взаимодействию, может опираться на общность человеческой природы и, в частности, на те свойства, которые лежат в основании одного и того же целеполагания у всех людей. В любом целеполагании проявляется, таким образом, отличающийся от эмпирического индивида, извлекаемый из него человек, соответствующий целевому действию.

В сфере воления возникает следующая взаимосвязь. Уже любое удовлетворение относится к необходимому для него и подлежащему реализации состоянию как нечто всеобщее¹¹. Если, стало быть, воление ставит себе в качестве цели определенное изменение, то эта цель имеет характер особенного по отношению к общему характеру намерения, по отношению к удовлетворению. Поэтому воление удовлетворения может рассматриваться и как правило, которое коренится в субъекте и под которое подпадают отдельные возможные изменения, когда они приносят удовлетворение. Равным образом и средство, поскольку оно позволяет удовлетворить целый ряд потребностей, может рассматриваться как правило, которому подчинены эти отдельные случаи. Следовательно, здесь возникает совокупность правил, которые субъект устанавливает

сам себе для достижения жизни, приносящей ему удовлетворение. Эти правила предполагают эмпирические потребности этого субъекта. Они предполагают типичную причинную взаимосвязь, которой связаны все эти моменты, а также определенные предметы и средства, которые тем самым полагаются. Таковы правила благоразумия и жизни.

Удовлетворение субъекта, взятого как целое, покоится на ценностном отношении, заложенном в жизненности субъекта. Это оценивание поначалу индивидуально и осуществляется в жизненном опыте субъекта.

Вместе с тем целевая взаимосвязь основана на возможности обмена ценностными определениями между индивидами.

Таким вот образом возникает, как мы видим, проблема общей системы ценностей.

Предписания, законы, правила образуются в первую очередь на основании общности, развившейся в некотором кругу. Эта общность делает возможным согласие в ценностных определениях, и из нее происходит обычное право, нравы, художественная техника и т. д.

Если же эта общность разрушается, то возникает потребность в рациональной системе, в идеале, из рационального порядка ценностных определений возникают нормы, и, наконец, из последних выводится порядок предписаний, правил, распоряжений, законов. Так возникает система регулирования жизни. В этой системе высшей нормой была бы такая, которая дана при полагании целей в пределах общности вообще. Кантовский нравственный закон. Итак, в каждой отдельной области должны быть выделены особые нормы, ибо они задаются особыми целями и согласно масштабу ценностных отношений.

(ВТОРОЙ ФРАГМЕНТ)

1. Основание воления в предметном постижении и чувстве

Объективирующие акты составляют общее основание сперва чувства, а затем воления. Волевое действие либо заключает в себя объект, к которому стремятся, который желается или рассматривается как цель, либо же оно включает в себя внутреннюю связанность или внешнее определение чем-то. Но и здесь вполне возможны пограничные случаи и т. д.

2. *Отграничение воления от чувства*

Так обнаруживается, что в переживании воления содержится некоторая разновидность действия. Ибо и здесь имеет место сопряжение психической взаимосвязи переживания с чем-то предметным. Правда, здесь, в волевом переживании, как и в случае с переживанием чувства, также не всегда можно обнаружить закономерное сопряжение с предметом. В порыве или стремлении к некоторому предмету мы не всегда осознаем, на какой именно предмет они направлены. Это означает, однако, только то, что этот предмет является чем-то неопределенным. Любой, кто пребывает в беспокойстве, связанном с нацеленностью на осуществление определенных изменений, всегда переживает стремление, направленное на достижение некоторого нового состояния, даже если последнее и не представляется определенно в качестве цели¹². Как чувство может продолжаться и в том случае, если субъективное расположение или внешние предметы, которые его вызвали, более не замечаются, поскольку наше внимание поглощено другим переживанием, так и внутреннее беспокойство, простирающееся к чему-то неопределенному, или напряжение, вызванное устремлением к цели, продолжают сохраняться в репрезентирующих это стремление чувственных ощущениях или связанных с ними чувствах, хотя само это стремление уже отсутствует¹³.

При этом волевое действие отличается как от предметного постижения, так и от чувства. Чувство и воление постигаются как различные действия, а не как члены одного и того же действия. Причины этого я уже попытался указать. Если бы, однако, дело обстоит иначе, то достаточно сильное чувство переходило бы в воление в том случае, когда бы преодолевался, так сказать, порог интенсивности, необходимый для приведения в действие воли, и когда бы для этого не существовало никакого внешнего препятствия. Но многообразие сильных чувств доказывает обратное. И, с другой стороны, чувство или его репрезентация через ценностное представление в таком случае должны были бы всегда фундировать волю. Но и это не так.

Поступок не всегда совершается во взаимосвязи стремления к некоторому благу, он может быть и результатом обязательства воли. Я нечто пообещал, а значит, должен выполнять обещанное и решаюсь на это выполнение. Если я образую при этом понятие таких обязывающих меня ценностей, как верность, надежность и т. д., то эти добродетели можно определить только через внутреннее отношение, которым связана воля, признающая это обязательство принудительным. Связано ли это с природой личности – вопрос неразрешимый, и он касается интерпретации

некоторого заключения, а не его обоснования. Ибо решающее здесь чистое должностное отношение никогда не может быть выведено из бытия.

Категорический императив Канта содержит лишь логическое условие, которое делает возможным моральное законодательство. Само должностное отношение, необходимое для морального законодательства, в нем не содержится. Но природа морального законодательства неверно истолковывается, если устанавливается кодекс долга, который любовь к Богу и человеку или же стремление к совершенству понимает как обязательное таким же образом, как и обязательство, вытекающее из договора, или как правдивость и честность, основывающуюся на таком обязательстве. Нарушение этих последних неминуемо исключает человека из взаимодействия с другими людьми согласно порядку совместной жизни. Нарушение так называемых обязанностей любви к ближнему исключает его из сферы симпатии, а нарушение так называемых обязанностей самосовершенствования – из сферы общего стремления к совершенствованию. Эти обязанности имеют совершенно различное достоинство. И любая здоровая этика должна начинаться с этого различия.

3. *Структурное единство волевого действия*

Нижнюю границу образуют те переживания, в которых беспредметное удовольствие связано со стремлением к снятию напряжения или в которых обнаруживается одно лишь качество удовольствия, не имеющее отношения ни к какому предмету.

Чувство недостатка пищи связано с напряжением и стремлением. Сфера побуждений, беспредметного влечения. Здесь только факты, никакого психологического объяснения в понятиях энергии или удовольствия. Поверх этой сферы выстраиваются особые структурные единства. Они характеризуются внутренним отношением акта, в котором конституируется предметное созерцание или суждение, к акту сопряжения такового с чувством или внутренним отношением к акту стремления. Акт – это просто наименование того психического субстрата, в котором реализуется некоторое отношение. Эти различные акты образуют структурное единство согласно закону связи разновидностей действия. Эти акты с самого начала могут включать в себя два аспекта: освобождение от препятствия или давления и реализацию единств, доставляющих удовольствие.

4. Уровни структурного единства в переживании и отношения переживаний между собой

1. Отношение самого нижнего уровня состоит в том, что появляющийся или возникающий в воспоминании предмет порождает реакцию чувства, которая переходит в волевое действие. Влечение, стремление, страсть, желание. Здесь господствует состояние, вызванное случайно встретившимися предметами, нерелективированная наивность и отсутствие взаимосвязи.

2. Далее следуют суждения, определяющие предметы. Продумывается возможность получения удовольствия и оценивается степень реализуемости удовлетворения от объекта. Воление в узком смысле. Родственность этого уровня суждению основывается на его зависимости от последнего.

3. Одобрение и неодобрение как результат ценностного определения становятся основанием для совершения поступка. Нравственный поступок в узком смысле.

Отношения этих переживаний между собой:

1. В направлении последовательности структурных единств. Нижние уровни обуславливают более высокие. И в то же время надежность решения и его правильность для данного лица заключены в возможности обеспечения (верификации) посредством эмоциональных переживаний. Многие заблуждения возникают оттого, что производится замещение своих эмоциональных переживаний чужими переживаниями, одобрениями, порицаниями и т. д.

2. Связь переживаний согласно отношениям, заключающимся в факте воления предметов.

1. Цель и средство.

2. Подчинение и приказание.

3. Формы обязательства:

а) обязательство в силу акта, который является общим для двух лиц;

б) обязательство, вытекающее из решения собственной воли.

Обязательства, сохраняющиеся на всем протяжении жизни:

α) в силу совершаемой работы, связанной с определенным предметом,

β) в силу отношения к другому лицу,

γ) в силу диспозиции, заложенной в решении воли.

Эти обязательства, с одной стороны, пронизывают всю жизнь, образуя ее каркас, и, с другой стороны, образуют препятствия для жизни. Стих Гёте. Возраст.

5. Система переживания в волевом действии¹⁴.

ТРЕТИЙ ОЧЕРК

ОТГРАНИЧЕНИЕ НАУК О ДУХЕ

(ТРЕТЬЯ РЕДАКЦИЯ)

В течение последних десятилетий велись интересные дебаты о природе наук о духе и в особенности истории. Каким образом мы можем отграничить науки о духе от наук о природе? В чем состоит сущность истории и ее отличие от других наук? Достижимо ли объективное историческое знание? Не входя в полемический разбор высказанных точек зрения, я предлагаю здесь рассуждение, посвященное этим вопросам.

1.

Начну с вопроса о том, каким образом науки о природе могут быть отграничены от другого класса наук, назовем ли мы последние «науками о духе» или «науками о культуре». Ответ на этот вопрос не предмет спекуляции; он имеет свое твердое основание в грандиозном факте. В одном ряду с науками о природе – естественным образом из задач самой жизни – развивалась и другая группа познаний, связанных друг с другом родственностью и взаимным обоснованием. История, политическая экономия, науки о праве и государстве, религиоведение, исследования в области литературы и поэзии, искусства и музыки, философское мировоззрение (как теория и как познание исторического процесса) – таковы эти науки.

В чем же состоит родство между ними? Я постараюсь вернуться к тем основаниям, что являются общими для всех них. Все эти науки относятся к людям, их взаимным отношениям и к внешней природе. Поначалу я отвлекаюсь от любого теоретико-познавательного обсуждения реальной ценности этого факта, который встречается нам в опыте. Такое обсуждение может состояться только позже, ибо такие понятия, как реальность и объективность, могут быть рассмотрены на предмет своей значимости в науках о духе лишь на основании предварительной аналитической подготовки. Так что же имеют все эти науки общего в своем отношении к людям, в своем отношении друг к другу и к внешней природе? Все они фундированы в переживании, в выражениях пережи-

ваний и в понимании этих выражений. Переживаемое и понимание любого рода выражений переживаний фундируют все понятия, суждения, познания, которые свойственны наукам о духе. Так возникает строй знания, в котором переживаемое, понимаемое и его репрезентации связываются друг с другом в понятийном мышлении. И этот строй повторяется во всей группе наук, которые и составляют основополагающий факт теории наук о духе. Все особенности, явным образом конституирующие сущность этих наук, вытекают только из этой общей сущности. Отсюда то особое отношение, которое в пределах этой группы связывает единичное, сингулярное, индивидуальное с общими единообразиями. То самое особое отношение, которое связывает здесь причинную взаимосвязь с осуществляющимися в пределах этой взаимосвязи ценностями. Но отсюда следует и кое-что еще: все ведущие понятия, которыми оперирует эта группа наук, отличаются от соответствующих понятий знания о природе. Реальность имеет в них смысл, отличный от смысла в естественном знании, даже если она и предиктируется одним и тем же физическим предметам. Другими являются категории, которые содержатся в переживаемом и понимаемом и которые делают репрезентацию того и другого возможной в этих науках. Объективность знания, к которой здесь стремятся, имеет иной смысл, и методы, приближающие здесь идеал объективности знания, обнаруживают существенные отличия от тех, посредством которых мы подходим к познанию природы. Эта группа наук составляет, следовательно, особую область, подчиненную собственным законам, коренящимся в природе того, что может быть пережито, выражено и понято¹⁵.

Я подробнее разъясню это понятийное определение. Течение жизни – это полное и в себе замкнутое, ясно отграниченное развитие событий, которое содержит любая часть истории, равно как и любое понятие, используемое в науках о духе. Течение жизни образует взаимосвязь, ограниченную рождением и смертью. Для внешнего восприятия эта взаимосвязь обнаруживается как наличие определенного лица на всем протяжении его жизни. Этому постоянству присуще свойство непрерывного существования. Однако независимо от этого существует переживаемая взаимосвязь, которая связывает члены течения жизни от рождения до смерти. Решение влечет за собой поступок, осуществление которого растягивается на многие годы; нередко оно приостанавливается на длительное время в силу вмешательства жизненных процессов совершенно иного рода; но и без нового решения, направленного на то же самое, за однажды принятым решением следует поступок. Работа над какой-то взаимосвязью идей может останавливаться на длительное время, и все же

речь и далее идет о разрешении задачи, поставленной задолго до этого. План жизни продолжает состоять из решений, поступков, противодействия, желаний, надежд самого разного рода и связывает их друг с другом – без всякой новой их ревизии. Короче говоря, есть взаимосвязи, которые совершенно независимо от последовательности во времени и от прямых отношений обусловленности между ними связывают моменты течения жизни в единство. Так переживается единство течения жизни, и в такого рода переживаниях оно обладает своей достоверностью.

2.

Течение жизни содержит определение временности жизни. Выражение «течение» обозначает только это. Время – это не только линия, состоящая из равноценных частей, система отношений, система последовательности, одновременности, длительности. Если мы помыслим время, отвлекаясь от того, что его наполняет, то его моменты будут равноценными. В этой континуальности малейшая часть также является линейной, она представляет собой течение; ни малейшая часть нигде не содержит никакого «есть». Конкретное время состоит, скорее, в неутомимом продвижении настоящего, в котором оно постоянно становится прошлым, а будущее становится настоящим. Настоящее есть наполнение момента времени реальностью, оно является переживанием в противоположность воспоминанию о переживании или в противоположность желанию, надежде, ожиданию, боязни того, что может быть пережито в будущем. Это наполнение реальностью сохраняется континуально и постоянно в отодвигающемся времени, тогда как то, что составляет содержание переживания, постоянно меняется. Это отодвигающееся по линии времени наполнение реальностью, которое составляет характер настоящего в отличие от представления пережитого или того, что предстоит пережить, это постоянное погружение настоящего обратно в прошлое и становление настоящим того, что мы непосредственно перед этим ожидали, желали, боялись, всего того, что также существовало лишь в области представленного, – таков характер действительного времени. Выражением этого характера является то, что мы всегда живем в настоящем, и в этом характере, кроме того, сохраняется постоянная неполнота нашей жизни. И это отодвигание наполнения моментов времени реальностью таково, что там, где его континуальность не нарушается сном или же другими сходными с ним состояниями, настоящее в пределах следования переживаний протекает без задержек и разрывов, оно всегда налично. Только в нем состоит чувство времени и, следовательно,

чувство жизни. Корабль нашей жизни словно погружен в непрерывно струящийся поток, и настоящее есть всегда, когда мы живем по воле этого бурлящего потока, страдаем, волим, вспоминаем, короче говоря, когда мы живем полнотой нашей реальности. Однако этот поток непрестанно влечет нас вперед, и в тот самый момент, когда будущее становится настоящим, последнее уже погружается в прошлое. Из нашего опыта нам всегда известно отличие возникающего в переживании представления того, что было в прошлом или наступит в будущем, от переживания, к которому принадлежит переживание воспоминания, и ожидание будущего события, и воля, направленная на его реализацию. Тем не менее, в отношениях между такого рода настоящим, прошлым и будущим всегда присутствует характер нашего течения жизни. Но поскольку настоящее никогда не есть, и даже мельчайшая часть континуального продвижения во времени включает в себя настоящее и воспоминание о том, что только что было настоящим, то отсюда следует, что настоящее как таковое никогда не может быть испытано на опыте. Помимо этого, взаимосвязь того, что вспоминается, с настоящим, дальнейшее сохранение качественно определенной реальности, продолжающееся воздействие того, что осталось в прошлом и что является действенной силой в настоящем, – все это сообщает тому, что вспоминается, особый характер настоящего. Мельчайшее единство, которое мы можем назвать переживанием, – это и есть то, что создает в потоке времени единство переживаний, поскольку оно имеет единое значение в пределах течения жизни. Но сверх того в нашем словоупотреблении переживанием называется также и то более обширное идеальное единство частей жизни, которое имеет значение для ее течения, и там, где моменты разделены прерывающими их процессами, также используется это понятие¹⁶.

3.

Итак, здесь нам встречается категория значения. Содержащееся в ней отношение определяет и расчленяет постижение нашего течения жизни. Но это также и та точка зрения, с которой мы постигаем и излагаем сосуществование и последовательность течений жизни в истории, выявляя то, что имеет значение, формируя ее согласно значению каждого отдельного события. Значение, если говорить в самом общем виде, представляет собой категорию, свойственную жизни и историческому миру. Жизни оно присуща как особое отношение, которое господствует между частями, и насколько простирается жизнь, настолько же ей присуще и это отношение, делающее возможным изложение жизни.

Своеобразной взаимосвязью своей жизни я – в соответствии с природой времени – обладаю только тогда, когда мое воспоминание обращается к ее течению. Длинный ряд процессов оказывает совокупное воздействие в моем воспоминании, и ни один из них не может быть воспроизведен сам по себе. Уже в памяти осуществляется выбор, и его принцип определяется значением, которое имели отдельные переживания для понимания взаимосвязи моего течения жизни в то время, когда они протекали, а также сохранившимися оценками былых времен или же – если воспоминание еще свежо – новым постижением взаимосвязи моей жизни. И теперь, когда я размышляю о прошлом, из того, что все еще может быть мной воспроизведено, только то сохраняет место во взаимосвязи моей жизни, что имеет для нее значение с моей сегодняшней точки зрения. Именно благодаря этому моему нынешнему постижению жизни каждая ее часть, являющаяся значительной, получает в свете этого постижения форму, в которой эта часть сейчас постигается мной. Отсюда она сопрягается с другими значительными частями; эта часть принадлежит взаимосвязи, которая определена отношениями значительных моментов жизни к моему нынешнему ее истолкованию. Эти сопряжения значений конституируют настоящее переживание и пронизывают его. Если меня вновь посетит человек, который имеет для меня значение, это переживание черпает свою полноту из того значительного, что было в предшествующих встречах. В таком случае прежние переживания соединяются в мощное единство, возникающее из их сопряжения с настоящим. Поэтому у меня может быть такое чувство, словно я никогда с этим человеком не расставался, – настолько внутренним и личным является это сопряжение. Я вновь прихожу в какую-то картинную галерею; из того, что было для меня значительным, вырастает теперь – сколько бы времени ни отделяло сегодняшний приход от предшествующего – вся полнота нынешнего переживания произведений искусства.

Выражением этого является автобиография. Она представляет собой толкование жизни в таинственной связи случайности, судьбы и характера. К чему бы мы ни обратились – наше сознание работает над тем, чтобы дать завершение жизни. Мы страдаем от наших судеб и от нашего существа, и они заставляют нас понимающе примиряться с ними. Прошлое загадочно влечет нас к тому, чтобы познать паутину значений отдельных его моментов. Но его истолкование остается, тем не менее, неудовлетворительным. Нам никогда не совладать с тем, что мы называем случаем: то, что имело значение для нашей жизни – будь то нечто прекрасное или ужасное, – всегда происходит по воле случая.

Это же отношение между значением отдельного переживания и смыслом всего течения жизни господствует и в поэзии. Здесь оно господствует, однако, с совершенно новой свободой, ибо фантазия оформляет события из сознания их значения для жизни, не будучи принуждаема действительностью¹⁷. Героический эпос возникает, когда с точки зрения значительного для жизни отношения, которое мы называем мотивом, историческое растворяется в изображении его значительности. В событии исчезает в таком случае все, что не является необходимым моментом для изображения значения этого события. Поэтому героический эпос представляет собой более высокое агрегатное состояние, в котором отдельные героические сказания, принадлежащие охватывающей их взаимосвязи, обретают более высокую ценность с точки зрения постижения значения жизни в силу сопряжения их мотивов с охватывающей их взаимосвязью значения. Следующую ступень в истолковании жизни занимает рыцарский эпос.

Еще более высокой формой толкования является драма. Здесь перед нами все сконцентрировано на достижении как можно более отчетливого выражения значения жизни (в трагедии и т. д.).

И в изобразительном искусстве господствует то же соотношение, когда значение единичного служит пониманию совокупной взаимосвязи переживаний. Именно на этом основывается внутренняя взаимосвязь различных искусств друг с другом в определенную эпоху, равно как и понимание, достигаемое через значение единичного, а также зависимость от этого техника, используемая во всех областях. Изобразительное искусство отлично от фотографии или восковой копии именно потому, что оно позволяет понять, обнаружить момент значительности. В многообразии мимолетных переживаний образов пейзажа, интерьера или человеческого лица постоянно сменяется постижение значительных моментов. Однако являющееся никогда не есть объективное изображение, но представляет собой жизнеотношение. Лес в вечерних сумерках предстает перед зрителем величественно и почти страшно; строения в долине своим ясным покоем вызывают впечатление уютной сокровенности – это вытекает из жизненного отношения к ним. Изображение человека обусловлено многообразным отношением к нему. Еще сильнее это обнаруживается при изображении фигуры в целом, где все сосредоточено на схватывании движения.

Все изменения, которые в своем развитии претерпевает искусство, ничего не меняют в том отношении, согласно которому любое произведение изобразительного искусства позволяет понять то, что явлено в пространстве, в силу сопряжения значения его частей, и лишь вид этого отношения различен ...

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ПОСТРОЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МИРА В НАУКАХ О ДУХЕ

I. ОТГРАНИЧЕНИЕ НАУК О ДУХЕ*

Необходимо с помощью надежных признаков провести предварительное отграничение наук о духе от наук о природе. В последние десятилетия те и другие, и особенно такой предмет, как история, служили поводом для интересных дебатов. Не разбирая подробно мнений, которые выдвигались оппонентами в этих дискуссиях, я предпринимаю здесь самостоятельную попытку проникнуть в сущность наук о духе и отграничить их от наук о природе. Полная формулировка этого различия будет осуществлена лишь в ходе дальнейшего исследования.

1.

Я исхожу из того обширного факта, который образует прочное основание любого размышления о науках о духе. Наряду с науками о природе возникла некая группа знаний, – возникла естественно, из задач самой жизни, – которые связаны друг с другом общностью предмета. Такие науки суть история, политическая экономия, юридические и политические науки, религиоведение, исследования в области литературы и по-

* В основе настоящей работы лежат статьи об отграничении наук о духе, о структурной взаимосвязи знания, о переживании и понимании, которые я зачитывал в Академии наук в течение многих лет вплоть до 20 января 1910 года. В частности, очерк «Структурная взаимосвязь знания» отталкивается от работы «Психическая структурная взаимосвязь», которая была прочитана 2 марта 1905 года и напечатана в Отчете о заседании от 16 марта. Поэтому этот очерк представлен здесь лишь в несколько обобщенном и немного дополненном варианте [см. первую часть книги]. Из ненапечатанных статей, которые вошли в настоящую работу, «Отграничение наук о духе» воспроизводится в первоначальном виде, статьи о переживании и понимании расширены. В остальном же изложенное здесь опирается на мои лекции по логике и системе философии.

эзии, изобразительного искусства и музыки, философских мировоззрений и систем и, наконец, психология. Все эти науки восходят к одному и тому же существенному факту: роду человеческому. Они описывают и повествуют, выносят суждения и образуют понятия и теории относительно этого факта.

То, что обычно разделяют как физическое и психическое, в этом факте является неразделенным. В нем содержится живая взаимосвязь того и другого. Все мы имеем одну природу, и она действует в нас – неосознанно, в темных инстинктах; состояния сознания постоянно выражаются в жестикации, мимике, в словах, объективируются же они в институтах, государствах, церквях, научных учреждениях: в таких именно взаимосвязях и совершается движение истории.

Это, разумеется, не исключает того, что науки о духе используют в своих целях различие физического и психического. Однако они должны сознавать, что в таком случае работают с абстракциями, а не с сущностями, и что эти абстракции обладают значимостью лишь в той перспективе, в которой они создавались. Я представляю ту точку зрения, исходя из которой в ходе дальнейшего обоснования проводится различие между психическим и физическим и которая определяет тот смысл, в каком здесь употребляются данные выражения. Ближайшим образом данное – это переживания. Однако последние, как я попытался доказать ранее*, находятся во взаимосвязи, которая на протяжении всего течения жизни сохраняет постоянство; на ее основе возникает то, что я ранее описывал как приобретенную взаимосвязь душевной жизни; она объемлет наши представления, ценностные определения и цели и существует как связь всех этих членов**. Таким образом, в каждом из них приобретенная взаимосвязь существует в особых связях, в отношениях представлений, в оценках, в порядке целей. Мы обладаем этой взаимосвязью, она постоянно действует в нас, в соответствии с ней ориентируются находящиеся в сознании представления и состояния, посредством нее апперцепируются наши впечатления, она регулирует наши аффекты: так, она всегда наличествует и всегда действует, оставаясь, однако, неосознанной. Я не

знаю, что можно было бы против этого возразить, когда применительно к человеку эта взаимосвязь посредством абстрагирования отделяется от переживаний в пределах его течения жизни и в качестве психического начала делается логическим субъектом суждений и теоретических толкований. Образование этого понятия оправдано тем, что выделенное в нем в качестве логического субъекта делает возможными суждения и теории, необходимые в науках о духе. Таким же легитимным представляется и понятие физического. В переживании мы имеем дело с впечатлениями, ощущениями, образами. Физические же предметы суть то, что в практических целях полагается как их основание, посредством чего становится возможным конструирование ощущений. Оба понятия могут применяться только тогда, когда мы сознаем, что они представляют собой только абстракции от факта, называемого «человек», – они обозначают не полную действительность, а являются лишь легитимно образованными абстракциями.

Субъекты высказываний в данных науках имеют различный объем – индивиды, семьи, более сложные союзы, нации, эпохи, исторические движения или эволюционные ряды, общественные организации, системы культуры и иные частные фрагменты, вычлененные из целого человечества, – и в конце концов само это человечество. О них можно рассказывать, их можно описывать, можно разрабатывать относящиеся к ним теории. Но они всегда будут сопряжены с одним и тем же фактом, человечеством, или человеческой общественно-исторической действительностью. И таким образом прежде всего появляется возможность определить эту группу наук посредством общего для нее отношения к одному и тому же факту, человечеству, отграничивая ее от наук о природе. Кроме того, из этого общего отношения вытекает, что высказывания о логических субъектах, содержащихся в факте «человечество», обосновывают друг друга. Два больших класса данных наук – изучение истории вплоть до описания сегодняшнего состояния общества и систематические науки духа – в каждом пункте зависят друг от друга и образуют таким образом некую прочную взаимосвязь.

2.

Хотя это определение понятия наук о духе и содержит правильные высказывания, однако оно не исчерпывает их сущности. Мы должны найти тот тип отношения, каким науки о духе относятся к факту «человечество». Лишь так можно точно установить их предмет. Ибо ясно, что науки о ду-

* Sitzungsbericht vom 16. März 1905, S. 332 ff. [Наст. изд. С. 51 и далее].

** О приобретенной связи душевной жизни см. «Dichterische Einbildungskraft und Wahnsinn». Rede 1886, S. 13 ff., Die Einbildungskraft des Dichters, in «Philosophische Aufsätze», Zeller gewidmet, 1887, S. 355 ff., «Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie», Sitzungsber. d. Akad. d. Wiss. 1894, S. 80 ff. [GS VI, S. 142 ff., 167 ff.; GS V, 217 ff.].

хе и науки о природе не могут быть логически корректно разведены как два класса, если исходить из двух фактических областей, которые они образуют. В конце концов, физиология тоже рассматривает некий аспект человека и тем не менее является наукой о природе. Стало быть, в фактах самих по себе и для себя не может иметь места принцип деления на два класса. Науки о духе должны относиться к физической стороне человека иначе, чем к психической. И так на самом деле и происходит.

В указанных науках действует некая тенденция, укорененная в самом предмете. В изучение языка входит, конечно, как физиология речевых органов, так и учение о значении слов и смысле предложений. Современная война включает в себя как химические воздействия пороха, так и моральные свойства стоящих в пороховом дыме солдат. Однако в природе рассматриваемой нами группы наук содержится определенная тенденция, – а по мере их прогресса она развивается все сильнее, – вследствие которой физическая сторона процессов низводится до простой роли условий, средств понимания. Речь идет об ориентации на самоосмысление, о пути понимания, ведущем извне внутрь. Эта тенденция использует любое жизнепроявление для того, чтобы постичь тот внутренний мир, из которого оно вытекает. История повествует о научной работе, колонизации, войнах, основании государств. Эти повествования наполняют наши души великими картинами, рассказывают об историческом мире, нас окружающем; однако в этих свидетельствах нас волнует главным образом недоступное чувствам, только переживаемое, из которого возникли внешние события, которое им имманентно и на которое они оказывают обратное воздействие. Эта тенденция зиждется не на способе рассмотрения, применяемого к жизни извне, а имеет основание в ней самой. Ибо все ценности жизни содержатся в этом переживаемом, вокруг которого и сосредотачивается вся внешняя суета истории. Здесь возникают цели, о которых природе ничего не известно. Воля производит развитие, формообразование. В этом духовном мире, наполняющем нас творчеством, ответственностью, суверенностью, и только в нем, жизнь обладает своей ценностью, целью и значением.

Можно сказать, что во всех научных работах заявляют о себе две великие тенденции.

Человек застает себя определенным природой. Она охватывает редкие, возникающие то тут, то там психические процессы. С этой точки зрения они оказываются интерполяциями в великом тексте физического мира. В то же самое время такое представление о мире, основывающееся на пространственном протяжении, является исходным пунктом всякого знания о единообразии, и мы с самого начала вынуждены с этим

считаться. Мы овладеваем этим физическим миром, изучая его законы. Эти законы могут быть открыты лишь в том случае, если характер переживания наших впечатлений о природе, та связь, в которой мы находимся с ним в той мере, в какой сами есть природа, то живое чувство, которое позволяет нам наслаждаться ими, все больше и больше скрывается за абстрактным постижением этих законов в соответствии с отношениями пространства, времени, массы, движения. Все эти моменты ведут к тому, что человек исключает сам себя, чтобы, конструируя из своих впечатлений этот грандиозный предмет «природа» согласно законам, представить его как порядок. В таком случае она становится для человека центром действительности.

Но тогда тот же самый человек обращается от нее назад к жизни, к себе самому. Это возвращение человека в переживание, через которое для него только и наличествует природа, возвращение в жизнь, в которой только и возникает значение, ценность и цель, – другая великая тенденция, определяющая научную работу. Возникает второй центр. Все, с чем сталкивается человечество, что оно создает и как оно поступает, системы целей, в которых оно себя проявляет, внешние организации общества, в которые объединяются отдельные люди, – все это обретает здесь свое единство. От чувственно данного в истории человечества понимание возвращается к тому, что недоступно чувствам и тем не менее проявляется и выражается в этом внешнем.

Как первая тенденция нацелена на то, чтобы с помощью своих методов постичь саму психическую взаимосвязь в языке естественнонаучной мысли и в ее понятиях, словно отчуждаясь от себя самой, так и эта вторая тенденция сказывается в обратной взаимосвязи внешне воспринимаемых событий человеческой истории с тем, что недоступно чувствам, в осмыслении того, что манифестирует себя в этом внешнем течении событий. История показывает, как науки, относящиеся к человеку, непрерывно приближаются к более отдаленной цели осмысления человеком самого себя.

Эта тенденция выходит за пределы человеческого мира и распространяется на саму природу, стремясь сделать ее понятной посредством понятий, обоснованных в психической взаимосвязи, хотя природу можно только сконструировать, но понять нельзя. Мы видим, что это имеет место у Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, Фехнера, Лотце и их последователей: они хотят вывести у природы ее смысл, который она все же никогда не позволит постичь.

В данной точке для нас раскрывается смысл понятийной пары внешнего и внутреннего, а также право применять эти понятия. Они обозна-

чают то отношение, которое существует в понимании между внешним чувственным явлением жизни и тем, что его произвело, что в нем обнаруживается. Отношение внешнего и внутреннего существует только в сфере понимания, отношение же феноменов к тому, посредством чего они конструируются, – только в сфере познания природы.

3.

Теперь мы подходим к тому моменту, когда возникает возможность более точного определения сущности и взаимосвязи группы наук, из которой мы исходили.

Прежде всего мы отграничили человечество от близкой к нему органической природы и далее, спускаясь ниже, – от неорганической природы. Это было разделением частей в целом Земли. Части образуют уровни, и человечество как определенная ступень развития, на которой появляются понятие, оценка, реализация целей, ответственность, сознание значения жизни, вполне может быть отделено от уровня животного существования. Стало быть, самое общее свойство, объединяющее нашу группу наук, мы определили бы так: все они имеют непосредственное отношение к человеку, к человечеству. В этом отношении и кроется основание взаимосвязи этих наук. Далее мы обратили внимание на особую природу этого отношения, существующего между фактами человек, человечество и самими науками. Данный факт мы не вправе просто обозначать как общий предмет этих наук. Напротив, их предмет впервые возникает благодаря особому подходу к человечеству, которое не навязывается им извне, а фундировано в сущности этих наук. Речь идет о государственных и церковных образованиях, об институтах, нравах, книгах, произведениях искусства; подобные факты, как и сам человек, всегда содержат в себе отношение некоей внешней чувственной стороны к стороне, сокрытой от чувств, а потому внутренней.

Итак, далее необходимо определить это внутреннее. Здесь мы совершаем обычную ошибку, подменяя наше знание этой внутренней стороны психическим течением жизни, психологией. Я попытаюсь прояснить это заблуждение в нижеследующих рассуждениях.

Все эти законоуложения, все эти судьи, следователи, обвиняемые, словом весь этот аппарат судопроизводства, как его можно видеть в определенное время и в определенном месте, сначала является выражением некоей целевой системы правовых определений, в силу которой этот аппарат и действует. Эта целевая взаимосвязь направлена на внеш-

нее сопряжение воли в однозначном измерении, которое принудительно реализует условия совершенства жизненных отношений и размежевывает властные сферы индивидов в их отношении друг к другу, к вещам и коллективной воле. Оттого формой права должны являться императивы, за которыми стоит некая общность, достаточно сильная, чтобы навязывать их. Так, историческое понимание права, как оно существует внутри подобной общности в определенную эпоху, состоит в возвращении от внешнего аппарата к духовной систематике правовых императивов, которые порождены и должны быть проникнуты коллективной волей, тогда как в том аппарате они имеют свое внешнее бытие. В таком смысле Иеринг и трактовал дух римского права. Понимание этого духа – не психологическое познание. Это возвращение к духовному образованию, наделенному свойственной ему структурой и закономерностью. Здесь основа всей юриспруденции – от интерпретации какого-нибудь места в «Corpus iuris» вплоть до постижения римского права и сравнения отдельных правовых систем между собой. Соответственно, ее предмет не тождествен внешним фактам и обстоятельствам, посредством и при наличии которых осуществляется право. Лишь в той мере, в какой эти факты реализуют право, они являются предметом юриспруденции. Поимка преступника, болезни свидетелей или способ осуществления казни принадлежат как таковые к сфере патологии и к технической науке.

Точно так же обстоит дело и с эстетической наукой. Передо мною творение поэта. Оно сложено из букв, составлено наборщиками и напечатано типографским способом. Однако история литературы и поэтика имеют дело лишь с отношением этой чувственной связи слов к тому, что ими выражено. И это является решающим: не внутренние процессы в голове поэта, а созидаемая, но в то же время и отделимая от них взаимосвязь. Взаимосвязь драмы состоит в особом соотношении материала, поэтического настроения, мотива, фабулы и изобразительных средств. Каждый из этих моментов играет свою роль в структуре произведения. И эти роли сопряжены друг с другом неким внутренним законом поэзии. Так, предмет, с которым история литературы или поэтика имеют дело в первую очередь, всецело отличен от психических процессов в голове поэта или в головах читателей. Здесь реализована духовная взаимосвязь, которая вступает в чувственный мир и которую мы понимаем, двигаясь в обратном направлении.

Эти примеры показывают, что составляет предмет наук, о которых здесь идет речь, на чем, следовательно, основана их сущность и как они отграничиваются от наук о природе. Последние тоже имеют свой пред-

мет – но не во впечатлениях, как они обнаруживаются в переживаниях, а в объектах, которые позволяют эти впечатления сконструировать. Как тут, так и там предмет – закономерное создание самих фактов. В этом обе группы наук согласуются друг с другом. Их различие заключается в направленности при образовании предмета. Оно проявляет себя в методе, которым эти группы конституируются. В первом случае возникает духовный объект понимания, во втором – физический предмет познания.

Теперь мы вправе произнести и само выражение «науки о духе». Его смысл отныне очевиден. Когда в начале XVIII века возникла потребность в общем наименовании для этой группы наук, их обозначили как *sciences morales*, или науки о духе, а затем, наконец, как науки о культуре. Уже сама смена имен демонстрирует, что ни одно из них не подходит всецело для того, что оно призвано обозначить. Итак, здесь следует указать тот смысл, в каком я использую это слово. Таким же образом Монтескье говорил о духе законов, Гегель – об объективном духе или Иеринг – о духе римского права. Выяснение пригодности этого выражения в сравнении с применявшимися ранее будет возможно лишь в дальнейшем.

4.

И вот теперь мы можем удовлетворить последнему требованию сущностного определения наук о духе. Сейчас мы можем отграничить науки о духе от наук о природе, опираясь на совершенно очевидные признаки. Они состоят в указанном выше действии духа, посредством которого, в отличие от естественнонаучного познания, формируется предмет наук о духе. Человечество, постигаемое в восприятии и познании, было бы для нас физическим фактом и в качестве такового было бы доступно только естественнонаучному познанию. Но как предмет наук о духе оно фигурирует лишь в той мере, в какой человеческие состояния переживаются и выражаются в жизнепроявлениях и в какой эти выражения понимаются. Причем эта взаимосвязь жизни, выражения и понимания охватывает не только жесты, мимику и слова, посредством которых люди общаются между собой, или долговечные творения духа, в которых для постигающего открывается глубинная сущность творца, или устойчивые объективации духа в общественных образованиях, через которые просвечивает общность человеческого существа и постоянно предстает для нас в своей наглядности и достоверности, – психофизическое единство жизни тоже узнает себя благодаря этому

двойному отношению переживания и понимания, оно осознает себя в настоящем и вновь находит себя в воспоминании как прошедшее. Однако в то время как оно стремится удерживать и постигать свои состояния, направлять внимание на себя самое, становится очевидной ограниченность подобного интроспективного метода самопознания: человек узнает о себе самом лишь из своих поступков, из своих фиксированных жизнепроявлений, а также из их воздействия на других; так он учится узнавать себя, лишь следуя окольным путем понимания. То, чем мы некогда были, как развивались, чем стали и чем являемся, мы узнаем из того, какие поступки мы совершали, какие жизненные планы некогда задумывали, как выполняли свои профессиональные обязанности, узнаем из старых, давно забытых писем, из суждений о нас, которые высказывались когда-то давно. Короче, именно этот процесс понимания проливает свет в глубины нашей жизни, и, с другой стороны, мы понимаем самих себя и других лишь тогда, когда привнесим пережитую нами жизнь во всякого рода выражения собственной и чужой жизни. Поэтому повсюду взаимосвязь переживания, выражения и понимания есть своеобразная процедура, благодаря которой человечество наличествует для нас как предмет наук о духе. Таким образом, последние фундированы в этой связи жизни, выражения и понимания. Здесь мы впервые приходим к совершенно ясному признаку, который позволяет провести однозначное отграничение наук о духе. Какая-либо наука принадлежит к числу наук о духе лишь в том случае, если ее предмет становится для нас доступным через процедуру, фундированную во взаимосвязи жизни, выражения и понимания.

Из этой общей сущности указанных наук проистекают все те свойства, которые в дискуссиях по поводу наук о духе или наук о культуре и истории выделялись как сущностно конституирующие. Например, особое отношение, в котором уникальное, сингулярное, индивидуальное состоит здесь ко всеобщему единообразию*. Затем, связь высказываний о действительности, ценностных суждений и понятий цели**. Далее: «постижение сингулярного, индивидуального является для них такой же последней целью, как и развитие абстрактного единообразия***. Однако еще больше мы извлечем из следующего об-

* Einleitung in die Geisteswissenschaften, 33 [GS I, S. 26 ff. (*Дильтей*. Собр. соч. Т. I. С. 303)].

** Ibid. S. 33, 34.

*** Ibid. S. 33.

стоятельства: все главные понятия, которыми оперирует эта группа наук, отличаются от соответствующих понятий из области естествознания.

Итак, эта главная тенденция состоит в том, чтобы от человечества, от реализованного посредством него объективного духа вернуться – со всеми вытекающими отсюда последствиями – к творящему, оценивающему, действующему, самовыражающемуся, самообъективирующемуся; и эта тенденция дает нам право называть науки, в которых она находит свое выражение, науками о духе.

II. РАЗЛИЧИЕ ПОСТРОЕНИЯ В НАУКАХ О ПРИРОДЕ И НАУКАХ О ДУХЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

1.

Таким образом, в науках о духе осуществляется построение исторического мира. Этим образным выражением я обозначаю ту идеальную взаимосвязь, где имеет свое бытие объективное знание об историческом мире, которое последовательно расширяет свою сферу, основываясь на переживании и понимании.

Какова же взаимосвязь, соединяющая теорию подобного рода с наиболее родственными ей науками? Прежде всего это обуславливающие друг друга идеальное построение духовного мира и историческое знание о прошлых событиях, в которых постепенно обозначается духовный мир. Они разделены между собой, однако имеют в духовном мире свой общий предмет: на этом и основано их внутреннее сопряжение. Процесс, в ходе которого развивалось знание об этом мире, дает руководящую нить для понимания его идеального построения, и построение это делает возможным более глубокое понимание истории наук о духе.

Тогда основой подобной теории будет проникновение в структуру знания, в формы мышления и научные методы. Так, из логической теории вычленяется только то, что в данном случае необходимо. Обращение же к самой этой теории уже с первых шагов впутало бы наше исследование в бесконечные споры.

Наконец, существует еще и отношение нашего учения о построении, осуществляемом в науках о духе, к критике способности познания. Намекаясь прояснить это отношение, мы впервые обнаруживаем все значение нашего предмета. Критика познания, как и логика, представляет собой анализ наличной взаимосвязи наук. В теории познания анализ возвращается от этой взаимосвязи к условиям, при которых возможна наука. Но здесь мы сталкиваемся с обстоятельством, которое является определяющим для развития теории познания и ее современного положения. Науки о природе были сначала тем предметом, применительно к которому осуществлялся этот анализ. Ведь причина того, что прежде всего сформировалось именно познание природы, лежит в самом развитии наук. На-

уки о духе лишь в прошлом веке достигли той стадии, когда стало возможно использовать их в теории познания. Получается, что изучение построения обоих классов наук предшествует по времени взаимосвязанному теоретико-познавательному обоснованию, ибо подготавливает как в целом, так и в отдельных пунктах взаимосвязанную теорию познания. Оно существует в аспекте проблемы познания и работает над ее разрешением.

2.

Когда европейские народы новейшей истории, достигшие совершеннолетия во времена Гуманизма и Реформации, вышли во второй половине XVI века из стадии метафизики и теологии и вступили в стадию самостоятельных опытных наук, этот процесс осуществлялся более полно, чем у греков в III веке до Р. Хр. Тогда математика, механика, астрономия и математическая география тоже освободились от логики и метафизики. Они оказались взаимосвязаны в силу отношения взаимозависимости, однако в этом построении наук о природе индукция и эксперимент еще не получили своего истинного статуса и значения и не развернулись во всей своей плодотворности. Лишь в нерабовладельческих индустриальных и торговых городах современных наций, равно как при дворах, в академиях и университетах крупных, нуждавшихся в деньгах военных государств, стали более мощно развиваться сознательное вторжение в природу, механический труд, изобретение, открытие, эксперимент; они объединились с математическим конструированием, и так возник действительный анализ природы. И вот в результате совместной деятельности Кеплера, Галилея, Бэкона и Декарта в первой половине XVII века сформировалось математическое естествознание как познание порядка природы согласно законам. И благодаря постоянно возрастающему числу исследователей оно еще в том же столетии развернуло весь свой потенциал. Итак, оно было тем предметом, анализом которого преимущественно и занималась теория познания конца XVII – XVIII века в лице Локка, Беркли, Юма, Даламбера, Ламберта и Канта.

Построение наук о природе определяется способом, каким дан их предмет, природа. Образы постоянно сменяются, они сопрягаются с предметами, эти предметы наполняют и занимают эмпирическое сознание, и из них складывается объект описательного естествознания. Однако уже эмпирическое сознание замечает, что те чувственные качества, которые обнаруживаются в образах, зависят от точки рассмотрения, от расстояния, от освещения. Все отчетливей физика и физиология пока-

зывают феноменальность этих чувственных качеств. Следовательно, возникает задача представить себе эти предметы так, чтобы можно было постичь единообразие, все отчетливей проступающее в этой смене. Понятия, с помощью которых осуществляется это схватывание, суть вспомогательные конструкции, создаваемые мыслью с этой целью. Так природа оказывается для нас чужой, трансцендентной постигающему субъекту, примысленной к феноменально данному в используемых им же вспомогательных конструкциях.

Однако в том способе, как нам дана природа, одновременно содержатся средства, позволяющие подчинить ее мысли и поставить на службу задачам жизни. Артикуляция чувств обуславливает возможность сравнения впечатлений в любой системе чувственного многообразия. На этом зиждется возможность анализа природы. Тогда в отдельных кругах принадлежащих друг к другу чувственных феноменов существуют закономерности в последовательности или в отношениях одновременного сосуществования. Подводя под эти закономерности неизменных носителей событий, их можно свести к некоторому порядку согласно законам в помысленном многообразии вещей.

Эта задача решается только тогда, когда к закономерностям в феноменах, устанавливаемых индукцией и экспериментом, добавляется другое свойство данности. Все физическое имеет величину: его можно исчислить; оно простирается во времени; по большей части наполняет также и пространство и может быть измерено; затем в пространстве возникают измеримые движения, и если феномены слуха не включают в себя пространственное протяжение и движение, то их все же можно подвести под эти феномены, и сочетание сильных звуковых впечатлений с восприятием сотрясения воздуха ведет именно к этому. Так математические и механические конструкции становятся средством, с помощью которого все чувственные феномены по неизменным законам гипотетически сводятся к движению их неизменных носителей. Любые выражения типа: носитель события, нечто, факт, субстанция, обозначают лишь трансцендентные познанию логические субъекты, которым преддицируются законосообразные математические и механические отношения. Они являются всего лишь пограничными понятиями, чем-то, что делает возможными естественнонаучные высказывания, они суть исходная точка подобных высказываний.

Тем самым определяется дальнейшая структура и построение наук о природе.

В природе пространство и число даны как условия качественных определений и движений, последнее же в таком случае является все-

общим условием перемещения частей или колебаний воздуха и эфира, которые химия и физика кладут в основу изменений. Результатом этого становятся отношения самих наук в естественнонаучном познании. Каждая из наук имеет свои предпосылки в предваряющей ее науке; однако осуществить себя она способна, когда эти предпосылки применяются ею к некоей новой области фактов и содержащихся в них отношений. Этот естественный порядок науки, насколько я понимаю, был впервые установлен Гоббсом. Предмет естественной науки – как известно, Гоббс идет дальше и включает в эту связь также и науки о духе, – согласно ему, суть тела, а их самое фундаментальное свойство – отношения пространства и времени, устанавливаемые математикой. От них зависит механика, и, по мере объяснения света, цвета, звука, тепла движением мельчайших частиц материи, возникает физика. Вот схема, которая была расширена в ходе дальнейшей научной работы и соотнесена Контом с историей наук. Чем больше математика осваивала безграничную область свободных образований, тем дальше она перешагивала границы своей ближайшей задачи: обосновывать естественные науки. Однако это никак не изменило содержащегося в самих предметах отношения, согласно которому в закономерности пространственных и числовых величин имеются предпосылки механики; благодаря прогрессу математики расширилось лишь поле дедуктивных возможностей. Такое же отношение имеет место и между механикой и физикой с химией. Там, где живое тело фигурирует в качестве новой совокупности фактов, его изучение основывается на химико-физических истинах. Всюду – то же многоуровневое построение наук о природе. Каждый из этих уровней образует замкнутую в себе область и одновременно обосновывается и обуславливается другим, лежащим под ним уровнем. Если спускаться от биологии вниз, то каждая естественная наука будет содержать закономерные отношения, обнаруживающие уровни других наук самих по себе, вплоть до самого общего математического основания. Если же подниматься вверх, то с каждым последующим уровнем будет прибавляться нечто, чего не было в предыдущем научном уровне – дальнейшая и, если смотреть снизу, новая фактичность.

От группы наук о природе, где познание обращено на законы природы, отлична другая группа наук из числа тех, которые описывают мир как нечто уникальное на каждом отдельном его уровне, фиксируют его эволюцию во времени и, предполагая некий первоначальный порядок, применяют для объяснения его устройства полученные в первой группе законы природы. В той мере, в какой они выходят за пределы констата-

ции, математического определения, описания фактического устройства и исторического хода событий, основу под них подводит первая группа. Стало быть, и здесь исследование природы зависит от построения познания согласно законам природы.

Итак, поскольку объектом теории познания было преимущественно это построение наук о природе, отсюда и возникла связь ее проблем. Мыслящий субъект и лежащие перед ним чувственные предметы отделены друг от друга; чувственные предметы обладают своим феноменальным характером, и поскольку теория познания ограничена областью знания о природе, то она никогда не сможет преодолеть феноменальность лежащей перед ней действительности. В порядке согласно законам, который науки о природе подводят под чувственные феномены, чувственные качества репрезентируются формами движения, относящимися к этим качествам. И даже если чувственные факты, с принятия и репрезентации которых и началось знание о природе, становятся предметом сравнительной физиологии, то, тем не менее, никакое эволюционно-историческое исследование не может ухватить того, как одни чувственные данные переходят в другие. Можно постулировать такое превращение тактильного ощущения в ощущение звука или цвета, однако его никогда нельзя представить безусловно. Не существует понимания этого мира: мы можем переносить в него ценность, значение, смысл лишь по аналогии с нами самими, и лишь с того момента, когда в органическом мире начинает проявляться душевная жизнь. В таком случае из построения наук о природе следует, что дефиниции и аксиомы, образующие их фундамент, свойственный им характер необходимости, а также закон причинности приобретают здесь для теории познания особое значение.

Из построения наук о природе, позволявшего осуществлять эту двойную интерпретацию, развились и два подготовленных уже в Средневековье направления теории познания, каждое из которых открывало новые возможности.

Аксиомы, служившие основой этого построения, в одном из указанных направлений комбинировались с логикой, которая фундировала в формулах правильный мыслительный комплекс, достигая таким образом высшей степени абстрагирования от материала мышления. В законах и формах мышления, этих предельных абстракциях, видели обоснование связи знания. В этом направлении Лейбницем был сформулирован закон достаточного основания. Когда же Кант вычленил все составляющие математики и логики и обнаружил для них условия в сознании, возникло его учение об априори. Такое происхождение его учения

красноречиво свидетельствует о том, что это априори в первую очередь создано с целью обоснования. Такие значительные логики, как Шлейермахер, Лотце и Зигварт, упростили и преобразовали этот способ рассмотрения, предложив в его рамках совершенно различные попытки разрешения этой проблемы.

Другое направление имеет свой исходный пункт в единообразиях, выявляемых индукцией и экспериментом, а также в предсказаниях и практическом применении, которые из них вытекают. Затем внутри этого направления были созданы совершенно различные возможности, касающиеся, в частности, понимания математических и механических основ познания у Авенариуса, Маха, прагматистов и Пуанкаре. Таким образом, это направление теории познания тоже раскололось на множество гипотетических допущений.

3.

Как в первой половине XVII века происходило быстрое развитие и формирование наук о природе, так для наук о духе имел основополагающее значение один небольшой период, отмеченный деятельностью Вольфа, Гумбольдта, Нибура, Эйхгорна, Савиньи, Гегеля, Шлейермахера, Боппа и Якоба Гримма. Нам следует попытаться понять внутреннюю связь этого движения. Его крупным методическим достижением было фундирование наук о духе в исторически-общественной фактичности. Оно сделало возможной новую организацию наук о духе, которая впервые поставила в тесное отношение филологию, критику, историографию, различные методы систематических наук о духе и приложению идеи развития ко всем областям духовного мира. Тем самым проблема наук о духе вступила в новую стадию, и каждый сделанный и еще не сделанный шаг на пути разрешения этой проблемы теперь будет зависеть от углубления в эту новую фактическую взаимосвязь наук о духе, в рамках которой должны рассматриваться все их позднейшие достижения вплоть до сегодняшних.

Развитие, о котором сейчас пойдет речь, было подготовлено в XVIII веке. Тогда же возникло и универсально-историческое понимание отдельных частей истории. От естественных наук пришли ведущие идеи Просвещения, которые впервые привнесли в исторический процесс научно обоснованную взаимосвязь: солидарность наций, обнаруживающуюся в разгар их борьбы за власть, их общий прогресс, имеющий свою основу в универсальности научных истин, постоянно увеличивающихся в

числе и как бы наслаивающихся друг на друга, наконец, растущее господство человеческого духа над земным миром, осуществляемое посредством этого познания. Великие монархии Европы рассматривались в качестве надежных опор этого прогрессивного движения. В результате наблюдения над происходившим на этой основе развитием промышленности, торговли, благосостояния, цивилизации, вкуса и искусства вся совокупность этих достижений была обобщена под понятием культуры: начали изучать прогресс этой культуры, изображать ее периоды, всячески членить ее, подвергая специальным исследованиям отдельные ее стороны и соотнося их друг с другом в рамках одной эпохи. Вольтер, Юм, Гиббон – вот типичные представители этого нового способа рассмотрения. И когда в отдельных сферах культуры начали применяться правила, выводимые из их рациональной конструкции, то уже здесь постепенно подготавливалась почва для исторического понимания областей культуры.

Ибо если каждая часть культуры сначала представлялась Просвещению определенной некоей целью и подчиненной правилам, от которых зависит достижение цели, то впоследствии оно пришло к тому, чтобы видеть в минувших эпохах осуществление своих правил. Арнольд, Землер, Бёмер, школа изучения церковного права, а также Лессинг исследовали характер раннего христианства как подлинного типа христианской религиозности и ее внешних порядков; Винкельман и Лессинг видели в Греции осуществление своего следующего правилам идеала искусства и поэзии. Вслед за изучением моральной личности, связанной долгом совершенствования, в психологии и поэзии человек открылся в своей иррациональной и индивидуальной реальности. И если в эпоху Просвещения идея прогресса полагала этому процессу некую рационально определимую цель, если она не придавала значения собственному содержанию и собственной ценности ранних стадий на этом пути, если Шлецер усматривал цель государства в образовании более крупных государственных образований с сильным централизованным управлением, системой общественного призрения и культурной политикой, а Кант – в мирной общности осуществляющих право государств, если естественная теология, Винкельман и Лессинг, также ограниченные идеалами времени, предписывали другим важным силам культуры конечные рациональные цели, то Гердер как раз явился тем, кто совершил революцию в историографии, подчиненной рассудочному понятию цели, признав самостоятельную ценность за каждой отдельной нацией и каждой эпохой. Тем самым XVIII век стоял на пороге новой эры наук

о духе. Начиная с Вольтера и Монтескье, Юма и Гиббона, через Канта, Гердера и Фихте идет путь к великой эре, в которой науки о духе наконец завоевали свое место наряду с науками о природе.

Германия была ареной конституирования второй взаимосвязи наук. Эта страна середины, внутренней культуры, которая, начиная с Реформации, сохраняла в себе актуальные силы европейского прошлого, греческую культуру, римское право, первоначальное христианство – в каком единстве они были представлены «учителем Германии» Меланхтоном! Так на немецкой почве выросло наиболее полное, наиболее естественное понимание этих сил. В этот период поэзия, музыка и философия раскрыли глубины жизни, до которых до сих пор не проникала ни одна нация. Такие времена расцвета духовной жизни придают историческим мыслителям больше сил, вызывают большее многообразие переживаний и наделяют духовной способностью постижения самых разных форм бытия. Именно романтика, с которой столь тесно была связана наука о духе, а в первую очередь братья Шлегели и Новалис, вместе с новой свободой жизни сформировали свободу проникновения во все самые чуждые сферы. Шлегели расширили горизонт понимания всего многообразия творений в языке и литературе и наслаждения им. Они выработали новый взгляд на литературные произведения, опирающийся на исследование их внутренней формы.

Из этой идеи внутренней формы, композиции выросла реконструкция Шлейермахером взаимосвязи платоновских произведений, а позднее – впервые достигнутое им понимание внутренней формы посланий Павла. В этом строгом рассмотрении формы заключалось также новое вспомогательное средство исторической критики. Именно на этой основе Шлейермахер в своей герменевтике рассматривал процесс создания литературных произведений и их понимания, что было позднее продолжено Бёком в его энциклопедии – событие, имевшее огромное значение для развития учения о методе.

В. фон Гумбольдт стоит среди романтиков несколько особняком, выделяясь сосредоточенностью и цельностью своей личности в кантовском смысле, и все же он близок к ним своим влечением к наслаждению и пониманию жизни любого рода, близок своей филологией, основанной на этом принципе, экспериментированием с новыми проблемами наук о духе, тенденция которых была такой же систематической, как и проект Энциклопедии Фридриха Шлегеля. В близком духовном родстве с В. фон Гумбольдтом находится Фр. А. Вольф, который сформулировал новый идеал филологии, согласно которому она, имея свою опору в языке, должна охватывать всю культуру нации, чтобы отсюда, наконец, до-

стичь понимания ее величайших духовных творений. В этом смысле Нибур и Моммзен, Бёк и Отфрид Мюллер, Якоб Гримм и Мюлленхоф были филологами, и это строгое понятие оказало бесконечно благотворное воздействие на науки о духе. Так возникло методически обоснованное, охватывающее всю жизнь историческое знание об отдельных нациях и понимание их места в истории, где происходило формирование идеи национальности.

Итак, изучение древнейших обозримых эпох отдельных народов впервые приобрело здесь свое подлинное значение. Их творческая сила, действующая в религии, нравах и праве, сведение ее к общему духу, который говорит в эти эпохи из общих творений индивидов, обладающих в небольших политических телах большим единообразием, – то были великие открытия исторической школы, и они обусловили все ее предствление о развитии наций.

Для такой эпохи, занятой мифами и сказаниями, историческая критика была необходимым дополнением понимания. И здесь Фр. А. Вольф тоже был ведущей фигурой. Исследуя гомеровские поэмы, он выдвинул допущение, что эпическая поэзия греков возникла до появления известных нам «Илиады» и «Одиссеи» в устном исполнении и, соответственно, складывалась из небольших форм. Это было началом критического анализа национальной эпической поэзии. Нибур продолжил линию Вольфа, двигаясь от критики традиции к реконструкции древнейшей римской истории. Наряду с толкованием древних песен в смысле гомеровской критики он выдвинул еще один принцип объяснения традиции: зависимость хронографов от партийных пристрастий и неспособность последующих времен понять более раннюю ситуацию – тот принцип объяснения, который затем наиболее плодотворно был использован Христианом Бауром, великим критиком христианской традиции. Так критика Нибура была теснейшим образом связана с новым построением римской истории.

Нибур понимал древнеримскую эпоху из фундаментального видения общего национального духа, действующего в нравственных и правовых установлениях, в поэтической традиции истории и создающего специфическую структуру определенного народа. И здесь влияние жизни на историческую науку тоже занимает важное место. К вспомогательным филологическим средствам прибавилось приобретенное им существенное знание о хозяйственной деятельности, праве, духовной жизни и сравнение аналогичных традиций. Взгляд Савиньи на историю права, получивший свое наиболее ясное выражение в учении об обычном праве, основывался на тех же самых представлениях. «Все право возникает

таким именно образом, который господствующее словоупотребление называет обычным правом». «Оно впервые создается на основе нравственных установлений и народной веры, и лишь потом – на основе юриспруденции, то есть всюду – внутренними, неявными силами, а не произволом законодателя»¹⁸. В согласии с этим находились также и великие концепции Якоба Гримма о развитии немецкого духа в языке, праве и религии. Отсюда было совершено второе открытие этой эпохи.

Естественная система наук о духе, согласно просветительским представлениям, видела в религии, праве, нравственности, искусстве прогрессивное движение от варварской беспорядочности к некоей разумной целевой взаимосвязи, имеющей основание в человеческой природе. Ибо согласно этой системе человеческая природа включает в себя закономерные и поддающиеся отображению в четких понятиях отношения, которые повсеместно и единообразно порождают одни и те же направления экономической жизни, правового порядка, морального закона, разумной веры и эстетических правил. В то время как человечество осознает себя и стремится подчинить им свою жизнь в экономике, праве, религии и искусстве, оно достигает совершеннолетия и становится все более и более способным организовывать общественный прогресс, руководствуясь научным познанием. Однако то, что удалось наукам о природе, а именно: сформулировать общезначимую систему понятий, теперь, видимо, оказывалось невозможным в науках о духе. Природа предмета двух этих областей знания обнаружила свое различие. Итак, эта естественная система после своего раскола стала развиваться в различных направлениях, которые все же имели один и тот же научный фундамент, а возможно, один и тот же изъян в этом фундаменте. Таким образом, великая эпоха наук о духе, борясь с понятийной системой XVIII столетия, выявила исторический характер наук об экономике, праве, религии и искусстве. Они развиваются из творческой силы наций.

Вместе с тем возникло новое воззрение на историю. Речи Шлейермахера о религии поначалу открыли значение сознания сообщества и его выражения в форме сохраняемого этим сознанием послания для сферы религиозности. На этом открытии зиждется его понимание раннего христианства, критика Евангелий и открытие субъекта религиозности, религиозных высказываний и догмы в сознании общины, что в целом составляло опору его учения о вере. Теперь нам известно*, как

* См. мою книгу «История молодого Гегеля» (Jugendgeschichte Hegels. Abhandl. d. Akad. d. Wiss. 1905 [GS IV, 1–187]).

под влиянием «Речей о религии» возникло гегелевское понятие коллективного сознания, этого носителя истории, движение которого вперед делает возможным историческое развитие. Не без влияния со стороны философского движения историческая школа пришла к схожему результату, вернувшись к древнейшим эпохам в жизни народов и обнаружив здесь действующим общий творческий дух, который создает национальное достояние, выраженное в нравах, праве, мифах, эпической поэзии, и определяет все развитие наций. Язык, нравы, жизненный уклад, право, – формулировал это основополагающее воззрение Савиньи, – «не имеют обособленного существования, они суть лишь единичные силы и свершения народа, неразрывно связанные по природе»¹⁹. «Что связывает их в единое целое, – так это общее убеждение народа». «Этот юношеский возраст народов беден понятиями, однако он обладает ясным сознанием своего состояния и своей ситуации, он совершенно, полно чувствует их и переживает». «Чистое, природное состояние обнаруживает себя прежде всего в гражданском праве». Его корпус суть «символические действия, где правовые отношения должны возникнуть или прекратиться». «Их важность и достоинство соответствует значительности самих правовых отношений». Они являются «подлинной грамматикой права в этот период». Развитие права осуществляется в некоей органической взаимосвязи; «при росте культуры все свершения народа все более отделяются друг от друга, и то, что прежде делалось сообща, сейчас переходит к частным сословиям»²⁰; возникает обособленное сословие юристов; оно представляет народ в его правовой функции; образование понятий становится теперь инструментом развития права: оно охватывает и ведущие принципы, то есть те определения, в которых даны и все остальные; на их нахождении и зиждется научный характер юриспруденции, и юриспруденция все больше и больше становится основанием для дальнейшего формирования права посредством законодательства. Аналогичное органическое развитие Якоб Гримм продемонстрировал и в языке. Из этой непрерывной линии вышло изучение наций и различных сторон их жизни.

С этой широкой перспективой исторической школы был связан методический прогресс, имеющий величайшее значение. Начиная с аристотелевской школы, формирование сравнительного метода в биологии растений и животных создавало исходный пункт для его применения в науках о духе. Благодаря этому методу античная политическая наука возвысилась в древности до самой высокоразвитой дисциплины наук о духе. В то время как историческая школа отвергла выведение всеобщих истин в науках о духе посредством абстрактной конструктивной мысли,

сравнительный метод стал для нее единственным для достижения истин более высокого уровня всеобщности. Она применила этот метод к языку, мифу, национальному эпосу, а сравнение римского и германского права, с научной точки зрения именно тогда достигшее своего расцвета, стало исходным пунктом для складывания того же метода и в области права. Здесь тоже можно провести интересную параллель с тогдашним состоянием биологии. Кювье исходил из понятия комбинации частей в животном типе, которое позволяло из остатков исчезнувших животных воссоздавать их строение. К подобной процедуре прибегал и Нибур, а Франц Бопп и Якоб Гримм применяли сравнительный метод к языку совсем в духе великих биологов. Стремление молодого Гумбольдта проникнуть в суть наций, наконец, осуществилось благодаря средствам сравнительного языкознания. К этому направлению затем примкнул во Франции крупный аналитик политической жизни Токвиль: в духе Аристотеля он исследовал функции, взаимосвязь и развитие политических тел. Единственный, если можно так выразиться, морфологический способ рассмотрения проходит через все эти генерализации и приводит к понятиям, обладающим новой глубиной. Всеобщие истины, согласно этой точке зрения, образуют не основу наук о духе, а ее последний результат.

Ограниченность исторической школы заключалась в том, что она не имела отношения ко всеобщей истории. Всеобщая история Иоганна фон Мюллера, которая, в частности, продолжала несовершенные именно в этом пункте «Идеи» Гердера, обнаружила полную несостоятельность прежних вспомогательных средств для решения этой задачи. И вот тут, сосредоточив свое внимание в том самом месте, где была опорная точка исторической школы, и действуя одновременно с ней, в работу включился Гегель.

Он был одним из величайших исторических гениев всех времен. В спокойных глубинах своего существа он собрал воедино великие силы исторического мира. Тематикой, применительно к которой он развивал свои взгляды, была история религиозного духа. Историческая школа требовала филологически строгих подходов и использовала сравнительный метод; Гегель же проложил путь для совершенно иного подхода. Под влиянием его религиозно-метафизических переживаний, при постоянном общении с источниками, однако везде возвращаясь от них к глубочайшему внутреннему существу религиозной жизни, он открыл развитие религиозности, где низшая ступень коллективного религиозного сознания порождает с помощью действующих в ней сил ступень более высокую, которая включает в себя предыдущую. XVIII столетие об-

наружило прогресс человечества, причиной которого является рост знаний о природе и основанное на них господство над ней; Гегель схватил развитие внутреннего существа религиозной жизни. XVIII столетие увидело в этом прогрессе науки солидарность человеческого рода; Гегель в сфере религиозности открыл коллективное сознание как субъект развития. Понятия, в которых XVIII век схватывал историю человечества, имеют самое непосредственное отношение к его благополучию, совершенствованию и рассудочному целеполаганию, которое направлено на осуществление этих целей; Гегель был согласен с ним в стремлении выразить различные стороны человеческого существования посредством общезначимой системы понятий. Однако даже историческая школа не оспаривала рассудочное понимание человечески-исторической действительности так, как он: искомая им понятийная система была призвана не абстрактно формулировать и упорядочивать разные стороны жизни, он стремился к новой связи понятий, которая давала бы возможность постичь развитие во всем его объеме. Помимо религиозного он распространил свой метод и на метафизическое развитие, а затем – и на все другие сферы жизни, так что предметом его исследования стал мир истории в целом. Повсюду он искал в нем деятельность, движение вперед, и оно обнаруживает свое существо в любом пункте сопряжения понятий. Так историческая наука постепенно превратилась в философию. Это превращение стало возможным потому, что немецкие спекулятивные рассуждения о времени столкнулись с проблемой духовного мира. Кантовский анализ отыскал в глубинах сознания формы интеллигенции, как то: чувственное созерцание, категории, схемы чистых понятий рассудка, понятия рефлексии, теоретические идеи разума, нравственный закон, способность суждения, и определил их структуру. Каждая из этих форм интеллигенции была в сущности деятельностью. Однако впервые это выступило на первый план тогда, когда Фихте увидел возникновение мира сознания из полагания, противопоставления и соединения – вскрывая везде энергию, продвижение вперед. Так вот, поскольку история реализуется в сознании, то, согласно Гегелю, в ней, в свою очередь, должно быть найдено то же самое взаимодействие деятельностей, которое делает возможным развитие в сверхиндивидуальном субъекте путем полагания, противопоставления и высшего единства. Тем самым был заложен фундамент для решения задачи, выдвинутой Гегелем: представить формообразования сознания в понятиях и посредством них схватить развитие духа как систему понятийных отношений. Сделать постижимым это развитие должна была высшая логика, противоположная логике рассудка, и как раз она-то и явилась сложнейшим трудом всей

его жизни. Руководящую нить для установления последовательности категорий он заимствовал у Канта, великого открывателя различных порядков отношений, я бы даже сказал: структурных форм знания. Реализация этой связи идей в действительности, согласно Гегелю, достигала своей высшей точки в мировой истории. Так он интеллектуализировал исторический мир. В противоположность исторической школе он нашел общезначимое обоснование систематической науки о духе в системе разума, которая осуществляется духом, и даже больше того – все, что рационализм XVIII века изъят из разумной связи, как то: индивидуальное существование, особая форма жизни, случай и произвол, он при помощи средств высшей логики включил в систему разума.

Из взаимодействия всех этих моментов выросло понимание исторического мира, предложенное Ранке.

Он был великим художником. Едва заметно, непрерывно, без борьбы возникает в нем представление о «неизвестной истории мира». Ранке принимает созерцательное жизненное настроение Гёте и его художественную точку зрения на мир, выбирая своим предметом историю. Он стремится изображать лишь то, что было. В полном соответствии с достоверностью, обладая безупречной техникой критики, которой он обязан Нибуру, Ранке дает выражение тому, что содержится в документальных свидетельствах и литературе. Эта художественная натура не испытывает никакой потребности возвращаться к лежащей позади событий взаимосвязи исторических факторов, как то делали великие исследователи исторической школы. Она страшится утратить в этих глубинах не только их достоверность, но и лишиться радости от восприятия переливающегося разными цветами многообразия явлений, как то произошло с Нибуром. Ранке не доходит до анализа и понятийной мысли о взаимосвязях, действующих в истории. Дальше этого его историография не идет. Еще меньше нравился ему бесцветный понятийный порядок исторических категорий в гегелевском воззрении на исторический мир. «В чем больше истины, – вопрошает он, – что подводит нас ближе к познанию существенного бытия: следование за спекулятивными мыслями или постижение состояний человечества, которые, тем не менее, всегда живо обнаруживают врожденный нам образ мыслей? Я сторонник последнего, ибо оно менее подвержено заблуждению». Это новая черта у Ранке: он впервые наиболее полно выражает то, что основание всего исторического знания и его высшая цель состоит в изображении сингулярной взаимосвязи истории. По меньшей мере одна из целей – ибо ограниченность Ранке заключалась в том, что цель он видел исключительно в этом одном, никак не обсуждая других целей. Далее линии развития расходятся.

Обладая поэтическим настроением в отношении исторического мира, он наиболее сильно ощутил и выразил судьбу, трагiku жизни, весь блеск мира и высокое чувство творчества. В этом переплетении присущего поэзии сознания жизни с историей он близок Геродоту, а также Фукидиду, которого он считал своим образцом, Иоганну Мюллеру и Карлейлю. Взгляд, обозревающий жизнь с некой высоты, был связан в этой столь родственной Гёте натуре с пониманием исторического начала в соответствии с перспективой целого. Его горизонтом была всеобщая история; любой предмет он схватывал с этой точки зрения, и в этом он совпадал с целым направлением историографии, развивавшимся начиная с Вольтера вплоть до Гегеля и Нибура. Однако другой характерной его чертой было то, как из взаимодействия и противодействия наций он по-новому увидел отношения между политическим стремлением к власти, внутренним государственным развитием и духовной культурой. Эта универсально-историческая точка зрения восходит к годам его юности; впоследствии он упоминал о своем «старом намерении найти легенду мировой истории, то развитие событий нашего рода, которое можно рассматривать как свойственное ей содержание, как центр ее и сущность»²¹. Всеобщая история была излюбленным предметом его лекций; он всегда помнил о связи своих отдельных работ с нею; она явилась также предметом его последнего труда, предпринятого им на склоне лет, в более чем восьмидесятилетнем возрасте.

Художник в нем требовал изображать чувственную широту событий. Сделать это он мог, лишь используя свой универсально-исторический способ рассмотрения по отношению к одному определенному предмету. Выбор этого предмета определял не только интерес, с которым он изучал сообщения венецианских посланников, но и его чутье к тому, что лежало на самом виду, а также внутренняя симпатия к эпохе великих государств и выдающихся монархов, преисполненных властных амбиций. «Почти без моего участия передо мной постепенно складывается история нового времени в важнейших его моментах. Сделать ее очевидной и написать ее будет задачей моей жизни». Так предметом его повествовательного искусства стало формирование современных государств, их борьба за власть, их обратное влияние на положение внутри страны, рассматриваемое в порядке появления национальных историй.

В этих работах находит свое выражение воля и способность к беспримерной исторической объективности. Универсальное сочувствие к историческим ценностям, радость общения с многообразием исторических явлений, всесторонняя восприимчивость к жизни в ее мельчайших подробностях, которая наполняла Гердера и которая в Иоганне Мюлле-

ре доходила до бессилия впечатлительного духа перед лицом исторических сил, – эта неповторимая способность немецкого духа переполняет и Ранке. Он работал не без влияния Гегеля, но все же в отчетливо противоположном направлении. Ведь он повсюду изыскивал средства сугубо исторического характера, чтобы привести к одной объективной исторической связи бесконечное богатство событий, не прибегая к философскому конструированию истории. Здесь нам открывается самая основная черта его историографии. Она хочет постичь действительность, как она есть. Его наполняло то чувство действительности, которое только и может осуществить построение исторического мира в науках о духе. Вопреки часто предъявляемому к историкам требованию напрямую воздействовать на жизнь и ее борьбу посредством какой-то позиции, никто кроме Ранке не отстаивал столь успешно объективный характер исторической науки. Лишь тогда мы сможем оказывать подлинное воздействие на настоящее, когда мы, предварительно отвлекаясь от него, сможем возвыситься до свободной объективной науки. И у Ранке эта цель вела также к совершенствованию всех средств критики. В нем продолжал жить дух Нибура, и лучше всего об этом свидетельствует критическое приложение к его первому главному произведению²².

Новые перспективы на построение исторического мира наряду с Ранке открывают и два других крупных историка.

Карлейль обнаруживает ту же неудержимую волю проникновения в действительность, но уже с другой стороны. Он ищет исторического человека – героя. Если Ранке – весь зрение, если он живет в предметном мире, то историография Карлейля имеет дело с проблемой внутренней жизни. Поэтому они дополняют друг друга, как два направления поэзии, одно из которых исходит из предметов, а другое – из развития собственного существа. Борьбу, которую Карлейль переживал внутри себя, он поместил в историю. Поэтому его автобиографический философский роман²³ дает ключ к самой историографии. Его односторонняя и совершенно неповторимая гениальность была интуитивной. Все великое возникает, согласно Карлейлю, под воздействием связующих и организующих сил веры и труда. Они создают внешние формы общества в хозяйственной жизни, праве и жизненном укладе. Те эпохи, в которые связующие силы действуют независимо, открыто и объединяюще, он называет позитивными эпохами – обозначение, используемое до него физиократами. После того, как позитивные эпохи на основании веры порождают прочные институты, прогрессирующая мысль разрушает это содержание, и наступают негативные эпохи. Нельзя не отметить родственности

этого основополагающего воззрения немецкой исторической школе и философии истории Шеллинга. Однако интуитивный ум Карлейля в полную мощь проявляет себя лишь в применении этих идей к пониманию великих исторических личностей – к творцам жизни и общества, опирающимся на веру. Карлейль читал в их душах глубже, чем кто бы то ни было до него: внутреннее существо их воли он актуализует для себя в каждом из их лиц, жестов, в каждом звуке их речи. Поэт или мыслитель, политик или религиозный гений – все они понятны не из отдельных талантов, а из одной простейшей силы, посредством веры связывающей и принуждающей человека. Во всем этом отчетливо слышится влияние на него Фихте.

Третьим из оригинальных исторических умов эпохи Ранке был Токвиль. Среди исследователей-историков эпохи он – аналитик, а среди всех аналитиков политического мира – величайший со времен Аристотеля и Макиавелли. Если Ранке и его школа с педантичной тщательностью эксплуатировали архивы, чтобы постичь переплетение дипломатической деятельности нового времени, охватывающее всю Европу, то Токвиль использует архивы с другой целью. Он ищет в них отсылку к господствующему положению вещей, к тому, что имеет значение для понимания внутренней политической структуры наций. Он расчленяет взаимодействие функций в современном политическом теле и с прилежанием и педантизмом препарирующего анатома прежде всего использует каждую часть политической жизни, которая отложилась в литературе, архивах и самой жизни, для изучения этих внутренних постоянных структурных отношений. Он первым по-настоящему проанализировал американскую демократию. Осознание того, что в ней содержится «движение», «непрерывная, непреодолимая тенденция» создать демократический порядок во всех государствах, родилось в нем из наблюдения над развитием общества в разных странах. С тех пор это нашло свое подтверждение в событиях, происходивших во всех частях мира. Как подлинный исторический и политический ум, он не видел в такой ориентации общества ни прогресса, ни чего-то иного, что в любом случае могло бы нанести вред. Политическому искусству надлежит считаться с ней и в каждой стране приспособлять соответствующий ей политический порядок к этой ориентации общества. И в другой своей книге Токвиль в первую очередь проник в действительную взаимосвязь политического порядка Франции XVIII века и Революции²⁴. Такого рода политическая наука допускала свое использование и в политической практике. В особенности плодотворным оказалось разванное им положение Аристотеля, что здоровый уклад любого государ-

ства зиждется на правильном отношении действий и прав, и нарушение этого отношения, превращение прав в привилегии, должно обязательно привести к гибели. Еще одно важное прикладное значение его исследований для практики заключалось в осознании опасностей, связанных с очень высокой централизацией, и понимании выгод суверенности и автономии. Так он, исходя из самой истории, сделал плодотворные обобщения, и тем самым из нового анализа реалий прошлого возникло новое, более фундаментальное отношение к современной действительности.

Хотелось бы отметить, что в ходе этого процесса совершилось рождение исторического сознания. Оно охватывает все феномены исторического мира в качестве продуктов исторического развития. Под его влиянием в основу систематических наук о духе легли история развития и сравнительный метод. Сделав идею развития центральным пунктом наук о духе, рассматриваемых по схеме прогресса во времени, Гегель связал перспективу прошлого с прогрессом, направленным в будущее, к идеалу. История приобрела новое достоинство. Вплоть до настоящего времени формировавшееся в таком виде историческое сознание распространялось крупными историками на все новые и новые области и проблемы, что преобразило науки об обществе. Это выдающееся развитие, где в споре с господствующими политическими и общественными устремлениями берет верх тенденция более чистой и строгой разработки объективного знания о духовном мире как в общественных науках, так и в истории, не нуждается здесь в представлении, поскольку его задачи совпадают с кругом проблем дальнейших исследований.

Теория должна понятийно представить возникшую таким образом связь наук о духе и дать ей теоретико-познавательное обоснование. А если отталкиваться от Ранке и связывать с ним историческую школу, то возникает и вторая проблема. В своих крупных исторических работах Ранке помещает смысл, значение, ценность эпох и наций в них самих. Они как бы центрированы в самих себе. Эти работы никогда не соизмеряют историческую действительность с какой-то безусловной ценностью, принципом или целью. Если в таком случае ставить вопрос о внутреннем отношении, которое в иерархии индивида, отдельных человеческих общностей и целых сообществ делает возможным это центрирование истории в себе самой, то здесь вступают в дело исследования исторической школы. Необходимо обосновать саму эту историческую мысль с точки зрения теории познания и посредством понятий придать ей большую ясность, но не превращать ее в нечто

трансцендентальное и метафизическое, каким-либо образом связывая с безусловным, абсолютным.

4.

Так, в Германии с конца XVIII века и вплоть до второй половины XIX века науки о духе, устанавливая истинную взаимосвязь своих задач, постепенно достигали той стадии, которая позволила им ближе подойти к их логической и теоретико-познавательной проблеме. Отныне возникает исторический мир как их единый предмет и историческое сознание как единое к нему отношение. Весь остальной прогресс наук о духе, каким бы значительным он ни был, лишь расширил постепенно сложившуюся с эпохи Просвещения связь, которая сумела бы подвести под универсально-историческую точку зрения всякое частное историческое исследование, основать науки о духе на понимаемой так истории и связать в единое целое филологию, критику, историографию, сравнительные методы и историю развития. Так история стала философской и благодаря Вольтеру, Монтескье, Канту, Гердеру, Шиллеру, Гегелю приобрела новое достоинство и значение, а благодаря исторической школе размышления о ней получили свою основу в изображенной выше широкой взаимосвязи. С того времени и до сего дня теория истории медленно и постепенно использовала понимание этой взаимосвязи, достигнутое исторической школой, и мы еще присутствуем при решении данной задачи. Однако какими бы ни были связанные с этим решением позиции, все они ориентированы на великий факт нового построения наук о духе.

Развитие историографии всегда сопровождали работы по изучению истории в новейшее время, и их число в различных культурных странах в период Просвещения постоянно росло. В частности, с конца XVII века началась борьба скепсиса против всех классов знания. Она была также направлена и против исторической традиции, а отсюда родились сильные импульсы к методическому рассмотрению. Наряду с возникшими работами по обоснованию исторического знания в университетской науке приобрели актуальность энциклопедии исторической науки. Однако какая значительная дистанция между попыткой Ваксмута создать теорию истории, которая возникла в 1820 году на пике новой историографии²⁵, и сочинением Гумбольдта того же времени²⁶, проникнутым духом новой историографии! Здесь проходит четкая граница.

Разумеется, новая теория истории одну свою исходную точку имела в немецком философском идеализме, а другую – в перевороте, совершившемся в исторической науке. Мы будем отталкиваться от первого.

Кант поставил такую проблему: как в историческом течении событий может быть обнаружена единая взаимосвязь, «закономерный ход»²⁷. Он не задается вопросом с теоретико-познавательной точки зрения об условиях взаимосвязи, которая содержится в существующей науке; он спрашивает о том, как из нравственного закона, которому подчинены все поступки, могут быть а priori выведены принципы понимания исторического материала. Исторический процесс – это член большой природной связи; но она, находясь выше органического, не может подводиться под причинные законы, а доступна лишь телеологическому способу рассмотрения. Так Кант отрицает возможность найти в обществе и истории причинные законы. Напротив, те цели прогресса, которые Просвещение усматривало в совершенстве, блаженстве, развитии наших способностей, нашего разума и культуры вообще, он намеревается связать с априори нравственного закона и таким образом а priori фиксировать смысл и значение телеологической взаимосвязи. Тем самым Кант просто превращает принятую в вольтианской школе обязанность совершенствования, понимаемую как телеологический принцип исторического прогресса, в свое априори нравственного закона. Противоположность эмпирических и философских наук у Вольфа также превращается в противоположность эмпирического, антропологического понимания человеческого рода и априорного понимания, требуемого практическим разумом. Телеологическое рассмотрение истории как прогресса в развитии тех самых природных способностей, которые нацелены на использование разума и ведут к его господству в осуществляющем общее право обществе, к «совершенно справедливому гражданскому устройству» как «высшей задаче природы для человеческого рода»²⁸ – это руководящая нить а priori, благодаря которой становится объяснимой столь запутанная игра человеческой жизни. И в других местах у Канта еще яснее, чем в «идее всеобщей истории, «ограниченной» всемирно-гражданским планом», становится видно, как живущее в мире правовое общество, которое должно упразднить отношения, основанные на властных позициях, находит свое разумное оправдание в том, что оно будет представлять собой не «простое физическое благо», а состояние, проистекающее из признания долга, и благодаря его существованию будет сделан «большой шаг в сторону моральности»²⁹. Следовательно, значение Канта в этой области состоит прежде всего в том, что он сумел применить к истории обоснованную им вместе с Фихте трансцендентально-философскую точку зрения и тем самым ввести продолженное впоследствии понимание истории, сущность которого заключается в установлении

некоего абсолютного, основанного в сущности самого разума масштаба, чего-то безусловного в своем качестве ценности или нормы. Сильная сторона такой трактовки состоит в том, что она указывает поступкам определенную, оправдываемую собственной нравственной тенденцией направленность на прочный идеал и оценивает каждую часть истории по степени исполнения этого идеала.

Из этой принципиальной точки зрения выводятся дальнейшие важные определения. Господство разума реализуется только в человеческом роде. Однако эта цель не может быть достигнута путем мирного взаимодействия отдельных людей. «Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо: она желает раздора»³⁰. А именно, свое намерение она пытается осуществить посредством движения страстей, эгоизма, конфликта сил.

Влияние идей Канта совпало с замыслами и делом Фридриха Шлоссера. В его историографии точка зрения Канта нашла свое применение. Всякая частная историческая работа рассматривалась им с универсально-исторической точки зрения; историческую личность он подчинил неизменному моральному понятию и таким образом свел на нет блеск и привлекательность исторической жизни и индивидуальное обаяние великой личности. Так она оказалась не в состоянии преодолеть дуализм, существующий между этим моральным суждением и признанием свободного от морали стремления государств к власти и ничем не стесненному политическому величию. Вместе с Кантом Шлоссер ищет средоточия истории в культуре, и культурно-историческое рассмотрение – основная тенденция его исторического анализа, а история духовной жизни – самая блестящая часть его работ: можно даже сказать, что именно на них основывается в своих главных чертах описание Гервинусом нашей национальной литературы XVIII столетия. Роскоши мира Шлоссер противопоставляет спокойную и глубокую внутреннюю сосредоточенность, и, что самое главное, – его история преследовала цель воспитать в своем народе вполне определенное практическое мировоззрение*.

Трансцендентально-философская точка зрения идет от данности к ее априорным условиям. Отныне Фихте также уверенно придерживается ее в противоположность философии истории Гегеля: фактическое, историческое никогда не может быть «ометафизичено», зияния

* За более подробным изложением я отсылаю к своей статье о Шлоссере (Preußische Jahrbücher, Bd. 9).

между ним и идеями никогда не заполнить никакой поэзией понятий, безусловное нельзя растворить в потоке истории в качестве его идеальной понятийной взаимосвязи. Идеи, как неподвижные звезды над миром, указывают путь человеку.

Итак, опираясь на эту точку зрения, Фихте пошел дальше Канта и значительно способствовал прогрессу в понимании истории. Его развитие шло от кантовского Просвещения вплоть до представленного выше возникновения исторического сознания. В период между Йенской катастрофой³¹ и началом освободительных войн Фихте пережил смещение всех интересов немецкого духа в область исторического мира и государства. На тот же самый период в науке пришлось и обращение романтиков к истории, шеллинговская конструкция последней, гегелевская феноменология духа и начало его логики. Вот те обстоятельства, в которых Фихте формулировал свою проблему: как из идеального порядка можно понять историю. Вопреки Канту он вовсе не ставил теоретикопознавательного вопроса: как возможно знание о взаимосвязи истории, содержащееся в фактически существующей исторической науке. Напротив, с самого начала всю сумму исторических обстоятельств он подчинил априорной оценочной точке зрения своего морального принципа, которая является основной мыслью всех его философско-исторических исследований вплоть до их самого последнего шага в «дедукции предмета человеческой истории»³². С этой точки зрения история оказывается взаимосвязью, обоснованной свободным деянием абсолютного Я и содержащейся во временном развитии человеческого рода, – взаимосвязью, в которой, соответственно божественному замыслу о мире, происходит «культивирование человечества». «Для философа универсум разума развивается из чистой мысли как таковой»³³. И «философия кончается там», где «исчерпано понятное»³⁴. Поэтому философ истории «ищет в потоке времени только это и обретает основу там, где человечество действительно движется к своей цели – все остальное он оставляет без внимания и отвергает»³⁵. Следовательно, здесь с точки зрения безусловной ценности совершается выбор исторического материала и устанавливается взаимосвязь. «Эмпирический историк», то есть «анналист», напротив, исходит из фактического существования настоящего³⁶. Он стремится как можно более точно постичь его состояние и обнаружить его предпосылки в более ранних фактах. Его задача заключается в том, чтобы кропотливо собирать исторические факты и вскрывать их последовательность и взаимодействие во времени. «История есть чистая эмпирия; она должна давать только факты, и все ее доказательства могут быть построены только фактически»³⁷. Эти конста-

тации историка служат не для доказательства философской дедукции, а исключительно для ее разъяснения. В сфере двух этих методических подходов может находиться лишь то, что Фихте однажды назвал «логикой исторической истины»³⁸ и что, стало быть, не может означать сознательного методологического анализа исторической науки. Тем не менее следует признать, что на пути этой телеологической дедукции Фихте открылись важнейшие истины. Он отделил друг от друга физику, имеющую своим предметом постоянное и периодически возвращающееся в бытии, и историю, объект которой – течение событий во времени. Это течение событий он – в соответствии со своим наукоучением – превратил в развитие: ведь и Гегель замышлял свое понятие развития, отталкиваясь от Фихте*. Уже теоретическое и практическое наукоучение ставило задачу изобразить внутреннюю диалектику реального движения, которое исходит из творческой способности Я; оно хотело проследить ход событий в Я и сделать набросок прагматической истории человеческого духа. Здесь понятие развития было открыто в определениях: Я – это деятельность, всякая деятельность начинается изнутри и ее осуществление есть условие последующей деятельности. Итак, в дедукции 1813 года Фихте борется с той самой интуицией свободной силы в Я в противоположность природе, которая не движется и мертва. История обнаруживает телеологически необходимую взаимосвязь, отдельные члены которой порождены свободой и которая ориентируется на нравственный закон. Каждый член этого ряда фактичен, уникален, индивидуален. Та ценность, которой Кант наделил личность, поскольку в ней реализуется нравственный закон, у Фихте и Шлейермахера обрела индивидуальность. Если рационалистическое понимание усматривало ценность личности лишь в осуществлении всеобщего нравственного закона, а индивидуальное превращалось для него в некую эмпирическую, случайную примесь, то теперь у Фихте более тесно связывается значение индивидуального с проблемой истории: ценность индивидуального он объединяет с родовой ориентацией на цель благодаря той глубокой мысли, что творческие индивиды постигают эту цель с новой, прежде скрытой стороны, и придают ей в себе новую форму, так что их индивидуальное существование возвышается до ценностной составляющей взаимосвязи исторического целого. Героическая природа Фихте, задачи эпохи и ее историческая проблематика, объединившись вместе, дали

* См. мою книгу «История молодого Гегеля» (Jugendgeschichte Hegels S. 54 [GS IV]).

новый взгляд на ценность деяния и действующего человека. Но в то же время он понял и героизм религиозного провидца, художника, мыслителя. В этом он предвещал Карлейля. Уникальное и фактическое в истории получает новое значение, понимаясь как свершение творческой способности и свободы. И если он, стало быть, схватывает иррациональность исторического под этим углом зрения, то становится необходимым придать ценность и самому иррациональному в соответствии с его сущностью как свободного действия и его отношением к культуре и нравственному порядку.

Наряду с этими теориями истории, выдвинувшими на первый план трансцендентально-философскую точку зрения, параллельно начали развиваться такие же теории и в других направлениях, также надолго утвердив свое значение. В плане исследования природы во Франции и Англии возникли работы, из которых французские основывались преимущественно на эволюции вселенной, на истории Земли, возникновении на ней растений и животных, затем – на родстве типа высших животных с типом человека, наконец – на закономерной взаимосвязи человеческой истории и обнаружении в ней интеллектуального и социального прогресса, – английские же, напротив, брали в качестве основы новую ассоциативную психологию и ее приложения к обществу. Их дальнейшее развитие, которое они получили у Конта и Милля, будет представлено позднее. Другое направление сформировали в то же самое время немецкие монахи, Шеллинг, Шлейермахер и Гегель, предпринявшие попытку сделать исторический процесс доступным для понятийного конструирования*.

Итак, начиная с двадцатых годов в Германии наступает время, когда историческая школа берется за разработку взаимосвязи своего методического подхода, а в идеализме складываются различные формы, так что сочетание этих идей становится определяющим для всей литературы в области наук о духе. Тогда из широкого движения самого исторического исследования выходят несколько теоретических сочинений по истории. Эти исторические работы оказали многообразное влияние на философские направления, как, впрочем, и наоборот: на исторических мыслителей значительное влияние имела трансцендентальная философия Гегеля и Шлейермахера. Они восходили к действенным творческим силам в человеке, схватывали их в коллективном

духе и организованных общностях, а во взаимодействии наций искали выход в основанную на невидимом взаимосвязь истории. Отсюда в общих размышлениях Гумбольдта, Гервинуса, Дройзена и других возникло понятие об идеях в истории.

Знаменитый трактат Гумбольдта о задаче историографа³⁹ исходит из трансцендентально-философского положения: то, что действует в мировой истории, совершается также и во внутренней жизни человека. Отправная точка Гумбольдта – в отдельном человеке. Эпоха искала новую культуру в формировании личности; когда она нашла ее осуществление в греческом мире, возник идеал греческой гуманности, однако благодаря трансцендентальной философии он приобрел новую глубину в лице таких важнейших его представителей, как Гумбольдт, Шиллер, Гёльдерлин, ранний Фр. Шлегель. Самоценность личности в школе Лейбница определялась как совершенство, в школе Канта – как достоинство, вытекающее из личности как самоцели, а в школе Фихте – как энергия формирования; и в каждой из этих форм на фоне индивидуального существования идеал гуманности содержал общезначимую регулярность человеческой сущности, ее формирования и цели. На этом зиждилось представление Гумбольдта и Шлейермахера о трансцендентальном единстве человеческой природы во всех индивидах, лежащей в основе организованных общностей и коллективного духа, индивидуализируемой в расах, нациях и отдельных личностях и действующей в этих формах в качестве высшей организующей силы. И в то время, как творческая сила этого осуществляющегося через индивидуальное человечества была соотнесена с невидимым, возникла вера в реализацию врожденного человечеству идеала посредством истории. «Целью истории может быть только осуществление идеи, которую должны воплотить люди, – во всех направлениях и во всех видах, в которых конечная форма способна соединиться с идеей»⁴⁰. Отсюда берет начало понятие Гумбольдта об идеях в истории. Они суть творческие силы, основанные на трансцендентальной общезначимости человеческой природы. Они пронизывают собой потребности, страсти и мнимую случайность, будто свет – земную атмосферу. Мы обнаруживаем их в вечных первоидеях красоты, истины и права; историческому процессу они придают силу и одновременно цель; они проявляются в направлениях, по которым непоколебимо движется человечество, и наделяют силой такого размаха и такого величия, которые нельзя вывести из сопровождающих обстоятельств. Всякий раз, когда историограф пытается исследовать облик и превращения почвы, изменения климата, духовные способности и нравы народов, еще

* Ср. S. 26 и далее настоящего сочинения, а также и мою цитировавшуюся ранее «Историю молодого Гегеля» [Наст. изд. С. 144 и далее; GS IV].

более своеобразный характер отдельных людей, влияния искусства и науки, гражданские учреждения во всей их глубине и широте, то у него всегда остается некий непосредственно невидимый, но более мощный принцип, дающий тем силам импульс и направление, а именно идеи. В конце концов, свое последнее основание они имеют в божественном управлении миром. Действующий человек должен следовать тенденции, которая содержится в идеях, чтобы достичь позитивных исторических результатов. Их постижение – высшая цель также и историографа. Как свободное подражание художника руководствуется идеями, так и историограф должен постичь такие идеи, восходя к ним от воздействия, оказываемого на события конечными силами. Он художник, раскрывающий в событиях эту невидимую взаимосвязь. Находясь в самой гуще широкого движения наук о духе, Гумбольдт опубликовал свой трактат в начале двадцатых годов. Он оказал очень большое влияние, отразив взаимодействие отдельных моментов в этом движении.

В 1837 году увидели свет «Основы историки» Гервинуса⁴¹. Хотя эта книга и давала богатое представление об исторической литературе, ее формах и направлениях, однако ядром ее оставалось то же самое историческое настроение и тот же самый основополагающий взгляд на исторические идеи, которые «невидимо пронизывают события и внешние явления»⁴², ибо в них открывается провидение; проникновение в их сущность и воздействие – вот подлинное дело историка. Исторические взгляды Ранке, постепенно сложившиеся у него на основании отдельных работ, все еще родственны взглядам Гумбольдта, но они схватывают историческое движение гораздо живее и правдивее. Идеи для него – тенденции, господствующие в исторической ситуации; «они суть моральные энергии»⁴³, всегда односторонни и воплощаются в великих личностях и действуют через них: как раз на пике их власти возникают противодействия, и они разделяют судьбу всякой конечной силы. Их нельзя выразить в понятиях, «однако их можно созерцать, воспринимать», у нас есть чувство их бытия. Когда Ранке рассматривает исторический процесс в перспективе божественного правления миром, они становятся для него «мыслями Бога в мире». В них «заключена тайна мировой истории»⁴⁴. В сознательной оппозиции к Ранке, и все же внутренне близкая к нему благодаря общему идеализму эпохи, явилась далее «Историка» Дройзена 1868 года⁴⁵. Еще глубже, чем Гумбольдт, Дройзен пропитан спекулятивной философией эпохи, понятием действующих идей в истории, внешней телеологией в исторической взаимосвязи, которая порождает мир нравственных идей. Он

подчиняет историю нравственному порядку вещей, и это противоречило непредвзятому взгляду на действительную поступь мира, было выражением веры в безусловную идеальную взаимосвязь вещей в Боге.

В этих работах содержатся глубокие прозрения: здесь Дройзен впервые в чисто методических целях использует герменевтическую теорию Шлейермахера и Бёка. Однако эти мыслители так и не пришли к теоретическому построению наук о духе. Гумбольдт живет сознанием новой глубины нашей немецкой науки о духе, которая восходит к общезначимости духа; так он прежде всего постигает, что историк, вопреки своей связанности предметом, все же творит из своего внутреннего существа: ему известно свое родство с художником. И все, что было наработано в исторических исследованиях, каким-то образом обобщено и содержится в тесных рамках его трактата. И все же он никак не структурирует свои глубокие общие взгляды. Главная причина в том, что ему не удается связать проблему истории с задачей теории познания, которую перед нами ставит история; этот вопрос привел бы его к более широкому исследованию построения исторического мира в науках о духе и тем самым – к познанию возможности их объективного знания. В конечном счете предмет его трактата таков: как выглядит история в идеалистическом мировоззрении и как ее следует писать. Его учение об идеях – экспликация этой точки зрения. Примешивание к исторической науке религиозной веры и идеалистической метафизики – то, что как раз и связывало ее с прошлым – было для Гумбольдта и следующих за ним исторических мыслителей точкой отсчета в понимании истории. Вместо того, чтобы вернуться, с одной стороны, к теоретико-познавательным предпосылкам исторической школы, а с другой – к предпосылкам идеализма от Канта до Гегеля и таким образом увидеть их несовместимость, они некритически объединили эти позиции. Они не смогли осознать взаимосвязь между недавно сформировавшимися науками о духе, проблемой критики исторического разума и построением исторического мира в науках о духе.

Ближайшая задача заключалась в том, чтобы, в противоположность самой истории, добиться подобной чисто теоретико-познавательной и логической постановки вопроса, исключив из нее попытки философского конструирования исторического процесса, как это пытались сделать Фихте с его пятью эпохами⁴⁶ и Гегель со своими ступенями развития. Эту постановку вопроса необходимо было отделить от той, которой придерживались философы истории, чтобы последовательно проводить различные позиции, которые теоретики познания и логики могли занимать в этой сфере. Начиная с последних десятиле-

тий прошлого столетия вплоть до настоящего времени разрабатывались различные точки зрения на решение названной задачи. Более ранние позиции претерпели теперь изменения, стали появляться новые: если обозреть их многообразие, то можно отметить в них наличие высшей противоположности. Делались попытки решить эту задачу либо исходя из нашего идеализма, формировавшегося от Канта до Гегеля, либо отыскивая взаимосвязь истории в реальности самого духовного мира.

Основываясь на первой позиции, решением этой задачи занимались преимущественно два направления, что было обусловлено движением немецкой спекулятивной философии. Первое из них опиралось на Канта и Фихте. Ее исходной точкой являлось всеобщее или сверхиндивидуальное сознание, в котором трансцендентальный метод вскрывал нечто безусловное в качестве норм и ценностей. Определение этого безусловного и его отношения к пониманию истории в этой обширной и влиятельной школе было очень многообразно. Две последние предпосылки, обнаруженные Кантом в ходе его трансцендентального анализа, а именно: теоретическое и практическое априори, были объединены после Фихте в нечто целостно-безусловное. Оно могло пониматься как норма, как идея или как ценность. Но построение духовного мира с точки зрения априори не могло стать проблемой, как и принцип выбора и взаимосвязи для ограниченного круга индивидуального исторического процесса.

По сравнению с этим направлением немецкого идеализма гегелевские гениальные достижения в области исторической науки вплоть до сегодняшнего дня оказывались решительно потесненными. Его метафизическая позиция была подвержена критике со стороны теории познания. В систематических науках о духе, наоборот, его великие идеи до сего дня продолжают играть великую роль в позитивном исследовании. В историографии его влияние сохраняется как раз в упорядочении ступеней духа. И близится время, когда будет по достоинству оценена его попытка образовать связь понятий, которая могла бы преодолеть непрерывный поток истории.

В оппозиции к этой теории возникло воззрение, отвергающее значение любого трансцендентального и метафизического принципа для понимания духовного мира. Оно отрицает ценность трансцендентального и метафизического метода. Отрицает всякое знание о безусловной ценности, значимой норме как таковой, о божественном плане или разумной взаимосвязи, основанной на абсолютном. Признавая, таким образом, относительность всякой человеческой, исторической

данности без каких-либо ограничений, оно ставит перед собой такую задачу: из материала этой данности получить объективное знание о духовной действительности и взаимосвязи ее частей. Для решения этой задачи в распоряжении у него находится лишь комбинация различных видов данности и различных методических подходов.

В той группе наук, которые предприняли попытку теоретического обоснования этой точки зрения со всеми вытекающими отсюда последствиями, так же, как и в другой группе, сложились в высшей степени разнообразные направления. Как правило, различия в построении исторического мира определялись противоположностью, которая разделила уже школы Конта и Милля. Взаимосвязь духовного мира дана, с одной стороны, только в единичном психическом существовании, а с другой – в историческом процессе и состояниях общества. И вот, когда в исследовании два эти вида данности комбинируются в зависимости от понимания их важности, возникает многообразие методических подходов при построении наук о духе из этой позиции. Она охватывает как те, которые стремятся обойтись без психологии, так и те, которые признают за ней особое место в науках о духе, подобное тому, которое в науках о природе занимает механика. Другие различия обнаруживаются в теоретико-познавательном и логическом обосновании построения, в формировании психологии или науки о жизненных единствах, в определении закономерностей, рождающихся из социальных отношений между этими единствами. И от таких различий зависят, в конце концов, разнообразные решения последних вопросов об исторических и социальных законах, о прогрессе и порядке в историческом процессе.

5.

Теперь я попытаюсь определить задачу, поставленную в рамках этого научного движения в настоящем исследовании о построении исторического мира в науках о духе. Эта задача примыкает к первому тому моего «Введения в науки о духе» (1883). Указанная работа руководствовалась задачей критики исторического разума. Она отталкивалась от факта существования наук о духе, который уже присутствовал во взаимосвязи этих наук, созданной исторической школой, и пыталась дать им теоретико-познавательное обоснование. В этом обосновании она противопоставила себя интеллектуализму господствующей тогда теории познания. «Меня мои исторические и психологические занятия, посвященные че-

ловеку как целому, привели, однако, к тому, что человека в многообразии его сил и способностей, это воляще-чувствующе-представляющее существо, я стал брать за основу даже при объяснении познания и его понятий (таких, как «внешний мир», «время», «субстанция», «причина»)*. Таким образом, ее исходными пунктами были жизнь и понимание, а также содержащееся в жизни отношение действительности, ценности и цели, и она попыталась представить собственное место наук о духе наряду с науками о природе, показать основные черты теоретико-познавательной и логической взаимосвязи в этом законченном целом и выявить важность понимания сингулярного в истории. Теперь я постараюсь более тщательно обосновать мою позицию в этой книге, исследуя построение исторического мира в науках о духе с точки зрения проблемы наук о духе. Связь между проблемой познания и этим построением заключается в том, что анализ последнего ведет к взаимодействию процессов, которые благодаря такому расчленению теперь становятся доступными для теоретико-познавательного исследования.

Вначале я коротко обозначу ту линию, которая должна вести от обсуждаемого нами на предыдущих страницах к познанию этого построения, дабы уже здесь сделать явной противоположность построения наук о природе и наук о духе. Мы описали факт существования наук о духе и время их формирования; далее было показано, как эти науки основываются на переживании и понимании. Таким образом, отсюда и следует понимать задачу их построения, уже содержащегося в указанном факте самостоятельного конституирования наук о духе в исторической школе; тем самым перед нами во всей полноте предстает отличие этого построения от изложенного построения наук о природе. Особенность построения наук о духе становится, стало быть, главной темой всей этой работы.

Построение берет за отправную точку переживание и движется от реальности к реальности; оно все глубже и глубже проникает в историческую действительность, извлекает из нее все больше и больше, все шире и шире простирается над ней. Здесь не существует никаких гипотетических допущений, которые бы предшествовали этой данности. Ибо понимание проникает в проявления чужой жизни, руководствуясь множеством собственных переживаний. Как мы видели, природа является составной частью истории лишь постольку, поскольку она оказыва-

ет на нее влияние и сама может испытывать влияние с ее стороны. Сфера истории в собственном смысле – тоже нечто внешнее; однако звуки, которые образуют музыкальное произведение, холст, на котором нарисована картина, зал суда, в котором отправляется правосудие, тюрьма, в которой отбывается срок наказания, включают природу лишь в качестве материала. Напротив, всякая операция наук о духе, производимая с такими внешними фактами, имеет дело лишь со смыслом и значением, которые они получили благодаря воздействию духа. Она служит для понимания, которое схватывает в них это значение и этот смысл. И здесь мы выходим за пределы того, о чем шла речь прежде. Понимание обозначает не только своеобразный методический подход в отношении таких предметов; дело не только в различии позиции, которую занимает субъект по отношению к объекту в науках о природе и науках о духе, не в подходе и не в методе – сама процедура понимания по существу основана на том, что внешнее, составляющее их предмет, целиком и полностью отличается от предмета наук о природе. В них объективировался дух, в них формировались цели, в них осуществлялись ценности, и понимание схватывает именно то духовное, что вложено в них. Между мной и ними существует жизненное отношение. Их целесообразность имеет основание в моем целеполагании, их красота и благо – в моем наделении их ценностью, их разумность – в моем интеллекте. Далее, реальности возникают не только в моем переживании и понимании: они образуют взаимосвязь мира представления, которая объединяет внешнюю данность и мое течение жизни. Я живу в этом мире представления, и его объективная значимость гарантирована мне постоянным обменом с переживанием и пониманием; наконец, понятия, общие суждения, общие теории не являются гипотезами о чем-то, к чему мы относим наши впечатления, но происходят из переживаний и понимания. И как здесь всегда присутствует целостность нашей жизни, так и полнота жизни звучит даже в самых абстрактных положениях этой науки.

Тем самым мы способны теперь обобщить отношение этих двух классов наук друг к другу и основные различия их построения, выявленные нами до этого. Природа – основание наук о духе. Природа – не только сцена истории; физические процессы, заключающиеся в них необходимости и исходящие от них воздействия образуют основание всех отношений в историческом мире: деяния и претерпевания, действия и противодействия. Психический же мир также образует материал для целой сферы, в которой дух выразил свои цели, свои ценности – свою сущность; однако на этой основе рождается действительность, в которую науки о духе все глубже и глубже проникают с двух сторон – исходя из пе-

* Einleitung in die Geisteswissenschaften, Vorrede XVII [GS I, XVIII. (Дильтей. Собр. соч. Т. I. С. 274)].

реживания собственных состояний и из понимания духовного начала, объективированного во внешнем мире. И тем самым нам дано различие двух видов наук. Во внешней природе в основание явлений помещается взаимосвязь, состоящая из абстрактных понятий. Связь в духовном мире, напротив, переживается и последующим образом понимается. Связь природы абстрактна, а психическая и историческая связь является живой, преисполненной жизни. Науки о природе восполняют феномены путем примысливания; и если свойства органического тела и принцип индивидуации в органическом мире до сих пор противостояли такому постижению, то в них, тем не менее, всегда постулируется возможность этого постижения, для осуществления которого им не хватает лишь промежуточных причинных звеньев. Необходимость их обнаружения остается для них идеалом, и то воззрение, которое стремится ввести в эти промежуточные уровни между неорганической природой и духом новый принцип объяснения, всегда будет находиться с этим идеалом в нерешенном споре. Науки о духе устанавливают порядок главным образом путем перевода неизмеримо более широкой внешней действительности человеческих исторически-общественных отношений обратно, в живой духовный опыт, из которой она вышла. Там подыскиваются гипотетические объяснения индивидуации, здесь же, напротив, ее причины познаются в живом опыте.

Итак, отсюда вытекает та точка зрения на теорию познания, которой будут руководствоваться последующие исследования о построении исторического мира в науках о духе. Центральная проблема теории познания, связанная исключительно с науками о природе, состоит в фундировании абстрактных истин, характера их необходимости, каузального закона, а также того, что касается связи достоверности индуктивных умозаключений с их абстрактными основаниями. И вот, поскольку теория познания, опирающаяся на науки о природе, раскололась на различные направления, так что многим может показаться, что она разделит судьбу метафизики, а с другой стороны, уже один наш обзор строения наук о духе выявил в этой области весьма большое различие в отношении познания к своему предмету, то прогресс общей теории познания в первую очередь оказывается зависимым от того, сможет ли она разобратся с науками о духе. Но для этого необходимо, чтобы построение исторического мира в науках о духе было изучено как проблема теории познания; лишь тогда, отталкиваясь от результатов этого изучения, можно будет провести ревизию общей теории познания.

III. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ВЗАИМОСВЯЗИ НАУК О ДУХЕ

Перед обоснованием наук о духе стоят три различные задачи. Оно определяет общий характер взаимосвязи, в которой в этой области на базе данного возникает общезначимое знание. Здесь речь идет об общей логической структуре наук о духе*. Затем необходимо объяснить построение духовного мира в отдельных областях, осуществляющееся в науках о духе посредством взаимопроникновения их операций. Это вторая задача, и, решая ее, можно постепенно вывести методологию наук о духе путем извлечения присущего им подхода. Наконец, спрашивается, какова познавательная ценность этих операций наук о духе и в каком объеме возможно объективное знание наук о духе, получаемое в результате их взаимодействия.

Между двумя последними задачами существует более глубокая внутренняя связь. Разделение операций позволяет испытать их познавательную ценность, а тем самым и выявить, в каком объеме действительность в науках о духе и присутствующая в них реальная взаимосвязь поднимаются благодаря этому до уровня знания: тем самым закладывается самостоятельное основание теории познания в нашей области, и открывается перспектива на всеобщую связь теории познания, исходная точка которой, как можно предполагать, находится в науках о духе.

Итак, нашей ближайшей проблемой является общий характер взаимосвязи в науках о духе. Исходная точка – это учение о структуре предметного постижения в целом. Во всяком постижении это учение обнаруживает прогрессирующую линию от данности к основным отношениям действительности, которые открываются понятийной мысли за этой данностью. Те же самые формы мысли и те же самые подчиненные им классы мыслительных операций делают возможной научную взаимосвязь в науках о природе и науках о духе. Далее на этом основа-

* Ср. мою работу: Studien zur Grundlegung der Geisteswissenschaften. Sitzungsberichte der Berl. Akad. d. Wiss. 1905, S. 332 ff. [Наст. изд. С. 51 и далее].

нии в сфере применения этих форм и операций мысли из особых задач и при особых условиях наук о духе возникают их специфические методы. А поскольку задачи наук порождают и методы их разрешения, то отдельные методические подходы образуют внутреннюю взаимосвязь, обусловленную целью знания.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ: ПРЕДМЕТНОЕ ПОСТИЖЕНИЕ

Предметное постижение образует определенную систему отношений, в которой содержатся восприятия и переживания, воспоминания, суждения, понятия, умозаключения и их взаимосвязь. Все эти операции в системе предметного постижения объединяет то, что в них присутствуют только сопряжения фактически данного. Так, в силлогизме присутствуют лишь содержания и их отношения, и они не сопровождаются никаким осознанием мыслительных операций. Методический подход, который предпосылает такому данному в качестве условий сознания отдельные акты, понимаемые в соответствии с предметными отношениями, а затем из их взаимодействия выводит фактический состав предметного постижения, содержит неverified гипотезу.

Отдельные переживания в рамках этого предметного постижения суть члены целого, определяемого психической взаимосвязью. В этой психической взаимосвязи объективное познание действительности является условием правильного установления ценностей и целесообразных поступков. Так что восприятие, представление, суждение, умозаключение – это не что иное, как операции, пронизывающие друг друга в некоей телеологии взаимосвязи постижения, которая далее занимает свое место во взаимосвязи жизни.

1.

Первая операция предметного постижения данного возвышает содержащееся в нем до отчетливого осознания, притом что форма данности не претерпевает никаких изменений. Эту операцию я называю первичной, поскольку анализ, который движется в обратном направлении от дискурсивного мышления, не обнаруживает более простой операции. Она протекает за пределами дискурсивного мышления, привязанного к языку и осуществляющегося в суждениях, ибо предме-

ты, о которых эти суждения выносятся, уже предполагают мыслительные операции.

Начну с операции *сравнения*. Я нахожу равенство и неравенство, схватываю ступени различия. Передо мной два листа серой бумаги различных оттенков. Они отмечены различием и степенью различия, причем не в рефлексии о данном, а в качестве факта, каковым является сам цвет. Таким же образом и в переживании можно отметить степени удовольствия, если, скажем, переходить от сочетания основного тона и его октавы к полному аккорду. Сама эта мыслительная операция, с которой логика только и имеет дело, проста. А результат ее, в том, что касается истинности, ничем не отличается от того, который мы имеем, когда замечаем некоторый цвет или звук: нечто наличествующее становится приметным. Равенство и различие – не свойства вещей, как протяжение или цвет. Они возникают тогда, когда психическое единство осознает отношения, содержащиеся в данном. Поскольку приравнивание и различение находят лишь то, что дано, как даны протяжение и цвет, то они являются аналогом самого восприятия, но так как они создают логические понятия отношений, такие как равенство, различие, степень, родство, которые хотя и содержатся в восприятии, но не даны в нем, то они принадлежат к сфере мышления. На основании мыслительной операции сравнения возникает еще и другая операция. Ибо если я *разделяю* два факта, то с логической точки зрения – а о психологических процессах здесь вообще не идет речи – в этом действии заключена мыслительная операция, отличная от операции различения. В том, что дано, эти два факта отделены, и я схватываю их внеположенность. Так в лесу человеческий голос, шум ветра, пение птицы воспринимаются не только как отличные друг от друга по качеству, но и по количеству. И если какой-то звук, имеющий то же самое свойство, то есть такой же высоты, оттенка, интенсивности и длительности, повторяется еще раз в другой момент времени, то в этой второй мыслительной операции возникает сознание того, что следующий звук отличен от первого. Другой случай размежевания позволяет постичь еще одно отношение. Взяв зеленый лист, я могу отделить друг от друга цвет и форму, и тогда это будет той *взаимопринадлежностью* в единстве предмета, которую нельзя реально разделить, однако можно обнаружить разделенной идеально. Также и там, где условия этой операции разделения очень сложны, сама операция оказывается простой. Она, как и сравнение, определяется тем положением дел, которое постигается благодаря ей.

Здесь открывается возможность проникновения в важный для построения логики процесс абстрагирования. При размежевании элемен-

тов тела их связь с конкретной его действительностью не прерывается: в каждой из его частей сохраняется эта конкретная действительность; но если протяжение и цвет отделяются друг от друга и мысль обращается к цвету, то из такого размежевания возникает мыслительная операция абстрагирования: из идеально расчлененного выделяется одна сторона сама по себе.

Сочетание нескольких разделенных членов может осуществляться лишь на основании *сопряжения* между несколькими уже разделенными частями. Мы схватываем пространственное положение разделенных фактов или временные промежутки в последовательности сменяющих друг друга событий. Это сопряжение и связывание также позволяют осознать лишь наличные отношения. Однако делается это посредством мыслительных операций, которые имеют своим основанием такие отношения, как отношения пространства и времени, действия и претерпевания. Такое соединение – условие образования созерцания времени. Если часы бьют несколько раз, то мы имеем лишь последовательность этих впечатлений, однако в их соединении только и возможно схватывание этой последовательности. Сочетание порождает логическое отношение целого и его частей. На основании отношений разделенности, градации различий в рамках системы звуков в их соединении возникает нечто обусловленное, впервые порождаемое самим этим сочетанием, – аккорд или мелодия. Здесь особенно отчетливо видно, как происходит сочетание того, что содержится в переживании восприятия или воспоминания, но при этом в нем возникает и нечто такое, чего не существовало бы без самого этого сочетания. И тут, фиксируя содержание фактов, мы достигаем предела, за которым лежит область свободной фантазии.

Эти примеры – а ни о чем большем здесь не идет речи – доказывают, что элементарные мыслительные операции *проявляют* данное. Предшествуя дискурсивному мышлению, они дают к нему импульс, поскольку установление равенства подготавливает почву для формирования общих суждений, общих понятий и процедуры сравнения, разделение – для абстрагирования и аналитического подхода, сопряжения же – для всякого рода синтетических операций. Так внутренняя взаимосвязь обоснования движется от элементарных мыслительных операций к дискурсивному мышлению, от постижения положения дел в сфере предметов – к суждениям о них.

Данность чувственно воспринятого или пережитого переходит на другой уровень сознания, становясь представлением из сферы воспоминания. В нем осуществляется еще одна операция предметного постиже-

ния, и этой операции соответствует особое отношение нового образа к своему основанию. Это отношение воспоминания к чувственно схваченному и пережитому – отношение *отображения*. Ибо свободная подвижность представлений в сфере предметного постижения ограничена интенцией уподобления действительности, и все виды образования представлений определяются ориентацией на действительность. В этой ориентации возникают целостные и общие представления и подготавливается новая ступень сознания.

Эта новая ступень обнаруживается в *дискурсивном мышлении*. Отношение отображения подготавливает здесь почву для другой связи внутри предметного постижения.

Дискурсивное мышление сопряжено с выражением, и прежде всего – с языком. Здесь существует отношение *выражения и выраженного*, благодаря которому из движений речевых органов и представления их продуктов рождаются языковые формы. Связь с тем, что в них выражено, наделяет их определенной функцией. Отныне они обретают значение как составные части предложения, тогда как само предложение обладает смыслом. Постигание движется от слова и предложения к предмету, который они выражают. Тем самым возникает отношение между грамматическим предложением или выражением, составленным из иного рода знаков, и суждением, порождающим все части дискурсивного мышления.

Итак, каково же отношение между данным или представленным, которое обусловлено протекающими операциями переживаний схватывания, и *суждением*? В нем выражается некоторое положение дел, связанное с определенным предметом. Уже из этого следует, что речь здесь не идет об отображении данного или представленного. Для позитивного определения этого отношения я буду исходить из мыслительной взаимосвязи. Всякое суждение содержится здесь в аналитическом виде и понимается как часть этой взаимосвязи. В мыслительной взаимосвязи предметного постижения каждая его часть относится к тому, что содержится в действительности, посредством связи, в которой она находится. И вот главное правило, которому следует любое суждение: его содержание должно быть включено в то, что дано, согласно формальным законам мышления и формам мысли. Даже суждения, свойства или поступки Зевса или Гамлета в мыслительной взаимосвязи имеют отношение к такого рода данности.

Так между суждением и рассмотренными выше формами предметного понимания возникает новое отношение. В нем обнаруживаются две стороны. Эта двусторонность определена тем, что суждение, с одной

стороны, фундировано в данном, а с другой стороны, эксплицирует то, что в нем содержится лишь имплицитно, лишь в качестве очевидного. В случае первой связи возникает отношение *замещения*. Посредством элементов мышления, которые в своем постоянстве, ясности, отчетливости и надежной связи со словесными знаками соответствуют требованиям знания, суждение замещает положение дел, содержащееся в данном. Если смотреть с другой стороны, то суждения реализуют интенцию предметного постижения, которая состоит в том, чтобы, исходя из обусловленного, частного и изменчивого, приблизиться к основным отношениям действительности.

Отношение замещения распространяется на всю дискурсивную мыслительную взаимосвязь предметного постижения, поскольку она реализуется в суждениях. Данное в своей конкретной наглядности и отображающий его мир представления в каждой форме дискурсивного мышления замещаются системой отношений устойчивых элементов мышления. И, наоборот, этому соответствует то, что, при возвращении к предмету, последний во всей полноте своего наглядного существования подтверждает, *верифицирует* суждение или понятие. Для наук о духе как раз особенно важно вернуть себе всю свежесть и силу переживания – либо прямо, либо в возвратном движении от понимания к переживанию. Отношение замещения подразумевает то, что в определенных границах данное и дискурсивно помысленное являются *взаимозаменимыми*.

Если расчленять дискурсивную мыслительную взаимосвязь, то в ней можно найти те виды отношения, которые регулярно возвращаются независимо от смены содержаний мысли и в каждом фрагменте мыслительной взаимосвязи находятся друг с другом в тесной связи. Такие *формы* мысли суть суждение, понятие и умозаключение: они являют себя в каждой отдельной части дискурсивной мыслительной взаимосвязи и образуют ее структуру. Однако даже подчиненные этим элементарным формам классы операций дискурсивного мышления, как то: сравнение, заключение по аналогии, индукция, подразделение, дефиниция и, наконец, связь обоснования независимы от отграничения отдельных сфер мысли, в частности, сфер наук о природе и наук о духе. Они разделяются в соответствии с задачами всей мыслительной взаимосвязи, которые определяются основными общими отношениями действительности, в то время как особые формы методов обусловлены лишь свойствами отдельных областей.

Регулярности этих форм соответствует значимость их мыслительной операции, а ее гарантирует нам сознание очевидности. Самые об-

щие свойства, которые в этих различных формах наделены значимостью независимо от смены предметов, при сохранении постоянства в возникновении и исчезновении переживаний мысли и их субъектов, находят свое выражение в *законах* мышления. Мы не должны пренебрегать отношением замещения, или репрезентации, переходя от суждений о действительности к необходимым суждениям. Аксиома геометрии необходима, потому что выражает основные отношения, констатируемые посредством анализа во всех моментах созерцания пространства; таким же образом объясняется и характер необходимости в законах мышления, поскольку они аналитически содержатся во всех моментах мыслительной взаимосвязи.

Научный *метод* возникает тогда, когда формы и общие операции мышления соединяются в сложное целое посредством цели, которая заключается в решении определенной научной задачи. Если существуют проблемы, подобные этой поставленной задаче, то метод, применяемый в некоей ограниченной области, может принести плоды и в области более обширной. Зачастую метод в уме его изобретателя еще никак не связывается с сознанием его логического характера и значимости: это сознание добавляется лишь задним числом. В том виде, в каком понятие метода сложилось за несколько последних столетий, особенно в словоупотреблении естествоиспытателей, его можно применить и к тому подходу, который проявляет особую тщательность в отдельных вопросах и потому является очень сложным. Там, где для решения одной и той же проблемы испытывается несколько путей, их разводят в качестве различных методов. Там, где подходы какого-то изобретательного ума обнаруживают общие свойства, история наук говорит о методе Кювье в палеонтологии или методе Нибура в исторической критике. Вместе с учением о методе мы оказываемся в области, где начинает обнаруживаться особый характер наук о духе.

Все переживания, относящиеся к предметному постижению, в телеологической взаимосвязи последнего направлены на схватывание того, что есть, – действительности. Знание образует иерархию операций: данное проясняется в элементарных операциях мысли, отображается в представлениях и замещается в дискурсивном мышлении, репрезентируясь различными способами. Ибо прояснение данного посредством элементарных операций мысли, отображение в воспоминании и замещение в дискурсивном мышлении могут быть подведены под широкое понятие *репрезентации*. Время и воспоминание освобождают процесс постижения от зависимости от данного и осуществляют выбор того,

что имеет значение для постижения; через связь с целым и через подведение под всеобщее единичное подчиняется целям постижения действительности; изменчивость интуитивно данного возвышается в связи понятий до общезначимой репрезентации; конкретное посредством абстракции и аналитического подхода распределяется по однородным рядам, позволяющим производить определенные высказывания о закономерностях, или постигается посредством членений. В ходе этого процесса постижение все больше вычерпывает из данного то, что нам доступно.

2.

Переживания, которые относятся к предметному постижению, логически связаны в двух направлениях. В одном направлении переживания вступают друг с другом в определенные отношения, поскольку они, как ступени в постижении одного и того же предмета, пытаются исчерпать его посредством того, что содержится в переживании или созерцании, а в другом постижение связывает один факт с другим с помощью схваченных отношений, которые существуют между ними. В первом случае происходит углубление в отдельный предмет, во втором – универсальное расширение. Процессы углубления и расширения зависят друг от друга.

Созерцание, воспоминание, целостное представление, именованное, суждение, подведение особого под общее, соединение частей в целое – все это способы постижения: предмет остается неизменным, меняется лишь способ сознания, в котором он наличествует, когда мы переходим от созерцания к воспоминанию или суждению. Общая им направленность на тот же самый предмет связывает их в единую телеологическую взаимосвязь. В ней имеют место лишь те переживания, которые осуществляют какую-то операцию в направлении на постижение этой определенной предметности. Этим телеологическим характером наличествующей здесь взаимосвязи обусловлено осуществляющееся внутри нее продвижение от одного члена к другому. Пока переживание еще не исчерпано или пока предметность, данная в отдельных созерцаниях фрагментарно и односторонне, еще полностью не постигнута и не выражена, всегда существует некая незавершенность, и она-то и побуждает к дальнейшим шагам. Восприятия соотносятся друг с другом в телеологической взаимосвязи, поскольку следуют друг за другом, касаясь одного и того же предмета. Так, отдельное чувственное восприятие всегда подразумевает еще несколько восприятий, которые бы дополнили постижение предмета. В этом

процессе дополнения уже возникает необходимость воспоминания как еще одной формы постижения. Во взаимосвязи предметного постижения оно находится в устойчивом отношении к созерцательной основе и имеет функцию отображать эту основу, вспоминать ее и таким образом сохранять ее ценность для предметного постижения. Здесь со всей отчетливостью обнаруживается различие схватывания переживаний воспоминания, которое вычленяет единообразие в составляющем его основу процессе, и проанализированной нами функции воспоминания во взаимосвязи постижения, согласно которой оно отображает пережитое или постигнутое. Воспоминание само по себе под впечатлением или влиянием какого-то душевного состояния может принимать в себя многообразные содержания, отличающиеся от его основы. Именно здесь исток эстетических образов фантазии, но при этом воспоминание, находящееся в указанной телеологической взаимосвязи, нацеленной на постижение предмета, стремится сохранить тождественность с содержанием созерцания или переживания предметного постижения. То, что воспоминание выполнило свою функцию в предметном постижении, подтверждается возможностью фиксировать его подобие с той основой предметного постижения, которую дает восприятие. Эта направленность переживаний постижения на отдельный предмет уже включает в себя продвижение к чему-то новому. Изменения в предмете указывают на комплекс воздействий, в котором он находится, и поскольку положение дел может быть прояснено лишь с помощью таких средств, как имена, понятия, суждения, то требуется дальнейшее движение от частного созерцания к общему. Если, следовательно, в этом первом направлении необходимо движение к целому, к воздействующему и ко всеобщему, то этой задаче соответствует движение от отношений, которые встречаются в отдельном объекте, к тем, которые имеют место в более крупных предметных взаимосвязях. Так первое направление отношений переходит во второе.

В первом из этих направлений в отношения друг с другом вовлекаются те переживания постижения, которые стремятся все точнее схватить один и тот же предмет посредством различных форм репрезентации. Во втором направлении в связь вступают переживания, которые простираются на все новые и новые предметы, схватывая существующие между ними отношения, будь то в форме постижения или же посредством связывания его различных форм. Возникают обширные связи. Особенно отчетливо они просматриваются в гомогенных системах, отображающих пространственные, звуковые и численные отно-

шения*. Каждая наука имеет отношение к одной поддающейся ограничению предметности, в которой заключено ее единство, и взаимосвязь внутри этой научной области знания придает ее положениям характер взаимопринадлежности. Завершением всех отношений, заключенных в пережитом или представленном в созерцании, было бы понятие мира. В нем содержится требование выразить все переживаемое и созерцаемое посредством взаимосвязи содержащихся в нем фактических отношений. Это понятие мира является экспликацией той взаимопринадлежности, которая ближайшим образом дана в пространственном горизонте.

Прояснение, отображение и замещение суть уровни сопряжения с данным, преодолеваемые предметным постижением по мере приближения к понятию мира. Они суть уровни постольку, поскольку в каждой из этих позиций предметного постижения более ранняя ступень образует основание для последующего уровня предметного постижения**.

* Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie. Sitzungsber. d. Berl. Akad. d. Wiss. 1894, S. 1352 [GS V, 132].

** Отсюда открывается перспектива решения логической задачи по редуцированию формы дискурсивного мышления к способам выражения отношений в данном, как они обнаруживаются посредством элементарных мыслительных операций. Факты, лежащие в области чувственного постижения, ведут нас к постижению имманентного порядка в материале нашего чувственного опыта, и отделение материала впечатлений от форм обобщения оказывается простым вспомогательным средством абстрагирования. Закон тождества означает, что каждое полагание значимо независимо от его изменяющегося положения в мыслительной взаимосвязи и смены субъектов высказывания. Закон противоречия имеет своим основанием закон тождества. В нем к принципу тождества добавляется отрицание. Оно является лишь отвержением существующего в нас или вне нас допущения и всегда относится к уже предположенному высказыванию, которое может содержаться либо в некоем сознательном мысленном акте, либо в какой-то другой форме. Таким образом, закон тождества приписывает полаганию постоянную значимость. Поэтому упразднение этого полагания исключе-

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ: СТРУКТУРА НАУК О ДУХЕ

Теперь же, когда эта взаимосвязь предметного постижения определяется условиями, содержащимися в науках о духе, возникает их особая структура. В силу форм мышления и всеобщих процессов мышления обнаруживаются здесь особенные задачи, и они разрешаются во взаимодействии особых методов.

При формировании этих методов науки о духе всегда находились под влиянием естественных наук. Поскольку же методы последних были развиты ранее, то в широком объеме осуществлялась их подгонка к задачам наук о духе. В двух пунктах это проявляется особенно отчетливо. Поначалу в биологии были обнаружены сравнительные методы, которые затем во все более широком объеме стали применяться и к систематическим наукам о духе, а экспериментальные методы, которые разрабатывались в астрономии и физиологии, переносились на психологию, эстетику и педагогику. Еще и сегодня при подходе к разрешению отдельных задач психолог, педагог, лингвист или эстетик нередко задаются вопросом о том, нельзя ли плодотворно использовать в его особой области средства и методы, изысканные для разрешения аналогичных проблем в естественных науках.

Однако, несмотря на эти отдельные точки соприкосновения, взаимосвязь методов, используемых в науках о духе, уже в своем исходном пункте отличается от таковой в науках о природе.

но. Мы не в состоянии одновременно утверждать и отрицать то же самое, поскольку мы осознаем отношение противоречия. Если же я признаю отрицательное суждение ложным, то я отрицаю отмену полагания и, стало быть, подтверждаю утвердительное высказывание: это положение дел выражено в законе исключенного третьего. Таким образом, законы мышления не означают априорных условий нашего мышления. И те отношения, которые содержатся в сравнении, разделении, абстрагировании, сопряжении, вновь обнаруживаются в дискурсивных мыслительных операциях как в формальных категориях, речь о которых будет идти позже. Излишним является предположение, что суждение предполагает добавление категориального отношения вещи и свойств, поскольку оно может быть понято из связи между предметом и тем, что ему предидируется.

Здесь я попытаюсь высказать лишь общие положения, которые являются решающими для понимания взаимосвязи наук о духе, ибо изложение отдельных методов относится к изложению построения наук о духе. Предварительно я разьясню два наименования. Под психическими жизненными единствами я понимаю элементы общественно-исторического мира. Психической структурой я называю взаимосвязь, которой связаны друг с другом различные процессы в психических жизненных единствах.

1. Жизнь

Науки о духе основываются на отношении переживания, выражения и понимания. Поэтому их разработка зависит как от углубления переживаний, так и от всевозрастающей ориентации на исчерпание их содержания, и в то же время она обусловлена распространением понимания на все объективации духа и все более полным и методически выверенным выявлением того духовного, что заключено в различных жизнепроявлениях.

Совокупность того, что открывается нам в переживании и понимании, есть жизнь как взаимосвязь, охватывающая человеческий род. Встречаясь впервые с этим великим фактом, который для нас является исходным пунктом не только наук о духе, но и философии, необходимо вернуться к тому, что предвещает научную обработку этого факта, и постичь сам этот факт в его первоначальном виде.

Там же, где жизнь предстает перед нами как факт, присущий человеческому миру, мы встречаемся с ее собственными определениями в отдельных жизненных единствах, с жизнеотношениями, установками, с психическим действием, с творением, выраженным в вещах и людях, и со страданием, доставляемым ими. В неизменном основании, над которым возвышаются дифференцированные свершения, нет ничего, что не заключало бы в себе *жизнеотношения* определенного «я». Здесь все занимает некоторую позицию по отношению к «я», и, равным образом, его состояние постоянно изменяется в зависимости от отношения вещей и людей к нему. Нет таких людей или вещей, которые были бы для меня только предметом и не оказывали бы на меня влияния, не служили бы мне поддержкой, не были бы целью не-

которого стремления или обязательства воли, не имели бы важности, не требовали бы внимания, не были бы внутренне близкими или не сопротивлялись бы, не располагались бы на некоторой дистанции или не обладали бы определенной степенью чуждости. Жизнеотношение – независимо от того, ограничивается ли оно одним данным моментом или же является длящимся, – делает для меня этих людей и эти предметы носителями счастья, основанием расширения моего существования, возрастания моей силы, или же – в рамках этого жизнеотношения – они ограничивают свободное пространство моего существования, оказывают на меня давление, уменьшают мою силу. И предикатам, которыми, таким образом, вещи обладают лишь в жизнеотношении ко мне, – этим предикатам соответствует возникающая из мироотношения смена состояний во мне самом. Из этого основания жизни возникают затем предметное постижение, наделение ценностью, целеполагание – возникают как типы психического действия, которые имеет бесчисленные нюансы, переходящие друг в друга. На протяжении жизни они связываются во внутреннюю взаимосвязь, которая охватывает и определяет любую деятельность и любое развитие.

Проясним это на примере того, каким образом лирический поэт дает выражение переживанию. Он исходит из определенной ситуации и рассматривает людей и вещи в некотором мироотношении к идеальному «я», в котором его собственное существование и течение его переживаний в пределах этого существования преобразуются и возвышаются фантазией. Это жизнеотношение определяет то, что видит и выражает подлинный лирик в людях, в вещах и в самом себе. Равным образом и эпический поэт говорит лишь то, что обнаруживается в некотором изображаемом мироотношении. Или же когда историк описывает исторические ситуации и лица, то впечатление действительной жизни он будет вызывать тем сильнее, чем в большей степени ему удастся постичь эти жизнеотношения. Он должен извлекать из этих жизнеотношений выдающиеся и действительные свойства людей и вещей – я хочу сказать, что он должен придавать лицам, вещам, событиям такой облик и окраску, которую они имели в самой жизни с точки зрения жизнеотношения, вытекающего из восприятий и образов воспоминания.

2. Жизненный опыт

Предметное постижение протекает во времени, и поэтому в нем уже содержатся остаточные образы воспоминания. Когда с течением времени постоянно увеличивается и отступает в прошлое то, что было пережито, возникает воспоминание о собственном течении жизни. Равным образом из понимания других лиц возникают воспоминания об их состояниях и образы существования различных ситуаций. Причем во всех этих воспоминаниях состояние всегда связано со своей средой, включающей в себя внешние положения дел, события, лица. Из обобщения того, что встречается таким вот образом, выстраивается жизненный опыт индивида. Он возникает в соответствии с подходами, которые эквивалентны индуктивному методу. Число случаев, на основании которых осуществляется эта индукция, неизменно возрастает на протяжении жизни; формирующееся в ходе этого обобщение постоянно подвергается исправлению. Надежность, присущая личному жизненному опыту, отличается от научной общезначимости. Ибо такого рода обобщения осуществляются не методически и не могут быть заключены в строгие формулы.

Индивидуальная точка зрения, присущая личному жизненному опыту, исправляется и расширяется во всеобщем жизненном опыте. Под последним я понимаю положения, которые формируются в некотором взаимоотношенном круге лиц и являются общими для них. Они представляют собой высказывания о течении жизни, ценностные суждения, правила, регулирующие образ жизни, определения целей и благ. Их отличает то, что они суть творения совместной жизни. И они в равной степени затрагивают как жизнь отдельных людей, так и жизнь сообществ. В первом отношении они – как нрав, обычай и (в своем применении к отдельному лицу) как общественное мнение – имеют власть над отдельным лицом, его индивидуальным жизненным опытом и жизненной силой – власть, которая, как правило, превосходит жизненную волю отдельных людей и которой они обладают в силу численного превосходства и в силу длительности существования человеческих сообществ, превышающей длительность отдельной жизни. Надежность этого общего жизненного опыта по сравнению с личным выше, когда индивидуальные точки зрения в нем выравниваются по отношению друг к другу и когда возрастает число случаев, лежащих в основании индукции. С другой стороны, в этом общем опыте еще сильнее, чем в индивидуальном, обнаруживается неконтролируемый характер происхождения его знаний о жизни.

3. Различия видов психического действия в жизни и классы высказывания в жизненном опыте

В жизненном опыте встречаются различные классы высказываний, восходящие к различию психического действия в жизни. Ибо жизнь является не только источником знания, рассматриваемого с точки зрения его опытного содержания; типичные разновидности психического действия людей обуславливают и различные классы высказываний. Предварительно здесь должен быть установлен лишь факт этого сопряжения между различием жизненных психических действий и высказываниями жизненного опыта.

В отдельных жизнеотношениях, которые обнаруживаются между «я», с одной стороны, и вещами и людьми – с другой, возникают отдельные состояния жизни: дифференцированные расположения самости, чувство давления или возрастания существования, потребность в некотором предмете, страх или надежда. И поскольку, таким образом, вещи или люди, притязавшие на нашу самость, занимают некоторое пространство в ее существовании, поскольку они ей содействуют или препятствуют, являются объектами желания, целеполагания или отвержения, постольку, с другой стороны, из этих жизнеотношений возникают – помимо постижения действительности людей и вещей – и их определения. Все эти определения самости и предметов или лиц (как они вытекают из жизнеотношений) возвышаются до осмысления и выражаются в языке. Так в нем обнаруживаются различия – в виде высказываний о действительности, выражений желания, восклицаний, императивов. Если окинуть взором выражения для всех разновидностей психического действия, для установок самости по отношению к людям и вещам, то обнаружится, что они подпадают под определенные классы более высокого порядка. Они констатируют некую действительность, оценивают, обозначают какое-то целеполагание, формулируют правило, они выражают значение факта в более широкой взаимосвязи, в которую этот последний влетен. Затем обнаруживаются отношения между этими видами высказывания, содержащимися в жизненном опыте. Постигание действительности образует тот уровень, в котором берут основание оценки, а уровень оценок, в свою очередь, является фундаментом для целеполаганий.

Содержащиеся в жизнеотношениях разновидности психического действия и их продукты становятся предметом высказываний, констатирующих эти разновидности психического действия как факты. Равным образом обретают самостоятельность предикации людей и вещей,

вытекающие из жизнеотношений. Эти факты возвышаются в жизненном опыте до всеобщей сущности посредством подхода, эквивалентного индукции. Так возникают разнообразные положения, которые в обобщающей форме предлагает нам народная мудрость и литература в виде пословиц, жизненных правил, размышлений относительно страстей, характеров и ценностей, встречающихся в жизни. И в них опять же воспроизводятся различия, которые можно заметить в выражениях наших установок или разновидностей психического действия.

Другие различия обнаруживаются в высказываниях жизненного опыта. Уже в самой жизни познание действительности, оценка, установление правил, целеполагание развиваются на различных *уровнях*, каждый из которых имеет своей предпосылкой предыдущий уровень. Они уже были обнаружены нами в предметном постижении; но они существуют и в других разновидностях психического действия. Так, оценка степени эффективности вещей и людей предполагает, что устанавливаются содержащиеся в предметах возможности доставлять пользу и вред, и определенное решение становится возможным только благодаря рассмотрению отношения представлений о цели к действительности и наличествующим в ней средствам для реализации этих представлений.

4. Идеальные единства как носители жизни и жизненного опыта

Бесконечное богатство жизни раскрывается в индивидуальном существовании отдельных лиц благодаря их отношению к своей среде, к другим людям и вещам. Однако каждый отдельный индивид является в то же время точкой пересечения взаимосвязей, которые устанавливаются между индивидами, наличествуют в них, однако простираются за пределы их жизни и обладают самостоятельным существованием и своим собственным развитием в силу содержания, ценности и цели, которая в них реализуется. Они суть поэтому субъекты идеального типа. Им свойственно иметь некоторое знание о действительности; в них развиваются точки зрения, позволяющие выносить оценки; в них реализуются цели; они имеют значение во взаимосвязи духовного мира и настаивают на этом значении.

Это имеет место уже в некоторых системах культуры, в которых не существует охватывающей их членов организации, как то повсеместно можно наблюдать в искусстве и философии. Вслед за этим возникают организованные союзы. Так формируется экономическая жизнь това-

риществ; в науке возникают центры, предназначенные для осуществления ее задач; религии развивают устойчивые организации во всех культурных системах. В семье, в различных промежуточных формах между семьей и государством, а также в этом последнем обнаруживаются высочайшие формы развития единого целеполагания в пределах сообщества.

Любое организованное единство некоторого государства развивает познание относительно себя самого. Таковы, например, правила, от которых зависит его существование и его положение относительно целого. Оно потребляет ценности, развивающиеся в его недрах; оно реализует цели, заключенные в его сущности и служащие сохранению и содействию его существованию. Оно само является благом для человечества и производит блага. Во взаимосвязи человечества оно обладает своим собственным значением.

Здесь мы достигли той точки, с которой перед нами предстает общество и история. Между тем, было бы неверно ограничивать историю взаимодействием людей, направленным на достижение общей цели. Отдельный человек в покоемся в нем самом индивидуальном существовании есть историческое существо. Он определен своим положением во времени, своим местом в пространстве, своей позицией во взаимодействии культурных систем и сообществ. Поэтому историк должен понимать всю жизнь индивида – так, как она проявляется в определенное время и в определенном месте. А это и есть вся та взаимосвязь, которая простирается от индивидов, поскольку те нацелены на развитие своего собственного существования, до систем культуры и общностей и, в конце концов, до человечества, – взаимосвязь, составляющая природу общества и истории. Логические субъекты, о которых идет речь в истории, представляют собой как отдельных индивидов, так и сообщества и взаимосвязи.

5. Происхождение наук о духе из жизни индивидов и сообществ

Жизнь, жизненный опыт и науки о духе находятся, таким образом, в постоянной внутренней взаимосвязи и взаимосношении. Не понятийный подход составляет основание наук о духе, но осознание психического состояния в его целостности и повторное обнаружение его в последующем переживании. Жизнь постигает здесь жизнь, и сила, с которой осуществляются эти два элементарных процесса наук о духе, является предварительным условием полноты в каждой их части.

Таким образом, и в этом пункте замечается решительное различие между науками о природе и науками о духе. В первом случае наше сношение с внешним миром отмежевывается от естественнонаучного мышления, продуктивные результаты которого являются эзотерическими, во втором же случае сохраняется взаимосвязь между жизнью и наукой, согласно которой мыслеобразующая работа жизни дает основание для научного творчества. При определенных обстоятельствах углубление в самое себя достигает в жизни определенного совершенства, которого недостает даже Карлейлю, и понимание других развивается тогда до виртуозности, которая недоступна и Ранке. Великие религиозные натуры, такие как Августин и Паскаль, являются в этом случае вечными образцами для опыта, черпаемого из своего собственного переживания. В другом случае двор и политика позволяют достичь такого искусства в понимании других личностей, которое проникает за любую видимость. В искусстве читать скрытые за выражением намерения ни один толкователь политических актов и ни один критик исторических свидетельств не превзойдет Бисмарка – этого человека действия, который по самой своей природе способен в каждом письме, которое он пишет, в каждом разговоре, который он ведет, иметь перед глазами свою цель. Во многих случаях нет никакой дистанции между постижением драмы слушателем, наделенным сильной поэтической чувствительностью, и превосходным литературно-историческим анализом. Также и образование понятий в исторических и общественных науках постоянно определяется самой жизнью. Я указываю на взаимосвязь, которая постоянно ведет от жизни, от образования понятий относительно судьбы, характеров, страстей, ценностей и целей существования к истории как науке. В те времена, когда во Франции политическое деяние было основано на знании людей и руководящих личностей в большей степени, чем на научном изучении права, экономики и государства, когда положение в придворной жизни основывалось на такого рода искусстве, литературная форма воспоминаний и сочинений относительно характеров и страстей достигли своего кульминационного пункта, хотя они писались людьми, которые были весьма незначительно затронуты изучением психологии и истории. Внутренняя взаимосвязь сопрягает здесь писателей и поэтов, с поучительной пользой для себя наблюдающих аристократическое общество, с систематическими философами и научными историками, которые получают образование на материале поэзии и литературы. У истоков политической науки в Греции можно видеть, каким образом развитие понятий относительно основных законов и политических процессов, ограниченных этими законами, проистекает из самой госу-

дарственной жизни, и новые творения этой жизни ведут затем к новым теориям. Отчетливее всего это отношение в целом проявляется на начальных стадиях правовой науки как у римлян, так и у германцев.

6. Взаимосвязь наук о духе с жизнью и проблема общезначимости этих наук

Таким образом, жизнь и постоянная взаимосвязь с ней представляют собой первую основную черту в структуре наук о духе; основываются же они на переживании, понимании и жизненном опыте. Это непосредственное отношение, в котором находятся друг к другу жизнь и науки о духе, ведет в последних к конфликту между тенденциями жизни и научной целью этих наук. Захваченный жизнью историк, экономист, правовед, религиовед стремятся оказывать влияние на жизнь. Они выносят свое суждение об исторических личностях, массовых движениях, направлениях, и это суждение обусловлено их индивидуальностью, национальной принадлежностью, временем, в котором они живут. Даже там, где они полагают, что действуют беспредпосылочно, они, тем не менее, ограничены этим своим кругозором; любой анализ, который обращается к понятиям некоторого предшествующего поколения, обнаруживает в этих понятиях элементы, возникающие из предпосылок данного времени. Однако при этом в каждой науке как таковой содержится требование общезначимости. Если должны существовать науки о духе как науки в строгом понимании, то они должны постоянно и критически полагать себе эту цель.

Из конфликта этих двух тенденций проистекает значительная часть научных противоречий, обнаруживаемых в последнее время в логике наук о духе. Сильнее всего этот конфликт проявляется в исторической науке. Поэтому она и стала центральным пунктом этой дискуссии.

Разрешения этого конфликта можно добиться только в ходе построения наук о духе; но уже нижеследующие всеобщие положения относительно взаимосвязи наук о духе содержат принцип его разрешения. При этом достигнутые нами ранее результаты сохраняют свое значение. Жизнь и жизненный опыт являются неиссякаемым источником понимания общественно-исторического мира; это понимание, отправляясь от жизни, проникает во все новые глубины; но лишь в обратном воздействии на жизнь и общество науки о духе достигают своего высшего значения, и значение это пребывает в постоянном возрастании. Однако путь к этому воздействию должен идти через объективность научного позна-

ния. Сознание этого актуально наличествовало уже в великие творческие эпохи наук о духе. Несмотря на многочисленные помехи, которые встречались в ходе нашего национального развития, а также в силу ориентации на односторонний культурный идеал со времен Якоба Буркхардта, мы сегодня преисполнены стремлением все более беспредпосылочно, все более критически и строго вырабатывать эту объективность наук о духе. *Принцип для разрешения конфликта* в этих науках я усматриваю в понимании исторического мира как комплекса воздействий, централизованного в самом себе, тогда как каждый содержащийся в нем отдельный комплекс воздействий в силу полагания и реализации ценностей также имеет свой центральный пункт в себе самом, но все они, однако, структурно связаны в одно целое, в котором из значительности отдельных частей возникает смысл взаимосвязи общественно-исторического мира. Так что любое ценностное суждение и любое целеполагание, простирающееся в будущее, должно основываться исключительно на этой структурной взаимосвязи. Этого идеального принципа мы коснемся в следующих далее общих положениях относительно взаимосвязи наук о духе.

ВТОРАЯ ГЛАВА

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ, В КОТОРЫХ ДАН ДУХОВНЫЙ МИР

Взаимосвязь наук о духе определяется их основанием, включающим переживание и понимание, и в каждом из них сразу же обнаруживаются решительные отличия от естественных наук, которые придают построению наук о духе его особый характер.

1. Линии репрезентаций, исходящие от переживания

Любой оптический образ отличается от другого, относящегося к одному и тому же предмету, точкой зрения и условиями постижения. Эти образы связываются затем различными видами предметного постижения в единую систему внутренних сопряжений. Целостное представление, которое возникает теперь из ряда образов на основании фундаментальных отношений, содержащихся в определенном положении дел, есть до-представление, до-мысливание. Переживания, напротив, сопряжены друг с другом в потоке времени в жизнен-

ное единство; поэтому каждое из них имеет свое место в потоке, члены которого связаны друг с другом в воспоминании. Я пока еще не говорю здесь о проблеме реальности этих переживаний, равно как и о трудностях, с которыми связано постижение какого-то отдельного переживания. Достаточно и того, что способ, каким эти переживания наличествуют для меня, совершенно отличен от того способа, каким наличествуют для меня образы. Сознание некоторого переживания и его строение, его наличие-для-меня и то, что наличествует для меня в нем, едины: переживание не противостоит постижению как некоторый объект, но его наличие для меня не отличается от того, что наличествует для меня в нем. Здесь нет никаких различных положений в пространстве, с которых можно было бы рассматривать то, что в нем наличествует. И различные точки зрения, с которых оно могло бы постигаться, могут возникать лишь дополнительным образом благодаря рефлексии и не затрагивают его самого в его характере переживания. Оно лишено относительности чувственно-данного, которая сопрягает образы с предметным лишь в отношении к тому, кто постигает, к его положению в пространстве и к тому, что расположено между ним и предметами. От переживания к строю понятий, в которых оно мысленно постигается, идет, таким образом, прямая линия репрезентаций. Ближайшим образом переживание проясняется посредством элементарных мыслительных операций. Воспоминания, в которых оно затем постигается, имеют здесь свое собственное значение. Что же происходит, когда переживание становится предметом моей рефлексии? Ночь напролет я не смыкаю глаз, озабоченный тем, смогу ли я завершить начатый мною труд; я обдумываю, что следует сделать. В этом переживании содержится структурная взаимосвязь сознания: предметное постижение образует его фундамент, на котором основываются такие установки, как забота о чем-то, как страдание, вызванное предметно постигаемым положением вещей, как стремление изменить это последнее. И все это наличествует для меня в этой структурной взаимосвязи переживания. Это состояние становится предметом различительной деятельности моего сознания. Я выделяю структурно-сопряженное, изолирую его. Все, что я выделяю, содержится в самом переживании и только таким образом и проясняется. Теперь же само мое постижение переживания, основываясь на содержащихся в нем моментах, переносится на переживания, которые в потоке жизни были структурно связаны с такого рода моментами, даже будучи разделены длительными промежутками времени. На основании произведенного осмотра мне известно состоя-

ние моих рукописей, и вместе с тем в отдаленном прошлом с этим сопрягаются процессы, с которыми было связано начало этих трудов. Другой момент ведет в будущее; то, что там располагается, требует от меня колоссального труда, я озабочен этим, я внутренне нацеливаюсь на результат. Все эти «о», «относительно», «на», все эти отношения пережитого к вспоминаемому и, равным образом, к будущему влекут меня куда-то – назад и вперед. Вовлеченность в этот ряд основывается на требовании все новых членов, в которых нуждается сквозное переживание. При этом может оказывать свое воздействие и интерес, присоединяющийся в силу эмоциональной интенсивности переживания. Это не произвол, не абстрактное стремление к знанию, а вовлеченность, к которой со времен Шлейермахера была возвращена диалектика. В ряду, который возникает таким вот образом, прошедшее, равно как и будущее, возможное, трансцендентно наполненному переживанием моменту. Однако и то, и другое – прошедшее и будущее – сопрягается с переживанием в пределах некоторого ряда, расчлененного такого рода сопряжениями с единым целым. Все прошедшее, поскольку его воспоминание включает узнавание, структурно сопрягается – как отражение – с некоторым прежним переживанием. То, что возможно в будущем, равным образом связывается с этим рядом благодаря очерчиваемому им кругу возможностей. Так в ходе этого процесса возникает созерцание психической взаимосвязи во времени, которая и составляет *течение жизни*. В этом течении жизни каждое отдельное переживание сопрягается с целым. Эта взаимосвязь жизни являет собой не сумму или совокупность следующих друг за другом моментов, но единство, конституированное сопряжениями, которые связывают все части. Отправляясь от настоящего, мы пробегаем в обратном порядке ряд воспоминаний вплоть до того момента, когда наша детская, неустоявшаяся, неоформившаяся самость теряется в сумерках, и из настоящего мы продвигаемся вперед к возможностям, которые в нем заложены, допуская смутное, колеблющееся в широких пределах измерение.

Так мы приходим к важному результату для взаимосвязи наук о духе. Конституирующие созерцание течения жизни элементы, закономерности, сопряжения целиком и полностью содержатся в самой жизни, тогда как знанию о течении жизни присущ тот же характер реальности, что и знанию о переживании.

2. Отношение взаимозависимости в понимании

Хотя в переживаниях мы таким вот образом и испытываем на опыте жизненную действительность в многообразии ее сопряжений, на первый взгляд все же может показаться, что в переживании мы можем знать всегда только единичное – то, что является лишь нашей собственной жизнью. Оно остается знанием о единственном в своем роде, и никакое логическое средство не может помочь нам выйти за пределы этого ограничения, предписанного характером опыта переживания. Только понимание снимает ограничение индивидуальным переживанием, так же как, с другой стороны, оно придает личным переживаниям характер жизненного опыта. Когда оно распространяется на все большее число людей, духовные творения и сообщества, горизонт единичной жизни расширяется, и в науках о духе открывается путь, ведущий через общее к всеобщему.

Взаимное понимание убеждает нас в наличии *общности* между индивидами. Индивиды связаны друг с другом общностью, сочетающей в себе взаимопринадлежность или взаимосвязь, однородность или родственность. То же самое сопряжение взаимосвязи и однородности пронизывает и все другие сферы человеческого мира. Эта общность выражается в тожести разума, в тожести симпатии, свойственной эмоциональной жизни, в тожести скрепляющего долг и право взаимного обязательства, которое сопровождается сознанием долженствования.

Общность жизненных единств представляет собой, таким образом, исходный пункт всех отношений особенного и всеобщего в науках о духе. Все постижение духовного мира пронизано такого рода фундаментальным опытом общности, в котором связаны друг с другом сознание единой самости и ее однородности с другими, тожесть человеческой природы и индивидуальность. Именно он составляет предпосылку понимания. Начиная с элементарной интерпретации, требующей лишь знания значения слов и регулярности, с которой они в соответствии с общностью языка и мышления связываются в наделенных смыслом предложениях, – начиная с такой интерпретации постоянно расширяется круг всеобщего, который делает возможным процесс понимания постольку, поскольку предметом этого процесса понимания выступают высшие взаимосвязи жизнепроявлений.

Из анализа понимания следует, однако, второе фундаментальное отношение, которое является определяющим для структуры взаимосвязи в науках о духе. Мы видим, каким образом на переживании и понимании основываются истины в науках о духе; однако же, с другой стороны, по-

нимание предполагает использование этих истин наук о духе. Я поясню это на одном примере. Пусть перед нами стоит задача понять Бисмарка. В качестве материала при этом могут быть взяты многочисленные письма, документы, рассказы и сообщения о нем. Материал этот сопрягается с течением жизни Бисмарка. Теперь историк должен расширить этот материал, чтобы постичь как то, что воздействовало на этого великого государственного деятеля, так и то, чего он добивался. Конечно, пока длится процесс понимания, еще не закончен и отбор материала. Всеобщие положения требуются историку уже для того, чтобы распознавать, какие люди, события или состояния принадлежат к рассматриваемому комплексу воздействий. Следовательно, они лежат также и в основании его понимания Бисмарка. Содержание этих всеобщих положений простирается от общих свойств людей до особых свойств отдельных классов. Историк индивидуально-психологически отведет Бисмарку его место среди людей действия и проследит в нем особую комбинацию черт, которые являются общими для такого рода людей. С другой стороны, он распознает его сущность в независимости, а в привычке господствовать и руководить, в стойкости воли увидит черту, свойственную помещику прусскому дворянству. Какое место его продолжительная жизнь занимает в истории Пруссии – это опять же зависит от другой группы всеобщих положений, которыми определяются общие черты людей этого времени. Необычайное давление, которое в силу особого государственного положения оказывалось на его чувство собственного политического достоинства, естественным образом вызывало различные виды реакции. Понимание этого требует всеобщих положений относительно давления, которое оказывает некоторое государственное положение на политическое целое и его части, а также всеобщих положений относительно обратного воздействия последних. Степень методической надежности в понимании зависит от развития всеобщих истин, благодаря которым это отношение обретает свое основание. Тогда становится ясно, что этот великий человек действия, безраздельно преданный Пруссии и королевской власти, будет особым образом чувствовать давление, оказываемое на Пруссию извне. Поэтому и внутренние вопросы основного закона этого государства он должен оценивать под углом зрения политической власти. И поскольку он являлся точкой пересечения таких общностей, как государство, религия, правовой порядок, и как историческая личность определялся и был в особенности затронут одной из этих общностей, равно как и действующей в ней силой, то и это требует от историка всеобщего знания об этих общностях. Короче говоря, его понимание достигнет своего совершенства только путем привлечения

всей совокупности наук о духе. Любое сопряжение, которое должно быть установлено в ходе изображения этой исторической личности, получит наибольшую достижимую надежность и отчетливость только в силу своего определения посредством научных понятий, относящихся к отдельным областям. И отношение этих областей друг к другу основывается, в конце концов, на целостном созерцании исторического мира.

Таким образом, наш пример проясняет двоякое отношение, заключенное в понимании. Понимание предполагает некоторое переживание, и это переживание становится жизненным опытом только в силу того, что понимание, преодолевая узость и субъективность переживания, выводит нас в регион целого и всеобщего. И, кроме того, понимание отдельной личности требует для своего завершения систематического знания, равно как и, с другой стороны, систематическое знание опять же зависит от живого постижения отдельного жизненного единства. Познание неорганической природы осуществляется в ходе построения наук, в которых нижний уровень всегда независим от того уровня, основанием которого он является. В науках о духе все, начиная с процесса понимания, определяется этим отношением *обобщенной зависимости*.

Этому соответствует исторический ход этих наук. Историография в каждый момент обусловлена знанием о вплетенных в историческое течение систематических взаимосвязях, и глубина проникновения в их суть определяет дальнейший ход исторического понимания. Фукидид исходил из политического знания, возникшего из практики свободных греческих государств, и государственно-правовых доктрин, развившихся в эпоху софистов. Полибий соединил в себе всю политическую мудрость римской аристократии, находившейся в это время в высшей точке своего общественного и духовного развития, с изучением греческих политических трудов от Платона до стоиков. Соединение флорентийской и венецианской государственной мудрости в той форме, какую она обрела в высокоразвитом обществе, ведущем оживленные политические дискуссии, с обновленными и развитыми далее античными теориями сделало возможным историографию Макиавелли и Гвиччардини. Церковная историография Евсевия, сторонников Реформации и ее противников, таких как Неандер и Ричль, была пронизана систематическими понятиями религиозного процесса и церковного права. И, наконец, учреждение современной историографии в исторической школе и у Гегеля имело за собой, в первом случае, связь новой правовой науки с опытом эпохи Революции и, во втором случае, всю систематику возникающих наук о духе. На первый взгляд кажется, что Ранке повествует о вещах с легкостью наивного рассказчика, и, тем не менее, его историография может быть по-

нята, если только будут прослежены многообразные источники систематического мышления, слившиеся в его образовании. И по мере продвижения вперед к современному состоянию эта взаимозависимость исторического и систематического постоянно возрастает.

Даже историческая критика в своих великих эпохальных результатах (наряду с влиянием, оказываемым формальным развитием метода) всегда зависела от все более глубокого постижения систематических взаимосвязей – от прогресса грамматики, от изучения речевой взаимосвязи (развитой в первую очередь в риторике), затем от нового понимания поэзии (это нам становится все более ясно по мере знакомства с предшественниками Вольфа, пытавшегося найти свой ключ к Гомеру в новой поэтике), у самого Фр. А. Вольфа – от новой эстетической культуры, у Нибура – от политэкономических, юридических и политических взглядов, у Шлейермахера – от новой философии, которая была конгеннальна Платону, и у Баура – от понимания процесса, приведшего к образованию догм, сформированных Шлейермахером и Гегелем.

И наоборот, прогресс в систематических науках о духе всегда был обусловлен продвижением переживания в новые глубины, распространением понимания на более широкую область проявлений исторической жизни, открытием до той поры неизвестных исторических источников или нарастанием массы эмпирических сведений в новых исторических ситуациях. Это можно проследить уже на формировании первых линий политической науки в эпоху софистов, Платона и Аристотеля, равно как и на возникновении риторики и поэтики как теории духовного творчества в то же самое время.

Таким образом, взаимное воздействие переживания и понимания отдельных личностей или человеческих общностей как надындивидуальных субъектов всегда было определяющим для крупных успехов в науках о духе. Отдельные гении повествовательного искусства, такие как Фукидид, Гвиччардини, Гиббон, Маколей, Ранке, создают в какой-то мере вечные исторические труды; однако в науках о духе в целом господствует прогресс: историческое сознание постепенно постигает взаимосвязи, взаимодействующие в истории, историческая наука проникает в отношения между этими взаимосвязями, определенным образом конституирующими нацию, эпоху, историческую линию развития, и отсюда затем вновь раскрываются глубины жизни в определенной исторической ситуации, превосходящие достигнутую в прошлом степень понимания. Разве можно сравнить понимание сегодняшнего историка, занимающегося творчеством художников, поэтов, писателей, с уровнем понимания предшествующего историка!

3. Постепенное прояснение жизненных проявлений в ходе постоянного взаимодействия обеих наук

Таким образом, основное отношение между переживанием и пониманием обнаруживается для нас как отношение взаимообусловленности. При ближайшем рассмотрении оно определяется как *постепенное прояснение* в ходе постоянного взаимодействия того и другого класса истин. Рассеивается неясность переживания, исправляются ошибки, возникающие в силу суженного постижения субъекта, само переживание расширяется и находит свое завершение в понимании других личностей, равно как и другие личности понимаются посредством собственных переживаний. Понимание все более увеличивает объем исторического знания путем более интенсивного привлечения источников, путем проникновения в непонятое до той поры прошлое и, наконец, в силу продвижения далее самой истории, которое вызывает все новые события и таким образом расширяет сам предмет понимания. В ходе этого процесса такого рода возрастание нуждается во все новых всеобщих истинах, позволяющих проникать в этот мир бывшего ранее. И расширение исторического горизонта делает в то же время возможным формирование все более всеобщих и все более плодотворных понятий. Так в работе наук о духе, в каждом ее пункте и в каждый момент, возникает циркуляция переживания, понимания и репрезентации духовного мира во всеобщих понятиях. И каждая ступень этой работы обладает внутренним единством своего постижения духовного мира, поскольку историческое знание сингулярного и всеобщие истины развиваются во взаимодействии друг с другом и поэтому принадлежат одному и тому же единству постижения. На каждой *ступени понимания* духовного мира является чем-то *единым – гомогенным*, начиная от концепции духовного мира вплоть до метода критики и частного исследования.

И здесь мы хотели бы еще раз обратиться ко времени возникновения современного исторического сознания. Тогда было выявлено, что образование понятий систематических наук основывается на сознательном изучении исторической жизни, а знание сингулярного пронизывается сознанием систематических наук, занятых изучением политической экономии, права, государства, религии. В этом пункте могло затем начаться методическое проникновение во взаимосвязи наук о духе. Один и тот же духовный мир по мере этого проникновения становится объектом двух классов наук в силу различия характера их постижения. Универсальная история как сингулярная взаимосвязь, предметом которой является человечество, и система самостоятельно конституирую-

щихся наук о духе, рассматривающих человека, язык, экономику, государство, право, религию и искусство, дополняют друг друга. Они различаются своей целью и определяемыми ею методами, и одновременно в своем постоянном сопряжении друг с другом они взаимодействуют в ходе построения знания о духовном мире. С точки зрения основного процесса понимания переживание, как и последующее переживание и всеобщие истины, связаны друг с другом. Образование понятий не фундировано нормами или ценностями, обнаруживающимися помимо предметного постижения, но оно возникает в ходе движения, господствующего над всем понятийным мышлением и направленного на выявление в изменчивом потоке устойчивого и постоянного. Таким образом, метод продвигается здесь в двух направлениях. В направлении прошедшего он движется от части к целому и обратно от целого к части, и в направлении на всеобщее наличествует то же самое взаимодействие между этим всеобщим и единичным.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЖИЗНИ

1.

Если мы окинем взором сумму всех результатов понимания, то оно предстанет перед нами как объективация жизни, противоположная субъективности переживания. Наряду с переживанием основанием наук о духе становится созерцание объективности жизни, ее внешнее проявление в разнообразных структурных взаимосвязях. Индивид, человеческие сообщества и произведения, в которых отложились жизнь и дух, образуют внешнее царство духа. Эти манифестации жизни, как они предстают пониманию во внешнем мире, словно бы включены во взаимосвязь природы. Нас всегда окружает эта великая внешняя действительность духа. Она представляет собой реализацию духа в чувственном мире – от мимолетного выражения вплоть до длящегося столетиями господства конституции или свода законов. Любое *единичное жизнепроявление репрезентирует* в царстве этого объективного духа нечто *общее*. Любое слово, любое предложение, любой жест или форма вежливости, любое произведение искусства и любое историческое деяние понятны лишь постольку, поскольку общность связывает того, кто выражается таким образом, с тем, кто осуществляет понима-

ние; отдельный человек переживает, мыслит и совершает поступки всегда в сфере общности, только в ней он и понимает. Все понимаемое несет на себе словно бы знак знакомства, оставляемый такого рода общностью. Мы живем в этой атмосфере, она постоянно нас окружает. Мы погружены в нее. В этом историческом и понимаемом мире мы всюду у себя дома, мы понимаем смысл и значение всего этого, мы сами включены в эту общность.

Смена воздействующих на нас жизнепроявлений постоянно влечет нас к новому пониманию; но одновременно самому пониманию – поскольку любое жизнепроявление и его понимание взаимосвязаны с другими – присуща вовлеченность, которая продвигается согласно отношениям родственности от данного единичного к целому. И по мере того как нарастает сопряженность между родственным, одновременно расширяется возможность образования всеобщих понятий, которые уже заложены в общности как то, что оказывает определяющее воздействие на понимающего.

В понимании обнаруживается еще и следующая особенность объективации жизни, определяющая как подразделение согласно родственности, так и направление обобщения. Объективация жизни содержит в себе *многообразие подразделенных порядков*. Начиная уже от различия рас до различия способов выражения и нравов в некотором племени (и даже в провинциальном городе) проходит природно-обусловленное подразделение духовных различий. Дифференциации иного рода обнаруживаются в культурных системах, другие же отделяют друг от друга различные эпохи – короче говоря, множество линий, отграничивающих с какой-то точки зрения сферы родственной жизни, пронизывают мир объективного духа и пересекаются в нем. В бесчисленных нюансах выражается полнота жизни и понимается в силу повторения этих различий.

Идея объективации жизни впервые открывает нам доступ к сущности исторического. Здесь все возникло благодаря духовному деянию и несет в себе поэтому характер историчности. В сам чувственный мир оно вплетено как продукт истории. От размещения деревьев в парке, расположения домов на улице, предназначенного для определенной цели орудия ремесленника и вплоть до приговора в здании суда нас постоянно окружает исторически ставшее. То из своего характера, что дух сегодня вложил в свое жизнепроявление, завтра – если оно сохраняется – является историей. Нас окружают римские руины, соборы, резиденции самодержцев – и все это согласно ходу времени. История не является чем-то отделенным от жизни, отгороженным от настоящего древностью своего происхождения.

Я подведу общий итог. Науки о духе располагают объективацией жизни как окружающей их данностью. Но по мере того, как эта объективация жизни становится для нас чем-то понятным, она как таковая повсюду обнаруживает сопряжение внешнего с внутренним. Таким образом, эта объективация всегда сопрягается в понимании с переживанием, в котором жизненное единство раскрывает свое собственное содержание и позволяет толковать его всем другим. Если же именно в этом заключается данность наук о духе, то сразу же обнаруживается, что все неподатливое и чуждое, что свойственно образованиям физического мира, должно быть мысленно удалено из понятия о данности, принятого в этой области. Все данное здесь произведено, то есть является историческим; оно понятно, то есть содержит в себе общее, оно знакомо, так как понятно, и оно содержит в себя группировку многообразного, так как толкование жизнепроявлений на более высоком уровне понимания уже предполагает таковую. Вместе с тем и метод классификации жизнепроявлений уже заложен в данность наук о духе.

И здесь *понятие наук о духе* находит свое завершение. Их сфера простирается настолько, насколько простирается понимание, а в качестве единого предмета понимания выступает объективация жизни. Таким образом, понятие науки о духе в отношении объема включаемых в него явлений определяется объективацией жизни во внешнем мире. Дух понимает только то, что создал сам. Природа, предмет естествознания, охватывает действительность, порожденную независимо от воздействия духа. Все, на что человек, действуя, наложил свой отпечаток, составляет предмет наук о духе.

Также и выражение «наука о духе» обретает здесь свое оправдание. Ранее говорили о духе законов, духе права, духе конституции. Теперь мы можем сказать так: *все, в чем объективируется дух, входит в область наук о духе.*

2.

До сих пор я называл эту объективацию жизни также объективным духом. Это выражение было глубокомысленно и удачно введено Гегелем. Однако смысл, в котором я его употребляю, следует точно и ясно отличать от того, который связывал с ним Гегель. Это различие затрагивает равным образом систематическое место этого понятия, его значение и его объем.

В системе Гегеля это выражение обозначает ступень в развитии духа. Гегель размещает эту ступень между субъективным и абсолютным духом. Понятие объективного духа, таким образом, уже занимает у него место в идеальной конструкции развития духа, которая хотя и имеет своим основанием историческую действительность этого духа и господствующие в его развитии отношения, стремясь спекулятивным образом постичь эти отношения, однако именно поэтому оставляет позади временные, эмпирические, исторические отношения. Идея, которая в природе отчуждается в свою инаковость, выходит за пределы самой себя и возвращается к самой себе на основании этой природы в духе. Мировой дух возвращается в свою чистую идеальность. Он осуществляет свою свободу в ходе своего развития.

Как субъективный дух он представляет собой многообразие единичных духов. По мере того как в них реализуется воля, основывающаяся на познании осуществляющихся в мире разумных целей, в единичном духе происходит переход к свободе. Тем самым уже дано основание для философии объективного духа. Она же показывает, каким образом свободная, разумная, а потому сама по себе всеобщая воля объективируется в нравственном мире; «свобода, которая заключает в себе цель и содержание свободы, сама прежде всего есть только понятие, принцип духа и сердца, и сама определяет себя к развитию до степени предметности, до степени правовой, нравственной и религиозной, а также и научной действительности»*. Тем самым развитие направляется через объективный дух к абсолютному; «объективный дух есть абсолютная идея, но сущая лишь в себе; поскольку он тем самым стоит на почве конечности, постольку его действительная разумность сохраняет сторону внешнего явления в ней»**.

Объективация духа осуществляется в праве, моральности и нравственности. Нравственность реализует всеобщую разумную волю в семье, гражданском обществе и государстве. Государство же осуществляет в мировой истории свою сущность как внешнюю действительность нравственной идеи.

Вместе с тем идеальная конструкция исторического мира достигла пункта, в котором обе ступени духа, всеобщая разумная воля еди-

* Hegel. Philosophie des Geistes, Werke, 7. Bd., 2. Abt. (1845), S. 375. (Philosophie des Geistes) [Энциклопедия философских наук, § 482].

** Hegel. Werke, 7. Bd., 2. Abt., S. 376. [Энциклопедия философских наук, § 483].

ничного субъекта и ее объективация в нравственном мире как высшем единстве этой объективации, открывают возможность для достижения последней и высшей ступени – знания духа о себе самом как творческой силы любой действительности в искусстве, религии и философии. «Субъективный и объективный дух следует рассматривать как путь» развития высшей реальности духа – абсолютного духа⁴⁷.

Каково было историческое положение и содержание этого открытого Гегелем понятия объективного духа? Глубоко недооцененное немецкое Просвещение признавало значение государства как всеобъемлющей общей сущности, которая реализует присущую индивидам нравственность. Никогда и нигде со времен греков и римлян не выражалось более мощно и глубоко понимание государства и права, чем у Кармера, Свареца, Клейна, Цедлица, Херцберга – главных чиновников государства Фридриха Великого. Это представление о сущности и ценности государства связывалось у Гегеля с идеей глубокой древности нравственности и государства, с представлением о реальности этой идеи в античном мире. Здесь сказывалось, таким образом, представление о значении общности в истории. В то же время, двигаясь путем исторического исследования, историческая школа шла к тому же открытию общего духа, которое совершил Гегель, руководствуясь своего рода метафизически-исторической интуицией. Она также приближалась к выходящему за пределы греческой идеалистической философии пониманию не выводимой из взаимодействия индивидов сущности сообщества, обнаруживающегося в нравах, государстве, праве и вере. Так зарождалось историческое сознание в Германии.

Гегель подвел итог всему этому движению в одном понятии – в понятии объективного духа.

Но предпосылок, на которых Гегель установил это понятие, сегодня нельзя больше придерживаться. Он конструировал сообщества, выводя их из всеобщей разумной воли. Сегодня мы должны исходить из реальности жизни; в жизни актуально присутствует целостность душевной взаимосвязи. Гегель конструирует метафизически; мы анализируем то, что дано. И сегодняшний анализ человеческой экзистенции наполняет всех нас ощущением слабости, пониманием роли власти темного влечения, недуга неясностей и иллюзий, конечности во всем том, что есть жизнь, даже там, где из нее возникают высшие формы совместной жизни. Поэтому объективный дух мы не можем понимать из разума, но должны вернуться к структурной взаимосвязи жизненных единств, которая пронизывает человеческие сообщества. И мы не можем подчинять объективный дух идеальной конструкции, напротив, мы должны

полагать основание его действительности в истории. Мы стремимся понять ее и изложить в адекватных понятиях. По мере того как объективный дух освобождается от одностороннего обоснования во всеобщем, выражающем сущность мирового духа разуме, а также освобождается от идеальных конструкций, становится возможным новое понятие объективного духа: наряду с семьей, гражданским обществом, государством и правом в него равным образом включаются язык, нравы, любая разновидность жизненной формы и стиля жизни. Теперь и то, что Гегель отличал в качестве абсолютного духа от объективного – искусство, и религия, и философия, – также подпадают под это понятие, и одновременно именно в них творческий индивид проявляет себя как представитель общности, при этом как раз в их мощных формах дух объективируется и в них же и познается.

Причем этот объективный дух содержит в себе подразделение, охватывающее все человечество в целом и простирающееся вплоть до типов самого узкого объема. Это подразделение, принцип индивидуации, актуально присутствует в нем. Если же теперь на почве общечеловеческого и через его опосредование индивидуальное постигается в понимании, то возникает последующее переживание внутренней взаимосвязи, которая ведет от общечеловеческого к его индивидуации. Это продвижение постигается в рефлексии, и психология индивидуальности создает теории, которые обосновывают возможность индивидуации*.

В основании систематических наук о духе лежат в таком случае та же связь единообразий и возникающая на их фундаменте индивидуация, а, следовательно, и та же связь универсальных теорий и сравнительного подхода. Универсальные истины, каковые могут быть установлены в этих науках относительно нравственной жизни или поэзии, становятся, таким образом, основанием для усмотрения различий морального идеала или поэтической деятельности.

И в этом объективном духе прошедшие события, приведшие к формированию великих совокупных сил истории, являются современностью. Индивид как носитель и представитель вплетенных в него общностей пользуется историей и постигает ее – историю, в которой возникали эти общности. Он понимает историю, так как он сам есть историческое существо.

* Ср. мою работу «Beiträge zum Studium der Individualität», Sitzungsber. 1896. [GS V.]

Наконец еще в одном пункте развиваемое здесь понятие объективного духа отмежевывается от гегелевского. Поскольку место всеобщего разума у Гегеля занимает жизнь в ее целостности, переживание, понимание, историческая жизненная взаимосвязь, власть иррационального в ней, то возникает проблема того, каким образом возможна историческая наука. Для Гегеля этой проблемы не существовало. Его метафизика, в которой мировой дух, природа как его внешнее проявление, объективный дух как его осуществление и абсолютный дух, восходящий к философии, которая представляет собой реализацию его знания о себе самом, являются тождественными – эта метафизика оставляет эту проблему позади себя. Сегодня, напротив, важно рассматривать данность исторических жизнепроявлений как истинное основание исторического знания и разыскивать метод для ответа на вопрос о том, каким образом на основании этой данности возможно общезначимое знание исторического мира.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Духовный мир как комплекс воздействий

Так посредством объективации жизни в переживании и понимании раскрывается для нас духовный мир. Задача теперь должна заключаться в том, чтобы ближе определить этот мир духа (как исторический, так и общественный) как то, что по сути своей представляет объект наук о духе.

Подведем сперва итог результатам предыдущих исследований применительно к взаимосвязи наук о духе. Эта взаимосвязь основывается на отношении переживания и понимания, которая выражается в трех основных положениях. Расширение нашего знания за пределы данного в переживании осуществляется путем истолкования объективаций жизни, и это истолкование, со своей стороны, возможно только исходя из субъективной глубины переживаний. Равным образом понимание сингулярного возможно только в силу наличия в нем универсального знания, и это универсальное знание, опять же, имеет своей предпосылкой понимание. Наконец, понимание части хода исторических событий достигает своего совершенства только путем сопряжения этой части с целым, а универсально-историческое обозрение целого предполагает понимание соединяющихся в нем частей.

Так образуется взаимозависимость между постижением каждого отдельного факта наук о духе в пределах общественного исторического целого, частью которого является этот отдельный факт, и постижением понятийной репрезентации этого целого в систематических науках о духе. При этом взаимодействие переживания и понимания в постижении духовного мира, взаимозависимость всеобщего и сингулярного знания и, наконец, постепенное прояснение духовного мира сказываются по мере прогресса наук о духе в каждой точке их продвижения. Поэтому мы обнаруживаем все это в каждой операции, производимой науками о духе. Совершенно всеобщим образом они образуют фундамент их структуры. Тем самым мы должны будем признать взаимозависимость интерпретации, критики, установления связи между источниками и синтеза определенной исторической взаимосвязи. Сходное отношение имеет место при образовании субъектных понятий, таких как экономика, право, философия, искусство, религия, обозначающих комплекс воздействий различных лиц, объединенных общим свершением. Всякий раз, когда научное мышление образует понятие, определение признаков, конституирующих понятие, предполагает установление фактов, которые должны быть включены в это понятие. И установление, и выбор этих фактов нуждаются в признаках, позволяющих констатировать их принадлежность к объему понятия. Чтобы определить понятие поэзии, я должен извлечь его из тех фактов, которые составляют объем этого понятия, а чтобы констатировать, какие произведения относятся к поэзии, я уже должен обладать признаком, который позволил бы опознать произведение как поэтическое.

Это отношение представляет собой, таким образом, всеобщую черту структуры наук о духе.

1. Всеобщий характер комплекса воздействий духовного мира

Наша задача состоит в постижении духовного мира как *комплекса воздействий* или как взаимосвязи, которая содержится в его *продуктах*, существующих длительное время. Этот комплекс воздействий и его творения образуют предмет наук о духе. Науки о духе расчленяют или указанный комплекс воздействий, или логическую, эстетическую, религиозную взаимосвязь, воплощающуюся в устойчивых образованиях соответствующих типов, или же взаимосвязь, воплощенную в конституции или в законоуложении и обратным образом указывающую на комплекс воздействий, в котором эта взаимосвязь возникла.

Этот комплекс воздействий отличается от причинной взаимосвязи природы тем, что она, следуя структуре психической жизни, порождает *ценности* и реализует *цели*. Причем не иногда и не от случая к случаю – структура духа как раз и состоит в том, чтобы, опираясь на постижение, порождать в комплексе своих воздействий ценности и реализовывать цели. Я называю это имманентно-телеологическим характером духовных комплексов воздействий. Под ним я понимаю *взаимосвязь свершений*, которые коренятся в *структуре* комплекса воздействий. Историческая жизнь творит. Она всегда деятельна, производя благо и ценности, и все понятия таковых суть лишь отражения этой ее деятельности.

Носителями этого непрерывного творения ценностей и блага в духовном мире являются индивиды, человеческие сообщества, системы культуры, в которых совместно действуют отдельные личности. Совместное действие индивидов определяется тем, что для реализации ценностей они подчиняются правилам и полагают себе цели. Поэтому любой вид этого совместного действия включает жизнеотношение, сопряженное с сущностью человека и связывающее индивидов друг с другом, – подобно ядру, которое нельзя постичь психологически, но которое проявляет себя в любой такой системе отношений между людьми. Деяние в нем определяется структурной взаимосвязью между постижением, психическими состояниями, выражающими себя в наделении ценностью, и психическими состояниями, состоящими в полагании целей, благ и норм. Такого рода комплекс воздействий реализуется, в первую очередь, в индивидах. Поскольку они, в этом случае, представляют собой точки пересечения систем отношений, каждая из которых является постоянным носителем воздействия, то в этом носителе развиваются затем блага общности, причем осуществление таковых подчинено правилам. Теперь в них закладывается безусловность значимости. Любое постоянное отношение индивидов между собой включает в себя, следовательно, развитие, в ходе которого ценности, правила и цели порождаются, осознаются и стабилизируются по мере протекания процессов мышления. Этот творческий процесс, осуществляющийся в индивидах, сообществах, системах культуры, нациях и определенным образом обусловленный природой, постоянно доставляющей для нее материал и оказывающей на нее побуждающее воздействие, самоосмысливается в науках о духе.

Структурная взаимосвязь является, далее, основанием того, что любое духовное единство *центрировано в себе самом*. Как индивид, так и любая система культуры, любое человеческое сообщество имеет центральный пункт в самом себе. В этом пункте связываются в единое целое постижение действительности, оценка, порождение благ.

Но теперь в комплексе воздействий, образующем предмет наук о духе, открывается новое фундаментальное отношение. Различные носители творения включены в более широкие общественно-исторические взаимосвязи. Таковы суть нации, эпохи, исторические периоды. Так возникают запутанные формы исторической взаимосвязи. Обнаруживающиеся в них ценности, цели, обязательства, носители которых являются индивиды, человеческие сообщества и системы отношений, должны быть теперь объединены историком. Они сравниваются им, в них выявляется общее, различные комплексы воздействий синтетически соединяются. И здесь из центрирования в себе самом, которое присуще любому историческому единству, возникает теперь и другая форма единства. То, что одновременно оказывает воздействие и сцепляется друг с другом, подобно индивидам, системам культуры или человеческим сообществам, находится в постоянном духовном сообщении и поэтому в первую очередь дополняет свою собственную жизнь чужой. Уже нации живут зачастую в значительной степени замкнуто и обладают поэтому своим собственным горизонтом, но если я рассматриваю период Средневековья, то его кругозор отличается от кругозора предшествующих периодов. Даже там, где результаты этих периодов продолжают оказывать свое воздействие, они ассимилируются в системе средневекового мира. Эта система имеет *замкнутый горизонт*. Поэтому любая эпоха *центрирована* в себе в некотором *новом смысле*. Отдельные представители этой эпохи располагают масштабом своего действия в чем-то общем. Различные комплексы воздействий, определяющие общественную жизнь некоторой эпохи, имеют одинаковые черты. Отношения предметного постижения обнаруживают в пределах этой эпохи внутреннее родство. Способ чувствовать, душевная жизнь, возникающие таким образом побуждения, – все это сходно между собой. А потому и воля выбирает себе соразмерные цели, стремится к родственным благам и находит себя связанной обязательствами сходным образом. Задача исторического анализа заключается в том, чтобы разыскать в конкретных целях, ценностях, способах мышления согласие в чем-то общем, что господствует в определенную эпоху. Именно это общее и определяет затем и противоположности, которые здесь имеют место. Таким образом, любой поступок, любая мысль, любое совместное творение, короче, каждая часть исторического целого обладает своей *значительностью* в силу отношения к целому эпохи или периода. И если теперь историк выносит суждение, то он констатирует, что совершил отдельный человек в этой взаимосвязи, в какой мере, напри-

мер, его взгляд и его деяние простираются уже за пределы этой взаимосвязи.

Исторический мир как целое, это целое как комплекс воздействий, этот комплекс воздействий как наделяющий ценностью, полагающий цели, одним словом, как творящий, затем понимание этого целого из него самого, наконец, центрирование ценностей и целей в периодах, эпохах, в универсальной истории – вот те точки зрения, с которых следует мыслить взаимосвязь наук о духе, обрести которую мы стремимся. Поэтому непосредственное сопряжение жизни, ее ценностей и целей с историческим предметом постепенно заменяется в науке, следуя ее ориентации на общезначимость, опытом имманентных отношений, которые существуют в комплексе воздействий исторического мира между действующей силой, ценностями, целями, значением и смыслом. Только на этой почве объективной истории и можно было бы ставить затем вопрос о том, возможно ли и в какой мере предсказание будущего и включение нашей жизни в процесс достижения целей, разделяемых всем человечеством.

Первоначально комплекс воздействий постигается одним лицом, в котором протекают определенные переживания и, в соответствии со структурными отношениями, развивается последовательность внутренних событий. Затем эта взаимосвязь благодаря пониманию обнаруживается им и в другом индивиду. Основная форма взаимосвязи возникает, таким образом, в индивиду, соединяющем в едином течении жизни настоящее, прошлое и возможность будущего. Это течение жизни повторяется затем и в историческом ходе событий, которому подчинены отдельные жизненные единства. По мере того, как наблюдатель включает в область своего рассмотрения другие взаимосвязи, являясь их свидетелем или опираясь на сообщения других людей, осуществляется постижение исторических событий. И так как теперь отдельные события занимают определенное место во временном потоке и, следовательно, в каждый момент предполагают воздействие, идущее из прошлого, а их следствия простираются дальше в будущее, то каждое событие требует продолжения и настоящее, таким образом, устремляется дальше в будущее.

Другой вид взаимосвязи существует в произведениях, которые, будучи отделены от своего автора, несут в себе свою собственную жизнь и закон. Прежде чем мы проникаем в комплекс воздействий, в рамках которого они возникли, мы постигаем взаимосвязи, существующие в завершенном произведении. Понимание раскрывает ту логическую взаимосвязь, в которой сопрягаются между собой правовые положения в некотором законоуложении. Если мы читаем комедию Шекспи-

ра, то здесь элементы события, связанные отношениями времени и действия, в соответствии с законами поэтической композиции возводятся в некое единство, которое в начале и в конце извлекает эти элементы из потока воздействий и связывает их части в одно целое.

2. Комплекс воздействий как основное понятие наук о духе

В науках о духе мы постигаем духовный мир в форме комплексов воздействий так, как они складываются согласно течению времени. Воздействие, энергия, течение времени, событие – все это моменты, характеризующие образование понятий в науках о духе. В мыслительной взаимосвязи наук о духе всеобщая функция понятия, требующая определенности и постоянства последнего во всех суждениях, остается независимой от этих содержательных определений. Признаки понятия, связь которых составляет его содержание, должны отвечать таким же требованиям. И высказывания, в которые включаются понятия, не могут содержать противоречий ни в себе, ни между собой. Эта независимая от течения времени значимость, которая, таким образом, заключается во взаимосвязи мышления и определяет форму понятия, никак не связана с тем, что содержание используемых в науках о духе понятий может репрезентировать течение времени, воздействие, энергию, событие.

В структуре индивида мы наблюдаем действенную тенденцию или движущую силу, которая сообщается всем сложносоставным образованиям духовного мира. В этом мире обнаруживаются совокупные силы, проявляющие себя в определенном направлении в исторической взаимосвязи. Все используемые в науках о духе понятия, поскольку они репрезентируют некоторый элемент комплекса воздействий, обладают этим характером процесса, течения, события или поступка. И там, где объективации духовной жизни анализируются как нечто готовое, словно бы застывшее в покое, всегда возникает еще одна задача – познать тот комплекс воздействий, в рамках которого возникли такого рода объективации. В более полном объеме понятия, используемые в науках о духе, представляют собой, таким образом, фиксированные репрезентации чего-то поступательного, фиксацию в мыслях того, что само является течением или направлением движения. Равным образом систематические науки о духе включают в себя задачу образования понятий, которые выражают присущую жизни тенденцию, ее изменчивость и беспокойство, но прежде всего – осуществляющееся в ней целеполагание. При этом в исторических и систематических науках о духе возника-

ет и последующая задача – соответствующим образом выстраивать фиксируемые в понятиях отношения.

Заслуга Гегеля состояла в том, что в своей логике он попытался выразить неутолимый поток этого развития событий. Однако ему сопутствовало заблуждение, проявляющееся в том, что это требование казалось ему несовместимым с законом противоречия. Неразрешимые противоречия возникают только тогда, когда стремятся *объяснять* факты этого потока, протекающего в жизни. Не меньшим заблуждением был и остается основывающийся на той же самой предпосылке отказ от систематического построения понятий в исторической области. Поэтому в диалектическом методе Гегеля многообразие исторической жизни застывает, тогда как противники систематического образования понятий в исторической области обрекают многообразие существования на исчезновение в неподдающейся репрезентации глубине жизни.

В этом пункте становится понятной глубочайшая интуиция Фихте. В напряженном погружении Я в самое себя оно раскрывает себя не как субстанцию, бытие, некую данность, но как жизнь, деятельность, энергию. Это позволило ему приблизиться к формированию понятия об энергии в историческом мире.

3. Метод установления отдельных комплексов воздействий

Комплекс воздействий сам по себе всегда сложен. Точка, через которую мы можем приблизиться к его установлению, представляет собой отдельное следствие, по отношению к которому мы – продвигаясь в обратном направлении – и пытаемся разыскать воздействующий момент. Среди многих факторов лишь ограниченное число может быть определено и имеет значение для этого следствия. Если, например, мы разыскиваем сцепление причин, приведших к изменению нашей литературы, в ходе которого было преодолено Просвещение, то мы различаем группы этих причин, мы стараемся установить их весомость, и в каком-то пункте мы перестаем проследивать безграничную причинную связь согласно значению моментов и в соответствии с нашей целью. Так мы вычленим некоторый комплекс воздействий, чтобы объяснить искомое изменение. С другой стороны, в ходе методического анализа этого конкретного комплекса воздействий мы выделяем из него с различных точек зрения единичные взаимосвязи, и на этом анализе, собственно, и основывается продвижение вперед как в систематических науках о духе, так и в истории.

Индукция, которая устанавливает факты и члены причинного отношения, синтез, который с помощью индукции скрепляет причинные взаимосвязи, анализ, который выделяет отдельные комплексы воздействий, сравнение – эти или же эквивалентные им методические подходы по преимуществу и формируют для нас знание о комплексе воздействий. И мы используем те же самые методы, когда мы исследуем продолжающие существовать творения, возникшие в рамках этого комплекса воздействий, – картины, скульптуры, драмы, философские системы, религиозные писания, законодательства. Характер взаимосвязи в них различен, однако членение произведения как целого на индуктивном основании и синтетическая реконструкция целого согласно сопряжению его частей (опять же на основании индукции) при постоянном привлечении всеобщих истин, – все эти подходы здесь также связаны между собой. С этой ориентацией мышления на взаимосвязь в науках о духе связана и другая, которая, продвигаясь в ином направлении – от особенного к всеобщему и обратно, – разыскивает закономерности в комплексах воздействий. Здесь обнаруживается наиболее глубокое отношение взаимозависимости методических подходов. Обобщения служат формированию взаимосвязей, а анализ конкретной и универсальной взаимосвязи в пределах отдельной взаимосвязи представляет собой наиболее плодотворный путь разыскания всеобщих истин.

Если, однако, иметь в виду метод установления комплексов воздействий в науках о духе, то обнаруживается его значительное отличие от того, который позволяет наукам о природе достигать их неслыханных результатов. Науки о природе имеют своим основанием пространственную взаимосвязь явлений. Возможность подсчета и измерения того, что имеет пространственную протяженность или движется в пространстве, позволяет здесь разыскивать точные всеобщие законы. Однако внутренний комплекс воздействий лишь примысливается, и его предельные элементы не могут быть явным образом предъявлены. Напротив того, предельные единства исторического мира, как мы видели, даны в переживании и понимании. Их единый характер фундирован структурной взаимосвязью, в которой сопряжены друг с другом предметное постижение, ценности, целеполагания. Мы переживаем этот характер жизненного единства еще и в силу того, что целью может быть лишь полагаемое его собственной волей, только то, что пригодно, истинно для его мышления, что имеет позитивное отношение к его чувству, обладает для него ценностью. Коррелятом этого жизненного единства является движущееся и действующее по внутреннему побуждению тело. Человеческий общественно-исторический мир состоит из этих психофизических жиз-

ненных единств, что представляет собой надежный источник данных для анализа. Также и комплекс воздействий этих единств обнаруживает, далее, особые свойства, которые не могут быть исчерпаны отношениями единства и множества, целого и части, соединения и взаимодействия.

Однако продолжим нашу мысль. Жизненное единство представляет собой комплекс воздействий, который имеет преимущества перед комплексом воздействий природы в силу того, что он переживается. Его воздействующие части, однако, не могут быть измерены в их интенсивности, но лишь оценены, его индивидуальность не может быть отделена от того, что имеет общественно-человеческую природу, при том что человечество представляет собой лишь неопределенный тип. Поэтому каждое отдельное состояние в психической жизни представляет собой некое новое положение всего жизненного единства, сопряжение его тотальности с вещами и людьми, а поскольку любое жизнепроявление, исходящее от некоторого сообщества или же принадлежащее комплексу воздействий какой-то системы культуры, является порождением взаимодействующих жизненных единств, то элементы этих составных образований обладают соответствующим характером. Сколь бы сильно интенция комплекса воздействий ни определяла любой психический процесс, принадлежащий такого рода целому, этот процесс никогда не определяется исключительно этой интенцией. Индивид, в котором протекает этот процесс, включен как жизненное единство в комплекс воздействий, тогда как в своих проявлениях этот индивид действует как целое. Вследствие дифференциации органов чувств, каждый из которых охватывает одну, гомогенную по своему характеру чувственную область, природа разделена на различные системы, каждая из которых в себе однородна. Один и тот же предмет, например колокол, является твердым, имеющим окраску бронзы и способен при ударе издавать целую гамму звуков; таким образом, каждое его свойство занимает некоторое место в системе чувственного постижения. Внутренняя взаимосвязь этих свойств нам не дана. В переживании же я наличествую сам для себя как взаимосвязь. Любое изменение расположения ведет к новому положению всей жизни. Равным образом в каждом жизнепроявлении, которое мы понимаем, всегда актуально наличествует жизнь в целом. Тем самым гомогенные системы, которые позволяют нам разыскивать законы изменения, не даны нам ни в переживании, ни в понимании. Общность, родственность обнаруживаются для нас в понимании, и оно, с другой стороны, позволяет нам усматривать бесчисленные нюансы дифференциации, начиная от глубоких различий рас, племен и народов, до бесконечного многообразия индивидов. Поэтому в науках о природе господствует закон изменений, в духовном мире – постижение индивиду-

альности, восходящее от отдельного человека вплоть до такого индивида, как человечество, а также различные сравнительные подходы, которые стремятся понятийно упорядочить это индивидуальное многообразие.

Эти отношения очерчивают границы наук о духе, как применительно к изучению психологии, так и применительно к систематическим дисциплинам, которые позднее должны быть изложены по отдельности в учении о методе. Если рассматривать это в самом общем виде, то ясно, что как психология, так и отдельные систематические дисциплины будут иметь преимущественно описательный и аналитический характер. Здесь в круг наших рассуждений могут быть включены мои предшествующие работы, излагающие аналитический подход в психологии и в систематических науках о духе. Здесь я в целом ссылаюсь на них*.

4. История и ее понимание посредством систематических наук о духе

Понимание в науках о духе осуществляется, как мы видели, в рамках взаимозависимости истории и систематических дисциплин. И поскольку интенция понимания в любом случае предшествует понятийной переработке, постольку мы начинаем со всеобщих особенностей исторического знания.

Историческое знание

Постижение комплекса воздействий, формируемого историей, начинается с отдельных пунктов, в которых взаимопринадлежащие остатки прошлого связываются друг с другом путем сопряжения с жизненным опытом в ходе осуществления понимания. То, что окружает нас ближайшим образом, становится для нас средством понимания удаленного и отошедшего в прошлое. Условием интерпретации исторических остатков является то, что привносимое нами в них обладает характером постоянства во времени и общечеловеческой значимостью. Мы вносим сюда наше знание нравов, привычек, политических взаимосвязей, религиоз-

* «Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie». Sitzungsberichte d. Berl. Akad. d. Wiss. 1894 [GS V]. Cp. «Studien z. Grundlegung» S. 332 ff. (Наст. изд. С. 52), «Einleitung in d. Geisteswissensch.» 1883 [GS I] и, кроме того, Sigwart, Logik II³, S. 633 ff.

ных процессов, и изначальную предпосылку этого переноса всегда составляют взаимосвязи, которые историк пережил сам в себе. Пра-клеткой исторического мира является переживание, которое согласно комплексу воздействий жизни субъект испытывает по отношению к своей среде. Эта среда воздействует на субъекта и испытывает воздействия с его стороны. Она состоит из физического и духовного окружения. В каждой части исторического мира наличествует поэтому одна и та же взаимосвязь течения психического процесса, связанная комплексом воздействий с окружением. Здесь возникает задача оценки естественных влияний на человека и установления воздействий на него окружающего духовного мира.

Подобно тому, как сырье подвергается в индустриальном производстве нескольким видам обработки, так и остатки прошлого возводятся к полному историческому пониманию, проходя различные процедуры. Критика, истолкование и метод, вносящий единство в понимание исторического процесса, сцепляются друг с другом. Но характерным является то, что здесь отсутствует простое фундирование одних операций другими. Хотя критика, интерпретация и связывание в мысли различны по своим задачам, но решение любой из этих задач всегда нуждается в усмотрениях, достигнутых иными путями.

Именно из этого отношения следует, что обоснование исторической взаимосвязи всегда зависит от сцепления процессов, не поддающихся исчерпывающему логическому изложению, и поэтому оно никогда не может быть оправдано перед лицом исторического скептицизма посредством неоспоримого доказательства. Можно вспомнить великие открытия Нибура в области древнеримской истории. Нигде его критику нельзя отделить от реконструкции истинного хода событий. Он должен был установить, каким образом возникло существующее предание о древнеримской истории и какие выводы относительно его исторической ценности можно сделать из этого его происхождения. В то же время он должен был попытаться вывести основные черты действительной истории на основании объективной аргументации. Несомненно, с точки зрения правил строгого ведения доказательства этот методический подход движется по кругу. И если Нибур пользовался заключением по аналогии с родственными процессами развития, то знание об этих родственных процессах попадало в тот же круг, и заключение по аналогии, которое использовалось в ходе получения этого знания, не имело никакой строгой достоверности.

Даже сообщения очевидцев некоторого события должны быть сперва испытаны на предмет того, каким образом постигает это событие

тот, кто о нем сообщает, какова его надежность и каково его отношение к происходящему. И чем далее повествование отстоит от момента события, тем более уменьшается правдоподобность, если ценность элементов такого повествования не может быть установлена путем редукции к предшествующим сообщениям, оставленным очевидцами происходящего. На твердой почве стоит политическая история Древнего и Нового мира там, где сохранились изначальные документы или имеются в наличии акты, определяющие ход исторических событий. Поэтому надежное знание о политической истории начинается только с методически-критических собраний документов и со свободного доступа историка к архивам. Это позволяет в полной мере противостоять историческому скептицизму относительно фактов, и на таких надежных основаниях с помощью анализа сообщений на предмет их источников и проверки позиций корреспондентов и строится реконструкция, которая обладает исторической правдоподобностью и которой могут отказывать в пригодности разве что остряки, но не ученые умы. Хотя эта реконструкция и не дает надежного знания о мотивах действующих лиц, она, тем не менее, предоставляет такого рода знание о поступках и происшествиях, и при этом заблуждения, которым мы всегда подвержены применительно к отдельным фактам, не ставят под сомнение целое.

Намного более благоприятной, чем в области политического процесса, является историография в области массовых явлений, но в особенности там, где она имеет предметом своего анализа произведения искусства и научные работы.

Уровни исторического понимания

Постепенное овладение историческим материалом осуществляется на различных уровнях, которые все далее и далее простираются вглубь истории.

Многообразные интересы приводят к тому, что первым возникает *повествование* о том, что произошло. Здесь удовлетворяется первоначальная потребность: любопытство касательно человеческих вещей, в особенности же – касательно того, что относится к собственной родине. Это ведет к зарождению чувства собственного национального и государственного достоинства. Так возникает повествовательное искусство, неизменный образец которого был дан Геродотом. Но затем на передний план выходит стремление к *объяснению*. Афинская культура во времена Фукидида впервые создает для нее условия. Поступки, следуя точно-

му наблюдению, выводятся из психологических мотивов; борьба за власть государств, ее течение и ее исходный пункт объясняется на основании их военных и политических сил, изучаются воздействия основных законов государства. И по мере того как великие политические мыслители, подобные Фукидиду, разъясняют прошлое путем трезвого изучения наличествующего в нем комплекса воздействий, одновременно оказывается, что история является поучительной для будущего. Следуя заключению по аналогии, можно ожидать и в дальнейшем развития сходного течения событий, если известен предшествующий ход воздействий и первая стадия настоящего процесса оказывается сходной с тем, что известно. Это заключение, на котором Фукидид основывает свое положение о поучительности истории для будущего, имеет, в действительности, решающее значение для политического мышления. Как и в науках о природе, закономерность в комплексе воздействий, присущая истории, делает возможным предсказание и основанное на знании деяние. Если уже современники софистов, изучая основные законы, видели в них проявление политических сил, то у Полибия мы встречаемся с историографией, в которой методическое *приложение систематических наук о духе к объяснению исторического комплекса воздействий* делает возможным включение в объясняющий подход действия постоянных сил, каковыми являются основной закон, военная организация, финансы. Предмет, которым занимался Полибий, представлял собой взаимодействие государств, которые образовывали исторический мир европейского духа от начала борьбы между Римом и Карфагеном и до разрушения Карфагена и Коринфа, и он намеревался из изучения постоянно действующих сил в этих государствах вывести отдельные политические процессы. Поэтому его точка зрения была в то же время универсально-исторической, поскольку сам он объединял в себе греческую теоретическую культуру, изучение изощренной политики и военного дела своей родины со знанием Рима, которое можно было получить лишь в ходе общения с ведущими государственными мужами нового универсального государства⁴⁸. Период времени, начиная с Полибия и вплоть до Макиавелли и Гвиччардини, отмечен действием многообразных духовных сил, и прежде всего – бесконечным углублением субъекта в самого себя при одновременном расширении исторического горизонта. Однако оба великих итальянских историографа чрезвычайно близки Полибию в своем подходе.

Новый уровень историографии был достигнут только в XVIII столетии. Здесь один за другим были введены два важнейших принципа. Конкретный комплекс воздействий, как он выделялся тогда историком в ка-

честве исторического предмета из широкого потока истории, *разлагался на отдельные взаимосвязи*, такие как право, религия, поэзия, которые постигались в единстве некоторого периода времени. Это предполагало, что взгляд историка устремлялся за пределы политической истории на историю культуры, что в каждой области культуры ее функция познается уже исходя из систематических наук о духе и что понимание было достаточно развито для познания взаимодействия такого рода систем культуры. Во времена Вольтера начинается эта новая историография. Затем же, начиная с Винкельмана, Юстуса Мёзера и Гердера, обнаруживается и второй принцип – принцип *развития*. Он говорит о новом фундаментальном свойстве исторического комплекса воздействий, а также о том, что этот комплекс воздействий по своей сущности проходит, побуждаемый изнутри, ряд изменений, каждое из которых возможно лишь на основании предыдущего.

Эти характерные для различных уровней моменты, будучи однажды постигнуты, продолжают свое дальнейшее существование в историографии. Искусство живого повествования, углубленное объяснение, опирающееся на систематическое знание, разложение на отдельные комплексы воздействий и принцип развития, – все эти моменты суммируются и усиливают друг друга.

Обособление комплекса воздействий с точки зрения исторического предмета

Все яснее обнаруживается для нас значение анализа конкретного комплекса воздействий и научного синтеза содержащихся в нем отдельных комплексов воздействий.

Историк, отправляясь от одного пункта, не проследивает связь происшествий во всех направлениях до бесконечности. Напротив, в единстве предмета, являющегося темой историка, заложен принцип отбора, который дан вместе с задачей постижения именно этого предмета. Ибо рассмотрение исторического предмета требует не только его выделения из полноты конкретного комплекса воздействий, но одновременно этот предмет уже содержит в себе принцип отбора. В случае Рима, или освобождения Нидерландов, или Французской революции мы нуждаемся в отборе таких событий и взаимосвязей, которые применительно к распавшемуся римскому государству, освобожденным Нидерландам или осуществившейся Революции содержали бы в себе как единичные, так и всеобщие причины, действующие си-

лы во всех своих измененных формах. Историк, имеющий дело с комплексами воздействий, должен осуществлять обособление и связывание таким образом, чтобы знаток подробностей не замечал отсутствия чего-либо, чтобы каждая частность была также представлена в широких чертах собранного в итоге комплекса воздействий. В этом заключается не только его искусство излагать, но последнее есть результат определенного способа видения. Когда исследуются эти широкие, сквозные взаимосвязи, то и здесь обнаруживается, каким образом проникновение в них возникает из связи продвигающегося вперед исторического понимания источников со все более глубоким постижением взаимосвязи в психической жизни. Если затем более внимательно рассматривать определенный комплекс воздействий, наличествующий в великих событиях истории, таких как возникновение христианства, Реформация, Французская революция, национально-освободительные войны, то его можно рассматривать как образование, порожденное совокупной силой, которая, двигаясь в своем едином направлении, преодолевает любое сопротивление. И всегда выясняется, что в этом образовании совместно действуют два вида сил. Одни представляют собой эмоциональные напряжения, которые вызваны настойчивыми и неудовлетворенными наличной данностью потребностями, а также возникающими на этом основании разного рода страстными желаниями, разрастающимися распрями и столкновениями, которые сопровождаются осознанием недостаточности сил для защиты существующего положения вещей. Другие возникают из устремляющихся вперед энергий – из позитивного воления, способности и веры. Они питаются мощными инстинктами многих, но проясняются и укрепляются благодаря переживаниям значительных натур. И поскольку эти позитивные направления возникают из прошлого и устремляются в будущее, они являются творческими. Они заключают в себе идеалы, их форма – это энтузиазм, которому свойственно особым образом передаваться и расширяться.

Отсюда мы выводим теперь всеобщее положение, что в каждом комплексе воздействий великих мировых событий отношения давления, напряжения, чувства неудовлетворенности существующим состоянием, то есть чувства с отрицательным знаком, нацеленные на разрыв с этим состоянием, образуют основание для деяния, которое – будучи движимо позитивными ценностными чувствами – устремляется к желанным целям и дает целевые определения. В ходе совместного действия того и другого происходят великие мировые изменения. Поэтому в комплексе воздействий подлинной движущей силой являются психические состо-

яния, которые обретают свою форму в ценности, благе и цели, и среди них в качестве действующих сил можно видеть не только те, что направлены на достижение культурных благ, но, равным образом, и волю к власти – вплоть до склонности угнетать других.

Размежевание комплексов воздействий в истории посредством аналитического метода

1. Системы культуры

Итак, оказывается, что уже определение предмета исторического труда несет в себе отбор событий и взаимосвязей. Однако история включает в себя упорядоченную систему, согласно которой ее конкретный комплекс воздействий состоит из частных, поддающихся изоляции областей, в которых отдельные свершения осуществляются таким образом, что процессы, протекающие в отдельных индивидах, связанных с общим свершением, образуют единый и гомогенный комплекс воздействий. Это отношение ранее уже рассматривалось мною*. Оно служит основанием для образования понятий, посредством которых в науках о духе познаются взаимосвязи всеобщего характера. Анализ и изоляция, позволяющие производить обособление такого рода комплексов воздействий, представляют собой поэтому основной процесс, подлежащий исследованию путем логического расчленения наук о духе. Очевидно родство этого анализа с тем, который позволяет обнаруживать структурную взаимосвязь психических жизненных единств.

Простейшие гомогенные комплексы воздействий, реализующие некоторое культурное свершение, суть образование, экономическая жизнь, право, политические функции, религии, коммуникация, искусство, философия, наука.

Рассмотрим свойства такого рода систем.

В каждой системе осуществляется некоторое свершение. Так, право реализует обязательные условия совершенных жизненных отношений. Сущность поэзии заключается в том, чтобы выражать переживаемое и изображать объективации жизни таким образом, чтобы обособленное

* Einleitung in die Geisteswissenschaften S. 52 ff. [GS I, S. 42 ff. (Дильтей. Собр. соч. Т. I. С. 318 и далее)].

от поэта событие по своему значению представлялось преисполненным актуальности для жизни в целом. В этом свершении индивиды связаны друг с другом. Отдельные процессы, протекающие в них, сопрягаются с комплексом воздействий указанного свершения и являются его составной частью. Эти процессы суть, таким образом, члены одной взаимосвязи, которая это свершение и реализует.

Юридические правила некоторого законоуложения, процесс, в котором стороны, следуя этим правилам, рассматривают в суде дело относительно наследства, постановление суда и его выполнение – здесь имеет место длинный ряд отдельных психических процессов, которые распространяются на широкий круг лиц, многообразными способами взаимодействующих друг с другом, чтобы в конце концов разрешить содержащуюся в законодательстве задачу применительно к данному здесь жизненному отношению.

Осуществление поэтического свершения в намного большей степени связано с единым процессом в душе поэта. Однако ни один поэт не является исключительным творцом своего творения. Из сказаний он черпает события; он находит эпическую форму, которая позволяет ему возвысить эти события до поэтического уровня; он изучает воздействие отдельных сцен; опираясь на опыт предшественников, он использует определенный стихотворный размер; его понимание значения жизни определяется народным сознанием или отдельными выдающимися личностями; он нуждается в воспринимающих и получающих удовольствие слушателях, которые усваивают впечатление, производимое его поэтическими произведениями, и таким образом реализуют его мечту о воздействии. Свершение права, поэзии или какой-нибудь другой целевой системы культуры осуществляется, таким образом, в комплексе воздействий, который состоит из определенных, связанных для осуществления этого свершения процессов, протекающих в определенных индивидах.

Комплекс воздействий некоторой системы культуры обнаруживает еще и другую особенность. Судья, наряду со своей судебной функцией, включен в различные иные комплексы воздействий. Он действует в интересах своей семьи, он должен быть включен в некоторое экономическое свершение, он выполняет свои политические функции и при этом, возможно, пишет еще и стихи. Тем самым индивиды не включены в комплекс воздействий во всей своей целостности, но среди многообразия отношений воздействия связаны друг с другом только те процессы, которые принадлежат определенной системе, и при этом отдельное лицо включено в различные комплексы воздействий.

Комплекс воздействий такого рода системы культуры реализуется в силу дифференцированного положения своих членов. Жесткий каркас любой из этих систем составляют лица, для которых процессы, служащие свершению, представляют собой главное дело их жизни – будь то в силу склонности или же в силу связи этой склонности с профессией. Среди них, затем, выделяются лица, которые словно бы воплощают в себе интенцию, устремленную к этому свершению и которых связь таланта и профессии превращает в характерных представителей этой самой системы культуры. И, наконец, подлинными носителями творчества в любой такой области являются продуктивные натуры – основатели религий, открыватели нового философского мировоззрения, научные изобретатели.

Поэтому в такого рода комплексе воздействий сцепляются между собой многие моменты: напряжения, накопившиеся в обширной области, устремляются к удовлетворению потребности; продуктивная энергия находит путь для этого удовлетворения, или же она порождает творческую идею, которую далее реализует общество, она же, наконец, находит последователей, а затем и многочисленных реципиентов.

Продолжим наш анализ. Любая такая система культуры, реализующая некоторое свершение, осуществляет в себе определенную ценность, которую разделяют все те, кто устремлен к этому свершению. То, в чем нуждается только один и что он, тем не менее, никогда не может осуществить, он получает в свершении целого – в созданной общими усилиями объемлющей ценности, в которой он может участвовать. Отдельное лицо стремится к тому, чтобы в безопасности была его жизнь, его собственность, его семейные отношения, но лишь независимая сила общности способна удовлетворить его потребность путем принудительного обеспечения прав совместной жизни, которые позволяют защищать эти блага. Отдельное лицо на примитивной ступени развития страдает под давлением окружающих его необузданных сил, которые лежат вне узкого круга деятельности его племени или народа. Однако это давление способно уменьшаться только благодаря тому, что общий дух порождает религию. В каждой системе культуры такого рода из сущности свершения, служащего комплексу воздействий, возникает порядок ценностей; они создаются в ходе совместной работы по осуществлению этого свершения; появляются организации, служащие реализации свершений в системах культуры, возникают объективации жизни, в которых этот труд конденсируется, – своды законов, философские труды, поэтические произведения. Благо, которое должно реализовать свершение, наличествует здесь, и оно постоянно совершенствуется.

Частям такого рода комплекса воздействий в их отношении к целому как носителю ценностей и целей присуща, кроме того, значительность. В первую очередь эти части потока жизни имеют значение согласно своему отношению к жизни, ее ценностям и целям, к тому пространству, которое они занимают в ней. Исторические события обретают значение также в силу того, что они являются членами комплекса воздействий, действуя совместно с другими частями в ходе осуществления ценностей и целей целого.

В то время как мы беспомощно противостоям комплексной взаимосвязи исторического события и не можем усмотреть ни его структуры, ни его закономерностей, ни его развития, любой комплекс воздействий, реализующий некоторое свершение культуры, обнаруживает свою собственную структуру. Если мы постигаем философию как такого рода комплекс воздействий, то она поначалу представляется нам многообразием свершений: возведением мировоззрений до степени всеобщности, самоосмыслением знания, сопряжением нашего целесообразного деяния и практического знания со взаимосвязью познания, духом критики, актуальным во всей культуре, обобщением и обоснованием. Однако историческое исследование показывает, что здесь мы повсюду имеем дело с функциями, которые хотя и проявляются в определенных исторических условиях, но, в конце концов коренятся в едином свершении философии. Это свершение представляет собой универсальное осмысление, которое постоянно продвигается к наиболее высокой степени генерализации и к предельным обоснованиям. Поэтому структура философии заключается в отношении этой ее основной черты к отдельным функциям согласно условиям времени. Поэтому метафизика постоянно развивается во внутренней взаимосвязи жизни, жизненного опыта и мировоззрения. Покуда стремление к устойчивости, которое постоянно борется в нас со случайностью нашего существования, не получает сколько-нибудь продолжительного удовлетворения в религиозных и поэтических формах мировоззрения, возникает стремление возвысить мировоззрение до общезначимого знания. Кроме того, в комплексе воздействий некоторой системы культуры всегда может быть обнаружено членение на отдельные формы.

На основании своего свершения, своей структуры, своей закономерности любая система культуры развивается. В то время как конкретный ход событий не позволяет обнаружить никакого закона развития, его анализ, производимый на материале отдельных гомогенных комплексов воздействия, раскрывает перспективу последовательности состояний, которые определены изнутри и предполагают друг друга таким об-

разом, как будто бы над нижним уровнем всякий раз возвышается другой, более высокий уровень, и они продвигаются в направлении все большей дифференциации и обобщения.

2. Внешние организации и политическое целое. Политически организованные нации

а.

На основании естественного членения человечества и исторических процессов развиваются государства культурного мира, каждое из которых объединяет в себе комплексы воздействий систем культуры и прежде всего – организованные в государство нации. Этой типичной формой современной политической организации ограничивается здесь наш анализ.

Любое из этих государств является организацией, составленной из различных сообществ. Сплоченность объединенных в нем сообществ представляет собой, в конечном счете, суверенную власть государства, которая не имеет над собой никакой инстанции. Да и кто мог бы отрицать, что коренящийся в жизни смысл истории способен проявляться как в системах культуры, так и, равным образом, в воле к власти, которая наполняет эти государства, в потребности господства, направленной как внутрь, так и вовне? И не связано ли со всем тем жестоким, страшным, разрушительным, что содержит в себе воля к власти, со всем тем давлением и принуждением, которые предполагает отношение господства и послушания, – не связано ли со всем этим осознание некоей общности, взаимопринадлежности, отрадное участие во власти политического целого, то есть переживания, которые относятся к высшим человеческим ценностям? Сетования на жестокость государственной власти встречаются редко, ибо, как заметил уже Кант, самая сложная задача человеческого рода заключается именно в том, что индивидуальное своеволие и его стремление к расширению собственной сферы власти и удовольствия должно быть обуздано общей волей и осуществляемым ею принуждением, но при этом для такого рода общей воли разрешение ее конфликтов дает только война, а это значит, что и во внутренней области последней инстанцией является то же самое принуждение. На основании этой присущей политической организации воле к власти возникают условия, которые только и делают возможными системы культуры. Итак, здесь обнаруживается сложная

структура. Властные отношения и сопряжения целевых систем связаны в ней в одно высшее единство. Взаимодействие систем культуры в этом единстве приводит, в первую очередь, к возникновению общности. Я попробую пояснить сказанное и с этой целью обращусь к древнейшему из известных нам германских обществ, описываемых Цезарем и Тацитом. Здесь экономическая жизнь, государство и право сплетены с языком, мифом, религиозностью и поэзией точно так же, как и в любое позднейшее время. Между особенностями отдельных областей жизни существует взаимодействие, которое пронизывает целое в данное время. Так в германскую эпоху, описываемую Тацитом, из воинственного духа развивается героическая поэзия, которая прославляла в песнях уже Арминия⁴⁹, и эта поэзия, в свою очередь, обратным образом воздействует на воинственный дух и поднимает его. Равным образом из этого воинственного духа возникает бесчеловечность в религиозной сфере, проявляющаяся, например, в принесении в жертву пленников и в выставлении их трупов в священных местах. Именно этот дух определяет, затем, положение бога войны в пантеоне богов, и отсюда протекает обратное воздействие на смысл воинственности. Так возникает согласие в различных областях жизни, которое столь сильно, что из состояния одной из них мы можем заключать и о состоянии другой. Однако это взаимодействие не объясняет полностью тех общностей, которые связывают различные свершения нации между собой. Необычайное согласие и гармония, существующие в это время между экономикой, войной, конституцией, правом, языком, мифом, религиозностью и поэзией, проистекают не из того, что одна какая-то основная функция, например экономическая жизнь или военная деятельность, определяет другие функции. Этот факт не может быть также получен и как продукт взаимодействия различных областей в их тогдашнем состоянии. Если говорить в самом общем виде: какие бы воздействия ни исходили от силы и особенностей определенных свершений, уже заранее из общей глубины, которую не может исчерпать ни одно описание, возникает родство, связывающее друг с другом различные области жизни в пределах одной нации. Это родство наличествует для нас лишь в жизнепроявлениях, которые возникают из этой глубины и выражают ее. Человеком определенной нации в данное время является тот, кто в каждое жизнепроявление в определенной области культуры вкладывает нечто от своей особой сущности. Ибо соединяющиеся во взаимосвязи свершения жизненные моменты индивидов не проистекают, как мы видели, исключительно из этой взаимосвязи, но в каждом своем деянии актуально присутствует человек в целом, кото-

рый, таким образом, сообщает этим деяниям также и свое своеобразие. А поскольку государственная организация включает в себя различные сообщества вплоть до семьи, то широкий круг национальной жизни охватывает, далее, меньшие взаимосвязи – сообщества, сами по себе обладающие собственным движением. И все эти комплексы воздействий пересекаются в отдельном индивиде. Кроме того, и государство само по себе осуществляет деятельность в системах культуры; Пруссия времен Фридриха представляет собой один из типов такого рода чрезвычайно быстрого возрастания и распространения государственной деятельности. Наряду с самостоятельными силами, которые продолжают работать в системах культуры, в них одновременно задействована исходящая от государства деятельность. Процессы, протекающие в такого рода государственном целом, всегда объединяют между собой самодеятельность и узы, налагаемые этим целым.

в.

Собственное движение каждого отдельного круга в этом великом комплексе воздействий определяется ориентацией на осуществление его собственного свершения. Эта сила воздействия несет в себе двойственность напряжения и позитивной энергии целеполагания. Все комплексы воздействий согласуются в этом, однако каждый из них имеет свою особую структуру, зависящую от свершения, которое он осуществляет. Структура некоторой системы культуры, где реализуется расчлененная взаимосвязь свершения, где, отправляясь от этой взаимосвязи, приводятся в движение процессы в индивидах, где из имманентной сущности этого свершения определяется развитие ценностей, благ, правил, целей, в значительной степени отличается от комплекса воздействий в некоторой политической организации, где не существует такого имманентного закона развития, состоящего в определенном свершении, где, следуя природе организаций вообще, изменяются цели, когда машина словно бы используется для осуществления других задач, где в одном ряду решаются полностью гетерогенные задачи и осуществляются цели, принадлежащие совершенно различным классам.

Из такого расчленения исторического мира на отдельные комплексы воздействий вытекает заключение, которое указывает нам направление для последующего разрешения содержащейся в историческом мире проблемы. Познание значения и смысла исторического мира нередко достигается, как то имеет место у Гегеля или Конта, путем констатации общего направления универсально-исторического движения. Эта опе-

рация позволяет усматривать взаимодействие многих моментов в неопределенном созерцании. В действительности же оказывается, что историческое движение протекает в отдельных комплексах воздействий. Обнаруживается, кроме того, что вся эта констатация, направленная на установление цели истории, является совершенно односторонней. *Очевидный смысл истории должен разыскиваться в первую очередь в том, что всегда наличествует*, всегда возвращается в структурных отношениях, в комплексах воздействий, в формировании ценностей и целей в них, во внутреннем порядке, в котором они находятся друг к другу, – начиная со структуры единичной жизни вплоть до последнего всеобъемлющего единства. Таков смысл, который всегда и везде имеет история, который основывается на структуре единичного существования и который раскрывается из объективации жизни в структуре сложных комплексов воздействий. Эта закономерность определяла предшествующее развитие, ей же подчинено и будущее. Задача анализа построения духовного мира состоит прежде всего в том, чтобы выявлять эти закономерности в структуре исторического мира.

Вместе с тем приходит к своему завершению понимание, которое видело задачу истории в продвижении от относительных к безусловным ценностям, условиям, нормам, благам. В противном случае мы выходили бы из области опытных наук и вступали в область спекуляции. Ибо истории известно, конечно, о полаганиях безусловного как ценности, нормы или блага. Такие полагания обнаруживаются в ней повсеместно – в форме божественной воли или происходящего из разума понятия совершенства, в теологической взаимосвязи мира или общезначимой норме нашего поступка, обоснованного трансцендентально-философским образом. Однако исторический опыт имеет дело лишь с этими, чрезвычайно важными для него процессами такого рода полаганий, если же он исходит из себя самого, то он не знает ничего об их общезначимости. По мере того как он прослеживает ход формирования этих безусловных ценностей, благ или норм, он замечает относительно некоторых из них, каким образом они порождались жизнью, само же безусловное полагание было бы возможно лишь в силу ограничения горизонта времени. Исходя из этого, он постигает целостность жизни в полноте ее исторических манифестаций. Он замечает неулаженный спор этих безусловных полаганий между собой. Вопрос о том, следует ли логически обязательным образом сводить подчинение чему-то в этом роде безусловному – каковое самое есть некоторый исторический факт – ко всеобщей, временным образом не ограниченной человеческой предпосылке, или же это

подчинение следует рассматривать как продукт истории, – этот вопрос ведет к последним основаниям трансцендентальной философии, которые лежат вне сферы опыта истории и у которых даже философия не может добиться надежного ответа. И даже если данный вопрос будет решен в первом смысле, то это не поможет историку при отборе, понимании или разыскании взаимосвязи, пока не будет определено содержание этого безусловного. Поэтому вмешательство спекуляции в сферу опыта историка едва ли может рассчитывать на успех. Историк не может отказываться от попытки понимать историю из нее самой, основываясь на анализе различных комплексов воздействий.

с.

Таким образом, организованная в государство нация может рассматриваться как индивидуально определенное структурное единство, состоящее из комплексов воздействий. Общий характер организованных в государство наций основывается на закономерностях, присущих форме движения комплексов воздействий, связывающих эти комплексы друг с другом, а также – поскольку они порождают ценности и цели – связывающих комплекс воздействий, порождение ценности и взаимосвязь значения в рамках некоторой политической организации. Каждый из этих комплексов воздействий особым образом центрирован в самом себе, и на это опирается внутреннее правило его развития. На основании такого рода закономерностей, пронизывающих все организованные в государства нации, возникают индивидуальные формы этих наций, которые в ходе исторического развития действуют совместно и ведут борьбу за свою жизнь и значимость.

В любой организованной в государство нации анализ (а в этой взаимосвязи важен лишь он, а не история возникновения нации) выделяет различные моменты. Среди включенных в нее и взаимодействующих между собой индивидов существует общность характера и жизнепроявлений; они сознают эту общность и собственную, основывающуюся на этой общности взаимопринадлежность друг другу, поэтому в них живет ориентация на развитие этой взаимопринадлежности. Эти общности могут быть констатированы в отдельных индивидах, однако они проникают и окрашивают все взаимосвязи в пределах нации. Кроме того, анализ выявляет в каждой нации связь отдельных комплексов воздействий. Внешняя и внутренняя сила государства делает нацию самостоятельным воздействующим единством.

Социальные связи располагаются в этом единстве друг над другом, и каждая из них представляет собой относительно самостоятельный комплекс воздействий. Простирающиеся за пределы отдельной нации системы культуры вступают в ее пределах в отношение с другими комплексами воздействий и модифицируются общностями, пронизывающими народ как единое целое. И сила их воздействия возрастает благодаря связям, которые возникают из их ориентации на определенное свершение. Так возникает сложная структура организованной в государство нации. Этой структуре соответствует новое внутреннее центрирование этого целого. В нем переживается общая ценность, воздействие отдельных индивидов в нем направлено к единой цели. Его единство объективируется в литературе, нравах, правовом порядке и в органах, выражающих общую волю. Это единство выражается также во взаимосвязи национального развития.

Я поясню некоторые ключевые пункты взаимодействия различных моментов (как они были определены) в пределах организованного в государство целого на примере национальной жизни одной эпохи.

Здесь я вновь возвращаюсь к германцам времен Тацита. Как пишет Тацит, связь между ведением войны и использованием земли, между охотой, животноводством и земледелием все еще являлась основанием германской жизни. Сдерживание распространения германских племен ускоряло естественный переход к оседлому образу жизни, и Германия становилась земледельческой областью. Из отношения к землевладению в охоте, животноводстве и земледелии проистекала близость тогдашних германцев к земле и к тому, что на ней произрастает и живет. И эта близость представляет собой первый решающий момент духовной жизни германцев в эту эпоху. Не менее очевидно влияние других упомянутых исторических факторов того времени, например, воинственного духа германских племен на политическую жизнь, существующий социальный порядок и духовную культуру. Задачи войны пронизывали все части этой жизни. Они обнаруживались в отношении семейных образований к военному порядку, в формировании военных подразделений. Они оказывали влияние на положение вождей и князей. Из военного духа возникало послушание, которое было важно для военного и политического развития. Князя окружала дружина свободных людей, своего рода военная семья. Только война могла кормить эту дружину. Она была привязана к князю исключительным отношением преданности – отношением, которое встречается нам в героических песнях и народном эпосе в своей совершенно особой немецкой красоте. Из войны происходит впоследствии военная королевская власть Маробода.

К этим факторам присоединяется индивидуальность национального духа. Его общности обнаруживаются как результат комплексов воздействий. Военный дух, который является общим у германских племен этого времени и у других народов на раннем этапе развития, тем не менее, выделяется здесь особой силой и своеобразием. Жизненная ценность отдельной личности укладывается при этом в ее военные качества. Если верить Тациту, то лучшие из них жили полной жизнью только во время войны. Заботу о доме, очаге и пашне они предоставляли женщинам и тем, кто был непригоден к войне. Единственное стремление побуждало этих германцев действовать всем своим существом и полностью и без остатка отдаваться этому действию. Их поступки нельзя определить и ограничить рациональным целеполаганием; в их деянии есть нечто иррациональное, избыток энергии, превосходящий определенную цель. Руководимые своими необузданными, неукротимыми страстями они, словно бы играя в кости, ставили на кон свою личность и свободу. В сражении они ликовали, встречаясь с опасностью. После битвы их охватывал вялый покой. Их мифы, их саги насквозь проникнуты этой наивной, бессознательной сущностной чертой, которая заключалась в стремлении обрести высшую ценность и наслаждение существованием не в ясном созерцании мира, как то было у греков, не в рационально ограниченном целеполагании, как то имело место у римлян, но в проявлении безграничной силы как таковой, в происходящем отсюда потрясении, расширении и возвышении личности. Эта черта, получающая свое наивысшее выражение в военной дружбе, оказывает свое влияние на все развитие наших политических порядков и нашей духовной жизни.

Наконец, последний из моментов, входящих в определенное национальное целое и детерминирующих его развитие, заключается в подчинении отдельных небольших союзов политическому целому – подчинении, которое возникает в силу отношений господства и подчинения, равно как в силу отношений содружества, сосредоточенных в суверенной государственной воле. Так, в Германии следуют друг за другом народная королевская власть в небольших, еще не вполне дифференцированных по своей структуре сообществах; затем, на основании возрастающего разделения труда, обособления профессий и условий в пределах слабо связанного национального целого; развитие самодержавия с его интенсивной и расширяющейся государственной деятельностью в пределах отдельных государственно-территориальных образований, по ходу которого все более дробятся профессии и

сословия, раздираемые правовыми притязаниями отдельных индивидов и самодержавным стремлением к власти; и, наконец, движение этих государств в направлении постоянного расширения индивидуальных прав отдельных лиц и прав народной общности в рамках репрезентативной системы (навстречу демократическим порядкам), равно как и, с другой стороны, подчинение княжеских прав национальной монархической власти. Если окинуть взглядом это развитие, то обнаруживается, что оно повсеместно обусловлено двояким образом. С одной стороны, оно зависит от изменяющихся соотношений сил в пределах государственной системы, с другой же стороны, оно обусловлено факторами внутреннего развития отдельного государства, которые мы рассмотрели.

Таким образом, открывается возможность подвергнуть анализу комплекс воздействий, который обуславливает отдельные моменты в развитии некоторой нации, равно как и ее совокупное развитие. Закономерности, которые присущи структуре политического целого, определяют положение целого и его изменения. Уровни жизненных порядков этого целого словно бы наслаиваются один на другой, и каждый последующий предполагает предыдущий, как мы видели это на примере изменений политической организации общества. Каждый из этих уровней обнаруживает внутренний порядок, в котором комплексы воздействий (начиная с индивидов) формируют ценности, реализуют цели, накапливают блага, развивают правила действия. Носители и цели этих свершений, однако, различны. Так возникает проблема внутреннего сопряжения всех этих свершений между собой, которое позволяет им обрести свое значение. В ходе анализа логической взаимосвязи наук о духе перед нами возникает еще одна задача, решение которой, основанное на соединении используемых в науках о духе методов, нам может подсказать построение наук о духе.

3. Периоды и эпохи

Если в определенный период времени могут быть аналитически выявлены комплексы воздействий и показаны содержащиеся в них моменты развития, если, далее, могут быть определены сопряжения, связывающие эти отдельные взаимосвязи в одно структурное целое, равно как и общности, распределенные в частях политического целого, то после этого мы можем понять другую сторону исторического мира, линию хода времени и протекающих здесь изменений путем возврата к комплек-

сам воздействий как континуальному и все же поддающемуся разделению на временные отрезки целому. Поколения, периоды и эпохи* характеризуются, прежде всего, господствующими тенденциями, простирающимися как вширь, так и вглубь. *Концентрация* всей совокупной культуры этого временного периода в нем самом придает этому времени особый характер. Эта концентрация такова, что в установлении ценности, полагании цели, жизненных правилах этого времени заключается масштаб для вынесения суждения относительно личностей и ориентаций, относительно их истинных достоинств и ценности. Индивид, направление, сообщество – все это имеет свое *значение* в этом целом согласно их внутренним отношениям к духу времени. А поскольку любой индивид включен в такого рода временной период, то отсюда следует, что его значение для истории заключается в этом его отношении к времени. Те личности, которые энергично продвигаются вперед в рамках своего времени, являются вождями своего времени, его характерными представителями.

В этом смысле говорят о духе некоторого времени, о духе Средневековья или Просвещения. Вместе с тем уже определено, что любая из этих эпох находится в собственном *горизонте жизни*. Под этим я понимаю ограничение мышления, чувства и воли, которым живут люди одного времени. Это ограничение включает в себя взаимоотношение жизни, жизнеотношений, жизненного опыта и умственного склада, которое удерживает и связывает индивидов в одном определенном круге модификаций постижения, формирования ценностей и целеполагания. Неизбежность правит здесь отдельными индивидами.

Наряду с господствующими тенденциями, простирающимися как вширь, так и вглубь, придающими определенный характер данному времени, существуют и другие, противостоящие им тенденции. Они стремятся сохранить все старое, они замечают отрицательные следствия односторонности духа времени и обращаются против него. Если же затем возникает нечто творческое, новое, то, что происходит из иного чувст-

* В 1865 году в статье о Новалисе [«Переживание и поэзия»] я поначалу ввел в употребление историческое понятие «поколение», затем широко применял его в первом томе работы о Шлейермахере. Кроме того, я развивал это историческое понятие, равно как и родственные ему понятия, в статье об изучении истории наук и т. д. (Philos. Monatsh. XI, 123 ff. [GS V, 31 ff.]). Более точное определение понятий «историческая континуальность», «историческое движение», «поколение», «период», «эпоха» возможно только в ходе изложения построения наук о духе.

ва жизни, тогда в это время начинается движение, нацеленное на то, чтобы вызвать к жизни новую эпоху. Любое противостояние до этого происходит на почве времени или эпохи; те силы, которые сталкиваются здесь, в то же время заключают в себе структуру самого времени. Только творческое начинание порождает новое отношение жизни, жизнеотношений, жизненного опыта и умственного склада.

Поэтому взаимоотношения значения, которые существуют в некоторый временной период между историческими силами, основываются на тех сопряжениях общностей и комплексов воздействий, которые называются *направлениями, течениями и движениями*. Только отталкиваясь от них можно постичь запутанную проблему аналитического определения структурной взаимосвязи некоторой эпохи или периода.

Я поясню эту проблему, рассмотрев немецкое Просвещение на предмет этих внутренних взаимосвязей. Наша задача явным образом упростится, если мы сперва проведем анализ временной эпохи на примере отдельной нации.

Наука конституировалась в XVII столетии. Открытие порядка природы, регулируемого законами, и возможности использования этого причинного отношения для достижения господства над природой послужило источником уверенности духа в закономерном прогрессе познания. Эта работа познания связала между собой культурные нации. Так возникает идеал объединенного общим прогрессом человечества. Формируется идеал господства разума над обществом, разработкой которого были заняты лучшие умы. Они были объединены, таким образом, общей целью, они развивали свои идеи, следуя одним и тем же методам, от прогресса знания они ожидали дальнейшего развития всеобщего общественного порядка. Созданное совместными действиями церковной власти, феодальных отношений, неограниченного деспотизма, монархических капризов и мошенничества священников старое строение, которое постоянно изменялось с течением времени и требовало все новых трудов, – теперь это строение должно было быть преобразовано в целесообразную, ясную в своей симметричности конструкцию. Таково внутреннее единство, где в европейском контексте Просвещения соединились в единое целое духовная жизнь индивидов, наука, религия, философия и искусство.

Это единство реализовывалось различным образом в отдельных странах. Особенно удачно и твердо оно формировалось в Германии. При этом на высотах ее духовной жизни сказывалась разделяемая всеми ориентация. Двигаясь вглубь истории в Германии, начиная с Фрейданка, можно видеть тенденцию, направленную на сознательное упорядо-

чивание жизни посредством твердых правил. Если называть эту тенденцию моральной, то этот факт будет рассматриваться односторонне и слишком узко определяться по своему объему. Серьезность немецких народов соединяется здесь с настойчивой потребностью осмысления, которая возникает из обращения к сокровенности жизни и, несомненно, связана с политическими обстоятельствами. Когда в застывшем неподвижно государстве правовые оговорки, привилегии, согласования сдерживают свободное движение жизни, тогда чувство обязанности у индивида сильнее, чем чувство свободного целеполагания. В наслаждении жизнью повсеместно усматривается нечто ненадлежащее. Те, кто наделен силой, присваивают его себе, но в нем есть нечто такое, что беспокоит их совесть. Таким образом, в немецкой философии XVIII столетия есть одна основная черта, которая объединяет Лейбница, Томазия, Вольфа, Лессинга, Фридриха Великого, Канта и бесчисленное количество менее значительных лиц. Этой ориентации на обязанность и долг способствовало развитие лютеранства и его морали, начиная с Меланхтона. Ему благоприятствовало членение общества согласно понятию профессии и должности, введенное Лютером в современную эпоху. И по мере того, как в период Просвещения нарастает тенденция к обретению личностью самостоятельности, совершенство превращается в долг. В разуме заложен естественный закон духа, который требует от индивида реализации совершенства в себе и в других. Это требование является долгом – долгом, который налагает не божество, но который вытекает из закона нашей собственной природы и может быть констатирован исходя из разумных оснований. Только задним числом правило разума может быть сопряжено с объективным основанием. Таково учение Вольфа, которое восходит к Пуфендорфу, Лейбницу, Томазию и ведет далее к Канту. Оно наполняет всю литературу немецкого Просвещения. В этом учении заключается единственная связь, соединяющая немцев эпохи Просвещения с немцами XVII столетия и пробуждающая в этот период единый общий дух, который как нечто неустрашимое, постоянно модифицирующееся и все же всегда равное самому себе пронизывает нацию. Таково определение жизненной ценности, лежащее в основании жизненной взаимосвязи немецкого Просвещения. Новая схема восхождения души к ее величайшей ценности имеет своим основанием разумный характер человека. Отдельная личность реализует свои цели, когда она, став совершеннолетней благодаря понятиям разума, достигает в себе торжества разума над страстями, и это господство разума обнаруживается как совершенство. Поскольку же разум является общезначимым и общим для всех, а совершенство целого, достигаемое

посредством разума, превышает совершенство одного человека – в том смысле, что совершенство всех отдельных индивидов имеет большую ценность, чем совершенство *одной* личности, – вследствие чего здесь возникает высшая обязанность, в силу которой отдельная личность связывается с благом целого, постольку отсюда вытекает ближайшее определение этого принципа, понимаемого теперь как совершенство всех отдельных личностей, которое достигается в ходе прогресса целого. Принцип Просвещения и его господство основываются не на чистом мышлении, но включают в себя все ценности жизни, известные человеку Просвещения на опыте и достигающие в этом принципе своего абстрактного выражения. Поэтому, сколь бы странным это ни казалось на первый взгляд, для всех этих умов во главе с Вольфом совершенство становится долгом, стремление к нему – законом, который обязан осуществлять индивид; для Вольфа и его учеников, наконец, и само божество становится источником обязанностей, нерв которых заключен в стремлении к совершенству. Тот жизненный опыт, в котором коренятся эти идеи, лучше всего изучать на примере Лейбница. Этот опыт основывается на переживании счастья, доставляемого развитием. Этот великий мыслитель, как впоследствии и Лессинг, видел высшее счастье человека в самом движении вперед, так как содержание мгновения никогда не было способно доставить ему это счастье. И Лейбниц – в силу своего переживания – прежде всего выражает это таким образом, что это продвижение вперед сопрягается не с той или иной частной целью, но с развитием индивидуальной личности, которое охватывает и связывает в себе все прочее. Это переживание было подготовлено повсеместно, так как индивид по злосчастности национальной жизни все снова и снова обращался к себе самому и отвергал общие задачи культуры. То, что высказывалось Лейбницем, оказывало свое воздействие повсеместно. И вместе с этими, вытекающими из самой жизни ценностными понятиями, которые принимал Лейбниц, одновременно определяется и та задача, которую он ставил своей философией, – вывести из взаимосвязи индивидуальных ценностей существования значение жизни и смысл мира.

Таким образом, в эпоху Просвещения единая взаимосвязь ведет от формы жизни к жизненному опыту, от содержащихся в нем переживаний – к их репрезентациям в ценностных понятиях, требованиях долга, определениях цели, осознании значения жизни и смысла мира. И далее в этой взаимосвязи сознание эпохи вырастает за пределы самого себя, и по мере продвижения к абстрактным формулам эти репрезентации приобретают – благодаря доказательным доводам разума – абсолютный характер; формулируются безусловные ценности, обязанности, требова-

ния долга, блага, тогда как историк именно здесь ясно видит их возникновение из самой жизни.

Если мы усматриваем в осмыслении индивидом жизни в Германии тенденцию к ее рациональному оформлению, то одновременно здесь развивается аналогичная тенденция в государственной жизни, основывающаяся на особых условиях политического комплекса воздействий.

В европейском развитии Нового времени деятельность государства приобретала все более решающий характер в различных областях культуры. Организационный центр всех властных отношений располагается отныне в чиновничестве, в военной области, в финансовых учреждениях, и деятельность государства становится побудительной силой движения культуры. В этом процессе постоянно оказывает свое воздействие борьба великих держав за власть и расширение, равно как и внутренняя потребность объединить образовавшиеся в силу войны или наследования части в одно целое. В монархе, в его чиновничестве, в его армии конституируется единство новых государств. Они должны перейти к твердому членению своих органов и к интенсивному использованию своих сил. Это, однако, становится возможным только благодаря рациональному ведению дел. Политический прогресс не развивается сам по себе, но свершается. Это целое вбирает в себя все больше культурных задач – школьное образование, науку и даже – там, где это было возможно, – церковную жизнь. Государь репрезентирует в себе не только единство, но и культурную ориентацию всего государства. Свободные иррациональные силы преданности одной личности другой замещаются силами, поддающимися расчету и надежно действующими. Так в государственной жизни осуществляется сопряжение сил, которое придает эпохе Просвещения ее единство. Тому, в чем нуждается государство, – рациональному порядку жизни и рациональному использованию природы, в XVII веке идет навстречу обоснованное научное движение, и оно, в свою очередь, находит в государстве орган, позволяющий подчинить рациональному регулированию все ветви жизни – от экономического производства до правил хорошего вкуса в искусствах.

Никакая другая страна политически не была настолько подготовленной для такого рода внутреннего сопряжения, заключающего в себе сущность Просвещения, как Германия. Ее небольшие государства были вынуждены ограничиваться развитием культуры, а Пруссия, кроме того, была принуждена содействовать подъему духовных сил для распространения своей власти. Циркуляция религиозных и научных сил, берущих свое начало в жизни протестантских общин, проникающих затем в школу и университет и уже отсюда влияющих на дальнейшее поступа-

тельное развитие религиозного мышления духовенства и правовых идей среди юристов, чтобы затем вновь вернуться в народ, – нигде эта циркуляция не получила столь глубокого развития, как здесь.

Силы, совместно действующие в немецком Просвещении, имели, таким образом, совершенно различное происхождение, входили в различные комплексы воздействий, находившиеся на различных стадиях своего развития.

В то время как таким вот образом в науке и в философском осмыслении, равно как и в общественной жизни, реализуется единство духа Просвещения, оно же – благодаря действительному характеру этого духа – в то же самое время осуществляется и во всех других областях духовной жизни. Развитие права в Германии дает нам этому интереснейший пример, который связан к тому же с возникновением самого совершенного законодательства своего времени – Земского Уложения⁵⁰. В Галле из духа прусского государства возникает самостоятельное направление естественного права и основанная на нем юриспруденция. Томазий, Вольф, Бёмер и многие другие своими сочинениями повсеместно распространяют представленное в этой школе понимание права. Они воспитывают чиновников, которые теперь благодаря единству и национальной направленности своего духа готовы завершить давно приостановленную законодательную работу в Пруссии. Под влиянием этого естественного права находится монарх, который требует продолжения работы, а также министры и советники, которые ее выполняют. Такая же внутренняя взаимосвязь существует и в религиозном движении эпохи Просвещения. Это движение также обнаруживает своеобразную двойственность немецкого Просвещения, которое одновременно оказывается полемическим и созидательным. История церкви, естественное и церковное право – все это действует совместно в немецком протестантизме, стремящемся приблизиться к изначальному христианскому мировоззрению, которое у Бёмера, Землера, Лессинга, Пфаффа становится силой, порождающей новый идеал религиозности и церковного порядка. Также и здесь осуществляется циркуляция идей, которая, отталкиваясь от неудовлетворенности существующим и основываясь на позитивной силе новых идей, опираясь на школы и университеты, которые независимы от власти католической ортодоксии и связаны со всеобщим научным духом, ведет к появлению частного духовного лица, которое несет в город или деревню просвещенное христианство, единое с духом времени. Только в эпоху немецкого Просвещения христианская религиозность оказывала столь неприметное и при этом последовательно ориентированное на высшие морально-религиозные идеи воздействие в полном

согласии в то же время с христианским теизмом. Таким образом, в это время в церковной и религиозной жизни были развиты новые религиозные ценности величайшей важности. Также и немецкая поэзия этого времени определяется тем переворотом ценностей и целей, который осуществляется в эпоху Просвещения. Просвещение самодержавного государства оказывает свое воздействие на поэтическое творчество. Берущая начало во Франции, новая проза формируется в Германии в среде образованного общества. Поэтическим жанрам приписываются правила, и правила эти дисциплинируют высокие формы искусства воображения от Шекспира до Сервантеса, выстраивая их в виде логически упорядоченных поэтических произведений. Идеалом этой поэзии становится человек, ведомый идеей совершенства и просвещения. Ее мировоззрение заключается в вере в телеологический порядок мира, берущий свое начало в природе. Прямым выражением этого идеала и этого мировоззрения становится поучительное стихотворение, идиллия и элегия примыкают к этому идеалу. Это понимание исключает трагическую черту жизни. Комедия, драма и, прежде всего, роман становятся высшим поэтическим выражением этой эпохи и имеют соответствующую структуру: реализм, ведомый оптимистическими идеями, пронизывает все поэтические произведения.

Эта единая взаимосвязь, в рамках которой господствующее направление немецкого Просвещения получает выражение в самых различных областях жизни, захватывает, однако, не всех людей, принадлежащих эпохе, и там, где она приобретает влияние, наряду с ней часто действуют и другие силы. Предшествующая эпоха начинает оказывать сопротивление. Особенно действенными оказываются силы, связанные с прежними сословиями и идеями, однако им стремятся придать новую форму.

Так в религиозной сфере возникает пиетизм. Он был наиболее мощной силой, в которой старое обрело новую форму. Он сходен с Просвещением в своем возрастающем безразличии к внешней церковной форме, в требовании толерантности, но прежде всего в том, что он пытается найти простое, ясное правовое основание для веры помимо традиции и авторитета, которые были подорваны критикой. Это основание заключается в общении с Богом и возникающем отсюда религиозном опыте. Только обращенный понимает Библию, ему открывается возведенное в ней божественное Слово, он словно бы в состоянии совершать открытия в области христианства. Толерантность пиетизма заключается в том, что он признает любую основанную на обращении христианскую веру. То, что испытано пиетистом на собственном рели-

гиозном опыте, должно дополняться историями обращения других людей. И здесь мы видим, каким образом пиетизм принадлежит широкому индивидуалистическому движению, когда он, выходя за пределы лютеранства и отстраняя церковь, исходит из процесса, протекающего в самой личности. Но при этом он противопоставляет себя Просвещению, соглашаясь с верой Лютера в том, что религиозный опыт возникает из общения с Богом. Пиетизм находится, далее, во внутреннем отношении к завершению нашей духовной музыки у Себастьяна Баха. Хотя Бах и не был пиетистом, однако песни христианской души, которые сопровождают изображение жизни Христа, уже сами по себе в достаточной мере обнаруживают взаимосвязь с субъективной религиозной сокровенностью, которая проявляется в движении пиетизма.

Это же привязанное к существующему положению вещей направление проявляется и в политических тенденциях просвещенного самодержавия. Оно нацелено на сохранение империи, сословных привилегий в отдельных государствах и расширение старых прав. Но и эти тенденции осознаются в полной мере и обосновываются путем изучения научно-политической литературы Просвещения, и идеи Шлоссера и Мёзера также стремятся отвечать новым потребностям и духу Просвещения. Политические идеи Просвещения должны были окружать Мёзера, и существующие сословные положения определяли, по-видимому, как его понимание их структуры, так и его практические склонности.

Постичь внутреннее сопряжение направлений, определяющих противоречия и изменения определенной эпохи, на примере немецкого Просвещения можно только в том случае, если будут установлены моменты, которые в рамках самого основного направления делают возможным поворот к будущему. Именно ориентация Просвещения на регулярность вызывает в различных областях углубление в исторические факты, в которых, по-видимому, должны выполняться эти правила. Так, прототип свободной религиозности был найден в раннем христианстве, что усиливало стремление к его изучению у Томазия, Бёмера и Землера. Правила, которые критика этого времени устанавливает в искусстве, были поддержаны углубленным изучением античного искусства, и это было той точкой зрения, с которой Викельман и Лессинг достигали взаимного прояснения искусства древности и законов художественного творения. Другой момент, определяющий поворот к задачам будущего, заключался в том, что углубление в отдельную личность приводило к выдвиганию на первый план творческой и гениальной индивидуальности.

Если же мы теперь поставим вопрос о том, каким образом среди потока событий, охватывающего Германию и вызывающего беспрерыв-

ные, постоянные изменения, может быть выделено такого рода единство, то ответ заключается прежде всего в том, что любой комплекс воздействий несет свой закон в себе самом и что согласно этому закону эпохи одного комплекса воздействий полностью отличаются от эпох других комплексов воздействий. Так музыка имеет свое собственное развитие, согласно которому религиозный стиль, берущий свое начало в величайшей мощи религиозного переживания, достигает к этому времени – в лице Баха и Генделя – своей высшей точки, когда Просвещение уже было господствующим направлением в Германии. И в это же самое время, когда явились наиболее совершенные произведения Лессинга, возникает новое творческое движение «Бури и натиска», которое отмечает начало следующей эпохи в литературе. Если же мы зададимся вопросом о том, каковы же те отношения, которые устанавливают единство между различными комплексами воздействий, то ответ будет гласить: это не одно единство, которое можно было бы выразить одной основной идеей, но это, скорее, есть некоторая взаимосвязь между тенденциями самой жизни, которая возникает в ходе поступательного движения.

В историческом потоке можно выделить временные периоды, когда начиная от уклада жизни вплоть до высших идей устанавливается некое духовное единство, которое, достигнув своего высшего пункта, вновь распадается. В любой такой период существует общая со всеми другими периодами внутренняя структура, которая определяет взаимосвязь частей целого, ход и модификацию тенденций. Ниже мы увидим, что могут дать сравнительные методы для такого рода структурного постижения. – В постоянной действительности всеобщих структурных отношений нам открылись, прежде всего, значение и смысл истории. Каким образом они господствуют в каждой отдельной точке и в каждый момент времени и определяют жизнь людей – в этом, в первую очередь, и заключается смысл духовного мира. Задача состоит в том, чтобы с самых низов систематически исследовать закономерности, которые формируют структуру комплекса воздействий в ее носителях (начиная с индивида). В какой мере эти структурные законы позволяют делать предсказания относительно будущего, может быть установлено только после того, как заложен сам этот фундамент. Неизменное, закономерное в исторических процессах является первым предметом исследования, и от этого зависят ответы на все вопросы, касающиеся прогресса в истории и направления, в котором движется человечество. – Структура определенной эпохи раскрывается, далее, как взаимосвязь отдельных, частичных взаимосвязей и движений, соединенных в один обширный комплекс воздействий. Из чрезвычайно разнообразных и изменчивых моментов образуется одно сложное целое.

Оно-то и определяет значение, которое подобает всему тому, что действует в эту эпоху. Если дух эпохи рожден из страданий и диссонансов, тогда каждая отдельная взаимосвязь в нем и посредством него наделена его значением. Эта взаимосвязь оказывает определяющее влияние прежде всего на великие исторические личности. Их творчество обращено не в историческую даль, но черпает свои цели из ценностей и взаимосвязи значения самой этой эпохи. Продуктивная энергия нации в определенное время обретает свою величайшую силу именно в силу того, что люди этой эпохи ограничены своим горизонтом; их работа служит реализации того, что формирует основное направление времени. Поэтому они становятся характерными представителями этой эпохи.

В определенную эпоху все обретает свое значение путем сопряжения с энергией, которая придает основное направление этой эпохе. Она выражается в камне, в художественных полотнах, в деяниях и речах. Она объективируется в конституции и законодательстве наций. Преисполняясь ей, историк постигает прошлые эпохи, а философ, исходя из нее, стремится истолковать смысл мира. Все проявления определяющей эпоху энергии родственны друг другу. Задача анализа, которая вытекает из этого, заключается в том, чтобы познать в различных жизнепроявлениях единство определения ценности и целевой ориентации. И по мере того, как жизнепроявления этой ориентации стремятся стать абсолютными ценностями и целевыми определениями, замыкается круг, в котором заперты люди этой эпохи; в нем же содержатся и противодействующие тенденции. Однако мы видели, как время накладывает свой отпечаток и на них и как господствующее направление подавляет свободное развитие этих тенденций. Таким образом, весь комплекс воздействий эпохи имманентным ему образом определяется связью жизни, душевного мира, формирования ценностей и целевых идей. Любое воздействие, включаемое в эту взаимосвязь, является историческим; эта взаимосвязь очерчивает горизонт эпохи и, наконец, придает значение любой части в этой системе определенного периода. В этом состоит центрирование периодов и эпох в самих себе, и оно разрешает проблему значения и смысла в истории.

Любая эпоха связана с предшествующей, в ней продолжают действовать развитые в ней силы, и одновременно она уже содержит в себе стремление и творчество, подготавливающие следующую эпоху. Подобно тому, как эта эпоха возникла из недостаточности предшествующей, она так же содержит в себе границы, напряжения, страдания, которые подготавливают эпоху будущую. Так как любая форма исторической жизни конечна, то в ней должно содержаться разделение торжествую-

щей силы и гнета, расширения существования и смерти, удовлетворения и потребности. Она достигает высшего пункта воздействия своих основных направлений лишь на краткий срок. И из эпохи в эпоху переходит жажда к достижению всевозможного удовлетворения, которая никогда не может быть утолена.

К каким бы результатам мы ни пришли относительно взаимоотношений исторических эпох и периодов применительно к возрастающему усложнению структуры исторической жизни, такова природа конечности любых формообразований в истории, что они обременены препятствиями для существования и рабством, неудовлетворенными страстями. И это имеет свое основание прежде всего в том, что из совместной жизни психофизических существ никогда не могут быть элиминированы властные отношения. Самодержавие эпохи Просвещения вызывало как кабинетные войны и эксплуатацию подданных в целях собственного удовольствия, так и стремление к рациональному развитию сил. Равным образом и любая другая расстановка властных отношений также оказывает двойные воздействия. И смысл истории может быть отыскан только во взаимоотношении значения всех сил, которые включены во взаимосвязь эпох.

Систематическая обработка комплексов воздействий и общностей

Так как понимание истории осуществляется посредством применения к ней систематических наук о духе, настоящее изложение логической взаимосвязи в истории уже рассмотрело самые общие моменты систематики наук о духе. Ибо систематическая обработка обнаруживающихся в истории комплексов воздействий имеет своей целью проникновение в сущность именно этих комплексов воздействий. Предварительно я выделяю лишь три нижеследующие точки зрения на систематическую обработку.

Изучение общества основывается на анализе содержащихся в истории комплексов воздействий. Этот анализ движется от конкретного к абстрактному, от научного изучения естественного членения человечества и народов к выделению отдельных наук о культуре и размежеванию области внешней организации общества*.

* Более подробное освещение этого вопроса см.: *Geisteswissenschaften I S. 44 ff. [GS I, 35 ff. (Дильтей. Собр. соч. Т. I. С. 312 и далее)]*.

Все системы культуры образуют взаимосвязь, основывающуюся на общности. Так как эта взаимосвязь реализует определенное свершение, она имеет телеологический характер. Здесь встречается, однако, одна трудность, которая присуща образованию понятий в этих науках. Индивиды, действующие совместно в ходе осуществления такого свершения, принадлежат взаимосвязи только в рамках тех процессов, в которых они участвуют при реализации этого свершения, однако они задействованы в этих процессах всем своим существом, и поэтому эта область никогда не может быть сконструирована исходя только из цели свершения. Напротив, наряду с энергией, направленной на осуществление свершений, в этой области постоянно задействованы и другие стороны человеческой природы, причем обнаруживается их историческая изменчивость. В этом заключается основная логическая проблема наук о системах культуры, и мы увидим, в какой мере различные методы готовы к ее разрешению и как они соперничают в этом друг с другом.

Помимо этой трудности существует граница, свойственная образованию понятий в науках о духе. Она является результатом того, что комплексы воздействий реализуют свершения и имеют телеологический характер. Поэтому образование понятий представляет собой не простую генерализацию, которая извлекает общее из ряда отдельных случаев. Понятие сказывает о некотором типе. Оно возникает путем использования сравнительного метода. Допустим, я хочу установить понятие науки. Сам по себе под него подпадает любой комплекс мыслей, направленный на достижение некоторого познания. Но среди книг, посвященных научным вопросам, многие бесплодны, многие нелогичны, неудачны. Таким образом, это противоречит интенции, направленной на это свершение. В ходе образования понятия выделяются те моменты, в которых реализуется свершение такого рода взаимосвязи, – в этом и состоит задача наукоучения. Или же я хочу образовать понятие поэзии. Это также происходит с помощью понятийной конструкции, под которую подпадают не все стихотворные произведения. Многообразие явлений в какой-нибудь подобной области группируется вокруг одного центрального пункта, представляющего собой идеальный случай, в котором свершение реализуется в полной мере.

Тем самым мы подходим к завершению нашего рассмотрения всеобщей взаимосвязи в науках о духе. Следующее далее изложение построения наук о духе будет развивать отдельные методы, в которых реализуется всеобщая логическая взаимосвязь.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ПЛАН ПРОДОЛЖЕНИЯ К ПОСТРОЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО МИРА В НАУКАХ О ДУХЕ

НАБРОСКИ
К КРИТИКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗУМА

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ:
ПЕРЕЖИВАНИЕ, ВЫРАЖЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ

I. ПЕРЕЖИВАНИЕ И АВТОБИОГРАФИЯ

1. Задача критики исторического разума

Взаимосвязь духовного мира зарождается в субъекте, и это есть движение духа, связующее между собой отдельные логические процессы вплоть до определения совокупного значения этого мира. Итак, с одной стороны, духовный мир – творение постигающего субъекта, а с другой стороны, движение духа направлено на то, чтобы достичь в этом мире объективного знания. Тем самым мы подходим к вопросу, каким образом построение духовного мира субъекта делает возможным познание духовной действительности. Ранее я назвал это задачей критики исторического разума. Решение данной задачи возможно лишь при условии выделения отдельных процессов, способствующих созданию этой взаимосвязи, если затем можно показать участие каждого такого процесса в построении исторического развертывания духовного мира и в раскрытии его систематики. Это историческое развертывание должно обнаружить, насколько возможно устранение трудностей, возникающих из взаимозависимости истин. Оно также постепенно будет выводить из опыта реальный принцип постижения наук о духе. Понимание есть повторное обретение «я» в «ты»; дух обретает себя, восходя ко все более высоким ступеням взаимосвязи; эта тождественность духа в «я», в «ты», в каждом отдельном субъекте сообщества, в каждой системе культуры, наконец, в целостности духа и всемирной истории делает возможным взаимовлияние различных процессов в науках о духе. Здесь субъект познания един со своим предметом и этот предмет один и тот же на всех ступенях объективации. Если в этом заключается способ познания объективности духовного мира, формирующегося в субъекте, возникает вопрос, насколько

ко это может способствовать решению проблемы познания вообще. Кант⁵¹ исходил из основоположений, которые в формальной логике и математике служат средством рассмотрения проблемы познания. Формальная логика во времена Канта видела в предельных логических абстракциях, законах и формах мышления последнее логическое основание правомерности всех научных законов. Законы и формы мышления, и в первую очередь суждение, в котором, по его мнению, представлены эти категории, содержали условия познания. Он расширил эти условия за счет тех, которые, с его точки зрения, делают возможной математику. Наиболее значительное достижение Канта заключалось в исчерпывающем анализе математического и естественнонаучного знания. Вопрос, однако, в том, возможна ли в рамках его понятий теория познания истории, которую сам Кант не разработал.

2. Осознавание, реальность: время

Я рассматриваю здесь сказанное ранее о жизни и переживании в качестве предпосылки. Теперь задача состоит в том, чтобы показать реальность того, что постигается в переживании, и так как здесь речь идет об объективной ценности категорий духовного мира, возникающих из переживания, я позволю себе высказать несколько замечаний относительно того, в каком смысле здесь употреблено выражение «категория». В предикатах, которые мы высказываем о предметах, заключены и способы постижения последних. Понятия, обозначающие эти способы постижения, я и называю категориями. Любой такой способ заключает в себе правило сопряжения. Категории образуют внутренние систематические взаимосвязи, тогда как высшие категории характеризуют высшие точки постижения действительности. Далее каждая такая категория характеризует свой особый мир предикаций. Формальные категории – это формы высказывания о всей действительности. К реальным же категориям относятся лишь те, которые своим истоком имеют постижение духовного мира, даже если затем они находят применение в преобразовании всей действительности. Всеобщие предикаты, характеризующие взаимосвязь переживаний, возникают в переживании отдельного индивида; поскольку они применяются к объективациям жизни в процессе понимания и к субъектам высказываний, производимым в области наук о духе, сфера их значимости расширяется, и тогда оказывается, что везде, где есть духовная жизнь, ей присущ комплекс воздействий, сила, цен-

ность и так далее. Таким образом, эти всеобщие предикаты приобретают статус категорий духовного мира.

Первое категориальное определение жизни, основополагающее для всех других определений, включает в себя временность. Это обнаруживается уже в выражении «течение жизни». Время наличествует для нас благодаря объединяющему единству нашего сознания. Для жизни и обнаруживающихся в ней внешних предметов общим являются отношения одновременности, последовательности, временного интервала, длительности, изменения. Из них на основе математического естествознания были развиты абстрактные отношения, которые Кант положил в основание своего учения о феноменальном характере времени.

Эти отношения охватывают, но не исчерпывают *переживание* времени, в котором понятие времени находит свое окончательное наполнение. Здесь время воспринимается как беспрестанное продвижение вперед настоящего, в котором оно беспрерывно становится прошлым, а будущее – настоящим. Настоящее – это наполненное реальностью мгновение, оно реально в противоположность воспоминанию или представлениям о будущем, обнаруживающимся в желании, ожидании, надежде, страхе, стремлении. Это наполнение реальностью или настоящим происходит постоянно, тогда как содержание переживания непрерывно меняется. Представления, которые позволяют нам обладать прошлым и будущим, существуют только для тех, кто живет в настоящем. Настоящее наличествует всегда, и нет ничего кроме того, что в нем открывается. Корабль нашей жизни как бы несет течение, а настоящее всегда и везде там, где мы плывем в его волнах, страдая, придаваясь воспоминаниям или с надеждой устремляя свой взор в будущее, короче говоря, везде, где мы живем в полноте нашей реальности. Мы беспрестанно движемся, вовлеченные в это течение, и в тот момент, когда будущее становится настоящим, настоящее уже погружается в прошлое. Таким образом, моменты наполненного времени не только качественно отличаются друг от друга: если мы бросим взгляд из настоящего назад в прошлое или заглянем в будущее, то каждый момент этого потока времени, независимо от того, что в нем обнаруживается, будет иметь различный характер. Позади находится ряд образов воспоминания, упорядоченных по степени осознанности и эмоциональности; подобно тому, как, уменьшаясь, исчезает вдали вереница домов или деревьев, так и эта последовательность воспоминаний различна по степени свежести воспоминаний, пока эти образы совсем не теряют в сумерках на горизонте свои очертания. И чем больше звеньев – душевных состояний, внешних событий, средств, целей – между наполненным настоящим и наступаю-

щим моментом будущего, тем больше возможностей для определенного течения событий, тем неопределеннее и туманнее становится образ этого будущего. Оглядываясь в прошлое, мы пассивны: прошлое неизменно, тщетно человек, предопределенный прошлым, грезит о том, что все могло быть иначе. В отношении к будущему мы активны, свободны. Здесь наряду с категорией действительности, которая открывается в настоящем, возникает и категория возможности. Мы чувствуем себя людьми, обладающими безграничными возможностями. Таким образом, это переживание времени определяет содержание нашей жизни по всем направлениям. Именно поэтому учение о чистой идеальности времени не имеет никакого смысла в науках о духе. Ведь это учение может лишь утверждать, что по ту сторону жизни, которой присуще зависящее от хода времени и временности всматривание в прошлое, взыскующая будущего, деятельная и свободная направленность вперед, отчаяние, вызванное неизбежной необходимостью того, что нас ожидает, устремления, труд, поставленные цели, объемлющая временное течение жизни форма и развитие, – по ту сторону всего этого в качестве его условия располагается призрачный мир безвременности, нечто такое, что лишено жизни. Но реальность – это именно наша жизнь, и эту реальность ведают науки о духе.

Антиномии, которые мышление выявляет в переживании времени, возникают из непроницаемости этого переживания для познания. Самый малый интервал отодвигающегося от нас времени уже заключает в себе течение времени. Настоящее никогда *не существует*; то, что мы переживаем как настоящее, всегда заключает в себе воспоминание о том, что только что было в настоящем. Среди прочих моментов продолжающегося воздействие прошлого как наличествующей в настоящем силы, значение этого прошлого для настоящего, сообщает тому, что вспоминается, своеобразный характер актуальности, вовлекая его в настоящее. То, что в потоке времени образует единство в настоящем, поскольку оно имеет единое значение, составляет то наименьшее единство, которое мы можем назвать переживанием. В дальнейшем мы будем именовать переживанием любое сложное единство моментов жизни, связанных общим значением для течения жизни, даже там, где эти периоды отделены друг от друга прерывающими их процессами. –

Переживание – это протекающий во времени поток, где каждое состояние до того, как оно станет отчетливо выделяющимся предметом, изменяется, потому что каждое последующее мгновение строится на предшествующем, и где каждое мгновение, не будучи еще схваченным,

превращается в прошлое. Затем это мгновение возникает в качестве воспоминания, которое уже обладает свободой расширения своей сферы. Однако наблюдение разрушает переживание. Поэтому нет ничего более удивительного, чем тот способ связи, который нам известен в качестве части течения жизни; неизменным же остается только одно: структурное отношение – это его форма. Если попытаться, прибегнув к какому-то особому рода усилию, пережить сам поток жизни, то тут же показывается берег; ведь, согласно Гераклиту, поток всегда один и тот же, но вместе с тем не один и тот же, он представляет собой многое и единое. В этом случае мы вновь подпадаем под действие закона самой жизни, согласно которому любое мгновение жизни, ставшее предметом наблюдения, сколь бы мы ни усиливали в себе сознание потока, оказывается воспоминаемым мгновением, а не потоком; *ведь поток фиксируется с помощью внимания, которое останавливает в себе текущее*. Поэтому мы не можем постичь сущность жизни как таковой. То, что открывается ученику из Саиса⁵², есть образ, а не жизнь. Это необходимо уяснить себе для того, чтобы постичь категории, возникающие в жизни как таковой.

Из этого свойства реального времени следует, что поток времени в строгом смысле слова не может переживаться. Присутствие прошлого заменяет нам непосредственное переживание. Желая наблюдать время, мы разрушаем его наблюдением, так как в наблюдении время фиксируется, схвачено вниманием; наблюдение останавливает текущее, становящееся. Мы переживаем лишь изменения того, что только что было, переживая при этом и то, что эти изменения только что бывшего продолжают. Но сам поток мы не переживаем. Мы переживаем некоторое состояние, возвращаясь назад к тому, что мы только что видели и слышали, и мы все еще можем обнаружить это. Мы переживаем изменение, когда отдельные качества этого комплекса становятся другими, и когда мы обращаемся внутри нас самих к тому, что длится и изменяется. В осознании же нашей собственной самости ничего при этом не изменяется. Так же обстоит дело и с интроспекцией ...

Течение жизни состоит из частей, из переживаний, которые внутренне взаимосвязаны друг с другом. Каждое отдельное переживание сопряжено с самостью, частью которой оно является; переживание структурно взаимосвязано с другими частями. Во всем духовном мире мы находим взаимосвязь; следовательно, взаимосвязь – категория, возникающая из жизни. Мы можем постичь эту взаимосвязь благодаря единству сознания. Это условие, которому подчиняется любое постижение; однако вполне ясно, что констатация взаимосвязи не может вытекать из то-

го простого факта, что единству сознания дано многообразие переживаний. Взаимосвязь жизни дана нам лишь потому, что сама жизнь есть структурная взаимосвязь, в которой переживания сопряжены друг с другом так, что эти связи могут переживаться. Эта взаимосвязь постигается с помощью всеобщей категории, которая позволяет высказываться обо всей действительности, – категории отношения целого к частям...

Духовная жизнь возникает на почве физического мира; она включена в эволюцию, будучи ее высшей ступенью на Земле. Условия, при которых она возникает, анализирует естествознание, раскрывающее законы, которые упорядочивают физические феномены. Среди всех данных феноменально тел существует и человеческое тело, с которым переживание связано таким образом, который не поддается определению. Но с переживанием мы уже переходим из мира физических феноменов в царство духовной действительности. Это предмет наук о духе, и размышления об этом... и их познавательная ценность совершенно не зависит от изучения их физических условий.

Знание о духовном мире возникает из взаимодействия переживания, понимания других людей, исторического постижения человеческих сообществ как субъектов исторического воздействия и, наконец, объективного духа. Переживание – это фундаментальная предпосылка всего этого, поэтому и возникает вопрос: какую работу оно выполняет?

Переживание включает в себе элементарные мыслительные операции. Я называю это свойство интеллектуальностью переживания. Мыслительные операции обнаруживаются вместе с ростом осознанности. Изменение внутреннего положения дел ведет к осознанию различия. В изменчивом потоке изолируется и постигается определенный факт. К переживанию примыкают суждения, в которых опредмечивается пережитое. Было бы излишне излагать, каким образом мы, исходя из переживания, получаем знание о всяком духовном факте. Чувство, которое мы не пережили, нельзя обнаружить, обращаясь к переживаниям других людей. Но для формирования наук о духе решающим является то, что мы, исходя из нашего переживания, наделяем субъект, у которого возможность переживаний ограничена рамками тела, всеобщими предикатами и атрибутами, а последние-то и образуют отправной пункт для категорий наук о духе. Формальные категории, как мы видели, возникают из элементарных мыслительных операций. Они представляют собой понятия, которые репрезентируют то, что может быть достигнуто посредством такого рода мыслительных операций. Это такие понятия, как единство, многообразие, равенство, различие, степень, отношение. Они являются атрибутами всей действительности. Реальные категории...

3. Взаимосвязь жизни

Теперь уже очевидна новая черта жизни: она обусловлена вышеуказанным характером ее темпоральности, но выходит за его рамки. По отношению к жизни – как к собственной, так и к чужой – мы действуем понимающим образом. И это действие осуществляется в собственных категориях, которые чужды познанию природы как таковому. Если познание природы для изучения этапов, предшествующих возникновению человеческой жизни в органическом мире, нуждается в понятии цели, то оно ведь заимствует эту категорию из человеческой жизни.

Формальные категории – это абстрактные выражения для логических разновидностей психического действия, таких как различение, обнаружение равенства, постижение степени различия, соединение, разделение. Они представляют собой, так сказать, более высокий уровень обнаружения данного, в ходе которого осуществляется констатация, а не конструирование а priori. Эти категории проявляются уже на первоначальных ступенях мышления и затем, оставаясь теми же самыми и лишь переходя на более высокий уровень, обнаруживаются и в нашем дискурсивном мышлении, которое связано со знаками. Они суть формальные условия как понимания, так и познания, как наук о духе, так и наук о природе.

Однако реальные категории в науках о духе во всех случаях совершенно иные, чем в естественных науках. Я не останавливаюсь на проблеме возникновения этих категорий. Здесь речь идет лишь об их значимости. Ни одна реальная категория не может притязать на ту же значимость в естествознании, которой она обладает в науках о духе. Всякая попытка переноса абстрактно выраженного в естествознании метода в науки о духе ведет к тому, что границы естественнонаучного мышления преступаются, что неприемлемо точно так же, как неприемлемо для естествознания перенесение отношений из сферы духа на природу, из чего исходила натурфилософия Шеллинга и Гегеля. В историческом мире нет естественнонаучной причинности, ибо причина в смысле такого рода причинности включает в себя то, что она в соответствии с определенными законами необходимо вызывает и определенные следствия. История же знает лишь отношения действия и претерпевания, акции и реакции.

И независимо от того, как будущее естествознание, разрабатывая новые понятия, могло бы развить понятие субстанций, трактуя их как носителей событий или сил, вызывающих их к жизни, – все эти способы образования понятий в сфере естественнонаучного знания неприме-

нимы в науках о духе. Субъекты высказываний об историческом мире – от течения индивидуальной жизни до жизни человечества – характеризуются только определенным способом взаимосвязи в четко ограниченных рамках. И хотя формальная категория, представляющая отношение целого и части, является общей и для этой взаимосвязи, и для взаимосвязи пространства, времени и организованного существа, однако лишь в сфере наук о духе эта категория обретает собственный смысл, черпаемый из существа жизни и соответствующего ей метода понимания, а именно – смысл взаимосвязи, соединяющей части. Причем и здесь органическая жизнь в соответствии с характером эволюции действительности, ставшей предметом нашего опыта, должна рассматриваться как промежуточное звено между неорганической природой и историческим миром и, следовательно, как предварительная ступень последнего⁵³.

Но в чем же заключен этот собственный смысл, в котором все составные части жизни человечества связаны в единое целое? Каковы категории, в которых мы овладеваем этим целым с помощью понимания?

Обратимся к автобиографиям, являющимся непосредственным выражением осмысления жизни. Автобиографии Августина, Руссо, Гёте – таковы наиболее типичные исторические формы этого осмысления. Как достигали эти писатели понимания взаимосвязи различных периодов своей жизни? Августин целиком ориентирован на постижение взаимосвязи своего существования с Богом. Его сочинения одновременно и религиозные медитации, и молитва, и исповедь. Эта исповедь обретает свою цель в событии его религиозного обращения, и каждое предшествующее событие лишь веха на пути к этой цели, в которой и заключен умысел Провидения относительно этого человека. Для Августина ни чувственное наслаждение, ни философский экстаз, ни любование оратора изощренностью своей речи, ни жизненные отношения не являются самоценностью. Во всем этом он усматривает положительное содержание жизни, причудливо смешанное со страстным стремлением к трансцендентному отношению; все это преходяще, и лишь благодаря обращению в новую веру возникает вечное и лишенное страданий отношение. Таким образом, понимание им своей жизни осуществляется благодаря отнесению ее отдельных звеньев к реализации абсолютной ценности, безусловно высшего блага, и лишь в этом отношении у каждого направляющего свой взор на прошлое формируется осознание значения каждого минувшего момента жизни. Августин усматривает в своей жизни не развитие, а под-

готовку к совершению решительного поворота от всего преходящего содержания жизни.

Отношение Руссо к своей жизни в «Исповеди» может быть раскрыто только в тех же категориях значения, ценности, смысла, цели. Вся Франция была полна слухами о его браке и его прошлом. Свое страшное одиночество, доходившее до мизантропии и мании преследования, Руссо объяснял непрестанной деятельностью своих врагов. Оглядываясь на свое прошлое, он вспоминал изгнание из родного дома с его суровым кальвинистским порядком, отказ от полной приключений жизни во имя того великого, что в нем жило, всю уличную грязь, скверную пищу, чувство бессилия перед всевластием знати и окружавшими его избранными умами. Однако, что бы он ни делал, какие бы страдания и несчастья ни переносил, он считал себя аристократом и благородным человеком, душа которого слита со всем человечеством, а в этом и заключался идеал его времени. Именно это он и хотел показать миру – показать правомерность своего духовного существования, раскрыв его целиком таким, каким оно было. Здесь также дано определенное истолкование хода внешних событий его жизни. Найдена взаимосвязь, которая не сводится к простому отношению причин и следствий. Выразить эту взаимосвязь можно лишь в следующих словах: ценность, цель, смысл, значение. При более пристальном взгляде мы видим, что существует своеобразное отношение этих категорий друг к другу, которое определяет ход истолкования. Руссо прежде всего стремится добиться признания правоты своего индивидуального существования. В этом представлен совершенно новый взгляд на безграничные возможности реализации жизненных ценностей. Из этого взгляда вытекает и соотношение категорий, в которых Руссо понимает собственную жизнь.

А теперь обратимся к Гёте. В «Поэзии и правде» человек относится к своему существованию универсально-исторически. Он рассматривает себя только во взаимосвязи с литературным движением своей эпохи. Он обладает спокойным и гордым чувством определенного места в ней. Таким образом, каждый отдельный момент существования этот старец, оглядывающийся на собственное прошлое, рассматривает как значительный в двояком смысле: как услаждающую полноту жизни и как силу, оказывающую воздействие во взаимосвязи жизни. Он чувствует каждый момент своего существования – в Лейпциге, Страсбурге, Франкфурте – как наполненное жизнью настоящее, определяемое прошлым, как устремленное вперед, к формированию будущего, но это уже называется развитием. Теперь попытаемся глубже

проникнуть в те отношения, которые существуют между категориями как инструментами постижения жизни. Смысл жизни – в формировании, в развитии; этим своеобразно определяется значение каждого момента жизни: его значение есть одновременно и переживаемая са-моценность момента, и его действенная сила.

Каждая жизнь имеет свой собственный смысл. Он заключен в той взаимосвязи значения, которая придает каждому настоящему моменту, сохраняющемуся в памяти, самоценность, причем этот момент во взаимосвязи воспоминания сопрягается со смыслом целого. Этот смысл индивидуального бытия совершенно неповторим и недоступен никакому познанию, и все же он, подобно монаде Лейбница, на свой манер репрезентирует исторический универсум.

4. Автобиография

Автобиография – это высшая и наиболее поучительная форма, в которой нам представлено понимание жизни. Здесь жизненный путь явлен как нечто внешнее, чувственно данное, от чего понимание должно проникнуть к тому, что обусловило этот путь в определенной среде. Но при этом человек, понимающий этот жизненный путь, идентичен тому, кто этот путь проделал. Из этого вырастает особая интимность понимания. Тот же самый человек, который пытается обнаружить взаимосвязь истории своей жизни, реализовывал все то, что он воспринимал как ценность своей жизни, как ее цели, что он набрасывал в качестве плана жизни, то, что он, вглядываясь в свое прошлое, рассматривал как свое развитие, а заглядывая вперед – как формирование своей жизни и как ее высшее благо, – во всем этом он уже выявил в различных аспектах взаимосвязь своей жизни, которую теперь необходимо выразить. Вспоминая различные мгновения своей жизни, испытанные человеком как наиболее значительные, он одни из них выделяет и акцентирует, а другие предаст забвению. Его ошибочные оценки значения того или иного мгновения жизни исправит будущее. Таким образом, ближайшие задачи постижения и изображения исторической взаимосвязи уже наполовину решены самой жизнью. Различные виды единства формируются при зарождении переживаний, в которых настоящее и прошлое удерживаются вместе благодаря общему значению. Среди этих переживаний сохраняются в памяти и извлекаются из бесконечного потока событий и предаваемого забвению лишь те, которые имеют особое достоинство сами по себе и для взаимосвя-

зи жизни, и эта взаимосвязь формируется в самой жизни, исходя из ее различных позиций и под влиянием постоянных сдвигов. Итак, задача исторического описания наполовину выполнена самой жизнью. Различные виды единства имеют форму переживаний; из их бесконечного, бесчисленного множества осуществляется выбор того, что достойно описания.

И между этими звеньями просматривается взаимосвязь, которая, конечно, не может быть просто отражением реального жизненного пути на протяжении многих лет, она к тому же и не стремится к этому, так как речь идет лишь о понимании, но выражает лишь то, что сама индивидуальная жизнь знает о взаимосвязи в себе самой.

И здесь мы подходим к истокам всякого исторического познания. Автобиография – это осмысление человеком своего жизненного пути, получившее литературную форму. Однако такого рода самоосмысление в той или иной мере присуще каждому индивиду. Оно существует всегда и проявляется во все новых формах. Это самоосмысление обнаруживается как в стихах Солона, так и в размышлениях о самих себе философов-стоиков, в медитациях святых, в современной философии жизни. Только оно и делает возможным историческое видение. Сила и широта собственной жизни, энергия ее осмысления являются основой исторического видения. Только осмысление позволяет бескровным теньям прошлого обрести вторую жизнь. Связь этого самоосмысления с безграничной потребностью посвящать себя другому существу вплоть до утраты собственной самости и отличает великого историка.

Но что же при рассмотрении своего жизненного пути конституирует взаимосвязь, с помощью которой мы соединяем ее отдельные звенья в одно целое, в котором жизнь достигает понимания? Ко всеобщим категориям мышления в понимании жизни присоединяются категории ценности, цели и значения. Среди этих категорий – такие широкие понятия, как формирование и развитие жизни. Различие этих категорий обусловлено прежде всего точкой зрения, с которой осуществляется понимание течения жизни во времени.

Благодаря ретроспективному взгляду в прошлое, осуществляющемуся в воспоминании, мы постигаем взаимосвязь былых звеньев жизни с помощью категории их значения. Живя в преисполненном реальностью настоящем мы позитивно или негативно эмоционально оцениваем его, а из того, как мы относимся к будущему, возникает категория цели. Мы истолковываем жизнь как реализацию некоей высшей цели, подчиняющей себе все остальные цели как средства реали-

зации высшего блага. Ни одна из этих категорий не может быть подчинена другой, так как каждая из них с другой точки зрения позволяет достичь понимания жизни в целом. Таким образом, эти точки зрения несравнимы друг с другом.

Однако их различие относительно понимания течения жизни все же обнаруживается. Собственные ценности, которые познаются в переживании настоящего и только в нем, – это первично постигаемое, однако эти ценности обособлены друг от друга. Ведь каждая из них возникает из актуального отношения субъекта к некоему наличному предмету. (Иначе мы ведем себя, когда выдвигаем цель, руководствуясь представлением об объекте, которому еще только предстоит быть реализованным.) Таким образом, собственные ценности переживаемого настоящего обособлены друг от друга; они поддаются только сравнению друг с другом и оценке. То, что обычно называют ценностями, характеризует лишь отношение к собственным ценностям. Если мы приписываем предмету объективную ценность, то это говорит лишь о том, что в отношении к нему переживаются различные ценности. Если мы приписываем предмету действительную ценность, то это лишь означает возможность появления ценности в более поздний момент потока времени. Все это чисто логические отношения, в которые может входить ценность, переживаемая в настоящем. Таким образом, жизнь с точки зрения ценности являет собой бесконечное богатство позитивных и негативных ценностей бытия. Жизнь – это хаос гармоний и диссонансов. Каждая из этих гармоний и диссонансов представляет собой музыкальный образ, наполняющий настоящее; но между собой они не находятся ни в каком музыкальном соотношении. Категория цели или блага, постигающая жизнь с точки зрения ее направленности в будущее, предполагает категорию ценности. Но и эта категория не позволяет установить взаимосвязь жизни. Ведь сопряжение целей друг с другом – это только отношение возможности, выбора, субординации. Лишь категория значения преодолевает простую рядоположенность, простую субординацию определенных звеньев жизни. И поскольку история – это воспоминание, а категория значения входит в состав воспоминания, постольку именно эта категория является наиболее специфической категорией исторического мышления. Поэтому следовало бы развить ее, и прежде всего – в ее постепенном становлении.

Дополнение к параграфу «Взаимосвязь жизни»

В связи с категориями действия и претерпевания возникает категория силы. Действие и претерпевание – это, как мы видели, основа принципа причинности в естественных науках. Этот принцип в его строгой форме развит в механике*. Понятие силы в естественных науках – понятие гипотетическое. Если согласиться со значимостью этого понятия для естественных наук, то следует сказать, что оно определяется принципом причинности. В науках о духе это понятие является категориальным выражением того, что может быть пережито. Оно возникает, если мы обращены в будущее, что осуществляется различным образом – в мечтах о будущем счастье, в фантазии, играющей возможностями, в тревоге и страхе. Но как только мы попытаемся свести это праздное расширение нашего бытия в одну точку, средоточием этих возможностей станет наша решимость реализовать одну из них. Представление о цели, которое здесь формируется, содержит нечто новое, чего еще не было в различных сферах действительности и сейчас должно войти в них: то, о чем здесь идет речь (совершенно независимо от любых теорий воли) есть напряжение, которое психолог мог бы интерпретировать физически, – направленность на цель, а точнее, *возникновение интенции* к реализации того, чего еще не было в действительности, выбор возможностей и интенция к реализации некоего... определенного представления цели, выбор средств к ее осуществлению и само это осуществление. Поскольку это осуществляется взаимосвязью жизни, мы называем ее силой.

И это – решающее понятие наук о духе! Везде, где только обнаруживается их влияние, мы имеем дело с целым, со взаимосвязью. Само собой разумеется, что в этой взаимосвязи всегда содержится устойчивый набор определенных состояний, однако, поскольку история пытается понять и выразить изменения, она достигает этого с помощью понятий, которые выражают энергию, направление движения, смену исторических сил. Чем в большей мере исторические понятия принимают такой характер, тем лучше они выражают природу своего предмета. То, что в фиксации предмета в понятии придает последнему характер независимой от времени значимости, относится лишь к логической форме понятия. Здесь же речь идет о формировании по-

* См. «Einleitung in die Geisteswissenschaften», S. 509 ff. [GS I, 399 ff. (Дильтей. Собр. соч. Т. I. С. 665 и далее)].

наний, выражающих свободу жизни и истории. Гоббс часто говорил, что жизнь – это постоянное движение. Лейбниц и Вольф высказывали мысль о том, что счастье как отдельных индивидов, так и целых сообществ заключается в осознании прогресса.

Все эти категории жизни и истории – формы высказываний, которые всеобщим образом используются в области наук о духе, – если и не во всех высказываниях о переживаемом, то, по меньшей мере, попутно, при осуществлении других операций. Они вырастают из самого переживания. Они – не способы формирования, которые добавлены к нему, но в них на основе формальных операций, коренящихся в единстве сознания, выражены структурные формы самой жизни согласно ее временному течению. А что же субъект этих категорий внутри сферы переживаний? Прежде всего, он есть течение жизни, которое разворачивается в некоем теле и благодаря отношениям интенции и замедления самого этого течения, а также в силу гнета внешнего мира отделяется в качестве самости от внешнего – того, что не может быть пережито, чуждого. Однако свои более детальные определения он получает как раз благодаря отмеченным выше предикациям, и поэтому все наши высказывания существуют уже в сфере переживания, поскольку их предмет располагается в течении жизни. В соответствии со своей природой эти высказывания должны содержать предикаты, относящиеся к этому течению жизни, и прежде всего – предикаты, относящиеся к этой определенной жизненной взаимосвязи. Они получают общий, универсальный характер благодаря тому, что их скрытой основой является объективный дух, а их постоянным коррелятом – понимание других личностей.

Понимание собственной жизни осуществляется, однако, только в последней группе категорий, которая существенно отличается от предшествующих. Эти последние все еще родственны категориям познания природы. Но теперь мы имеем дело с такими категориями, с которыми нечего сравнить в естествознании.

Постижение и истолкование собственной жизни проходит ряд ступеней: наиболее совершенная их экспликация и есть автобиография. Здесь самость постигает свой жизненный путь так, что осознается человеческий субстрат, а также те исторические отношения, в которые она вплетена. Таким образом, автобиография способна, наконец, развернуться в историческое полотно; и его границы, но и его значение определены тем, что полотно это извлечено из переживания, глубина которого делает понятными самость и ее отношение к миру. Осмысление человеком самого себя остается целью и основой.

II. ПОНИМАНИЕ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ И ПРОЯВЛЕНИЙ ИХ ЖИЗНИ

Понимание и истолкование – вот метод, используемый науками о духе. В нем объединяются все функции. Понимание и истолкование содержат в себе все истины наук о духе. Понимание в каждой отдельной точке открывает определенный мир.

На основе переживания и понимания самого себя, в их постоянном взаимодействии друг с другом формируется понимание проявлений другой жизни и других людей. И здесь также идет речь не о логической конструкции или психологическом расчленении, а об анализе в научно-теоретическом смысле. Для исторического знания необходимо зафиксировать результаты понимания других людей.

1. Проявления жизни

То, что нам здесь дано, есть всегда проявление жизни. Вступая в чувственный мир, оно остается выражением духовного. Таким образом, проявления жизни позволяют нам познавать духовное. Под проявлением жизни я понимаю здесь не только выражения, которые нечто подразумевают или означают (намереваются подразумевать или означать), но и выражения, позволяющие нам понять духовное, не претендуя на то, чтобы что-то означать или подразумевать.

Способ и результаты понимания различаются в зависимости от типа проявлений жизни.

К первому типу принадлежат понятия, суждения и более сложные образования мысли. Будучи составными частями науки, они, высвобождаясь из переживания, в котором первоначально возникают, обретают одну общую фундаментальную черту, отвечающую определенной логической норме. Эта фундаментальная черта состоит в их тожести, независимой от того положения в мыслительной взаимосвязи, с которым связано их возникновение. Суждение выражает значимость содержания мысли независимо от обстоятельств своего возникновения, от различия времен и лиц. Именно в этом заключается смысл закона тождества. Таким образом, суждение является тем же самым как для того, кто его высказывает, так и для того, кто его понимает: суждение словно бы транспортируется, оставаясь при этом неизменным, из чертогов того, кто его высказывает, в чертоги того, кто его понимает. Это и определяет характер понимания любой логически завершенной мыслительной связи. Здесь понимание направлено лишь на содержание мысли, которое в любых связях остается равным са-

мому себе, и поэтому здесь оно более полно, чем в отношении любого иного проявления жизни. Но в то же время для постигающего человека этот вид понимания ничего не говорит о его отношении к скрытой подоснове и полноте душевной жизни. Здесь нет даже намека на те особенности жизни, из которых вырастает понимание, а именно этот характер понимания и объясняет, почему в нем нет требования ретроспективного взгляда на душевную взаимосвязь.

К другому типу проявлений жизни относятся поступки. Их источник не заключен в намерении сообщить нечто. И все же по своей соотнесенности с целью поступок включает ее в себя. Отношение поступка к духовному началу, также выраженному в поступке, подчинено определенным правилам и позволяет делать вероятные предположения о духовном. Однако совершенно необходимо отделить обусловленное обстоятельствами состояние душевной жизни, порождающее поступок и выражающееся в нем, от самой жизненной взаимосвязи, в которой это состояние коренится. Сила решающего мотива извлекает деяние из полноты жизни и придает ему односторонний характер. Как бы ни был взвешен поступок, он выражает лишь часть нашего существа. Поступок уничтожает возможности, заложенные в нашем существе. Таким образом, поступок также отделяется от подосновы жизненной взаимосвязи. И без разъяснения того, как в нем соединены обстоятельства, цель, средства и жизненная взаимосвязь, поступок не позволяет дать всестороннего определения внутренней жизни, из которой он возник.

Совсем иное дело – выражение переживания! Особое отношение существует между выражением переживания, жизнью, из которой оно возникает, и пониманием, которое оно порождает. Относительно душевной взаимосвязи выражение может сказать больше, чем какая бы то ни было интроспекция. Выражение поднимается из глубин, не освещенных сознанием. Однако в то же время в самой природе выражения переживания заложено то, что отношение между этим выражением и духовным началом, которое в нем выражено, лишь в весьма малой степени может быть положено в основу понимания. Выражение переживания подпадает не под суждения об истинности или ложности, а под суждения о правдивости и неправдивости. Ведь притворство, ложь, обман разрушают отношение между выражаемым духовным началом и его выражением.

Однако при этом обнаруживается одно важное отличие, и на нем основывается то высочайшее значение, до которого может возвыситься выражение переживания в науках о духе. То, что вытекает из повседневной жизни, находится во власти ее интересов. Истолкование непосто-

янного и скоротечного также определяется текущим моментом. Самое ужасное, что в борьбе практических интересов любое выражение может вводить в заблуждение, к тому же и истолкование также меняется вслед за изменением нашей позиции. Однако в великих произведениях духовное высвобождается от связи со своим творцом – поэтом, художником, писателем, поэтому именно здесь мы и способны достигнуть сферы, где кончается заблуждение. Никакое истинно великое произведение искусства не может – согласно господствующим здесь отношениям, которые еще предстоит раскрыть, – ложно изображать чуждое его автору духовное содержание – ведь оно вообще ничего не сообщает об авторе. Произведение искусства правдиво само по себе, фиксировано, зримо, длительно, что и делает возможным художественно достоверное его истолкование. Таким образом, на границах между знанием и деянием возникает область, в которой открываются глубины жизни, недоступные наблюдению, рефлексии и теории⁵⁴.

2. Элементарные формы понимания

Понимание вырастает в первую очередь из интересов практической жизни. В ней люди зависят от общения друг с другом. Они должны взаимно понимать друг друга. Один человек должен знать, чего же хочет другой. Таким образом, сначала возникают элементарные формы понимания. Они подобны буквам, объединение которых делает возможными высшие формы понимания. Такой элементарной формой я называю истолкование отдельного проявления жизни. Логически эта форма может рассматриваться как заключение по аналогии. Это заключение опосредовано закономерным отношением между проявлением жизни и тем, что в ней выражено, причем отдельное проявление жизни каждого из выше отмеченных типов поддается подобному истолкованию. Ряд букв, составленных в слова, образующие предложение, есть форма, выражающая высказывание. Выражение лица может свидетельствовать о радости или боли. Элементарные акты, из которых складываются связанные поступки, такие, как перемещение предмета, удар молотом, распиливание дерева, характеризуются наличием определенных целей. Следовательно, в этом элементарном понимании нет ретроспективного взгляда на взаимосвязь жизни в целом, которую образует сохраняющийся во времени субъект проявлений жизни. Мы ничего не знаем и о заключении, благодаря которому могло бы возникнуть элементарное понимание.

Фундаментальным отношением, на котором основывается процесс элементарного понимания, является отношение выражения к тому, что в нем выражается. Элементарное понимание не есть заключение от следствия к причине. Даже обнаруживая большую предусмотрительность мы не можем, конечно же, рассматривать понимание и как процедуру, которая возвращает нас от данного следствия к какому-то звену во взаимосвязи жизни, делающему возможным следствие. Несомненно, что такого рода отношение содержится в самом этом положении дел, и поэтому переход от одного к другому как бы всегда уже на пороге, но этот переход не следует совершать.

Все, что сопрягается при этом, определенным способом связано между собой. Здесь в своей самой элементарной форме обнаруживается отношение между проявлениями жизни и духовным началом, господствующим во всем понимании, согласно которому в движении понимания к выражаемому духовному началу цель переводится в духовное, и тем не менее чувственно данные проявления не исчезают в духовном. И то, и другое, например, и жест, и испуг, не рядоположены друг другу, а образуют единство, которое основано на фундаментальном отношении выражения к духовному. Но к этому следует присоединить и характер всех элементарных форм понимания, о котором сейчас и пойдет речь.

3. Объективный дух и элементарное понимание

Я описал роль объективного духа в самой возможности познания в науках о духе. Под объективным духом я понимаю многообразные формы, в которых общность, существующая между индивидами, объективировалась в чувственном мире. В этом объективном духе прошлое есть для нас устойчиво длящееся настоящее. Область духа охватывает стиль жизни, формы общения, целевые связи, образуемые обществом, обычаи, право, государство, религию, искусство, науки и философию. Ведь и произведение гения также репрезентирует общность идей, душевной жизни, идеалов определенной эпохи и среды. Мир объективного духа дает пищу нашей самости с самого детства. Этот мир образует ту среду, в которой осуществляется понимание других людей и проявлений их жизни. Ведь все, в чем объективировался дух, содержит в себе нечто общее для «я» и «ты». Окруженная деревьями площадь, комната, где стулья расставлены в определенном порядке, понятны нам с детства, так как постановка человеком целей, порядок, ценностное определение, будучи чем-то общим, отводят любой площади и каждому предмету в комнате свое место. Ребенок растет

в рамках некоего семейного порядка и семейных нравов, которые он разделяет с другими членами семьи, и наставления матери усваиваются им в контексте всего этого. До того, как ребенок научается говорить, он уже целиком погружен в среду сообщества. И жесты, и выражение лица, движения и возгласы, слова и предложения ребенок научается понимать только потому, что они постоянно встречаются ему как тождественные по форме и по отношению к тому, что они означают и выражают. Таким образом, индивид ориентируется в мире объективного духа.

Из этого проистекает одно важное следствие для процесса понимания. Проявление жизни, постигаемое индивидом, как правило, оказывается для него не только обособленным проявлением, оно как бы наполнено знанием об общности и отношением к внутренней жизни, протекающей в ней.

Это подчинение отдельного проявления жизни чему-то общему облегчено тем, что объективный дух содержит в себе некий расчлененный порядок. Объективный дух включает в себя отдельные гомогенные взаимосвязи, такие, как право или религия, и связи эти имеют устойчивую, закономерную структуру. Так, императивы гражданского права, выраженные в параграфах закона и призванные обеспечить по возможности наивысшую степень совершенства при реализации жизненных отношений, связаны с процессуальным порядком, с судами и учреждениями для осуществления своих решений. Далее, внутри подобной взаимосвязи существует многообразие типических различий. Отдельные проявления жизни, встречающиеся субъекту понимания, могут быть поняты как принадлежащие к одной сфере общности, к одному типу. И, следовательно, согласно сопряжению, существующему внутри этой общности между проявлением жизни и духовным началом, восполнение духовного, принадлежащего проявлению жизни, дано вместе с его включением в нечто более общее. Предложение становится понятным благодаря той общности, которая существует в языковом сообществе относительно значения слов и форм флексий, а также относительно смысла синтаксического расчленения. Правила поведения, установленные в определенной культуре, делают возможным то, что приветствия или поклоны в своих оттенках характеризуют определенное духовное отношение к другим людям и понимаются в качестве таковых. Ремесла развили в различных странах определенные приемы и инструменты для достижения цели, и благодаря этим последним для нас становится понятна цель ремесленника, когда тот использует молоток или пилу. Здесь везде определено отношение между проявлением жизни и духовным началом благодаря организованности общности.

Тем самым становится ясно, почему это отношение присутствует в постижении отдельного проявления жизни и почему без осознанной процедуры вывода, основываясь исключительно на отношении выражения и выражаемого, оба члена отношения целиком и полностью слиты в единстве понимания.

Если мы ищем логическую конструкцию для элементарного понимания, то она состоит в следующем: на основании той общности, в которой дана взаимосвязь выражения и выражаемого, эта взаимосвязь выявляется применительно к данному единичному случаю; эта общность позволяет предикативно говорить о том, что данное проявление есть выражение духовного. Итак, налицо заключение по аналогии, в котором посредством ограниченного ряда случаев, содержащихся в общности, субъекту с вероятностью приписывается тот или иной предикат.

Выдвинутое здесь учение о различии элементарных и высших форм понимания оправдывает ранее осуществленное отграничение прагматического истолкования от исторического, поскольку это учение выводит различие элементарных и сложных форм из их отношения, которое заключено в самом понимании.

4. Высшие формы понимания

Переход от элементарных форм понимания к высшим заложен уже в элементарных формах. Чем больше внутренняя дистанция между данным проявлением жизни и понимающим субъектом, тем больше ненадежность. Предпринимаются различные попытки устранить ее. Первый переход к высшим формам понимания возникает из того, что понимание исходит из нормальной взаимосвязи проявления жизни и духовного начала, выражающегося в нем. Если в результате понимания возникают внутренние трудности или противоречие с чем-то уже известным, то понимающий субъект осуществляет переоценку. Он вспоминает те случаи, когда нормального соотношения проявления жизни и внутреннего начала не возникло. Такого рода отклонение характерно для тех случаев, когда мы скрываем от незнакомого человека свое внутреннее состояние, свои идеи и намерения, сохраняя непроницаемый вид или молчание. В данном случае наблюдатель ложно истолковывает лишь отсутствие наглядного проявления жизни. Однако нередко необходимо учитывать и то, что существует намерение ввести нас в заблуждение. Жесты, выражение лица и слова противоречат внутреннему началу. Таким образом, по-разному встающая задача – привлечь другие

формы проявления жизни или возвратиться к целостной взаимосвязи жизни – позволяет разрешить наше сомнение.

Однако в практически-жизненном общении возникают также самостоятельные требования к суждению о характере и способностях отдельных людей. Мы постоянно принимаем в расчет интерпретацию отдельных жестов, выражения лица, целенаправленных поступков или их групп, связанных некоторым образом; эта интерпретация осуществляется посредством выводов по аналогии, но понимание влечет нас дальше: торговля и транспортное сообщение, общественная жизнь, профессия и семья указывают нам на то, что необходимо проникнуть во внутренний мир окружающих нас людей, чтобы установить, в какой мере можно рассчитывать на них. Здесь отношение между выражением и выражаемым переходит в отношение между многообразием проявлений жизни другого человека и внутренней взаимосвязью, лежащей в основе этого многообразия. Это приводит к необходимости учета изменений обстоятельств. Здесь, таким образом, представлен индуктивный вывод от отдельных проявлений жизни к взаимосвязи жизни в целом. Предпосылка вывода – знание о душевной жизни и ее отношениях к окружающей среде и обстоятельствам. Поскольку ряд данных проявлений жизни ограничен и поскольку взаимосвязь, образующая их основу, неопределенна, постольку итог вывода может претендовать лишь на вероятностный характер. И когда в новых условиях этот расчет распространяется на деяния живого существа, которое мы стремимся понять, то дедуктивный вывод, построенный на индуктивном проникновении в психическую связь, может быть сделан лишь с какой-то степенью ожидания или возможности. Переход от психической взаимосвязи, которой как таковой присуща лишь вероятность, к характеру ее реакции на новые обстоятельства может предполагать лишь ожидание, а не достоверность. Посылка эта, как будет показано ниже, сама по себе всегда способна к более широкому преобразованию, но при этом оказывается, что она также не может притязать на достоверность.

Однако не все высшие формы понимания коренятся в фундаментальном отношении порождаемого к воздействующему. Обнаружилось, что подобное предположение не верно в отношении элементарных форм понимания; важнейшая часть высших форм понимания также коренится в отношении выражения и выражаемого. Понимание произведений духовной сферы во многих случаях направлено лишь на ту взаимосвязь, в которой отдельные части произведения образуют целое, коль скоро они постигаются последовательно. Именно потому, что понимание вносит наивысший вклад в наше знание духовного мира, чрезвычайно важно то,

что форма этого понимания обнаруживает свой самостоятельный характер. Например, разыгрывается драма. Не только зритель, литературно не образованный, целиком отдается действию, забывая об авторе пьесы, но и человек, литературно образованный, также может быть целиком поглощен тем, что происходит на сцене. В таком случае его понимание ориентировано на взаимосвязь поступков, характеры действующих лиц, переплетение моментов, определяющих поворот судьбы. Ведь только тогда зритель получит наслаждение от полной реальности представленного отрывка из жизни. Только тогда в нем в полной мере совершится процесс понимания и последующего переживания так, как его задумал осуществить в зрителе автор. И вся сфера такого рода понимания духовных творений подчинена исключительно отношению, существующему между выражением и выражаемым им духовным миром. Когда зритель впервые замечает, что то, что он недавно воспринимал как фрагмент действительности, было искусно и планомерно создано умом писателя, тогда понимание, управляемое отношением между совокупностью проявлений жизни и тем, что в них выражено, переходит в понимание, в котором уже господствует отношение между творением и творцом.

Если резюмировать все сказанное о высших формах понимания, то их общий характер состоит в том, что эти формы исходят из данных проявлений жизни, приходя к пониманию взаимосвязи целого с помощью индуктивного заключения. А именно: фундаментальное отношение, определяющее переход от внешнего к внутреннему, есть или отношение выражения к выражаемому, или, преимущественно, отношение порожденного к воздействующему. Этот подход основывается на элементарной форме понимания, которое, так сказать, доставляет элементы для реконструкции. Однако такой подход отличается от элементарной формы понимания еще одной чертой, которая делает вполне очевидной природу высшей формы понимания.

Понимание всегда имеет своим предметом единичное. И в его высших формах осуществляется заключение от подвергнутой индуктивному обобщению данности, совместно наличествующей в некотором произведении или в жизни, к взаимосвязи, присущей самому произведению, личности или некоторому действию жизни. Но уже при анализе переживания и понимания нами самих себя мы пришли к выводу, что единичное в духовном мире самоценно, более того, что оно представляет единственную ценность, которую можно констатировать без всякого сомнения. Поэтому единичное интересует нас не только как пример общечеловеческого, но и как индивидуальное целое. Этот интерес совершенно чужд практическим интересам, которые всегда вынуждают нас считаться с

другими людьми и которые в разных формах – благородных и низких, вульгарных и пошлых – занимают значительное место в нашей жизни. Тайна личности побуждает нас ради нее самой осуществлять все новые и новые попытки понимания. И в такого рода понимании открывается царство индивидов, охватывающее людей и их творения. В этом и состоит наиболее своеобразный результат деятельности понимания в науках о духе. Объективный дух и сила индивида совместно определяют духовный мир. На понимании их обоих и основывается история.

Однако мы в состоянии достичь понимания индивидов лишь благодаря их родству между собой, благодаря чему-то общему в них. Этот процесс предполагает связь общечеловеческого с индивидуацией, на основе которой последняя распространяется на многообразие духовных существований, а мы постоянно практически решаем одну и ту же задачу – внутренне пережить как бы восхождение к индивидуализации. Материалом для решения этой задачи служат единичные данности, объединяемые индуктивно. Каждая из них индивидуальна, и именно так постигается она в ходе этого процесса. Поэтому в каждой из них содержится момент, делающий возможным постижение индивидуальной определенности целого. Но предпосылка этого подхода всегда принимает более развернутые формы с помощью погружения в единичное, сравнения этого единичного с другим, и тем самым понимание все глубже погружается в недра духовного мира. Подобно тому как в объективном духе содержится некий порядок, расчлененный на типы, человечество также представляет собой некую организованную систему, которая от правильности и структуры в общечеловеческом переходит к типам, посредством которых и осуществляется понимание индивидов. Поскольку предполагается, что эти типы различаются не качественными определенностями, а, так сказать, акцентом на отдельных моментах, которые могут быть выражены также и психологически, постольку в этом акценте и заключается внутренний принцип индивидуации. И если бы было возможно считать действенным в акте понимания одновременно два принципа – изменение душевной жизни и ее состояний под влиянием обстоятельств в качестве внешнего принципа индивидуации, а в качестве внутреннего принципа – варьирование с помощью акцента на различные элементы структуры, то понимание человека, произведений поэзии и прозы было бы подступом к величайшей тайне жизни. И так оно и есть на самом деле. Чтобы осознать это, мы должны взглянуть на те моменты понимания, которые не могут быть изложены в каких бы то ни было логических формулах, – ведь здесь речь может идти только о таком схематическом и символическом изображении.

5. *Перенесение-себя-на-место-другого, воссоздание, повторное переживание*

Позиция высшей формы понимания относительно своего предмета определена задачей понимания: обнаружить жизненную взаимосвязь в том, что дано. Это возможно лишь постольку, поскольку связь, которая заключена в собственном переживании и испытывается несчетное число раз, всегда налична и находится в нашем распоряжении со всеми заложенными в ней возможностями. Это состояние, уже заложенное в задаче понимания, мы называем перенесением-себя-на-место-другого, будь то человек или произведение. Поэтому каждая строка стихотворения оживотворяется внутренней взаимосвязью переживания, которая и образует исток стихотворений. Возможности, скрытые в душе, пробуждаются внешними словами, постигаемыми благодаря элементарным операциям понимания. Душа следует привычными путями, на которых в аналогичных жизненных ситуациях она когда-то испытывала страдания и наслаждение, чего-то желала и каким-то образом действовала. Неисчислимы пути открываются в прошлом и в грезах о будущем; прочитанные слова становятся источником бесчисленных движений мысли. Уже одно то, что стихотворение указывает на внешнюю ситуацию, оказывает благотворное влияние тем, что слова поэта рожают соответствующее настроение. Здесь также налицо вышеупомянутое отношение, согласно которому любые формы выражения переживания заключают в себе нечто большее, чем то, что существовало в сознании поэта или художника, и поэтому вызывают больший отклик. Итак, если уже из постановки задачи понимания вытекает наличие пережитой мной самим душевной взаимосвязи, то ее следует охарактеризовать как *перенесение* собственной самости в данную совокупность проявлений жизни.

Но на основе этого перенесения-себя-на-место-другого, этой транспозиции возникает высший вид понимания, где цельность жизни души становится действенной в понимании, – воссоздание или повторное переживание. Понимание – это операция, сама по себе обратная ходу воздействия. Полное сопереживание обусловлено тем, что понимание движется вперед вместе с развитием событий. Оно движется вперед, постоянно прогрессируя, вместе с самим течением жизни. Так расширяется процесс перенесения-себя-на-место-другого, процесс транспозиции. Повторное переживание – это творчество, осуществляющееся по ходу развития событий. Так мы движемся вперед вместе с историческим временем, переживая какое-то событие в далекой стране, или то, что происходит в душе близкого нам человека. Наивысшей степени совер-

шенства оно достигает тогда, когда событие пронизано сознанием поэта, художника или историка, зафиксировано в каком-либо произведении и существует перед нами как нечто прочное.

Так, лирическое стихотворение в последовательности своих строк делает возможным повторное переживание определенной взаимосвязи переживания: не той действительной связи, которая побуждала поэта, а той, которая, коренясь в ней, была вложена поэтом в уста идеальной личности. Порядок следования сцен в пьесе делает возможным повторное переживание отдельных фрагментов жизни действующих лиц. Повествование писателей-романистов или историков, которое следует ходу истории, вызывает в нас повторное переживание. Триумф повторного переживания состоит в том, что в нем фрагменты процесса имеют возможность восполняться так, что мы верим – перед нами непрерывный процесс.

В чем же заключается это повторное переживание? Этот процесс интересует нас здесь лишь в своем свершении, психологически объяснить его не следует. Поэтому мы не рассматриваем отношение этого понятия к понятию сочувствия или к понятию вчувствования, хотя связь между ними отчетливо видна уже в том, что сочувствие усиливает энергию повторного переживания. Мы неуклонно прослеживаем значительную роль повторного переживания для нашего освоения духовного мира, которое основывается на двух моментах. Любая живая актуализация среды и внешней ситуации пробуждает в нас повторное переживание. И фантазия может усилить или ослабить акцент на тех разновидностях действия, которые заключены в нашей собственной взаимосвязи жизни: на чувствах, стремлениях, идейной направленности, – и тем самым осуществить воссоздание жизни души другого человека. Занавес поднимается. Появляется Ричард, и взволнованная душа, следуя его словам, выражениям лица и движениям, может повторно переживать то, что невозможно в ее действительной, реальной жизни. Фантастический лес в пьесе «Как вам это понравится» погружает нас в такое настроение, которое позволяет нам воссоздать все совершаемые там сумасбродства⁵⁵.

И в достижении повторного переживания заключена значительная часть тех занятий духовными предметами, за которые мы благодарны историку и поэту. Течение жизни каждого человека обуславливает ту постоянную детерминацию, которая ограничивает существующие в нем возможности. Формирование его существа всегда предопределяет дальнейшее развитие человека. Короче говоря, человек всегда узнает на опыте (как бы он ни трактовал определение своего положения или форму приобретенной им жизненной взаимосвязи), что круг новых пер-

спектив в жизни и внутренних изменений его личного существования ограничен. Понимание открывает перед ним широкое царство возможностей, которые не существуют в детерминации его реальной жизни. Возможность пережить в моей собственной экзистенции религиозные состояния как для меня, так и для большинства моих современников весьма ограничена. Однако, читая письма и сочинения Лютера, свидетельства его современников, акты религиозных собраний и церковных соборов, равно как и документы, касающиеся его служебных отношений, я переживаю религиозное событие, когда решается вопрос жизни и смерти, с такой бурной мощью, с такой энергией, которая совершенно чужда любым возможным переживаниям моих современников. Однако я могу повторно пережить его. И переношу себя в другие условия: все в них требует такого же столь необычного развития религиозной жизни души. Я вглядываюсь в развитую в монастырских обителях технику общения с незримым миром, которая придает душам монахов постоянную направленность взора на потусторонние предметы: теологические контroversы становятся здесь вопросами внутреннего существования. Я вижу, как то, что сформировано в монастырской жизни неисчислимыми каналами – с помощью проповедей с церковных кафедр, исповедей, трактатов – распространяется среди мирян; я вижу, как церковные соборы и религиозные движения повсюду распространяли учение о незримой церкви и всеобщем сословии священников. Я также вижу, как это учение относилось к освобождению личности в мирской жизни, каким образом то, что было достигнуто в одиночестве кельи, в битвах, изображенных столь энергично, утверждалось вопреки церкви. Христианство как сила, оформляющая саму семейную и профессиональную жизнь, а также политические отношения, становится новым мощным фактором, которому подчиняется дух времени в городах, да и вообще везде, где только шла серьезная работа – у Ганса Сакса, Дюрера. Поскольку Лютер – глава этого движения, мы, основываясь на той взаимосвязи, которая пронизывает все – от общечеловеческой до религиозной сферы и от религиозной сферы через ее исторические определения вплоть до его индивидуальности, – способны пережить его развитие. Так, этот процесс открывает нам религиозный мир Лютера и деятелей первых этапов Реформации, и этот религиозный мир расширяет горизонт возможностей человеческой жизни, которые делаются для нас доступными лишь таким образом. Итак, человек, внутренне детерминированный, может пережить в своем воображении и множество других человеческих экзистенций. Человек, ограниченный определенными условиями, открывает для себя красоту неизвестного ему мира и жизнь стран, которые он ни-

когда не сможет посетить. Выражаясь более общо, человек, зависящий и детерминированный реальностью жизни, становится свободным не только благодаря искусству, что чаще всего и отмечают, но и благодаря пониманию исторического. И это воздействие истории, не замечаемое ее современными хулителями, расширяется и углубляется на дальнейших ступенях исторического сознания.

6. *Истолкование, или интерпретация*

Сколь отчетливо обнаруживается в воссоздании и повторном переживании чего-то чуждого и отошедшего в прошлое то, что понимание основывается на особой личной гениальности! Но постольку, поскольку понимание остается важной и постоянной задачей и основой исторической науки, то личная гениальность становится техникой, и техника эта совершенствуется вместе с развитием исторического сознания. Она обусловлена тем, что понимание имеет дело с устойчиво фиксированными проявлениями жизни и поэтому всегда может вновь обратиться к ним. *Истолкованием* мы называем искусство понимания устойчиво фиксированных проявлений жизни. Так как духовная жизнь лишь в языке находит свое полное, исчерпывающее и потому способствующее объективному постижению выражение, то истолкование завершается в интерпретации следов человеческого бытия, оставленных в *письменности*. Это искусство – основа филологии, наука об этом искусстве – герменевтика⁵⁶.

С истолкованием дошедших до нас следов внутренним и неизбежным образом связана и их критика. Она возникает из трудностей, которые обнаруживает истолкование, и ведет, таким образом, к очищению текстов, к отсеиванию отдельных документов, произведений, преданий. Истолкование и критика по мере исторического развития развивали все новые вспомогательные средства для решения своей задачи, подобно тому как естественнонаучное исследование постоянно совершенствовало экспериментальный метод. Передача вспомогательных средств, созданных одним поколением филологов и историков, другому поколению основывается преимущественно на личном контакте великих виртуозов и на традиции передачи их достижений. Ничто в научной сфере не кажется столь личностно обусловленным и связанным контактом между людьми, как это филологическое искусство. Когда герменевтика свела это искусство к набору правил, то это было осуществлено в духе определенного исторического периода, стремившегося к уста-

новлению правил во всех областях; и этому герменевтическому законодательству соответствовали теории художественного творчества, понимаемого исключительно как исполнение, осуществляющееся по определенным правилам. Позднее, в период величайшего подъема исторического сознания в Германии, это герменевтическое законодательство было заменено Фридрихом Шлегелем, Шлейермахером и Бёком на учение об идеале, требующее нового, более глубокого понимания духовного творчества, которое впервые сделалось возможным благодаря Фихте, а также Шлегелю, выдвинувшему его в своем проекте критической науки. С этими новыми взглядами на творчество связан смелый афоризм Шлейермахера: автор должен быть понят лучше, чем он сам себя понимал. Однако в этом парадоксальном афоризме скрыта некая истина, которую можно обосновать психологически.

В наши дни герменевтика ставит перед науками о духе новую важную задачу. Герменевтика всегда отстаивала достоверность понимания в противовес историческому скептицизму и субъективистскому произволу. Сначала герменевтика вела борьбу против аллегорического истолкования, затем против тридентского скепсиса⁵⁷, отстаивая понимание Библии из нее самой и оправдывая учение протестантизма, а затем, вопреки всем сомнениям, устами Шлегеля, Шлейермахера и Бёка теоретически обосновывала будущий прогресс филологических и исторических наук. В настоящее время герменевтика должна установить свое отношение ко всеобщей теоретико-познавательной проблеме, показать возможность знания о взаимосвязи исторического мира и найти средства к его осуществлению. Фундаментальное значение понимания тем самым прояснилось, и теперь необходимо определить достижимую степень общезначимости понимания, начиная с логических форм понимания и двигаясь далее.

Исходный пункт для установления действительной ценности высказываний наук о духе мы усматриваем в характере переживания, которое является осознанием действительности.

Если же переживание начинает осознаться в элементарных мыслительных операциях, то в них замечают лишь те отношения, которые содержатся в переживании. Дискурсивное мышление репрезентирует то, что содержится в переживании. Понимание основано прежде всего на том, что в каждом переживании, характеризуемом как понимание, существует отношение выражения к тому, что в нем выражено. Это сопряжение переживаемо в его своеобразии, отличном от всех других. И так как мы преодолеваем узкие границы переживания только с помощью истолкования проявлений жизни, то центральной операцией при

построении наук о духе оказывается понимание. Но тем самым обнаруживается, что понимание нельзя трактовать просто как мыслительную операцию: транспозиция, воссоздание, повторное переживание – эти факты указывают на цельность душевной жизни, проявляющуюся в этом процессе. Здесь понимание связано с самим переживанием, а это и есть осознание в данной ситуации душевной действительности в целом. Тем самым во всяком понимании есть нечто иррациональное, коль скоро иррациональна сама жизнь; понимание не может быть никогда репрезентировано формулами логических операций. Предельная, хотя и сугубо субъективная, достоверность, заключающаяся в повторном переживании, никогда не может быть заменена проверкой на познавательную ценность выводов, излагающих ход процесса понимания. Таковы границы логической разработки понимания, установленные его природой.

Если мы видим, что законы и формы мысли значимы для каждой отдельной науки и что в методах наук в соответствии с отношением познания к действительности существует глубокое родство, то через понимание мы получаем доступ к тем подходам, которые не имеют ничего общего с естественнонаучными методами. Ведь эти процедуры основываются на отношении проявлений жизни к внутреннему началу, выражаемому в них.

Из процедур мысли, присущих пониманию, необходимо прежде всего выделить грамматическую и историческую подготовительную работу, которая служит лишь для того, чтобы <тот, кто нацелен> на понимание фиксированной данности, смог занять по отношению к некоему прошлому или чему-то чуждому в языковом или пространственном плане положение читателя из эпохи и окружения автора.

С помощью элементарных форм понимания на основании определенного числа случаев, в которых последовательность аналогичных проявлений жизни выражает духовное начало, также обнаруживающее соответствующее родство, делается вывод о том, что такое же сопряжение существует и в других аналогичных случаях. Из повторения того же значения слова, жеста, внешнего поступка делают вывод о том, что и в других случаях сохранится это значение. Но можно сразу же заметить, сколь неэффективна эта схема вывода сама по себе. В действительности же, как мы видели, проявления жизни одновременно есть для нас репрезентация всеобщего; мы делаем выводы, упорядочивая их по типам жестов, поступков, по области словоупотребления. Вывод от частного к частному предполагает отношение к общему, которое репрезентировано в каждом отдельном случае. И это отноше-

ние становится все более отчетливым не там, где вывод о новом случае делается из отношения между рядом единичных, аналогичных между собой проявлений жизни и психикой, выражением которой они являются, а там, где предмет вывода по аналогии выступают более сложные индивидуальные обстоятельства. Поэтому из закономерной связи определенных свойств более сложного характера мы делаем вывод о том, что при наличии этой связи и в новом случае это свойство будет присутствовать, хотя оно в нем еще и не наблюдалось. На основании такого же вывода мы относим вновь найденное мистическое сочинение к вполне определенному кругу мистических сочинений вполне определенного периода. То же касается и мистического произведения, время написания которого должно быть заново определено. Но в подобном выводе постоянно реализуется стремление вывести из отдельных случаев тот способ, каким отдельные части такого рода структуры связаны друг с другом, и тем самым дать более глубокое обоснование нового случая. Так, в действительности вывод по аналогии переходит в индуктивный вывод, который применяется для нового случая. Разграничение этих двух способов выведения для процесса понимания имеет, однако, весьма относительное значение. Везде получается лишь оправдание какой-то ограниченной степени ожидания нового случая, о котором и делается вывод. Для этой степени ожидания не может быть найдено всеобщего правила, она может быть оценена только из обстоятельств, которые всегда иные. Найти правила для этой оценки – задача логики наук о духе⁵⁸.

В таком случае обосновываемую здесь процедуру понимания следует рассматривать как индукцию. И эта индукция относится к тому типу, в котором всеобщий закон выводится не из неполного ряда случаев, а из их структуры, системной организации, соединяющих случаи как части в одно целое. Индукции этого типа являются общими как для наук о природе, так и для наук о духе. С помощью такого рода индукции Кеплер открыл эллиптическую орбиту планеты Марс. И подобно тому, как здесь исходной была геометрическая интуиция, которая позволила вывести простую математическую закономерность из наблюдений и расчетов, подобно этому нужно соединить все исследуемое в процессе понимания – слова в некий смысл и смысл отдельных частей целого в его структуру. Например, дан порядок слов. Каждое из них является определенно-неопределенным, и оно содержит в себе вариабельность своего значения. Средства синтаксического соотношения слов друг с другом также многозначны, хотя и в строгих границах: так возникает смысл, поскольку неопределенное определяется синтаксической конструкцией. И, далее,

ценность композиции частей целого, состоящего из предложений, также многозначна в строго определенных границах, и она устанавливается из целого. Именно это определение неопределенно-определенных единичностей ...

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Понимание музыки

В переживании мы не можем постичь нашу самость ни в форме потока, ни в глубинах того, что она в себе заключает. Ведь эта скромная сфера сознательной жизни подобна острову, поднимающемуся из недоступных глубин. Но из этих глубин возникает и выражение. Оно является творческим. Поэтому в понимании сама жизнь становится для нас доступной как воссоздание творения. Конечно, мы имеем перед собой только определенное произведение; и это произведение, чтобы иметь продолжительное существование, должно быть зафиксировано в какой-то пространственной компоненте – в нотах, буквах, фонограмме или – первоначально – в памяти; однако то, что так зафиксировано, есть идеальное изображение некоего процесса, музыкальной или поэтической взаимосвязи переживаний; и что же мы здесь обнаруживаем? Части некоего целого, которые развиваются во времени. Но в каждой части действительно лишь то, что мы называем тенденцией. Звук следует за звуком и сочетается с ним по законам нашей тональной системы. Внутри этой системы заключены безграничные возможности, так что, продвигаясь вперед от одной возможности к другой, каждый последующий звук обусловлен предыдущим. Возникающие друг за другом мелодические звенья следуют словно бы параллельно друг другу. И хотя предшествующий элемент обуславливает тот, который идет ему на смену, однако последняя из мелодий в произведении Генделя обосновывает вместе с тем и начальную. То же самое касается и нисходящей мелодической линии, стремящейся к конечному пункту: обусловленная финалом, она, в свою очередь, обуславливает и его. Везде – свобода возможностей. Эта обусловленность нигде не есть необходимость. Это как бы свободная гармония стремящихся друг к другу и вновь расходящихся образов. Нельзя понять, почему второй элемент именно так следует за первым, давая новый нюанс гармонии, почему он помещен в эту вариацию, укра-

шен этой фигурой. Здесь «так-быть-должно» – не необходимость, а реализация эстетической ценности; и не следует думать, что на этом конкретном месте нельзя было бы поставить что-то иное. И здесь обнаруживается коренящаяся в творчестве тенденция к тому, что рефлексия именуется прекрасным или возвышенным.

Посмотрим далее! Понимание основывается на том, что недавнее прошлое сохраняется в памяти и вступает в созерцание последующего.

Объект исторического изучения музыки – это не душевный процесс, разыскиваемый за звучащим произведением, не нечто психологическое, а предметное, а именно обнаруживающаяся в фантазии взаимосвязь звуков, рассматриваемая как выражение. Задача состоит в том, чтобы, сравнивая – ведь это сравнительная наука, – найти тональные средства, вызывающие отдельные воздействия.

В более широком смысле музыка – это также выражение переживания. Переживание здесь представляет собой любой вид соединения отдельных переживаний в настоящем и в воспоминании, выражение же – процесс воображения, в котором переживание проявляется в исторически разворачивающемся мире звуков, где все средства, служащие для выражения, объединены исторической непрерывностью традиции. Кроме того, в этом творчестве воображения нет ни одного ритмического образа, ни одной мелодии, которые не говорили бы о пережитом, и все же они – больше, чем выражение. Ведь мир музыки с бесконечными возможностями для красоты звуков и для их значения уже существует и постоянно прогрессирует в истории, способный к бесконечному развитию, и музыкант живет в нем, а не в своем чувстве.

Никакая история музыки не может также ничего сказать о том, как переживание становится музыкой. Именно в этом и заключается высочайшее свершение музыки: происходящее в музыкальной душе смутно, неопределенно и часто незаметно для самой самости вдруг безо всякого намерения получает кристально чистое выражение в музыкальных образах. Здесь нет расколотости переживания и музыки, какого-то удвоенного мира и перехода из одного мира в другой. Гений живет в мире звуков так, как если бы существовал лишь один этот мир, забывая ради него о своей судьбе и страданиях, и вместе с тем все это и есть мир звуков. Точно так же нет какого-то определенного пути от переживания к музыке. Кто переживает музыку, у кого в творческом экстазе всплывают воспоминания, мимолетные образы, неопределенные настроения прошлого, заключенные в ней, – тот в одном случае может исходить из ритмической фантазии, в другом случае – из гармонической последова-

тельности, а потом уже вновь из переживания. Во всем мире искусства музыкальное творчество сильнее всего связано с техническими правилами и свободнее всех – с душевным порывом.

Однако во всех этих попеременных движениях туда и обратно и проявляет себя всякое творчество, а также тайна, которая никогда не будет раскрыта до конца, – тайна того, каким образом последовательность звуков и ритм может означать нечто такое, чем они сами не являются. Это не психологическое отношение между душевными состояниями и их воплощениями в фантазии – кто его ищет, тот заблуждается. Это скорее отношение созданного силой воображения объективного музыкального произведения и его частей к тому, *что имеет неизменное значение во всякой мелодии*, то есть к тому, что говорит слушателю о душе, – отношение, которое подчиняется связям между ритмом, мелодией, гармоническими сочетаниями и впечатком того душевного, что выражает себя во всем этом. Не психологические, а музыкальные отношения составляют предмет учения о музыкальном гении, произведении и теории музыки. Пути художника неисповедимы. Отношение музыкального произведения к тому, что оно выражает для слушателя и что оно, таким образом, говорит ему посредством музыки, определено, постижимо и может быть изложено. Мы говорим об интерпретациях музыкального произведения дирижерами или исполнителями. Любое отношение к музыкальному произведению – это уже интерпретация. Ее объект – нечто предметное. То, что в художнике является психологически действенным, может быть движением от музыки к переживанию, или от переживания к музыке, или тем и другим одновременно; а то, что лежит в глубине души, совершенно не нуждается в том, чтобы быть пережитым художником, и зачастую таковым и остается. Оно незаметно движется в глубинах души, и лишь в произведении целиком выражается динамическое отношение, существовавшее в этих глубинах. Только из произведения можно вычитать это динамическое отношение. В том и состоит ценность музыки, что она выражает динамическое отношение, делая для нас предметным то, что было действенным в душе художника. Все это – по качеству, по течению времени, по форме движения, по совокупному содержанию – анализируется в музыкальном произведении и отчетливо осознается как отношение ритма, последовательности звуков и гармонии, как отношение красоты звука и выражения.

Первоначальным является мир звуков с присущими ему выразительными и эстетическими возможностями, развитый в истории музыки и воспринятый музыкантом с детства, мир, который всегда наличен для музыканта и представляет собой то, во что превращается все происхо-

дящее с ним, вырастающее из глубин его души, чтобы выразить ее: судьба, страдание и блаженство существуют для художника прежде всего в его мелодиях. Воспоминание здесь также оказывается силой, порождающей значение. Тяжесть жизни как таковой слишком велика для того, чтобы сделать возможным свободный полет фантазии. Но отзвук прошлого, грезы о нем – это та воздушная, далекая от земных тягот стихия, из которой рождаются невесомые образы музыки.

Эти стороны жизни выражаются в ритме, мелодии, гармонии, в форме последовательности, подъема и спада настроения, в чем-то непрерывном, постоянном, в глубочайшем измерении душевной жизни, основанной на гармонии.

Существующие основоположения истории музыки необходимо дополнить учением о музыкальном значении. Оно является тем посредником, который связывает теорию музыки с творчеством и ретроспективно с жизнью художника, с развитием музыкальных школ; соотношение между теорией музыки и творчеством – подлинная тайна музыкальной фантазии.

Приведем примеры. В финале первой части «Дон Жуана» звучат ритмы, различные не только по темпу, но и по размеру. Благодаря этому достигается определенное воздействие, когда совершенно различные компоненты человеческой жизни, радость танца и прочее кажутся соединенными воедино. Тем самым многообразие мира находит свое выражение. Вообще-то именно в этом и состоит воздействие музыки, которое основывается на возможности, позволяющей действовать одновременно рядом друг с другом различным лицам или различным музыкальным субъектам, таким, как хоры и прочее, в то время как поэзия связана лишь с диалогом и тому подобным. В этом коренится, так сказать, метафизический характер музыки. Приведем другой пример: арию Генделя, в которой во всех отношениях незамысловатая нарастающая последовательность звуков повторяется неоднократно. Так, в воспоминании возникает обозримое целое; нарастание звуков становится выражением силы. Но оно основано, в конечном счете, на том, что воспоминание способно обозреть временную последовательность в силу ее простоты. Возьмем, к примеру, хорал, возникающий из народной песни. Незамысловатая мелодия песни, довольно ясно выражающая развитие чувства, оказывается в новых условиях. Равномерное, неспешное следование тонов, гармоническая последовательность, поддерживаемая низким звуком органа, делают возможным такое отношение к предмету, возвышающемуся над сменой чувств подобно некоей горной вершине. Оно подобно религиозному обращению, сопряжению со сверхчувственным

миром, осуществляющемуся во времени, сопряжению конечного с бесконечным, которое тем самым становится выразимым. Или возьмем, например, обращение страждущей души к Спасителю в кантате Баха. Здесь – беспокойные, быстрые, замирающие в многочисленных паузах, на высоких тонах, колоратурах звуки, характеризующие определенный тип души; а там – глубокие, спокойные звуки своей медлительной последовательностью, своей преимущественной созвучностью друг другу выражающие в умиротворенных тональных схемах душевный тип Спасителя. Никто не может усомниться в этих значениях...

Значение музыки разворачивается в двух противоположных направлениях. Прежде всего, будучи выражением поэтической последовательности слов, а тем самым и определенного предмета, оно разворачивается в направлении интерпретации того, что стало предметом благодаря слову. В инструментальной музыке отсутствует определенный предмет, ее предмет – нечто бесконечное или неопределенное. Однако этот предмет дан в самой жизни. Таким образом, инструментальная музыка в ее высших формах имеет своим предметом саму жизнь. Такого музыкального гения, как Баха, каждый звук природы, даже каждый жест, неопределенный шум побуждает к соответствующим музыкальным образам, динамичным темам, которые всеобщим образом повествуют о жизни. Отсюда явствует, что программная музыка – это смерть для настоящей инструментальной музыки.

2. Переживание и понимание⁵⁹

Из этого изложения ясно, что различные виды постижения – прояснение, отображение и репрезентация в дискурсивных процедурах – вместе составляют один метод, который направлен на схватывание и исчерпание переживания. Так как переживание непостижимо и никакое мышление не может проникнуть в него, поскольку знание само возникает лишь в нем, а осознание переживания всегда углубляется самим переживанием, то выполнение этой задачи оказывается бесконечным не только в том смысле, что оно всегда предполагает последующие научные процедуры, но в том, что она неразрешима по своей природе. Но к этому добавляется понимание – столь же изначальная задача, хотя и предполагающая переживание в качестве метода. Они образуют две соприкасающиеся стороны логического процесса.

3. Методы понимания

Для человека, который живет сегодняшним днем, прошлое тем чуждее и безразличнее, чем дальше оно отстоит от него. Следы прошлого налицо, но связь их с нами разорвана. И здесь значительна роль метода понимания, который исследователь постоянно использовал в самой жизни.

1. Описание этого метода. Опытное знание о нас самих; но мы не понимаем самих себя. В нас самих, конечно, нам все само собой понятно, с другой стороны, у нас нет для себя никакого масштаба. Только то, что мы измеряем собственным масштабом, содержит определенные измерения и разграничения. Может ли одна самость соизмерить себя с другими? Как понимаем мы то, что чуждо нам?

Чем человек способнее, тем больше в нем возможностей. Они проявляют себя в ходе его жизни, продлевая свое присутствие и в его воспоминании. Чем дольше длится жизнь, тем шире возможности. Всепонимание старости, гений понимания.

2. Форма понимания: индукция, которая из частично определенных для нас единичностей выводит взаимосвязь, определяющую целое.

[⁶⁰ 4. *Герменевтика*

Истолкование было бы невозможным, если бы проявления жизни были целиком чуждыми нам. Оно было бы ненужным, не будь в них ничего чуждого. Следовательно, истолкование находится между этими двумя крайними противоположностями. Оно необходимо там, где есть нечто чуждое, которое искусство понимания должно освоить.

Истолкование, которым занимаются ради него самого, без внешней практической цели, обнаруживается уже в самом обыкновенном разговоре. Каждый разговор, имеющий какое-то значение, требует привести высказывания собеседника во внутреннюю взаимосвязь, которая не дана в его словах извне. Чем больше мы узнаем собеседника, тем сильнее наше неясное устремление, связанное с его участием в разговоре, постичь основания этой беседы. И известный интерпретатор диалогов Платона настойчиво подчеркивает, какую ценность для истолкования письменных произведений имеет предварительное упражнение в подобной интерпретации устной речи. Затем к этому присоединяется истолкование речей в дискуссии; они могут быть поняты тогда, когда из контекста дискуссии становится понятна точка зрения, с позиций кото-

рой спорящий, преследуя свой частный интерес, рассматривает предмет, когда становятся ясными намеки, когда границы и сила речи относительно какого-то предмета оцениваются по индивидуальности оратора.

Требование Вольфа, согласно которому мысли писателя могут быть раскрыты с необходимой проницательностью благодаря искусству герменевтики, невыполнимо уже в критике текста и в понимании языка. Однако связь мыслей, характер намеков зависят от постижения индивидуального способа комбинации. Внимание к этому индивидуальному способу комбинации – это момент, который впервые ввел в герменевтику Шлейермахер.

Но это внимание имеет дивинаторный⁶¹ характер и никогда не обладает демонстративной достоверностью.

Грамматическая интерпретация постоянно осуществляет сравнение, с помощью которого слова становятся определенными и т. д. Эта интерпретация оперирует с тем, что сохраняет свое равенство в языке. Психологическая интерпретация постоянно связывает дивинаторное постижение индивидуального с жанровой классификацией произведения. Однако при этом речь идет о том, какое место занимает писатель в развитии этого жанра. До тех пор пока этот жанр формируется, писатель участвует в сотворении жанра исходя из своей индивидуальности. Ему требуется большая индивидуальная сила. Но когда он приступает к созданию произведения после того, как жанр произведения полностью определен, этот жанр содействует ему, двигает его вперед.

Дивинаторные процедуры и сравнение осуществляются в одно и то же время. Применительно к индивидуальному мы ни в коем случае не можем обойтись без сравнительного метода.]

5. Границы понимания

Границы понимания определяются также способом данности. Поэзия образует внутреннюю взаимосвязь, однако, несмотря на то, что сама эта взаимосвязь лишена временного характера, ее можно постичь только во времени, по мере того, как произведение читается или прослушивается. Если я читаю драму, то все здесь происходит как и в самой жизни. Я двигаюсь вперед, и прошлое теряет свою ясность и определенность. Вполне конкретные сцены, например, также погружаются во мрак. Главный тезис: только удерживая связь, я достигаю единого взгляда на все сцены, позднее, однако, от них остается один лишь каркас. Я приближаюсь к созерцанию целого только через восприятие его в памяти, так что

все моменты связи воспринимаются вместе. Таким образом, понимание становится интеллектуальным процессом наивысшего напряжения, который никогда целиком не может быть реализован.

Когда жизнь прошла, не остается ничего, кроме воспоминаний о ней, а поскольку и воспоминание также связано с продолжительностью жизни индивидов, постольку оно, следовательно, мимолетно...⁶²

Способ постижения этих следов прошлого всегда один и тот же – это понимание. Различен только вид понимания. Общим же для всех видов понимания является переход от постижения неопределенно-определенных частей к попытке схватить смысл целого, а затем уже к попытке, исходя из этого смысла, лучше определить эти части. Она может быть неудачной, когда отдельные части не дают возможности понять их таким образом. И это понуждает давать новое определение смысла, необходимое для понимания частей. Эти попытки продолжаются до тех пор, пока весь смысл, содержащийся в проявлениях жизни, не будет исчерпан. Собственная природа понимания заключается в том, что здесь образ не кладется в основание как некая внешняя реальность, что характерно для познания природы, которое оперирует тем, что может быть однозначно определено. В познании природы образ превращается в неизменную величину, обнаруживающуюся в созерцании. Предмет конструируется из образов как нечто устойчивое, что позволяет, в свою очередь, объяснить эту смену образов.

Отношение операций в понимании через сопряжение внешнего и внутреннего, целого и частей и так далее. Определенно-неопределенное, попытки определения, вечная незавершенность, переход от части к целому, и наоборот.

III. КАТЕГОРИИ ЖИЗНИ

Жизнь

Всмотримся в человеческий мир. В нем мы встречаем поэтов. Человеческий мир и является предметом их поэзии. В мире происходят события, которые поэт изображает. Миру принадлежат те черты, которые позволяют ему наделять значительностью определенные события. Итак, я считаю, что великая тайна поэта, созидающего поверх жизни новую реальность, которая, потрясая нашу душу подобно самой жизни, расширя-

ет и возвышает ее, может быть разгадана лишь тогда, когда будет осмыслена сопряженность человеческого мира и его наиболее характерных черт с поэзией. Ведь только так и может возникнуть теория, превращающая историю поэзии в историческую науку.

Жизнь – это взаимосвязь определяемых условиями внешнего мира взаимодействий между личностями, постигаемая в своей независимости от изменений места и времени. Я использую выражение жизнь в науках о духе лишь применительно к человеческому миру; тем самым уже определена область применения этого слова и исключается его неверное истолкование. Жизнь заключается во взаимодействии живых существ. Ведь психофизический процесс, который, согласно нашему пониманию, имеет начало и конец во времени, для внешнего наблюдателя есть нечто само себе идентичное благодаря тождеству наблюдаемых тел, в которых этот процесс протекает; но вместе с тем этот психофизический процесс отличает тот удивительный факт, что в сознании каждая его часть связана с другими частями посредством определенным образом характеризующегося переживания континуальности, взаимосвязи и тождества этого подвижного процесса. Выражение «взаимодействие» в науках о духе характеризует отнюдь не отношение, фиксируемое мыслью в природе как одна из сторон причинности; фиксируемая в природе причинность всегда предполагает, что *causa aequat effectum*⁶³. Напротив, само это выражение обозначает переживание; оно, в свою очередь, может быть представлено как отношение импульса и сопротивления, давления, осознания требований, радости за других и т. д. Импульс также обозначает здесь не силу спонтанности, причинности, принятую в объяснительных психологических теориях, а лишь определенное переживаемое положение дел, каким-то образом укорененное в живых существах, согласно которому мы можем испытывать на опыте интенцию к осуществлению движений, направленных на достижение какого-то внешнего результата. Так и возникают переживания, которые вообще-то выражаются во взаимодействии различных лиц.

Итак, жизнь – это взаимосвязь, в которой находятся эти взаимодействия при определенных условиях взаимосвязи объектов природы, подчиняющихся закону причинности и охватывающих также и область психических процессов, присущих живым телам. Жизнь всегда и везде определена пространственно и во времени – как бы локализована в пространственно-временной организации процессов, присущих живым существам. Если же фиксировать то, что всегда и везде присутствует в человеческом мире и что как таковое делает возможным определенное в

пространстве и времени событие, однако не путем абстрагирования от него, а с помощью созерцания, ведущего от этого целого с неизменно и постоянно присущими ему свойствами к тем свойствам, которые различаются во времени и пространстве, тогда возникнет понятие жизни, которое составляет фундамент всех отдельных формообразований и систем, основание нашего переживания, понимания, выражения и сравнительного рассмотрения их.

В этой жизни нас изумляет ее всеобщее свойство, испытываемое нами только в ней, а не в объектах природы, которые мы называем живыми или органическими живыми существами.

Переживание

1.

Жизнь самым тесным образом связана с наполненностью временем. Ее целостный характер, присущие ей процессы распада и то, что одновременно образует взаимосвязь и единство (самость), – все это определено временем.

Жизнь существует во времени как отношение частей к целому, то есть как некая взаимосвязь.

Таким же образом повторно пережитое дано в понимании.

Жизнь и повторно пережитое обладают специфическим отношением частей к целому. Это отношение значения частей для целого. Наиболее явно это отношение представлено в воспоминании. В любом жизненном отношении – будь то отношение целостности нашей жизни к самой себе и к другой целостности – вновь обнаруживается, что части имеют значение для всего целого. Я смотрю на ландшафт и постигаю его. Прежде всего надо исключить предположение, что это отношение является лишь интеллектуальным, а не жизненным. Поэтому нельзя назвать «образом» переживание момента, присутствующее в жизненном отношении к ландшафту. Я называю это впечатлением. По сути дела, мне даны лишь такого рода впечатления. Нет какой-то самости, изолированной от них, как нет и того, впечатлением чего они являются. Это последнее я лишь конструирую задним числом.

Примечание

Все же необходимо констатировать, что значение связано с целостностью познающего субъекта. Если обобщить это выражение таким об-

разом, что оно станет тождественным любому отношению между частями и целым, которое открывается субъекту, поскольку в него включен предмет мысли, точнее говоря, отношение частей в предметном мышлении или в ходе целеполагания, а следовательно, и всеобщее представление, конструирующее отдельные образы, тогда значение будет ничем иным, как принадлежностью к целому, в самом же целом разрешается загадка жизни: каким образом некое целое, будь оно органическим или душевным, может обладать реальностью? ...

2.

Настоящее, рассмотренное с психологической точки зрения, – это течение времени, длительность которого схватывается в единстве. Постигая характер настоящего, мы одновременно постигаем и то, что неразлично нами из-за своей непрерывности. Это – жизненный миг, переживаемый нами. Кроме того, мы схватываем в переживании и то, что структурно связано в воспоминании, даже если эта структурная связь различается в переживании в соответствии с моментами времени.

Принцип переживания: все, что наличествует для нас, как таковое дано лишь в настоящем. Даже если переживание относится к прошлому, оно наличествует для нас только как переживание в настоящем. Отношение к принципу сознания: принцип переживания является более общим (и полным). Ведь он охватывает и то, что действительным не является.

Следующий признак: переживание – это качественное бытие = реальность, которая не может быть определена путем осознания, но простирается до неразличимых глубин, которыми мы обладаем (NB: можно ли сказать: обладаем?). Переживание внешнего бытия или внешнего мира существует для меня таким же образом, как и то, что мною непонято, но лишь доступно. (Я говорю: мое переживание охватывает собой и то, что незаметно, и я могу его разъяснить.)

Факт: из того, что охватывается моим созерцанием (это слово взято в самом широком смысле), какая-то часть выделяется своей значительностью, ставится в центр внимания, апперцепируется, а затем отличается от неапперцепированных духовных процессов. Это и есть то, что мы называем «я», причем оно существует в двояком отношении – как «я есмь» и как «я обладаю».

Следующее доказательство: переживание одновременно содержит в качестве реальности структурную взаимосвязь жизни; пространственно-временная локализация, исходящая из настоящего и далее; а в ней –

структурная взаимосвязь, в соответствии с которой продолжает оказывать воздействие заключенное в ней целеполагание.

Если вспомнить о переживаниях, то своим способом воздействия на настоящее они отличаются (своей динамикой) от переживаний, полностью отошедших в прошлое. В первом случае вновь возникает чувство как таковое, в другом – представление о чувствах и т. д., и с настоящего момента существует лишь чувство, вызванное представлениями о чувствах.

Переживание и акт переживания неотделимы друг от друга; это два способа выражения одного и того же.

От переживания следует отличать суждения, данные в апперцепции: я испытываю скорбь, когда вижу умирающего человека или слышу сообщение о чьей-то смерти. В них содержится двоякая направленность высказываний, которые служат выражением данной реальности.

Длительность, схватываемая в понимании

В интроспекции, направленной на собственное переживание, невозможно постичь устремляющееся вперед течение психической жизни; ведь любая фиксация останавливает это течение и наделяет то, что зафиксировано, некоторой длительностью. Но и здесь отношение переживания, выражения и понимания делает возможным решение. Мы постигаем выражение деяния и переживаем в соответствии с этим выражением.

Движение времени вперед все больше оставляет позади прошедшее и устремлено в будущее. Серьезная проблема заключается в том, являются ли психические процессы просто протеканием чего-то... или же они суть деятельность, и решение этой проблемы может быть найдено, если мы сумеем отыскать способ выражения этого течения там, где его направление получает выражение в самом постигаемом. Но для этого недостаточно течения времени и психического суммирования прошлого. Я должен изыскать такой способ выражения, который мог бы протекать во времени и вместе с тем не нарушался бы со стороны чего-то внешнего. Такова инструментальная музыка. Каким бы образом она ни возникала, в ходе ее создания творец прослеживает ее взаимосвязь во времени, переходя от одного образа к другому. Здесь наличествует направление, деяние, устремленное к реализации, продвижение психической деятельности, обусловленность прошлым и, тем не менее, сохранение в себе различных возможностей, экспликация, которая одновременно и есть творчество.

Теперь становится зримой новая черта жизни, которая обусловлена временем, но, будучи новой, выходит за пределы жизни. Жизнь в своем своеобразии постигается с помощью категорий, которые чужды познанию природы. И здесь решающий момент состоит в том, что эти категории не приложимы а priori к жизни, как чему-то им чуждому, а укоренены в сущности самой жизни. Отношение, получающее в них абстрактное выражение, – это отношение есть исключительный пункт, на который и направлено понимание жизни. Ведь сама жизнь существует только в виде этого определенного способа сопряжения целого со своими частями. И если мы абстрактно выделяем эти сопряжения в качестве категорий, то уже сам этот подход предполагает, что число этих категорий не ограничено, а их отношение не может обрести логическую форму. Значение, ценность, цель, развитие, идеал – являются такими категориями. Однако все прочие категории зависят от того, что взаимосвязь течения жизни может быть постигнута лишь посредством категории «значения», а именно значения отдельных частей жизни для понимания всего целого, точно так же, как любой этап в жизни человечества становится понятным точно таким же образом. Значение – вот всеохватывающая категория, благодаря которой постигается жизнь.

Изменчивость присуща как объектам, которые мы конструируем в познании природы, так и жизни, осознающей себя в собственных определениях. Но только в жизни настоящее охватывает и представление о прошлом, присутствующее в воспоминании, и представление о будущем, данное в фантазии, которая осуществляет свои возможности, и в активности, которая ставит перед собой цели, учитывая эти возможности. Итак, настоящее наполнено прошлым и несет в себе будущее. В этом и состоит смысл слова «развитие» в науках о духе. Оно вовсе не обозначает то, что мы можем приложить понятие цели к жизни индивида, нации или человечества, реализующих эту цель. Это – неадекватный предмету способ рассмотрения, который следует отвергнуть. Понятие развития характеризует отношение, присущее самой жизни. Вместе с ним одновременно дано и понятие формообразования. Формообразование – всеобщее свойство жизни. Если мы глубже рассмотрим жизнь, то обнаружим формообразование, присущее и самым примитивным формам психики. Наиболее отчетливо формообразование проявляется в исторической судьбе выдающихся личностей; но нет жизни столь убогой, чтобы и она не содержала бы в себе формообразования. Там, где структура и взаимосвязь душевной жизни, коренящаяся

в ней и приобретенная благодаря ей, образуют устойчивость во всех изменениях и во всем преходящем, именно там течение жизни во времени, в соответствии с выше отмеченными отношениями, становится формообразованием. Но это понятие формообразования появляется все же только потому, что мы постигаем жизнь с помощью категории «значение».

Категория «значение» характеризует отношение частей жизни к целому, корнящемуся в сущности жизни. Мы обладаем этой взаимосвязью лишь в воспоминании, благодаря которому мы можем окинуть взглядом прошлое течение жизни. При этом значение обнаруживает себя как форма постижения жизни. Мы постигаем значение момента прошлого. Он имеет значение, поскольку в нем осуществляется связь с будущим посредством деяния или в силу внешнего события. Или он имеет значение, поскольку в нем представлен или план будущего образа жизни, или же план реализации этого образа жизни. Либо же он имеет значение для жизни всей человеческой общности, поскольку в силу вмешательства в нее определенного индивида его сокровенная сущность оказывает решающее воздействие на формирование всего человечества. Во всех этих и других случаях отдельный момент обретает значение благодаря взаимосвязи с целым, благодаря сопряжению прошлого и будущего, бытия отдельного человека и всего человечества. В чем же заключается специфический способ сопряжения части и целого внутри жизни?

Это сопряжение таково, что никогда не может быть полностью реализовано. С одной стороны, надо бы ждать конца жизни, чтобы в минуту смерти обозреть целое, исходя из которого можно было бы констатировать сопряжение его частей. Надо было бы ждать конца истории, чтобы обрести полностью материал, необходимый для определения ее значения. С другой стороны, целое существует для нас лишь так, что оно постигается из своих частей. Понимание всегда парит между этими двумя способами рассмотрения. Наше понимание значения жизни постоянно колеблется между ними. Любой жизненный план – это выражение понимания значения жизни. То, что мы в качестве цели выносим в будущее, обуславливает и определение значения прошлого. Реализующееся формообразование жизни обретает некий масштаб благодаря оценке значения того, что вспоминается.

Подобно тому, как слова обладают значением, благодаря чему они что-то обозначают, подобно тому, как предложения имеют смысл, который мы конструируем, из определенно-неопределенного значения частей жизни можно конструировать ее взаимосвязь.

Категория «значение» – это особый вид сопряжения, которым внутри жизни ее части связаны с целым. Это значение мы постигаем через воспоминания и возможности будущего, как и значение слов в предложении. Сущность сопряжений значения заключена в отношениях, которые присущи формообразованию течения жизни, происходящему во времени на основе структуры жизни при определенных условиях среды.

Что же конституирует эту взаимосвязь при рассмотрении собственного течения жизни, благодаря чему мы и можем связать отдельные части в единое целое, позволяющее понять жизнь? Переживание есть единство, части которого связаны общим значением. Воздействие на нас рассказчика в том и состоит, что он извлекает из течения жизни наиболее значительные моменты. Историк называет кого-то выдающимся человеком, а его жизненную судьбу значительной; по тому или иному влиянию каких-то произведений или самого человека на судьбу человечества он познает их значение. Части течения жизни имеют для этого течения как целого определенное значение: короче говоря, категория «значение» особенно тесно *связана с пониманием*. Эту взаимосвязь мы должны теперь попытаться раскрыть.

Любое проявление жизни обладает значением, поскольку оно, подобно знаку, выражает нечто, указывает, будучи выражением, на что-то такое, что принадлежит жизни. Жизнь сама по себе не означает чего-то от себя отличного. В ней нет обособления, на чем и могло бы основываться ее обозначение чего-то иного, внешнего ей самой.

Когда мы с помощью понятий что-то вычленим в жизни, мы прежде всего используем эти понятия для описания уникальных особенностей жизни. Всеобщие понятия тем самым служат выражением понимания жизни. Итак, здесь существует свободное отношение между предпосылкой и движением от нее к чему-то, присоединяющемуся к ней: новое не вытекает формальным образом из этой предпосылки. Наоборот, понимание движется от уже понятой черты к чему-то новому, понимаемому на основании достигнутого. Внутреннее отношение дано в возможности воспроизведения и повторного переживания. Таков всеобщий метод, коль скоро понимание не ограничивается сферой слов и их смысла, но ищет не просто смысла знаков, а более глубокого смысла проявлений жизни. Этот метод впервые предвосхитил Фихте. Жизнь подобна мелодии, в которой звуки не являются выражением каких-то реалий, присущих жизни. Мелодия заключена в самой жизни.

1. Простейшим случаем, в котором обнаруживается значение, является понимание какого-то предложения. Каждое из отдельных слов обладает значением, а из их объединения возникает смысл предложения. Этот подход состоит, таким образом, в том, что из значения отдельных слов складывается понимание предложения. Точнее говоря, существует взаимодействие между целым и частями, в силу которого «определяются» отдельные слова и «устраняется» неопределенность смысла, то есть смысловых возможностей.

2. Подобное же отношение существует между частями и всем ходом жизни в целом, и здесь также понимание целого – смысла жизни – проистекает из значения...

3. Это же отношение значения и смысла существует, следовательно, и применительно к течению жизни: отдельные события, которые его образуют, выступают в чувственном мире и так же, как отдельные слова предложения, имеют отношение к чему-то, что они значат. Благодаря этому любое отдельное переживания приобретает полноту значения исходя из некоторого целого. И подобно тому, как слова связаны в предложение для их понимания, подобно этому из взаимосвязи переживаний проистекает значение течения жизни. Аналогичным образом обстоит дело и с историей.

4. Итак, понятие значения изначально используется лишь применительно к процедуре понимания. Оно включает в себя только отношение внешнего, чувственного с чем-то внутренним, выражением чего оно и является. Однако это соотношение существенно отличается от грамматического. Выражение внутреннего в частях жизни отличается от словесных знаков и т. д.

5. Следовательно, слова «значение», «понимание», «смысл течения жизни» или «смысл истории» есть не что иное, как такое указание, как содержащееся в понимании сопряжение событий с некоторой внутренней взаимосвязью, благодаря которой они понимаются.

6. То, что мы ищем, – это способ взаимосвязи, присущий самой жизни; и мы ищем его, исходя из отдельных событий самой жизни. В любом из этих событий, которые привлекаются в ходе разыскания этой взаимосвязи, должно содержаться нечто от значения жизни – ведь в противном случае это значение не могло бы возникнуть из взаимосвязи отдельных событий. Подобно тому, как всеобщий схематизм естествознания обнаруживается в понятиях, посредством которых излагается господствующая в физическом мире причинность, а его специфическое учение о методе – в подходах, используемых для познания причинности, подобно этому здесь нам открыт доступ к категориям жизни, их

взаимным сопряжениям, их схематизму и к методам их постижения. Но если в естествознании мы имеем дело с абстрактной взаимосвязью, которая совершенно прозрачна по своей логической природе, то в науках о духе нам необходимо понять взаимосвязь самой жизни, которая недоступна исчерпывающему познанию.

Мы понимаем жизнь, лишь постоянно приближаясь к ней; иными словами, в природе понимания <и> в природе жизни заключено то, что жизнь, будучи постигнута с совершенно различных точек зрения, в которых постигается ее временное течение, предстает перед нами с совершенно различных сторон. В воспоминании (когда мы что-то вспоминаем) впервые и появляется категория значения. Любое настоящее исполнено реальностью. И ему мы приписываем негативную или позитивную ценность. Когда же мы стремимся навстречу будущему, возникают категории цели, идеала, формообразования жизни. Тайна жизни и заключается в том, что в ней реализуется высшая цель, которой подчинены все частные цели. В ней осуществляется высшее благо; и она должна быть определена идеалами. В ней реализуется формообразование. Каждое из этих понятий охватывает со своей точки зрения жизнь в целом: тем самым понятие обретает характер категории, с помощью которой понимается жизнь. Ведь ни одна из этих категорий не подчинена другой, так как каждая из них делает доступной для понимания целостность жизни с какой-то одной точки зрения. Поэтому они не сравнимы друг с другом. И тем не менее необходимо провести здесь одно различие. Самодостаточные ценности переживаемого настоящего существуют обособленно друг от друга. Они могут быть лишь подвергнуты сравнению. Жизнь с этой ценностной позиции представляется бесконечной полнотой ценностей существования, как негативных, так и позитивных, бесконечной совокупностью самодостаточных ценностей. Это – хаос, исполненный гармонии и диссонансов, но диссонансы эти не растворены в гармонических сочетаниях. Нет звука, исполненного в настоящем, который не имел бы музыкального отношения к предшествующему или последующему звуку. Соотношение между самодостаточными и производными ценностями полагает лишь причинные отношения, механический характер которых не позволяет постичь глубин жизни.

Категории, которые позволяют постичь жизнь с точки зрения будущего, предполагают категорию ценности; они разворачиваются в возможностях, направленных вперед – в будущее.

Только в сопряжении значения жизненных процессов с пониманием и смыслом жизненного целого взаимосвязь, которая содержится в са-

мой жизни, получает адекватное воплощение. Лишь в этой области в самой категории преодолевается простая рядоположенность и простое соподчинение. Тем самым категориальные соотношения ценности и цели, как отдельных сторон понимания жизни, воспроизводятся в совокупной взаимосвязи этого понимания.

Значение и структура

1. Взаимосвязь переживания в его конкретной действительности заключена в категории «значение». Это – единство, которое охватывает течение пережитого или повторно переживаемого в воспоминании, причем его значение состоит не в точке единства, лежащего по ту сторону переживания, а в самих этих переживаниях в качестве того, что конституирует их взаимосвязь.

Тем самым эта взаимосвязь есть некий содержащийся в природе переживаемого, присущий ему самому способ сопряжения, или категория.

То, в чем заключено значение жизни, что пережил индивид – я, или кто-то другой, или нация, – не определено однозначно самим наличием такого рода значения. То, что значение имеет место, всегда есть бесспорный факт для вспоминающего индивида, поскольку тот находится в определенном отношении к переживаемому. Лишь в последний миг жизни можно постичь ее значение, и, следовательно, значение может выявиться в конце жизни, в ее последнем мгновении или явиться тому, кто повторно переживает эту жизнь.

Так, жизнь Лютера получила свое значение в качестве взаимосвязи всех конкретных событий в обретении и реализации новой религиозности. В свою очередь, религиозность образует определенный этап в более универсальной взаимосвязи конкретного «до» и «после». Здесь значение рассмотрено исторически. Вместе с тем можно отыскать это значение и в позитивных ценностях жизни и т. д. В таком случае они соотносятся с субъективным чувством.

2. Здесь-то и обнаруживается, что значение не совпадает ни с ценностями, ни с их взаимосвязью в пределах отдельной жизни.

3. В то время как значение – категория, характеризующая неразложимую взаимосвязь жизни, категория структуры впервые возникает при анализе того, где живое вновь возвращается на круги этой взаимосвязи. В этом смысле анализ ищет лишь то, что сохраняется при этом возвра-

щении. Он не находит ничего, кроме того, что сохраняется в нем. То, что сохраняется, есть нечто прошедшее отбор, а понятие о нем значимо лишь в том случае, если с ним всегда связано сознание жизненной взаимосвязи, в которой оно сохраняется.

Сколь далеко может зайти это расчленение? Вслед за естественнонаучной атомистической психологией возникла школа Brentano, которая является психологической схоластикой. Ведь в этой школе вводились такие абстрактные сущности, как «разновидность действия», «предмет», «содержание», из которых она складывала жизнь. Свое крайнее выражение этот подход получил у Гуссерля.

В противоположность этому: жизнь есть нечто целое. Структура: взаимосвязь целостной жизни, обусловленная реальными отношениями с внешним миром. Разновидность действия и есть лишь такого рода отношение. Чувство или воля – это понятия, которые указывают на то, как воссоздать соответствующую часть жизни.

Значение, значительность, ценность

1. Каждый фрагмент объективного мира, который при своем истолковании сопрягается с жизнью и который в форме жизнепроявлений простирается на все объективации жизни, является состоящим из частей целым и одновременно – частью целого, так как включен во взаимосвязь действительности, в свою очередь подразделяющуюся на части и включенную в более широкую взаимосвязь. Итак, каждая часть обладает двояким значением, будучи членом более широкого целого. Это и есть та отличительная черта, которую жизнь сообщает всему пережитому и повторно переживаемому. Ведь в переживании уже заключена некая установка, некоторое действие по отношению ко всему тому, что обнаруживается в нем в качестве отдельного жизненного отношения, например, экономического бытия, дружбы, незримого мира. Этой установкой, этой внутренней позицией обусловлен некоторый комплекс воздействий. Жизни присуще сопряжение с тем, относительно чего она занимает позицию, определенный образ действия по отношению к этому последнему. Таковы суть вражда, отрешение от жизненных связей, уединение, любовь, уход в себя, тоска по чему-то, противопоставление себя другим, потребность в чем-то, постулирование чего-то, уважение к чему-то, форма, бесформенность, противоречие между жизнью и объективностью, бессилие жизни в объективном мире, воля, невозможность преодолеть существующие способы объективации для

того, чтобы жизнь вновь могла приносить удовлетворение, идеал, память, разобщение, воссоединение.

В самой взаимосвязи жизни существует страдание, вызванное конечностью существования, а также тенденция к ее преодолению, стремление к реализации и объективации, отрицание наличных пределов и их преодоление, разобщение и объединение.

Предикаты жизни суть несчастье, нищета, красота жизни, свобода, уклад жизни, взаимосвязь, развитие, внутренняя логика, внутренняя диалектика.

Противоположность установки на посюстороннее и потустороннее, на трансцендентное и имманентное, их примирение.

2. В возникающих таким образом сопряжениях фиксируется значительность отдельных частей жизни. Значительность – это определенность значения некоторой части для целого, возникающая на основе комплекса воздействий. Она обнаруживается в действии жизни по отношению к комплексу воздействий как некоторое отношение членов этого комплекса, которое простирается далее как переживание творческого порождения и связывает эти члены в некоторый порядок, независимый от этого порождения. Ведь творческое порождение конституирует все, что появляется в жизни. Для познающего она содержит только порожденное, ибо воздействие самости неизвестно. Однако действие и установка являются той более глубокой инстанцией, которая определяет способ порождения, пронизывающий жизнь; все понятия, развернутые выше, это *понятия жизни*, содержащиеся в самой жизни. В любом живом существе на каждом этапе жизни эти понятия вступают в новую взаимосвязь. Они придают всему, что наличествует для жизни, свою собственную окраску. Пространственные отношения, такие как широта, даль, высота, низ получают восполнение, проистекающее из действия. Это же относится и ко времени...

3. В соответствии с этими отношениями в антропологической рефлексии, искусстве, истории и философии возникает взаимосвязь, поднимающая до уровня сознания то, что обычно является всего лишь содержанием жизни.

Исходной является антропологическая рефлексия. Выявляемая ею взаимосвязь основана на таких комплексах воздействий, как страсть и т. д.; она предлагает их типологию и фиксирует значительность этих комплексов в целостности жизни⁶⁴.

Поскольку взгляд на собственную жизнь связан с рассмотрением жизни других лиц, а переживание и понимание собственной самости – с пониманием других людей и с умением разбираться в них, постольку возникают обобщения, в которых по-новому выражены ценность, значение и цель жизни. Они образуют особый слой между самой жизнью и ее изображением в искусстве и всемирной истории. Это литература с ее почти безграничным охватом. Здесь-то и встает вопрос о том, как исторические категории опосредствуют понимание в литературе.

Если изучение человека ограничить лишь рамками научной психологии (в том виде, как она развита в настоящее время), то подобное ограничение не будет соответствовать реальному историческому процессу изучения человека. Подход к изучению человека разыскивался в совершенно различных направлениях. Однако наиболее глубокое противоречие, существующее в этой области, – противоречие между тем, что мною когда-то было названо содержательной психологией (это можно было бы назвать также конкретной психологией, или антропологией), с одной стороны, и собственно психологией как наукой, с другой. Этой антропологии ближе вопросы о значении жизни, о ее ценностях, потому что она сама ближе к конкретной жизни. Таковы попытки вычленив в жизненных процессах определенные типы и уровни, в которых жизненные процессы реализуют значительность жизни определенного типа, – неоплатонический тип, мистический тип Средневековья, уровни у Спинозы.

В этих схемах получает реализацию значение жизни.

Основа поэзии – комплекс воздействий жизни, событие. Любое поэтическое произведение каким-то образом связано с переживаемым или требующим понимания событием. Изображая событие, оно наделяет значительностью его отдельные стороны с помощью свободного воображения, составляющего отличительную черту фантазии. Все, что уже было сказано о способе действия жизни, конституирует и поэзия, и она дает наиболее сильное выражение этому способу отношения к жизни. Тем самым любая вещь в своем сопряжении с действием жизни обретает и соответствующую этому окраску: дальше, выше, глубже. Прошое и настоящее – это не просто определения действительности, – через повторное переживание поэт воссоздает ту связь с жизнью, которая в ходе интеллектуального развития и под воздействием практических интересов отступила на задний план.

4. Значительность, которой целое наделяет факт как определенный элемент системы значения, – это жизненное, а не интеллектуальное отношение, не привнесение разума или мысли в элементы того или иного события. Значительность вырастает из самой жизни. Если в качестве смысла жизненного целого называют ту взаимосвязь, которая вытекает из значения его частей, то поэтическое произведение выражает смысл жизни посредством свободного творческого созидания связей значения. Событие превращается в символ жизни.

С антропологической рефлексии начинается любое прояснение и экспликация самой жизни, а значит, и поэзия. Глубины жизни, недоступные наблюдению и рассудку, извлекаются на свет. Так в поэте зарождается вдохновение.

Поэзия ограничена тем, что в ней не существует метода понимания жизни. Явления жизни не упорядочены в единую взаимосвязь. Сила поэзии – в непосредственном сопряжении события с жизнью, поэтому она становится непосредственным выражением жизни; вместе с тем поэзия – это свободное творчество, которое придает наглядное событийное выражение усматриваемой со своей точки зрения значительности.

Царство жизни, понятое как объективация жизни во времени, как выстраивание жизни в соответствии с отношениями времени и творческого порождения, является историей. Она – то целое, которое никогда не может быть завершено. Из того, что содержится в источниках, из случившегося историк выстраивает ход событий, комплекс воздействий. Он призван к тому, чтобы осознать действительность этого хода событий.

Итак, значение части здесь определено ее отношением к целому, но это целое рассматривается здесь как объективация жизни и понимается исходя из этого отношения.

Ценности

Царство ценностей все более и более расширяется – таков факт нашей духовной жизни. Сам этот факт говорит об отношении нашей собственной жизни к предметам, характер которых как раз и выражается в их ценностном определении. Итак, изначально ценность – не продукт образования понятий на службе предметного мышления. Ценность может стать такого рода продуктом, если он, с одной стороны, репрезентирует способ действия, а с другой стороны – включен в предметные отно-

шения. Точно так же обстоит дело и с оценкой ценностей. Оценка – способ действия, независимый от предметного познания. В этом смысле должно пониматься и выражение «ценностное чувство». Ценность – это абстрактное выражение указанного способа действия. Как правило, ценности выводятся психологически. Это соответствует всеобщности дедуктивного метода в психологии. Однако этот метод сомнителен, потому что он зависит от исходной психологической точки зрения на то, что считать ценностью, и на то, как должны устанавливаться отношения выведения между ценностями. И столь же ошибочна трансцендентальная дедукция, которая противопоставляет безусловные и обусловленные ценности. И здесь метод должен быть совершенно иным. Следует исходить из выражения, в котором уже заключено каждое отдельное наделение ценностью, и, продвигаясь таким образом, уяснить себе все эти ценности. И лишь затем можно ставить вопрос о самом существующем способе психического действия.

Сама жизнь мерцает в сменяющихся образах положительного и негативного действия, в радости, в удовольствии, в одобрении, в удовлетворении; постоянно конструируемые предметы становятся носителями эмоционального содержания воспоминаний, и эти предметы репрезентируют возможность вызывать многообразные душевные состояния. Мышление отделяет от самого предмета совокупность таких возможностей аффективного воздействия на душу и сопрягает их с предметом – так возникает созерцание и понятие ценности. Поскольку ценность всегда заключает в себе это особое сопряжение с аффицируемым субъектом, которое отделено от свойств, составляющих действительность предметов, постольку ценность в отличие от такого рода свойств всегда занимает особое место. Вместе с развитием жизни возрастает и многообразие возможного аффективного воздействия на душу. Воспоминание все больше перевешивает актуальные аффекты, изменяя эту структуру. Ценность обретает все большую независимость по отношению к появлению и исчезновению аффективного воздействия. Само это понятие – в том случае, если имеет место набор устойчиво существующих предметов, – может включать в себя лишь совокупность прошлых аффективных возможностей. Из практических отношений, в которых воля оценивает ценности согласно определению цели, возникает сперва сравнение ценностей друг с другом, в ходе которого ценность, рассматриваемая как благо или цель, сопрягается с будущим. При этом ценность обретает новую самостоятельность, соразмерную понятию: ее моменты объединяются общей оценкой, становясь расчлененным образованием; даже если ценности не сопряжены с волей, они продолжают

существовать в этой своей новой самостоятельности. Такова роль переживания в постепенном развитии понятия ценности. Еще раз подчеркнем, что речь идет всего лишь о выделении этой роли с помощью аналитического метода, а не в качестве временного момента. –

В осмыслении, в углублении «я» в себя возникает дальнейшая возможность превратить само это «я» в предмет и сделать его носителем возможностей с тем, чтобы получать удовольствие от себя самого и быть предметом наслаждения для других. Применительно к последнему случаю оно ведет себя не иначе, чем предметы, которые могут доставлять наслаждение, хотя мы и не можем сказать, доставляет ли им самим наслаждение то, что они суть таковы и ведут к такого рода результату. Однако там, где существо, которое может испытывать различного рода аффекты, становится предметом для самого себя, в силу чего возникает затем чувство самого себя, охватывающее все, на что распространяется воздействие этого существа, получающего удовольствие от этого воздействия, – там возникает совершенно особое понятие самооценности личности, которое отличает ее от всего остального мира, которому, насколько мы можем знать, неизвестно наслаждение самим собой. В этом заключается смысл выдвинутого в эпоху Возрождения понятия монады, в котором едины вещь, наслаждение, ценность, совершенство. В немецкую философию и литературу это понятие ввел Лейбниц, наполнив его тем сильным чувством, которое оно несет в себе.

Другую роль в развитии понятия ценности играет понимание. Начальным, тем, что дано в опыте собственной жизни, здесь является та сила, с которой индивид воздействует на нас. И по мере того, как понимание последующим образом конструирует этого другого индивида, осуществляется дальнейшее освобождение созерцания и понятия ценности от аффектов души. Ведь они здесь не только воспроизведены, но и отнесены к другому субъекту. Это влечет за собой намного более ясное постижение отношений между возможностью аффицирования и тем чувством самого себя, которым наделен субъект, этой возможностью обладающий. Самоценность личности полностью обнаруживается во внешней предметности, выражается в спокойной объективности всех ее отношений с миром. Здесь еще сохраняется одна граница, преодолеваемая исключительно с исторической дистанции. В такого рода понимании все еще слиты воедино сопоставление с собой, самолюбование, зависть, ревность, страдание под воздействием внешней силы; а масштаб, который позволил бы дать оценку прошлого, отсутствует.

Ценность – это предметное обозначение посредством понятия. Жизнь утасла в этом понятии. И тем не менее ценность не утратила своей связи с жизнью.

Коль скоро понятие ценности сформировано, оно может превратиться благодаря отношению к жизни в некую *силу*, поскольку оно схватывает то, что в жизни расчленено, смутно и текуче. Поскольку ценности открываются в истории, а ценностные интуиции, будучи выражением жизни, – в документах, то именно они воссоздают благодаря повторному переживанию их соотносительности с жизнью то, что в них уже содержалось.

Целое и его части

Жизнь, протекающая во времени и различающаяся в пространственном сосуществовании, категориально расчленяема в соответствии с отношением целого к своим частям. История, будучи реализацией жизни в течение времени или в одновременности, представляет собой – если рассматривать ее в категориальном аспекте – дальнейшее членение в соответствии с этим отношением частей к целому. Здесь нет ничего общего с той ситуацией, когда вошедший в комнату человек начинает рассматривать находящиеся в ней предметы; эти предметы представляют собой единое целое лишь в силу сопряжения с личностью, с жизнью, в которую они включены, в противном случае они не могут обнаружиться, поскольку не связаны взаимным отношением. Совершенно иначе обстоит дело в истории! Всякое формообразование с естественнонаучной точки зрения есть безучастный результат движения масс, а движение и массы, их закономерное соотношение не подвластны времени. Жизнь же, напротив, в любой своей форме внутренним образом сопряжена как часть с определенным целым, поэтому ее формы никогда не безучастны, поскольку они, и т. д.

Эта взаимопринадлежность обнаруживается в совершенно различных жизненных отношениях и в каждом из них по-разному.

Развитие, сущность и другие категории

Здесь возникают две новые категории. Жизнь и течение жизни представляют собой взаимосвязь. Эта взаимосвязь образуется благодаря постоянному обретению новых переживаний на основе прежних пережи-

ваний, что я и называю приобретенной взаимосвязью души. Формы взаимосвязи. Из природы этого процесса вытекает определенная длительность и непрерывность взаимосвязи при всей ее изменчивости. Для обозначения этого факта, который можно обнаружить в любой духовной жизни, я использую категорию сущности. С другой стороны, сущность постоянно меняется. Уже в этом содержится то, что изменение, возникающее вследствие внешних воздействий на единую жизненную взаимосвязь, вместе с тем определено этой взаимосвязью. Таким образом возникает характер любого течения жизни. Это и следует понять совершенно непредвзято. От всех теорем о постепенном и ступенчатом развитии надо отказаться.

Каков же этот процесс, проявляющийся во всем? Определенность единичного существования, любого его отдельного состояния включает в себя его пределы. Эти пределы следует отличать от пространственных границ. Природа этого понятия заключена в духовном. Единичное существование... – это индивидуальность. Из этого предела и проистекают страдания и стремление избавиться от них. В этом трагичность конечности и одновременно стремление превзойти ее. Внешне этот предел обнаруживается как давление мира на субъект. Оно может быть так усилено силой отношений и природой души, что затруднит движение вперед. Однако в большинстве случаев конечная природа способна преодолеть давление новых жизненных обстоятельств и разного рода отношений с другими людьми. А поскольку любое новое состояние в себе обладает конечным характером, постольку и в нем возникает та же самая воля к власти – как следствие зависимости, и та же самая воля к внутренней свободе – как следствие наличия внутренних границ. Все это, однако, удерживается вместе внутренней силой и внутренней границей, которые обнаруживаются в определенности единичного существования и приобретенной взаимосвязи, обладающей какой-то длительностью. Итак, в потоке жизни повсюду обнаруживается действенность одной и той же сущности. Во всем существует определенный предел возможностей, и все же существует свобода выбора между ними, а вместе с этим возникает удивительное чувство, что можно двигаться вперед и реализовывать новые возможности собственного бытия. Эту внутренне определенную взаимосвязь течения жизни, задающую непрерывный ход изменений, я и называю развитием.

Это понятие совершенно отличается от спекулятивных фантазий относительно последовательного продвижения ко все более высоким ступеням. Может быть, оно включает в себя рост ясности, дифференциацию и т. д. субъекта. Однако без реализации некоторого высшего зна-

чения течение жизни может оставаться привязанным к природной основе вегетативного роста, расцвета и распада от рождения до смерти, подобно низшим формам жизни. Течение жизни может рано склониться к закату или же восходить в своем движении до конца.

IV. БИОГРАФИЯ

1. Научный характер биографии

Мнения историков о научном характере биографии различны. Вопрос о том, включается ли биография в качестве части в состав исторической науки или же она существует вне ее, занимая во взаимосвязи наук о духе особое и самостоятельное место, есть, в конечном счете, вопрос терминологический; ведь ответ на него зависит от того смысла, который придают термину «историческая наука». Однако исходным пунктом любой дискуссии о биографии является теоретико-познавательная или методологическая проблема: возможна ли биография как общезначимое решение научной задачи? Я исхожу из того, что предмет истории дается нам в совокупности объективаций жизни: во взаимосвязь природы включены проявления жизни духа – от быстрых и мимолетных жестов и улетучивающегося устного слова до непреходящих поэтических творений, а упорядочивание, которое мы вносим в природу и в самих себя, включает также правовой порядок и установления, регулирующие нашу собственную жизнь. Они составляют внешнюю действительность духа. Документы, на которых преимущественно и основывается биография, – это остатки, сохранившие выражение и воздействие личности. Особое место среди них занимают, конечно, письма и другие сообщения личного характера.

Задача биографа состоит в том, чтобы из такого рода документов понять тот комплекс воздействий, в рамках которого индивид определен своей средой и реагирует на нее. Любая история должна постичь комплекс воздействий. Историк тем глубже проникает в структуру исторического мира, чем глубже он вычленяет отдельные взаимосвязи и изучает их жизнь. Религия, искусство, государство, политические и религиозные организации образуют такого рода взаимосвязи, пронизывающие всю историю. Исходной среди этих взаимосвязей является жизнь индивида в определенной среде, воздействия которой он испытывает и

на которую сам оказывает воздействие. Уже в воспоминании индивида дано ему это отношение: течение его жизни, ее условия и ее воздействия. Именно здесь мы имеем пражелеточку истории. Ведь собственно исторические категории вырастают из нее. Коль скоро ход жизни приобретает единство благодаря осознанию тожести, сохраняющейся в последовательной смене событий, все моменты жизни имеют свою основу в категории тожести. Дискретное, будучи связано, становится непрерывностью; выстраивая в одну линию воспоминания – от воспоминаний детства до воспоминаний взрослого человека, который утверждает по отношению к миру свое твердое, заключенное в самое себя внутреннее существо, мы определенным образом соотносим процессы воздействия и реакции на то, что уже сложилось и развивается как нечто, определенное изнутри самого себя. Внешние события, оказывающие воздействие на самость, имеют для нее ценность воздействия. Отдельные состояния самости и влияния на нее образуют свое значение в отношении к течению жизни и к тому, что формируется в нем.

Автобиография – это литературное выражение, размышление индивида о ходе своей жизни. Но в том случае, когда размышление о собственной жизни переносится на понимание жизни другого человека, возникает биография как литературная форма понимания чужой жизни.

Любая жизнь – и неприметного, и выдающегося человека, и повседневная, и необычайная – может стать предметом описания. Интерес к этому описанию может возникнуть по совершенно различным мотивам. В семье сохраняются семейные предания. Криминалистика и ее теории стремятся дать описание жизни преступника, психиатрия – патологической жизни ненормального человека. Все человеческое становится документом, который актуализирует в себе какую-то из возможностей нашего бытия. Однако исторически значимый человек, жизнь которого оказывает длительное влияние, в высшей степени достоин того, чтобы его биография приобрела форму художественного произведения. Среди этих исторически значимых людей особого внимания биографов заслуживают те, чье влияние связано с погружением в труднодоступные глубины человеческого бытия, кто достиг более глубокого проникновения в человеческую жизнь и ее индивидуальный облик.

Как можно отрицать то, что биография имеет непреходящее значение для понимания великой взаимосвязи исторического мира! Ведь налицо связь между глубинами человеческой природы и универсальной взаимосвязью развернувшейся исторической жизни, – связь, которая обнаруживает свое воздействие в любой точке истории. Именно

здесь обретаеся изначальная взаимосвязь между самой жизнью и историей.

Тем более насущно решение поставленной нами проблемы: как возможна биография?

Жизнь исторической <личности> – это комплекс воздействий, в рамках которого индивид воспринимает воздействия исторического мира, формируется ими и воздействует на исторический мир обратным образом. Она совпадает со сферой взаимосвязи мира, которая оказывает воздействие на индивида и, в свою очередь, испытывает воздействия со стороны формирующегося индивида. Именно в этом коренится сама возможность биографии, построенной научным образом: индивид не противостоит безграничной игре сил в историческом мире; наоборот, сфера его жизни – государство, религия, наука, короче говоря, собственная система жизни или взаимосвязь такого рода систем. Внутренняя структура этой взаимосвязи такова, что влечет за собой индивида, формирует его и определяет направленность его собственного воздействия: возможности, которые заключены в этой внутренней структуре в определенный исторический момент, и обуславливают исторические свершения.

Если взглянуть на жизнь Шлейермахера, то может показаться, что его биография исчерпывается многообразием его поступков. Однако при более внимательном изучении обнаружится, что неординарность этой личности заключена во внутренней взаимосвязи ее действий, объединяющей собой религиозность, философию, критику, новую интерпретацию Платона и апостола Павла, его активность на церковном и государственном поприще. Подлинная сила переживания и понимания, неторопливого разума, возвышающегося над жизнью и деятельностью человека, превращающего их в свой предмет, сила, основанная на постоянном преобладании в душе высшего сознания, которое поднимает человека над судьбой, страданием и миром ...

2. Биография как художественное произведение

Автобиография – это понимание самого себя. Именно здесь предметом оказывается жизнь, точнее говоря, течение жизни отдельного индивида. Именно здесь переживание является той постоянной, непосредственной основой понимания, которое связано с определением смысла жизни индивида. Переживание как постоянно отходящее в прошлое

настоящее объемлет члены той взаимосвязи, в которой отдельные части обнаруживают себя как элементы приобретенной взаимосвязи души. Одновременно новые части – и те, что вновь переживаются, и те, что вспоминаются, – оказываются воздействующим членом комплекса воздействий. Однако сам по себе комплекс воздействий оказывается не системой воздействий, но любое воздействие, проистекающее из настоящего, связано с сознанием устремленности к некоторым целям. Цели образуют комплекс воздействий, так как даже страсть включает в себя цель.

Итак, комплекс воздействий прежде всего переживается как реализация целей, – по крайней мере в большинстве случаев это ясно осознается. Этому комплексу подчинены объекты, изменения и переживания, выступающие как средство. Благодаря целям формируется план жизни, связывая воедино различные цели и средства. Все это уже предполагает в настоящем времени, когда и формируется план жизни, ценностное сознание, которое восполняет настоящее прошлым, наделенным своими собственными потребностями, иллюзиями и т. д. Итак, категориальное постижение значения настоящего противостоит постижению значения, сформированного в прошлом. В нем заключена сопряженность внешних, единичных событий с чем-то внутренним. Причем это внутреннее погружено во взаимосвязь событий, которая *не сформирована под воздействием последнего члена* этой взаимосвязи, но сосредоточена в центральной точке, которая и является тем *внутренним, с которым соотносится* любое внешнее. Бесконечный ряд воздействий, наделенных смыслом. Только смысл создает единство.

Понимание осуществляется применительно к любым внешним событиям. Этот ряд событий завершается только смертью, и их граница очерчена лишь тем, что продолжает сохраняться. В этом и состоит их преимущество перед автобиографией.

Биография может быть использована для понимания тех проявлений, в которых выражается план жизни и осознание ее значения. Одни письма выявляют оценку индивидом определенной ситуации, другие – обнаруживают значение отдельных моментов его прошлого. Формируется взаимосвязь, ведущая к пониманию: талант дает о себе знать, он осознает себя; здесь в письмах опущены некоторые обстоятельства, не упомянуты заблуждения и перенесенные страдания; в других случаях сказывается благотворное влияние среды; возникают внешние задачи, которые оказывает положительное или скверное влияние. Здесь всегда остается то преимущество, что единое течение жизни сохраняет в этом материале отношение внешнего к внутреннему, к значению жизни.

Имеющиеся свидетельства сами выражают это отношение – такова, например, автобиографическая проза Гёте*. Наблюдатель уже обладает сознанием исторического влияния, его границ и проч.

Письма выявляют те или иные моменты жизни. Они оказывают влияние прежде всего на того человека, которому предназначены. Они выявляют жизненные отношения, но рассматривают их лишь с одной стороны. Однако если жизнь, независимо от того, приобрела ли она законченный или даже исторический характер или нет, может быть оценена отныне в соответствии с ее значением, то это осуществимо лишь в той мере, в какой с помощью интерпретации наличных документов может быть выявлена связь с прошлым, с влиянием окружения, с тем, какое воздействие она была способна произвести в будущем. Эти документы позволяют понять индивида как средоточие воздействия различных сил – воспринимаемых и исходящих от него самого. Однако значение жизни в исторической взаимосвязи может быть установлено только в том случае, если как таковая будет разрешена задача постижения всеобщей взаимосвязи, отграниченной от этого индивида ...

Итак, биография как художественное произведение не может решить эту задачу, не обращаясь к историческому времени.

Тем самым изменяется, однако, исходная точка зрения. Если граница истолкования индивида состоит в том, что коль скоро он центрирован на самом себе, то и самими биографами он помещается в центр рассмотрения. Биография же как художественное произведение должна найти такой исходный пункт, который позволил бы расширить общеисторический горизонт, сохранив, тем не менее, центральное положение этого индивида в рамках некоторого комплекса воздействий и значений: задача, которую любая биография может решить только приблизительно. С одной стороны, биография должна объективно выявить этот комплекс во всем многообразии его сил, его историческую определенность, ценности этой определенности и этого комплекса значений. При этом всегда должна осознаваться его безграничность, возможность расширения во все стороны, и, тем не менее, центральный пункт этой системы отношений должен фиксироваться в индивиде. Из этого следует, что художественная форма биографии применима лишь к историческим личностям. Ведь только они способны стать такого рода центральным пунктом.

* См. мою статью «Гёте и поэтическое воображение» [GS V, 282 ff.].

Трудность, заключающаяся как бы в двоякой точке зрения биографов, никогда не может быть полностью преодолена.

Роль биографии в историческом описании постоянно возрастает. Биография была уже подготовлена романом. Возможно, Карлейль был первым, кто наиболее полно осознал значение биографии. Он ссылается на то, что трудная проблема, поставленная развитием исторической школы вплоть до Ранке, заключается в отношении самой жизни, взятой во всей ее многосторонности, к историографии. Разрешить эту проблему должна история как целое. Все предельные вопросы о ценности истории находят свое окончательное решение в том, что человек познает в ней самого себя. Мы постигаем человеческую природу не с помощью интроспекции. В этом состояло чудовищное заблуждение Ницше. Именно поэтому он и не смог понять значение истории. Более широкая постановка задач истории имплицитно содержится уже у Гегеля. Здесь мы подходим к ней ближе, чем в том случае, когда мы занимаемся изучением жизни естественных народов, до определенной степени лишенной исторического измерения и отличающейся единообразным повторением одного и того же жизненного содержания. Такова, так сказать, природная основа всей истории. Таким же образом и выдающиеся человеческие личности требуют совершенно нового подхода к изучению, который делает зримыми границы человеческой жизни с других сторон. Промежуточное положение занимает изучение нравов. Исходными пунктами такого изучения были биографии, написанные Карлейлем, трактовка Якобом Буркхардтом оснований отдельных целостных культур, описания нравов, осуществленные Маколеем, а также работы братьев Гримм. Такова та основа, на которой биография как художественное произведение получила новое значение и новое содержание.

Однако именно в этом заключены и ее собственные пределы: всеобщие движения проходят сквозь индивида как сквозь транзитную точку; нам необходимо найти новые основания для их понимания, основания, не сводящиеся к индивиду. Биография сама по себе не может превратиться в научное художественное произведение. *Существуют новые категории, образы и формы жизни, к которым и следует обратиться и которые сами не обнаруживаются в индивидуальной жизни.* Индивид – это лишь точка пересечения систем культуры и организаций, куда влетено его бытие: как же можно их понять исходя из индивида?

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

ПОЗНАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. История

Прочные отношения исчезают в автобиографии. Мы захвачены потоком жизни, и бескрайнее море вбирает нас.

1. Различие между точками зрения ценности, значения, цели здесь продолжает сохраняться, но изменяется способ их сочетания.

2. Субъект, в котором и для которого наличествует смысл жизни, стал ныне проблематичным. Только ли для индивидов существует счастье (Лотце)?

3. Если субъектом считается отдельный субъект, отдельное лицо и т. д., то всякий раз из этого проистекает своеобразная точка зрения, при которой постигается значение, смысл и т. д. Об этом писал Зиммель⁶⁵. Ложная последовательность ряда различных истин. Но именно в универсальной истории эти различные точки зрения посредством систематических наук поднимаются до объективности.

Наглядность истории. Внешнее и внутреннее, одновременность, последовательность. К этому добавляется проблема изложения, а также способ наглядного представления течения времени некоего в себе бесконечно делимого ряда. Переживаем, даже если совсем ничего не переживаем...

История делает нас свободными, поскольку она возвышает нас над возникающей по ходу течения нашей жизни обусловленностью воззрений на значение. Но одновременно значение теряет здесь свою определенность. Осмысление жизни делает нас глубокими, история – свободными.

Но в этом бескрайнем море мы используем средства ориентации, которые вырабатываются в ходе переживания и понимания, в автобиографии и биографическом художественном произведении. Таковы исторические категории, возникающие из рефлексии о жизни как

мыслительные средства ее постижения. В понимании уже дана категория целого. Ход времени, течение жизни есть отношение частей к целому. Затем в биографии возникает категория качественно определенного индивидуального существования. Но поскольку индивидуальное существование обусловлено извне и оказывает обратное воздействие наружу, в нем даны категории действия и претерпевания. Любое индивидуальное существование в истории есть сила и одновременно находится во взаимодействии с другими силами. Индивидуальное существование развертывается в ходе течения жизни, в различные моменты этого течения испытываемое на опыте ограничение вызывает страдание, ощущение гнета или ведет к переходу к некоторому другому, более подходящему в этот момент состоянию, это индивидуальное существование – сохраняясь и одновременно изменяясь в любом состоянии – обретает свое счастье в этом переходе (а может быть, этот переход и составляет его счастье), причем действующий в нем закон образует внутреннее правило всех этих изменений таким образом, что достигнутое в настоящий момент состояние изнутри определяет будущее, – из всего этого возникают исторические категории сущности и развития. Сущность характеризует здесь продолжительность изменения, а развитие – лишь полученную взаимосвязь определенной формы процесса, охватываемую законом. Переживание или постижение отдельных людей нам ничего не говорят о развитии как прогрессе.

2. Новая задача

Однако бросим взгляд назад. Между категориями, которые особенно важны для наук о духе, существует внутренняя взаимосвязь*.

Их сопряжение друг с другом образует эту взаимосвязь, благодаря которой качественно определенное индивидуальное существование – индивид – приходит к пониманию. В этих сопряжениях мы постигаем теперь взаимосвязь, с помощью которой понимание схватывает данную действительность в соответствии с ее значением. Она является качественно определенным индивидуальным существованием. Это последнее повсюду – от отдельного выражения вплоть до субъекта всех выражений – обнаруживает отношение целого к частям. Это и есть взаимосвязь. Вза-

имосвязь есть структура. Из нее проистекают сущность и развитие. И поскольку лишь это сопряжение, свойственное любому отдельному существу, применимо ко всем данным формам его выражения, постольку и понимание этого индивида возникает в категориях ценности, значения, цели. В этом понимании он реконструируется как духовная взаимосвязь с помощью указанных понятий...

ПЕРВЫЙ ПРОЕКТ ПРОДОЛЖЕНИЯ К ПОСТРОЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО МИРА В НАУКАХ О ДУХЕ

1. Фундаментальное отношение: *структура исторических образований*

В той мере, в какой мы сталкиваемся с историческими образованиями, мы эмпирически находимся с ними в некоем единстве и взаимосвязи. Благодаря этому они становятся для нас предметами, включенными в более широкий порядок. Любое образование действует в исторической взаимосвязи благодаря присущей ему силе. Оно обладает своей собственной сущностью. В нем осуществляется развитие, которое несет в себе некий новый закон, возвышающийся над развитием индивида. Тем самым возникают новые задачи.

Как возможно разграничение его посредством понятий?

Круг в образовании понятий.

Какое дальнейшее развитие приобретают категории и понятия, постигающие индивидуальное существование?

Как возможно здесь объективное познание?

ВХОЖДЕНИЕ ВО ВСЕМИРНУЮ ИСТОРИЮ

Поскольку мы переходим здесь к истории, первоочередной проблемой представляется проблема отношения жизни и истории. К этому и ведет тот путь, на который мы вступили. В любой точке распространения истории в пространстве или во времени налична некая живая, действующая душа, сложившаяся под влиянием образования и реагирующая на любые воздействия. Любой важный документ является выражением этого. То, что относительно какой-то эпохи документы эти порой оказываются столь скудными, – результат выбора, осуществленного историей

* См. мою книгу «История молодого Гегеля» [GS IV].

как воспоминанием из груды написанного. Она превращает в пыль, золу или хлам все то, что не имеет значения. Категория «значение» здесь выступает по-новому. Но по сути все имеет значение, так как оно, будучи выражением бьющихся и трепещущих человеческих сердец, <позволяет заглянуть> в то, что в некоторый момент настоящего было *возможностью* переживания. Ведь речь идет о том, чтобы разыскать саму душу, которая в условиях текущего момента времени и некоторого пространства всякий раз связана с определенными возможностями, – разыскать один случай среди по-своему безграничных возможностей, предоставляемых историческим процессом.

Если мы обратим свой взгляд на историографов, то увидим, что под понятием репрезентации (изображением какой-то эпохи на примере некоторых людей) все они имеют в виду отношение к тому широкому слою, который заключает в себе человеческое воспоминание. Маколей и некоторые другие английские историки ближе всего подошли к этой проблеме.

ЛОГИЧЕСКАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ В НАУКАХ О ДУХЕ

Исходный пункт – переживание. Но оно есть структурная взаимосвязь, и в любой репрезентации жизни, доставляемой науками о духе, эта жизненная взаимосвязь всегда наличествует. Она налична там, где я слушаю рассказ, читаю о каком-то историческом деянии, продумываю понятийную взаимосвязь, например, взаимосвязь труда в рамках национальной экономики, или взаимосвязь ценностей, или юридическую взаимосвязь свода законов, или политическую взаимосвязь некоторой конституции. Во всех этих случаях всегда присутствует эта жизненная взаимосвязь, которая оказывает воздействие на понимание этих случаев, и репрезентации вновь вызывают ее к жизни. Однако и поток времени, пронизывающий всю человеческую действительность, всегда является также и действенным фактором процесса постижения. Один и тот же временной поток пронизывает исторический мир и меня самого, пристально всматривающегося в этот мир. И уловка духа заключается в том, чтобы собрать этот поток воедино и придать ему ускоренное движение, сохраняя, однако, при этом меру длительности в самом течении жизни. Так драматург в идеальном временном порядке умеет сжать в считанные часы события, длящиеся целые годы.

ИСТОРИЧЕСКИЙ МИР И ЗНАЧЕНИЕ

Из переживания вырастают исторические категории ценности и цели. Но уже в переживающем субъекте, обращающем свой взгляд назад, в прошлое, в ходе осуществления им понимания возникает значение, и таким вот образом взаимосвязь замыкается на себе самой как категориальная форма.

Итак, обнаруживая в истории взаимосвязь, мы просто <применяем> понятие значения. Но речь идет о том, чтобы применить это понятие к действительности во всем ее объеме. История есть та область, где жизнь становится прошлым и где это прошлое становится предметом понимания. А там, где есть история, есть и значение во всем его многообразии. Оно существует там, где индивид репрезентирует нечто такое, что выходит за его пределы, сосредотачивая его в себе и придавая ему, так сказать, цельную наглядность в отдельном явлении. Оно существует там, где взаимосвязь изменяется под влиянием какого-то события или какой-то личности или сообщества (в истории никогда не бывает простой совокупности следствий как некоей суммы).

ЦЕННОСТЬ И ИСТОРИЯ

1. В историческом мире сохраняется также и связь ценностей с постоянным мерцанием, чередой ярко вспыхивающих и гаснущих аффектов души. Ценность не обладает здесь никакой реальностью, которая не была бы связана с ними. Здесь обнаруживается сбивающее с толку бесконечное многообразие, бесконечный горизонт, подобный тому, который открывается перед нами при взгляде на незнакомый вечерний город, огни которого вспыхивают, загораются ярким светом и гаснут, исчезая в неразличимой дали⁶⁶. Но все эти вспышки и искры принадлежат некоему нам совершенно чуждому, удаленному от нас в пространстве и времени предметному миру. Так разворачивается далее понятие созерцания и понятие ценности в историческом смысле. Жизнь отдельных индивидов приобретает заверченный характер. Ее собственная ценность теперь становится полностью обозримой. Теперь предстоит новая переоценка ценностей, которая больше не имеет ничего общего с практическим поведением. Здесь обнаруживается масштаб величайших известных нам собственных ценностей: градация идет вверх от людей со средними способностями, чем дальше взор проникает в прошлое, тем отдаленнее и объективнее стано-

вятся эти ценности – историческая дистанция оказывает такое же воздействие, как и дистанция, отделяющая нас от персонажей какого-нибудь произведения искусства. По мере погружения в историю уменьшается сама возможность сравнения нашей собственной судьбы и ценностей с этими историческими эпохами.

2. В этом многообразии исторических ценностей на передний план выступает прежде всего различие вещей, которые являются ценными лишь с точки зрения пользы, и вещей самоценных, имеющих собственную ценность и наделенных сознанием самих себя. Эти ценности составляют материю исторического мира. Они подобны звукам, из которых ткется мелодическая ткань духовного универсума. Любой из них занимает вполне определенное место в этой ткани благодаря своему отношению к другому звуку. Но звук этот имеет не только свои определенности – силу, высоту, продолжительность звучания, но как индивид он оказывается еще и чем-то неопределимым, неповторимым, не только в том отношении, в котором он находится к другим звукам, но и по самой своей сущности.

Жизнь – это полнота, многообразие, взаимодействие всего того единобразного, что переживают эти индивиды. Она по своей материи едина с историей. История в любой точке есть жизнь. А жизнь всякого рода в различных отношениях составляет историю. История – это жизнь, рассматриваемая исключительно с точки зрения всего человеческого, образующего единую взаимосвязь.

Эти индивиды с их целями и значением, будучи самоценными создателями жизни и истории, в первую очередь представляют собой действующие силы; наполняясь сознанием ценностей, они становятся целеполагающими индивидами, то есть силой, сопрягающейся с утилитарной ценностью предметов. И поэтому исторический мир преисполнен целями, он является – взятый как чистое многообразие сил – миром, наполненным целями.

И цели также берут начало своего развития в том пункте, где субъект направляет свой взгляд в будущее, взвешивает ценности и принимает решение о благе. От процесса, в ходе которого субъект полагает цель, здесь также отделяется появление цели внутри духовного хозяйства, которое не связано с этим процессом. Цели становятся самостоятельными действующими силами внутри этого духовного хозяйства. Следующий феномен состоит здесь в том, что цели оказывают свое воздействие в течение длительного времени, не будучи даже осознаваемыми. В историческом мире действуют страсти, душевные состояния: они остаются связанными с внутренним существом личности; иначе действует цель.

Переживание и понимание впервые открывают нам то, что они пронизаны взаимосвязью. Мы понимаем только взаимосвязь. Взаимосвязь и понимание соответствуют друг другу.

Эта взаимосвязь есть комплекс воздействий. В психическом единстве жизни, в истории, в системах культуры и в организациях все постигается в постоянном изменении, и эти изменения являются результатом воздействия действующих субъектов, независимо от того, возникает ли это отношение в одном индивиде в силу его структуры или же в сложных фактических образованиях. То, что комплекс воздействий может иметь характер имманентной телеологии, ничего не меняет; ведь эта последняя есть лишь одна из форм воздействия.

В истории и в обществе повсеместно существует отношение между целым и частями⁶⁷; и это отношение определяет непосредственно вытекающую отсюда форму воздействия в историческом мире. Именно здесь мы встречаемся с первыми составными частями, элементы которых являются несамостоятельными постольку, поскольку они не могут функционировать вне сопряжения с целым.

И если органические тела в этом смысле также образуют целое, части которого не функционируют самостоятельно, а осуществляют функцию, которая и составляет их сущность, только в своем отношении к целому, – то единства человеческой психофизической жизни образуют целостность в особом смысле. Сингулярна ведь любая данность, будь то органическая, неорганическая или духовная. И то, что мы в ходе размышления и рефлексии постигаем психофизический процесс, можно было бы рассматривать как его некоторый дополнительный признак, который, однако, не является исчерпывающим обозначением того, что характеризует эту взаимосвязь. Психическая взаимосвязь здесь структурна. Она есть комплекс воздействий, в котором то, что воздействует, продолжает существовать как психический факт и сопрягается с результатом воздействия. Этот комплекс воздействий распространяется на отношения мышления к постижению данного, постижения данного к наделению ценностью, наделения ценностью к целеполаганию, а внутри каждой из этих областей – на особые отношения того же рода, содержащиеся в конститутивном для этих областей типе сопряжения. Вся эта взаимосвязь сопряжений действует телеологически, создавая ценности и реализуя блага и цели. Среди ценностей особую роль играет собственная ценность личности. Ее характер заключается в том, что жизненное единство радуется опреде-

ленным свойствам, обладает самоощущением, которое связано с ним; и так как эти свойства связаны с каким-то индивидуальным ядром, которое коренится во взаимосвязи личности, то и эта собственная ценность является индивидуальной. Речь всегда идет о специфической взаимосвязи неповторимой личности, благодаря которой она и является тем, что она есть, ощущает и наслаждается так, а не иначе. Оценка других людей ведет к развитию этого отношения. Таким образом, индивид центрирован в самом себе. С другой стороны, любое сообщество также разворачивает ценности, любое историческое движение стремится к этому и действует в том же направлении. Так в историческом и социальном состоянии возникает отношение, сообразно которому приобретает значение собственная ценность, смысл собственного существования единичных психических процессов, а, с другой стороны, психофизическое единство получает – в особенности в пределах целевой взаимосвязи – некоторое значение для целого. Этот комплекс значений и есть то, что постигается историком. Он заново им не оценивается, а признается в качестве действительности. В качестве действительности он конституирует значительность, интересы единичного человека, взаимосвязь значительных моментов между собой, короче говоря, вносит расчленение во временной поток⁶⁸.

То, что личность согласно своему самоощущению рассматривает в качестве ценности, является...

ИСТОРИЧЕСКАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ

В свое время Гегель поставил проблему: найти взаимосвязь понятий, которая привела бы их к ступени осознания. Эта взаимосвязь обнаруживается в метафизике, натурфилософии и науках о духе. Существуют идеальные ступени духа, на которых самость обнаруживает себя как дух, объективирует себя во внешнем мире и познает себя как абсолютный дух.

В этом и заключается гегелевская интеллектуализация истории. История не только познается в понятиях, но эти понятия составляют ее сущность: именно на этом основано ее адекватное познание. Дух и история отныне открыты. В них более не присутствует никаких тайн.

Насколько же иначе относятся к истории настоящие историки!

Однако история также не исчерпывается описанием индивидуального многообразия исторических феноменов. Если бы удерживались только эти феномены, то невозможно было бы познание истории. Ин-

дивиды как таковые оторваны друг от друга. Глубочайшая сущность истории, в соответствии с которой она объективирует дух человеческого сообщества, осталась бы непостижимой.

В понимании исторического продукта как выражения чего-то внутреннего еще не заключено никакого логического тождества, но содержится лишь специфическое отношение тождести, присущей различным индивидам. Индивиды понимают друг друга не благодаря своему равенству – только понятия равны друг другу и поэтому взаимопереводимы. Они понимают друг друга благодаря тому, что индивид, основываясь на выражениях и воздействиях, оказываемых совершенно иным индивидом, имеет возможность в определенных пределах повторно переживать его внутренние состояния и процессы как то внутреннее, что принадлежит этому другому индивиду. Ведь индивид обладает возможностями, которые выходят за пределы того, что он может реализовать на протяжении собственной жизни. Мы все живем, будучи ограничены приобретенными и хорошо освоенными определениями нашего существа. Но поскольку – а именно на этом и основано сознание свободы – в нашем воспоминании и в нашем волеении будущего, а также, вероятно, и в нашей никогда не затвердевающей жизненности, заложены многие возможности жизни, то наша фантазия выходит далеко за пределы того, что мы можем переживать и реализовать в границах нашей собственной самости.

ИСТОРИЧЕСКИЙ СКЕПТИЦИЗМ

1. Значением и ценностью не может обладать нечто такое, чего нельзя понять. У дерева нет и не может быть значения.

Историческая теория Зиммеля, согласно которой наделение истории формой является необходимым, так как иначе нельзя охватить все ее части, ложна, поскольку посредством объединения может быть репрезентировано множество ее частей⁶⁹.

В истории изменений, происходящих в мире, я никогда не сталкиваюсь с выбором момента, который и т. д. В этом заключается отличие истории объектов природы от истории человека.

Главную опору исторический скептицизм находит в том, что всегда можно поставить под сомнение комплекс воздействий, управляемый человеческими мотивами; ведь весьма сомнительно, что отдельный человек знает свои мотивы, а еще более сомнительно то, что и другие люди понимают их. Лишь в весьма незначительном объеме можно выявить

воздействие собственных интересов, честолюбия, желания власти, тщеславия на решающие поступки. Даже устные или письменные свидетельства относительно этого остаются шаткими. Но именно здесь и открывается подлинное пространство того, что знатоки людей и обывателей рассматривают как истинную историю. Особенно это присуще французам, обнаруживающим особую прозорливость, особое высокомерие по отношению к вещам и людям в том, что в основу великих человеческих свершений они полагают мелкие эгоистические мотивы. Они привыкли к подобному объяснению вследствие прагматического метода, который там, где ему не удастся применить политическую теорию или оценить расстановку военно-политических сил, прослеживает связь мотива, поступка и последствия. Именно отсюда проистекает копание в мотивах и страсть к умалению великого в мемуарах. Наконец, французскому духу свойственна прозорливость относительно личных мотивов, денежных и социальных отношений, – прозорливость, для которой остаются непонятными и немецкое чувство долга, вытекающее из самой сути вещей, и немецкая наивность относительно личных целей.

Природа прагматической историографии, которая хотя и ищет комплекс воздействий, но лишь внутри границ взаимосвязи мотива, поступка и исторического последствия. Типичен в этой связи так называемый морализм Шлоссера, который является одним из таких прагматических историков с примесью французского стремления умалить великое, опираясь, правда, на моральную оценку.

2. Исторический скептицизм может быть преодолен лишь в том случае, если метод не будет нуждаться в констатации мотивов.

3. Исторический скептицизм преодолевается лишь тем, что на место психологической изоциренности ставится понимание духовного образования. Оно наличествует для нас как внешняя объективация и поэтому может стать предметом понимания как определенного рода искусства.

4. Духовные образования распадаются на три класса. Высшей степенью надежности обладает понимание в области истолкования научного духа. Возможность замены.

Второй степенью надежности обладают произведения жизненной мудрости, религии, искусства, философии. Отчасти они суть выражение жизненной взаимосвязи личности, а отчасти – жизненной взаимосвязи.

Третий и наиболее сложный случай составляет область поступков и целеполагания. Отношение полагания целей, поиска средств и поступка является рациональным и прозрачным, однако совершенно иными

являются мотивы, которые определяют целеполагание. Нацеленные на всеобщее поступки, становящиеся историческими, не сопровождаются осознанием мотивов. Возможно, однако, что они находятся в ясной взаимосвязи с объективной необходимостью, которая накладывается на целевые системы и внешние организации; но вместе с тем для последствий этих поступков мотивы совершенно безразличны: они зависят только от представлений о цели и возможностях средств. Тем самым систематические науки о духе, соотносящиеся с миром поступков, обретают фундамент для надежного понимания этого мира.

Следовательно, здесь метод понимания становится более сложным, поскольку он включает в себя сравнение и т. д.

ВОЗМОЖНОСТЬ ОБЪЕКТИВНОГО ПОЗНАНИЯ В НАУКАХ О ДУХЕ

Проблема возможности объективного познания в науках о духе возвращает нас к вопросу о том, как это познание может реализоваться в истории. Как возможна история? В этой постановке вопроса скрыта своя предпосылка: определенное понятие истории. Мы видели, что данное понятие зависит от понятия жизни. Историческая жизнь – часть жизни вообще. Но эта последняя дана в переживании и понимании. Жизнь, если брать ее в таком смысле, распространяется на все сферы объективного духа, поскольку доступ к нему открывается благодаря переживанию. Жизнь есть тот фундаментальный факт, который должен составлять исходный пункт философии. Жизнь – это, что известно изнутри, то, что не может иметь под собой никакого более глубокого основания. Жизнь не может быть приведена к суду разума. Жизнь исторична, поскольку она постигается как движение во времени и как возникающий в ходе этого движения комплекс воздействий. Такого рода постижение возможно в силу воссоздания этого процесса в воспоминании, которое воспроизводит не нечто частное, а воссоздает саму взаимосвязь, ее стадии. То, что воспоминание осуществляет в ходе постижения самого течения жизни, в истории достигается посредством проявлений жизни, которые объемлет объективный дух, путем связывания согласно течению времени и ходу воздействий. Это и есть история.

Первым условием для построения исторического мира является очищение его от искаженных и нередко испорченных воспоминаний человечества о самом себе с помощью критики, осуществляемой в корреляции с истолкованием. Поэтому основной исторической наукой является филология, понимаемая в ее формальном смысле как научное ис-

следование языков, в которых отложилась традиция, как собирание наследия существовавшего до сих пор человечества, как очищение его от ложных напластований, как хронологическое упорядочивание и увязывание документов в соответствии с их внутренней взаимосвязью. В этом смысле филология – это не вспомогательное средство для историка, а ближайшая область применения его методических подходов.

Объективность истории возможна лишь тогда, когда среди разнообразных точек зрения (а с них-то и может быть осуществлена взаимосвязь целого и выделены отдельные части, необходимые для его складывания) выделяется та, которая позволяет постигать эту взаимосвязь в том виде, как она имела место.

Прежде всего следует ввести понятие значения. Взаимосвязь истории есть взаимосвязь самой жизни, в той мере, в какой жизнь при определенных условиях природной среды порождает взаимосвязь. Некоторая часть, которая принадлежит взаимосвязи целого, обладает значением относительно этого целого постольку, поскольку эта часть реализует отношение к этому целому, содержащееся в жизни. Ведь само по себе отношение целого к части вовсе не предполагает, что часть эта имеет значение для целого. В этом прежде всего и состоит неразрешимая, как кажется, загадка. Мы должны строить целое из определенных частей, и в этом целом должен заключаться момент, который и придает каждой отдельной части значение, а следовательно, и указывает ей на ее место.

Но как мы уже видели, именно это и приводит в движение исторический труд, осуществление которого ограничено взаимной зависимостью достигнутых определений или, иначе говоря, взаимозависимостью целого и его частей. Что такое жизнь – это должна сказать история. История неотделима от жизни, будучи течением жизни во времени, поэтому история и получает в ней свое содержание.

Из этого круга можно было бы найти простой выход, если допустить существование безусловных норм, целей или ценностей, в которых историческое рассмотрение и постижение имели бы свой масштаб.

История сама реализует ценности, значимость которых вытекает из экспликации отношений, содержащихся в жизни. Таковым является, например, обязательство, основанное на договоре, а также признание достоинства и ценности любого индивида, рассматриваемого как человек. Эти истины – общезначимы, потому что они позволяют осуществить упорядочивание в историческом мире.

2. Структура всякой исторической взаимосвязи

Проблема истории состоит в следующем: каким же образом там, где одна самость оторвана от других самостей, где имеет место лишь взаимодействие отдельных сил, из этих индивидов может возникнуть субъект, действующий и страдающий как единая самость? Системы культуры, общественные течения и движения, организации являются такого рода общностями, взаимопринадлежными целыми, в которых отдельные люди различным образом взаимодействуют друг с другом как части целого.

1. Природа этого взаимодействия в соответствии с его различными видами ... Первое отличие заключается в том, что каждый отдельный индивид не входит в эти сложноплетенные образования как целое, но лишь какой-то частью своей самости.

2. Все они различаются... Взаимосвязь в них отличается от взаимосвязи самости тем способом, каким в них обнаруживается пространство и время. У них есть пространство для расширения; в них во все большей мере включается все большее число лиц. Они могут преодолевать дистанции в пространстве; индивиды, связанные таким образом, могут находиться далеко друг от друга – словно бы преодолевая пространственные расстояния, они могут образовывать здесь единую взаимосвязь. (Ср. теорию структуры.)

Точно так же преодолевают они и обширные промежутки времени, и любая такого рода взаимосвязь имеет в своем распоряжении длительное, даже неограниченное время для своего развертывания. Время с присущей ему формирующей силой делает это возможным и усиливает ее воздействие в них.

3. Эта взаимосвязь индивидов, в которой они, отныне ставшие лишь частью целого, взаимодействуют между собой, сравнима с душевной взаимосвязью. И в том, и в другом случае эти части уже не являются самостоятельными субстанциями, а взаимодействуют в соответствии с предписанным им законом. В отличие от неорганического мира эта взаимосвязь дана не только извне, в силу чего она оставалась бы неразрешимой загадкой, но эта взаимосвязь переживается – тем или иным образом. Те способы, каким эта взаимосвязь может переживаться, хорошо различимы. Она может работать как сознание, когда различные лица разделяют одинаковое ощущение, имеют общую цель или подчинены единому управлению; при этом здесь всегда наличествует одно и то же сознание, в рамках которого отдельные люди корреспондируют друг с другом. Таким образом, здесь обнаруживаются и те же категории, которые присущи всякой психической взаимосвязи. Существует отношение целого и частей; это и есть

первое определение того, каким образом психическая взаимосвязь обнаруживает свой исторический характер. Но вместе с тем необходимо констатировать различие, которое проявляется в данном отношении.

Всякая такого рода взаимосвязь обладает структурой, в соответствии с которой ее части составляют целое. Тип этой структуры отличается от структуры души. И внутри исторических взаимосвязей также существуют различия, которые необходимо фиксировать.

Из этого вытекает основа для оправдания критики исторического разума, для переноса понятия структуры на эти образования.

Каждый индивид есть единичная сила. Каково то отношение, в котором определенные стороны или части различных индивидов, гомогенные друг другу, взаимодействуют, становясь целостной силой? Этим предполагается, что взаимосвязь конститутивно содержится в этих гомогенных сторонах индивидов (ср. мою работу «Введение в науки о духе»).

4. Поскольку гомогенные части в своей взаимосвязи с жизнью отдельных лиц заключают в себе направленность на то, что должно быть реализовано в будущем, постольку такая историческая взаимосвязь реализует то, что заключено в будущем. Здесь категория цели, используемая по отношению к отдельному лицу, может быть перенесена на такого рода взаимосвязь, правда, лишь с весьма значительным изменением своего смысла.

5. Еще труднее понять, в каком смысле историческая взаимосвязь оказывается способной созидать ценности.

6. В любой взаимосвязи, формирующейся во времени, существует воспоминание о его течении. Течение времени есть основное свойство любой исторической взаимосвязи, а течение психической жизни на разных своих стадиях включает в себя и какую-то степень воспоминания. Категория значения.

3. Субъекты исторических высказываний

Новые субъекты приобретают отдельное существование. В каком смысле мы говорим о них? В чем заключается критическое право рассматривать их как носителей высказываний?

ВОЗНИКНОВЕНИЕ БЛАГОДАря ИСТОРИИ ОСОЗНАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ И СООБЩЕСТВА

Если сообщество отныне надо определять в качестве субъекта, то из этого следует вывод, согласно которому необходимо под этим углом зрения

по-новому рассмотреть духовный мир и в первую очередь поставить вопрос: каким образом такое сообщество становится субъектом, способным, подобно индивиду, действовать единым образом?

Сюда вносят свой вклад прошлое, актуальное взаимодействие и будущее.

Здесь видно, что история, о пользе которой так много дискутируют, действует продуктивным образом как осознание сообществами их истории жизни, как память о течении их жизни. Если мы изучаем историю сообществ, мы должны помнить о том, что существует и обратное: история как память человечества эти сообщества как раз и формирует. И, наоборот, имея своим истоком чувство единства, сознание сообщества создает героев – основателей рода, основателей государств, учредителей религий. Так велика власть наших связей с прошлым, так велико стремление к переносу единства нашего собственного течения жизни на совместную жизнь индивидов в формах сообщества.

4. Раса, народ и т. д. как конкретно-исторические субъекты

5. Системы культуры

Круг в их определении.

В чем заключается их единство?

Взаимосвязь в них.

Отношение систем культуры и организаций.

Они могут быть отделены друг от друга только в абстракции.

ГЕРМЕНЕВТИКА СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Организации, подобно отдельным произведениям, также нуждаются в искусном и строгом истолковании. Достичь такого истолкования можно не через объяснение организаций из их истоков, а через возвращение к производящим причинам. Борьба различных школ объяснения: рационального, психологического или исторического. То, что оказывается здесь возможным, предполагает применение герменевтики к отдельным организациям и сравнение тех из них, которые являются родственными. Но остается нерешенным один трансцендентный вопрос.

Герменевтика здесь возможна, потому что между народом и государством, верующими и церковью, научной жизнью и университетом существует отношение, согласно которому общий дух, единая форма жизни находятся в структурной взаимосвязи, в которой они выражаются. Здесь, следовательно, существует отношение частей к целому, в котором отдельные части получают свое значение от целого, а целое – свой смысл от частей, и благодаря этому указанные категории истолкования обретают свой коррелят в структурной взаимосвязи организации, в соответствии с которой она телеологически осуществляет некую цель.

Но в чем же заключается специфичность структуры организаций и категорий их понимания? Просто существование организации как таковой не имеет никакой ценности. Цели в структурной взаимосвязи соответствуют определенное свершение, функция и т. д.

6. Экономическая жизнь

7. Право и его организация в сообществе

8. Расчленение общества

9. Нравы, этос и жизненный идеал

10. Религия и ее организация

РЕЛИГИОЗНОСТЬ

Среди всех переживаний, на которых основывается объективация и организация духа, религиозность занимает особое, центральное место. Это показывает история. Но то же следует и из антропологического осмысления. Здесь корень взаимосвязи между переживанием и пониманием поэтов, художников, религиозных деятелей и философов. Во всех них возникают... из опыта самой жизни возникает то, что выходит за ее пределы. В любом случае в самой жизни заложен момент, который превышает ее. Специфическая черта религиозности заключается в том, что испытываемая на опыте жизнь вступает в сопряжение с незримым. В са-

мой жизни оно является чем-то превосходящим жизнь и одновременно оказывающим воздействие в пределах ее самой. Это сопряжение возникает, однако, из реальности опыта жизни, достигающей своего высшего проявления у великих религиозных деятелей. Религиозным гениям присущи не грезы о потустороннем, характерные для чувствительных душ, напротив, сама жизнь, испытываемая на опыте и истинная по своей природе, непреклонная в своей суровости, столь странно сочетающая страдание и счастье, указывает на нечто такое, что являясь извне, проистекает из своих собственных глубин, <вторгаясь> в жизнь как нечто чужеродное, словно бы входя в нее из незримого. Никакое художественное произведение не способно облегчить для этих совершенно естественных натур гнета жизни, действительности, которая вторгается в существование любого человека. Смерть как тень сопровождает каждый момент жизни Кальвина. Для протестанта за опытом блаженства веры, обретаемой благодаря божественному избранию, всегда стоит ужасная мысль, порожденная бездонным проклятием других душ. И сделав самих себя орудием Бога, деятельные натуры в состоянии достичь внутреннего спокойствия. Созерцательные, миролюбивые натуры в эпоху Реформации искали другой путь. И чем интенсивнее человек живет в соответствии со своей собственной сущностью, чем решительнее он освобождаст себя от мирских побуждений, от разнообразных социальных привязанностей, тем сильнее в нем страх бездны, обнаруживающейся в каждом из нас. Он ощущает себя одиноким и оторванным от других людей. Он хотел бы преодолеть эту оторванность от них. Таким образом, сама жизнь в своем глубинном существе влечется ввысь, вовнутрь и к незримому миру, сливаясь с другими душами в любви и понимании.

Решающее здесь то, что религиозные гении никогда не впадают в пошлость бездумного существования, в повседневное забвение памяти и будущего, в бегство в фантазию. И здесь нет никакого упоения игрой мирских сил – упоения, которое также предполагает забвение мысли о смерти и спасении души.

1. Отныне то, что религиозные объекты всегда являются предпосылкой для переживания и тем самым религия... в сеть традиции...

2. И если она разрывается, то в природе переживания и понимания все же продолжает сохраняться значение жизни, включение целей в незримое, восполнение ценностями.

Религия возникает из общения с незримым. Однако не из этого общения самого по себе возникают формы религиозности. Общение это, скорее, сопровождает формирование личности вплоть до умиро-

творяющего единства (блаженство), и только оно и является действительностью. Испытываемые на опыте моменты этого формирования, переживаемые в религиозном опыте. Переживания этого формирования не являются только доктринальными, как и не являются они мимолетными движениями души – они возникают в личности, которая на свой особый манер реализует задачи своей жизни. Следовательно, в основе возникновения той или иной формы религии всегда лежит одно и то же – попытки постановки себе некоей цели, иллюзии относительно ценностей, достигаемых при осуществлении этих целей, новое обретение ценностей, определение значения жизненных отношений.

Постичь, что есть религия, так нелегко, потому что все формы ее выражения и сохраняющиеся на протяжении веков произведения, в которых она представлена как догмат, вера, суеверие, религиозное искусство, религиозное мировоззрение, сперва требуют интерпретации, позволяющей постичь те движения души, которые стоят за всем этим.

1. Все, что составляет предметное содержание жизни и ее коррелята – мира, может быть объектом надления религиозной ценностью.

2. Но религиозное надление ценностью никогда не является чем-то изначальным. Религиозная ценность в отличие от жизненной ценности и т. д. не есть совокупность совершенно независимых ценностей. Напротив, она предполагает опыт надления жизненной ценностью, который на основе определенной тональности или оттенка душевной жизни подчеркивает невозможность преодоления давления окружающего мира (Паскаль), сопротивления ему, его нереальность, хрупкость, разложимость, непостижимость, а с другой стороны – необходимость устойчивости мира, возможность доверия, согласия. Но это все еще не есть религиозное настроение. Оно становится религиозным лишь тогда, когда незримое начинает выступать средством конституирования мира души на основе соответствующего этому чувства. Итак, прежде всего возникает понятие *религиозной потребности*, той специфической потребности, которая находит свое удовлетворение в религии. Там, где она не предшествует религии или играет в религиозной жизни души служебную роль конститутивного момента, там существует только религия предания, религия привычки. У всякой религиозной натуры, в силу своеобразия ее душевного склада, обуславливающего особую оценку жизни, есть способность к созданию оригинальных концепций.

11. Искусство

12. Науки

13. Мировоззрение и философия

ИСТОЛКОВАНИЕ ФИЛОСОФСКИХ СИСТЕМ

1. Простейший случай: главное произведение. Проблема: отношение систематического изложения к смыслу в соответствии со значением частей, собственной ценности истин и т. д. Вспомогательные средства: история развития.

2. ... Платон и Лейбниц. Здесь постижение смысла их работ и их смысловое отношение к целому, так как они не являются частями, из которых соразмерным образом складывается целое, предполагает историю развития, позволяющую оценить значения отдельных работ для целого.

НАУКИ О ДУХЕ И ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ

I.

1. В интеллекте и во влечении заключено стремление, корнящееся в душевной жизни. Управляет этим стремлением удовольствие.

2. Структура душевной жизни телеологична, то есть обладает стремлением к дальнейшему развитию.

3. Продолжительное удовлетворение, независимое от собственной жизни, возникает только при согласии между этим стремлением и великими объективностями, которое делает возможным удовлетворение.

4. Условием существования этой жизненной взаимосвязи является право и мораль. Это условие состоит в том, что соблюдение взаимных обязательств осознается нами как долженствование. Трансцендентальные исследования его априорных предпосылок нерезультативны.

II.

Современное философское мышление истосковалось и изголодалось по жизни. Оно стремится возвратиться к полнокровным радостям жизни, к искусству и т. д.

Сравнительное исследование культуры.

1. Один из признаков культуры заключается в том, что, движимая существующими организациями, она достигает высшей точки в своем развитии, где отдельные системы связываются в гармоническую структуру, после чего на основе подлежащих исследованию отношений следует распад.

Содержание не оторвать от формы, в которой гармоническая структура достигает своей высшей точки в развитии. Понятия жизни, например, обязанность, служба, художественное изображение жизни посредством пропорции, света и тени, наслаждение порядком звуков в мелодии, в гармонии, трагические отношения характера, поступка, вины и судьбы – во всем этом формируются жизненные содержания. Теория этого формирования.

Содержания, то есть реальности или качества, постигаются в самой жизни сообразно своему значению. Это постижение получает свое выражение в искусстве и т. д. Каково же это отношение?

2. На высшей точке развития, из которой всегда следует исходить (это важнейшая методическая позиция), развивается установка сознания, которая, на основании сопряжения элементов культуры, образующих некоторую структуру, позволяет определенным образом выражать ценности, значение и смысл жизни. Все это находит свое выражение в некоей внутренней взаимосвязи между антропологической рефлексией и основывающимися на ней произведениями поэзии, религии, философии. В этой взаимосвязи сопрягаются между собой чувство настоящего, память о прошлом и ожидание будущего. Она обретает смысл в воспоминании, чувстве жизни как актуальном чувстве ценностей и в идеале (благе). Граница каждой культуры обнаруживается на высшей точке этого притязания, устремленного в будущее.

14. Взаимосвязь организаций в государстве

15. Нации как носители власти, культуры и т. д.

16. Человечество и всеобщая история

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИЙ.
ДУХОВНЫЕ ДВИЖЕНИЯ. ЭПОХА.

РЕВОЛЮЦИЯ

Изменения, происходящие в историческом мире, подразделяются на ряд основных типов. Они могут быть поняты постольку, поскольку осуществляются в узком кругу внутри некоторой системы культуры, или одновременно с системой культуры и организацией той или иной нации, или в некотором более широком целом, а именно внутри различных сторон жизни этого целого. С другой стороны, они могут быть постигнуты, поскольку распространяются на большие или меньшие интервалы времени. Эти различные способы постижения обусловлены природой движения, которое мы постигаем. Оно распространяется расширяющимися кругами различного размера и реализуется на протяжении различных периодов времени.

Однако необходимо принять во внимание все разнообразие такого рода единых по сути изменений, чтобы тем самым прояснить их пространственный и временной масштаб.

И вновь обнаруживается, что проведение размежеваний здесь возможно лишь благодаря тому, что единство значения соединяет ряды изменений. Поскольку сами по себе все эти изменения одинаковым образом связаны друг с другом, то причинно такие события, как возникновение немецкой империи или Французская революция, не будут оторваны от того, что происходило или будет происходить до или после того в соответствующем круге событий. Но такого рода группировка событий невозможна ни по содержанию, ни по своим чисто объективным взаимоотношениям.

Для того, чтобы решить этот вопрос, я буду исходить из систем изменений, которые можно было бы назвать революциями. Их общий признак заключается в том, что долго сдерживаемое движение внезапно разрушает существующие правовые порядки и распространяет присущую ему силу на более широкие круги.

Здесь, в свою очередь, выделяются те революции, в которых подавленные интересы соединяются с массивами идей, накопленными в течение долгого времени, в силу чего эти революции имеют особое значение. А именно, по своим последствиям они не только не ограничиваются использованием и объединением интересов как таковых,

но и, будучи реализацией массива идей и идеалов, в своем воздействии выходят далеко за пределы этого.

Такова природа двух ужасающих явлений – Реформации и Французской революции. Реализация идей в них как таковая воздействует на те отдаленные области, где сколько-нибудь родственные интересы находятся как бы в дремлющем состоянии. Тем самым смысл этой реализации не исчерпывается фактическими следствиями внутри той сферы интересов, в которой она коренилась.

В обоих случаях взрыву предшествует, с одной стороны, медленное накопление массива идей, а с другой стороны, длительное сопротивление, имеющие место внутри организации. Власть этой организации подавляет тенденции к изменению, существующие в ней. Там – организация церкви, а здесь – организация государства.

Но если все-таки революция случается, то, протекая в самом центре бурного культурного развития, она является принадлежностью определенной системы и овладевает душами людей настолько, что другие интересы отступают на задний план, – все те интересы, которые в...

ТЕОРИЯ ИСТОРИИ

ДУХ КАК ПРОДУКТ ВНУТРЕННЕГО УСВОЕНИЯ И ЕГО ОБЪЕКТИВАЦИЯ В ИСТОРИИ

1. Ошибка Гегеля состоит в имманентном конструировании ступеней духа, в то время как возникают они из взаимодействия определенного момента с историческим состоянием. В своей внутренней сущности, соответствующей мысли, дух сам уже является продуктом закономерного движения общественного мира.

2. Из этого проистекает внутреннее родство обоих.

3. Объективация является другой важной проблемой исторической науки. Она осуществляется:

а) в выражении – как искусство и свободная литература;

б) в репрезентациях, соответствующих мысли;

с) в организациях, в которых изменение приобретает устойчивую длительность и регулируемый, организованный, непрерывный, постоянный характер воздействия;

д) в праве. Право – это совокупность принудительных правил, которыми определяются внешние поступки. Следовательно, в нем объективируются понимание: (1) ценностей, в которых нуждается обще-

ство, их распределения по ступеням в уголовном праве и так далее; (2) форма регуляции, которая обусловлена экономической социальной жизнью, и т. д.;

е) объективация в системе преподавания. Его особое место. Здесь желаемое состояние, вытекающее из существующего идеала жизни, достигается благодаря воспитателю и системе подготовки подрастающего поколения. Речь идет не об отдельных поступках, а о чем-то таком, что после завершения образования сохраняется в качестве габитуса. Так идеал данной эпохи и народа живет среди воспитателей. Следовательно, он невыразим рациональным образом. Он реализуется лишь благодаря искусству воспитателя;

ф) объективация в церковных организациях. Здесь объективируется то, что получило свое развитие в ходе общения с незримым: религиозный опыт, возникающие из него догматы, формы религиозного общения.

Вывод: историческая наука должна, следовательно, изобразить: 1) процесс внутреннего усвоения данного исторического мира на основе предшествовавшей ступени, 2) процесс объективации.

ДВИЖУЩАЯ СИЛА В ИСТОРИИ

Эта проблема впервые появляется в ранний период творчества Гегеля. Но ей недостает психологического обоснования и разработки. Всегда остается неудовлетворенность состоянием культуры. Возникает порыв выйти за его пределы.

УНИВЕРСАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ

Его предпосылками являются автобиография, биография, история наций, систем культуры, организаций. Любая из этих историй имеет свой собственный центральный пункт, к которому относятся все события и поэтому также ценности, цели, значительность, вытекающие из этого отношения.

На отношении этих моментов друг к другу основывается возможность приближения к объективной универсальной истории.

Это прежде всего должно быть выявлено из истории историографии, благодаря которой последняя достигает осмысления самой себя.

Первая вежа – Фукидид. Он рассматривает свой предмет как комплекс воздействий, в котором военное искусство, внешнее и внутреннее управление государством, культура, политика, борьба законоуложений взаимодействуют, будучи преисполнены решимости усилить мощь Греции. Здесь, согласно Эдуарду Мейеру, который видит в Фукидиде свой идеал, из конечной точки ретроспективно конструируется причинный ряд, который определяет это конечное состояние. Фукидид устанавливает принцип отбора и формирования материала (тенденцию направленности), и его повествования в решающих, важнейших пунктах содержат мотивационные понятия – как бы монолог в великой драме. Дипломатические послания могут быть рассмотрены таким же образом.

Следующая вежа – Полибий. Здесь размышление о политической организации соединяется с фукидидовским прагматизмом. Значение моментов определено отношениями между политической организацией Рима, его мировым господством и влиянием ... определяющим их достижение. Мало кто из историков мог бы придать универсальному материалу столь прочное единство значения.

Универсально-историческая теория Средневековья не могла быть просто позаимствована у Оттона Фрейзингенского. Уже Данте продвинулся дальше в объяснении, поскольку он позволяет увидеть связь с Фомой. Основой является устанавливаемое в теологии-философии отношение между Богом и целевой взаимосвязью мира и т. д. Следовательно, здесь впервые утверждается тезис об универсально-исторической взаимосвязи, и она постигается как взаимосвязь значения или целевая взаимосвязь. Поскольку в нее включено все аристотелевское учение о государстве, а также доктрина римской империи и, равным образом, доктрина Царства Божия, постольку она и есть полная систематическая взаимосвязь.

Вместе с этим универсально-историческое мышление вновь достигает своей высшей точки. Недостаток в том, что эта теория основывается на религиозной метафизике и подчиняет системы культуры этим двум типам организаций.

В дальнейшем вновь возникает смешанное состояние исторического мышления, поскольку постепенно а) развивается теория конституций, а также теория внутренних отношений, существующих между конституцией и властью организации (Макиавелли, Гвиччардини), б) проводится исследование целевых взаимосвязей (их возрастающая дифференциация и естественная система), прежде всего культуры, сначала как этапа расцвета искусств и литературы, позднее как пути религиозного развития и, наконец, как прогрессивного развития наук, человеческой соли-

дарности и, в конечном счете, с) расцвета наций как носителей истории и их отношений друг с другом (историческая школа).

Более высокая форма смешанного состояния исторического мышления основывается на том, что постигается соотношение друг с другом аналитически выделенных и теоретически развитых моментов.

Комплекс воздействий, состоящий из сосуществования и последовательности человеческих событий, не является универсально-историческим. Приведем один только пример. В этом комплексе воздействий вряд ли стоит упускать из виду тот факт, который свидетельствует о числе и способностях детей Лютера или Шиллера, и если мы действительно намереваемся использовать понятие ценности фактов для жизни их обоих, то и эти факты должны быть признаны нами как весьма важные.

ДОПОЛНЕНИЕ К ИСТОРИИ ИСТОРИОГРАФИИ

К отдельным местам мы считаем необходимым добавить следующее.

1. Исходный пункт идеи прогресса в историческом переживании, связанном с прогрессом наук и господством над природой. Это переживание впервые должно было появиться в эпоху открытий. Одним махом кардинально изменилось отношение к античности. Был сделан шаг за ее пределы. Все знание прежних времен съезжилось до карликовых размеров; формы уступили место законам, а законы и т. д. У Бэкона это историческое переживание достигло философского осознания. С исторической точки зрения древние казались ему детьми, причем младенческого возраста. А его современники – поистине старцами, которые распространяют опыт, преодолевают предрассудки и превращают обобщения в закон. Влияние в различных странах. Лейбниц.

Как проявляется отмеченное здесь в жизненном чувстве эпохи? Насколько изменяется историческое сознание? Мосты отсутствуют. Разрыв отношений с прошлым. Декарт: «Вот моя библиотека!»⁷⁰

2. Другое историческое переживание прогресса выразилось в религиозном просвещении. При этом испытывалось не только негативное чувство распада прежней веры: одновременно возникло новое, позитивное содержание веры. Дальнейшее развитие христианства.

Лейбниц – первый мыслитель, который осуществил это развитие исторического сознания. Свидетельство – его введение к «Теодицее»⁷¹. Другие свидетельства содержатся в его переписке с Боссюэ и католиче-

скими учеными. Он считает, что любое возвращение к Библии, как, впрочем, и к католическому вероисповеданию, недостаточно. Этому соответствует, как я уже показал, разложение догмата об оправдании. Лессинг.

Следовательно, у Лейбница к прогрессу в естественнонаучной системе культуры присоединяется прогресс в религиозной системе культуры. Невозможно заглянуть в душу Лейбница. Он никогда не обращался к своим собственным глубинам. Он жил в многообразной, законосообразной объективности мира. И его попытки обоснования догматов всегда оборачивались защитой их возможности. То, что он религиозным образом переживал, было связано с Просвещением и было чем-то новым.

Однако здесь пролегла граница эпохи... Свободный дух, имея перед глазами античность, римскую империю, не мог усмотреть в таких карликовых государствах, как Ганновер и Бранденбург, более высокую ступень развития.

В переживании Лейбницем жизни всегда – и в случайных фразах, и в системе в целом – подчеркивалось: жить – это значит быть деятельным, двигаться вперед. И счастье есть чувство этого движения вперед. Уже Гоббс, которого он весьма основательно изучил, высказывал тот же тезис. Он всегда был связан у него с осознанием многообразного, закономерного мира. В соединении этих двух тезисов и заключалось его собственное бытие. Итак, осознание самого себя было осознанием прогресса и развития. Но сам мир – совокупность развивающихся монад, для него, согласно метафизике эпохи, оставался тем, что включено в ход времени с помощью закономерной взаимосвязи.

3. В ходе двух событий оказались преодоленными границы, сдерживающие понятие всеохватывающего развития, которое уже в течение долгого времени стояло на пороге исторического сознания: борьба североамериканских штатов за независимость и два десятилетия спустя – Французская революция. В новой и важнейшей сфере духа – в реализации идей в экономике, праве и государстве – осуществился прогресс, выходящий далеко за пределы прошлого. Человечество достигло осознания своих внутренних сил. Естественное право находит свою реализацию в Северной Америке, а вся совокупность современных идей – во Французской революции. Отныне обнаруживается, что движение, которое идет от высоких идей к высочайшим формам жизни, не имеет границ.

Шлётцер со своим презрением к карликовым государствам Греции и т. д.

17. Природа системы. Цель книги

ОТНОШЕНИЕ НАУК О ПРИРОДЕ И НАУК О ДУХЕ

Если собрать здесь вместе определения наук о духе, то, в конце концов, станет очевидно, что фундаментальное различие наук о природе и наук о духе заключается в их методе, их силе и их границах. Науки о природе состоят исключительно из точно констатируемых высказываний, между которыми существует отношение восполнения целостности физического мира. Прогресс, который присущ их положениям, относится или к расширению этого мира, или ко всеобщности его познания. Но он никогда не относился к опровержению последующими истинами основания ранее достигнутых истин. Напротив, эти первые истины являются ближайшим выражением некоего факта, в наименьшей мере гипотетического; и чем дальше разворачивается всеобщность, тем сильнее становится момент гипотетичности в нем. Всегда речь идет о положениях, которые выражают некое фактическое состояние.

Их основа, непосредственно выступающая перед естествознанием, суть образы, которые возникают в органах чувств и как таковые являются ясными и отчетливыми и из которых строится конструкция всеобщего представления, подвергаемая затем логической проверке. Выражением всеобщего представления в мысли является предмет. В этом пункте признается, что всеобщее представление и предмет мысли близки друг другу. Естествоиспытатель принимает реальность предмета, как он дан ему в сопротивлении и т. д., без какой-либо проверки. Если он поднимается до критического осознания, то он рассматривает предмет в его отношении к актуальному чувственному восприятию, то есть как феномен, и любой его фрагмент всегда сохраняет феноменальный характер.

Итак, естественная установка естествоиспытателя – это не постижение законов, а речь, скорее, идет о том, чтобы 1) выразить некое фактическое состояние в каком-то разграничении (орбита Марса и т. д.), 2) именно эта задача приводит к тому, что она становится разрешимой благодаря анализу, поскольку постигается закономерность гомогенного, и, наконец, 3) речь идет о том, чтобы достичь синтеза.

В сравнении с этим науки о духе и т. д.

Мы более не подходим к жизни с помощью системы, а исходим из анализа жизни. Но реальным предметом этой проблемы должен быть весь объем социально-исторического мира во всей интенсивности антропологического знания.

Эта проблема выступает в одном ряду с проблемой естественнонаучного познания. <Отношение наук о природе и наук о духе> не есть ни отношение между отдельными реальностями, ни отношение между отдельными методами.

Из обоих отношений, взятых вместе, возникает философский вопрос о том, каков тот образ действия жизни, вытекающий из определенного понимания ее истины, который можно было бы реализовать.

Ответ зависит от соединения наук о природе и наук о духе. Итак, моя книга не должна отказываться от него, если она желает принести хоть какую-то пользу современной эпохе. Поэтому она может ограничиться рассмотрением лишь принципиальных дискуссионных вопросов. С какой-либо отдельной системой она не имеет ничего общего.

Любая система предполагает точность и объективность теоретико-логического и теоретико-познавательного. Сохраняется лишь возможность комбинаторного подхода, как, например, у Лейбница. Тогда система имеет характер гипотезы.

Все новейшие системы ограничивались исключительно школьным доказательством того, что мыслитель, выходя за пределы того, что пережито, достигал выдающегося совершенства в своем деле. Они уже не оказывают никакого воздействия на жизнь⁷².

1. Проблема истории

Исторический человек

а) *Значение наук о духе и их теории* заключается прежде всего в том, что они помогают нам определить, что мы должны делать в этом мире, что мы можем сделать из самих себя, как мы можем подступиться к этому миру, а он – к нам.

Ответ на эти вопросы предполагают и науки о природе, и науки о духе: естествознание создает с помощью своих категорий один мир, науки о духе – другой. Дух не может пребывать в такой их двойственности. Философские системы пытаются преодолеть ее, но тщетно! Сущность этого преодоления заключается в одном случае в том, что эти системы, начиная с Декарта, конструируют природу, а затем, уже исходя из нее определяют сущность духа. В таком случае дух может быть или только функциональной взаимосвязью, или закономерной взаимосвязью частей. В обоих случаях предполагается ложное размежевание содержания и формы духа. Содержанием является что-то случайное, преходящее в нем. Дух, однако, есть историческая сущность, то есть он наполнен воспоминаниями всего человечества, которые живут в нем в качестве неких аббревиатур, и он может быть наполнен ими именно потому, что он сам смог их создать из самого себя.

Или же, начиная с Канта, мы исходим из самих себя как некоего «я» и т. д. И здесь мы также оказываемся неспособными подойти к исторической сущности человека, а именно к его содержательности и т. д.

Эти системы совершенно бесполезны. То, что нам нужно, так это понимание внутреннего сопряжения этих двух миров в нас. Как только мы проникаемся этими взаимодействующими воззрениями на мир, то сразу же ощущаем себя как природу, как что-то темное, полное инстинктов, связанное с почвой и т. д.

Итак, проблема истории заключается в следующем. Как понимание может постигать исторические феномены? Как может ум овладеть этой предметной сферой? Отношение здесь совершенное иное, чем в познании природы: осознание. Как незначительные духовные образования становятся в нас историческими образованиями духа...

б) *Как возможно историческое знание?* 1. Понимание. Переход от субъекта к предмету нельзя понять просто как опосредованное сходством восполнение данного внутренним.

2. Основной проблемой является:

а) как незначительные духовные образования становятся аббревиатурами содержаний... Они обретают в истории свое наполнение. Здесь они существуют в своей натуральной величине. Однако проблема глубже;

б) независимо от того, из чего исходить, в жизни субъекта исторически действительны социальные категории: взаимное обязательство, долг, право, организация. В них представлены содержания, в которых они лишь и обретают существование. Тем самым здесь удовлетворяется требование сохранения единства формы и содержания. Преодоление этой совершенно ложной противоположности. Эти категории, формы, понятия в основном реализованы в предметном мире истории.

Начало: исторический мир всегда наличен, и индивид не только рассматривает его извне, но и вплетен в него. (Сюда положения из «Введения в науки о духе».) Эти связи нельзя разорвать. То, что не включено в них, оставалось бы лишь непостижимой предпосылкой, из которой – абстрагируясь от исторического процесса – заимствовались бы условия этого процесса, распространяющиеся на все времена и совпадающие с тем, что дано. Такова же, например, неразрешимая проблема возможности познания до или независимо от самого познания. Мы прежде всего существа исторические, и мы являемся таковыми еще до того, как становимся наблюдателями истории, а стать ими мы можем постольку, поскольку мы суть исторические существа.

Объективный дух. Все науки о духе основываются на исследовании прошедшей истории вплоть до того, что существует в настоящем. Последнее есть граница того, что входит в наш опыт человечества, рассматриваемого как предмет исследования. Здесь постигается все то, что может быть пережито, понято и доведено до осознания из прошлого. Во всем мы ищем человека, а тем самым и психология есть только поиски человека в пережитом и понятом, в формах выражения и последствиях, которые существуют благодаря ему. Тем самым я охарактеризовал критику исторического разума как основную задачу всякого осмысления наук о духе⁷³. Исторический разум должен решить задачу, которая не полностью попала в поле Кантовой критики разума. Эту проблему Кант определял прежде всего в духе Аристотеля: познание осуществляется в суждении...⁷⁴

Необходимо выйти из очищенной и разряженной атмосферы кантовой критики разума для того, чтобы иметь дело с совершенно иной природой исторических предметов. Здесь-то и возникают следующие вопросы: я сам переживаю свои состояния, я вплетен во взаимодействия общества как точка пересечения различных его систем. Эти системы возникают именно из той человеческой природы, которую, переживая в себе, я понимаю и в других⁷⁵. Язык, в котором я мыслю, возник с течением времени, таким же образом вызрели и мои понятия. Поэтому я – вплоть до непостижимых глубин моей самости – являюсь историческим существом. Там самым появляется первый важный момент для решения проблемы познания истории: первое условие возможности исторической науки – то, что я сам являюсь историческим существом. Тот, кто исследует историю, является в то же время и ее творцом. Принципы исторической науки не могут быть сформулированы в абстрактных положениях, которые выражают нечто равнозначное. Ведь они в соответствии с природой своего предмета должны основываться на отношениях, которые укоренены в переживании. В переживании заключена вся цельность нашего существа. Именно эту целостность мы и воссоздаем в понимании. Здесь впервые дан принцип родства индивидов друг с другом.

Историческое понятие

1.

Человек познает себя только в истории, но никогда с помощью интроспекции. Главным образом мы все разыскиваем его в истории, или, говоря более общим образом, мы разыскиваем в ней то, что является собственно человеческим (религия и т. д.). Мы хотим знать, что же такое «человек». Если бы существовала наука о человеке, она была бы антропологией⁷⁶, которая стремилась бы понять целостность переживаний в соответствии со структурной взаимосвязью. Отдельный человек всякий раз реализует только одну возможность своего развития, которая по его собственной воле всегда может получить иное направление. Человек вообще нам дан только при условии осуществленных возможностей. И в системах культуры мы ищем антропологически определенную структуру, в которой реализуется некий *x*. Мы называем его сущностью, но это лишь слово для обозначения духовного метода, с помощью которого конституируется понятийная взаимосвязь в этой области. Возможности и в этой области также еще не исчерпаны.

Горизонт расширяется. И даже в том случае, если историк имеет перед собой ограниченный материал, тысячи нитей ведут его дальше и дальше в безграничность всех воспоминаний человеческого рода. Историография начинается там, где, оглядываясь назад из настоящего и отталкиваясь от состояния своего собственного государства, мы пытаемся изобразить то, что еще сохранилось в воспоминаниях современного поколения; здесь все еще имеет место воспоминание в собственном смысле этого слова. Или же хроники рисуют нам год за годом то, что происходит. По мере дальнейшего движения расширяется и наш взгляд, выходящий за границы собственного государства, и прошлое постепенно уходит в царство мертвых – царство памяти. От всего этого остается лишь выражение, поскольку сама жизнь – в прошлом. Непосредственное выражение, в котором души высказали все то, чем они были, как, впрочем, и рассказы о поступках и состояниях индивидов, сообществ, государств. И историограф стоит посреди этих превращенных в руины и оставшихся в прошлом вещей, посреди тех деяний, слов, звуков, образов, в которых выразили себя более уже не существующие души. Как же ему оживить их? Весь его труд, состоящий в том, чтобы услышать их отклик, – это истолкование сохранившихся реликвий. Представим себе человека, который, не обладая памятью о своем прошлом, мыслит бы или поступал каким-то образом, лишь исходя из того, что это прошлое действует в нем, не будучи осознанным даже в какой-то своей части. Таким было бы состояние наций, сообществ, и даже человечества, если бы не удалось пополнять реликвии, интерпретировать выражения, возводить повествования об отдельных деяниях к той самой взаимосвязи, в которой они возникли. Все есть истолкование, герменевтическое искусство.

Проблема заключается в том, какую форму принимает истолкование, если оно никак не относится к отдельному человеку, если речь идет исключительно о субъектах, которые в некотором смысле представляют собой взаимосвязи личностей, – таковы системы культуры, нации или государства.

Дело прежде всего в методе, в том, как обнаружить твердые разграничения среди безграничного взаимодействия отдельных людей – там, где отграничение не дано в единстве жизни личности. Как в постоянно движущемся потоке должны быть выявлены линии устойчивых фигур? Кажется, что между этой действительностью и рассудком вообще невозможно какое-либо отношение постижения, так как понятие оторвано от того, что связано с потоком жизни: оно репрезентирует то, что значимо независимо от ума, выражаемого им, следовательно, является

всеобщим и постоянным. Но поток жизни вообще-то возникает единой волной, любая волна в нем поднимается и исчезает. Эта трудность – действительная проблема исторического метода с тех самых пор, как впервые, начиная с Гегеля, рассудочное познание (основная черта эпохи Просвещения) было противопоставлено сущности человеческого и исторического мира. Но эта проблема разрешима; нам не нужно прибегать к интуиции и отказываться от понятий, однако необходимо преобразовать исторические и психологические понятия. Фихте обладал гениальной интуицией, позволявшей ему вводить такого рода понятия для жизни души, вообще для духа. В них энергия заняла место субстанции; формы деятельности, обнаруживающиеся в духе, сопряжены с прежними формами деятельности и при этом противоположны тем, что существуют с ними одновременно; таким вот образом осуществляется продвижение вперед, которое становится возможным благодаря времени, благодаря энергии, действующей в нем, благодаря дифференцирующемуся единству. Однако его результатом была лишь эта схема – схема душевной динамики, само ее осуществление прикреплялось к кантовским понятиям, а не к действительности. Ни Герbart, ни Гегель так и не вышли на простор действительного, исторического мира. Но все же было положено начало преобразованию всей мысли об историческом мире – в некоей внутренней взаимосвязи, которая нагляднее всего предстает у романтиков, у Нибура, позднее, через влияние Гегеля, у Ранке – короче говоря, вместе с рождением современной историографии. Мы, однако, освобождаемся от путаницы понятий, в которой эта антитеза исторической действительности и рассудочного познания в понятиях в соответствии с принципом тождества охватывает то время, в котором мы начинаем всматриваться в саму природу исторических понятий. Ее логический характер заключается в независимости высказывания как от субъекта, в котором обнаруживается эта антитеза, так и от того момента, когда это происходит: тем самым ее значимость независима от психологического места и времени. Но ее содержанием является событие, процесс какого-то вида; высказывание независимо от времени, но то, что высказывается, есть процесс, происходящий во времени. Я иду дальше: не все исторические понятия правильно сформированы с этой точки зрения, но лишь постольку, поскольку они таковы, они вправе играть свою роль в ходе постижения исторического мира. Но в то же время существующие понятия должны быть многообразно преобразованы, чтобы в них нашло свое выражение изменчивое, динамическое.

2.

По сути своей эта проблема родственна проблеме высшей математики, которая пытается овладеть изменениями в природе. Любая часть истории, как и любая эпоха, не может быть постигнута с помощью понятий, которые выражают устойчивое в ней – следовательно, в системе соотношений устойчивых качеств. Для эпохи Просвещения⁷⁷ такими устойчивыми качествами были в государстве – самодержавие, в духовной жизни – просвещение. Вначале постигается даже не различающая природа времени, речь, скорее, идет о системе сопряжений, части которой динамичны, следовательно, обнаруживаются во взаимодействии постоянных качественных изменений. Ведь сами эти сопряжения, поскольку они основываются на взаимодействии сил, изменчивы, то есть любое из них содержит в себе правило изменений. Я применяю это к эпохе Просвещения. Сохранение общественного порядка вплоть до конца XVI и начала XVII века было невозможным, потому что противоположность интересов дворянства, как и других сословий, а также правительства, а позднее и интересов провинций в отношениях между собой и в отношении к целому не позволяла возникнуть в Германии стабильному единству государственной воли, общему попечению о целом, постоянному преследованию государственных целей. В Англии, во Франции и в Италии та же недостаточность политического бытия проявляется в различные эпохи. Эта недостаточность стала внешне невыносимой, потому что стремление к власти этих конкурирующих государств начало проявлять себя совершенно иначе, чем в предшествующие периоды. Эти государства развивались бок о бок друг с другом. Их форма обусловлена преимущественно наследием прошлого и войной. Они не были еще объединены единой литературой и развившимся в ней общим языком. Общий язык для итальянцев впервые создал Данте. Вместе с языком возникло и стремление к национальному единству, которое, однако, не нашло своего удовлетворения из-за определенного расклада сил, а именно из-за политического противоборства тиранической и республиканской власти. Иначе протекало развитие в Англии, где была единая литература и так далее. Позднее во Франции. То, что такие великие государства, как Испанская монархия, как Франция, оказали колоссальное влияние на страну, которая позднее всех столкнулась с задачей достижения единства, оказалось для Германии решающим...

Здесь встает вопрос о том, как же взаимосвязь, которая как таковая не порождается в одной голове и, следовательно, не переживается не-

посредственно и не сводима к переживанию личности, может быть воссоздана как таковая историком из выражений отдельной личности и из высказываний о ней? Этим уже предполагается, что могут быть сформированы логические субъекты, которые не являются психологическими субъектами. Должно существовать средство их разграничения, и должны наличествовать основания для постижения их как единства или взаимосвязи.

Мы ищем душу; она является тем предельным основанием, к которому мы приходим в ходе длительного развития историографии. И здесь встает большая проблема: конечно, все есть взаимодействие психических единств, но на каком пути мы находим душу там, где не существует индивидуальной души? Глубочайшей основой является жизнь и то, что из нее исходит – торжество жизненности, мелодия душевной жизни, освобождающая от любой неподвижности правила.

Переход в XVIII столетии от жизни души к психологии.

2. Нации

Национальная история

I.

Здесь-то и возникает субъект, который переживает единство, значение внешних процессов – переживает как нечто внутренне значительное, ценное – или же переживает цель, но не в том виде, как все это переживается отдельным индивидом. В то же время этот субъект не является переживающим и понимающим, ибо индивид противостоит народу даже в том случае, если он ему принадлежит, – противостоит как зритель. В силу этого понимание, будучи опосредовано присущими этому субъекту категориями, становится другим.

Вопрос о том, как же следует выделять этот субъект – народ или нацию – в качестве реальности, – этот вопрос, который необходимо полностью отличать от того, каким образом этот субъект переживается, должен быть уяснен вплоть до того, что *сами понятия и их разграничения являются исторически относительными*. Единство народа как субъекта совершенно изменчиво в соответствии с теми моментами, которые его конституируют. Когда создается единство немецкого народа, которое затем политически конституировало немцев при Людовике Немцеком? Ведь в Средние века языковое единство – в силу различия отдельных коренных диалектов – было относительным. Под нацией же мы понимаем

устойчивое экономическое, общественное, политическое объединение отдельных частей.

Но именно здесь и сопрягается единство субъекта, основывающееся на реальных моментах, с сознанием взаимопринадлежности, национальным сознанием, национальным чувством, в котором, в конце концов, и коренится единство этого субъекта⁷⁸.

Это осознание совместной принадлежности друг к другу обусловлено теми же самыми моментами, которые обнаруживаются и в сознании индивида.

Переживания всегда ощущаются как нечто новое. Но это же имеет место и в пределах целевой взаимосвязи, а также, например, в пределах религиозной организации. Но лишь в определенном классе переживаний возникает чувство общности. Однако для отдельной нации все виды общих переживаний находятся в сознательной связи с национальным сообществом. Это сообщество во всех сторонах жизни сопрягается с индивидами, которые ее составляют. Тем самым получается, что любое сильное переживание переживается как изменение ценностей человеческой общности. То же сознание сопринадлежности обнаруживается и в том, что постигаются цели, которые принадлежат этой национальной взаимосвязи. Все эти индивиды, которые преследуют собственные цели, каждый сам по себе, нередко в противопоставлении себя другому или целям семьи, других союзов, одновременно имеют все же в национальной взаимосвязи область собственного целеполагания. В этой области они ведут себя как единый субъект. Они реализуют цель, которая предписана им национальной взаимосвязью, осознавая свою принадлежность друг другу. Ведь в этом целом формируется сознание высшего для определенного времени блага. Это происходит под влиянием общего настроения или под руководством какого-то великого человека, как, например, во времена Лютера или Бисмарка. В таком случае в совместном целеполагании ощущается взаимопринадлежность. В таком случае внешние события, судьбы и действия измеряются целью, которая в это время является внутренней для жизни нации. Так как ни одна нация не ожидает своей смерти, то планы и цели занимают здесь совершенно иное место, чем в жизни отдельного индивида. Они имеют только временную, относительную связь с внутренней сущностью нации. А она обладает безграничными возможностями⁷⁹.

Итак, любое формообразование является преходящим. Восполнение какого-то определенного направления формообразования противоположностью, возникающей из осознания неудовлетворенности, всегда уже на пороге.

Тем самым здесь также сохраняется и широкий, но при этом неопределенный смысл понятия развития. Здесь полностью исчезают закономерности, которые антропология связывала с отношением страсти, иллюзии, разума, идеи или господства над собой. Каждое поколение предает забвению опыт предшествующих.

II.

Начнем с того, что этих фактов достаточно для того, чтобы сделать *один* решающий вывод. Философы заинтересовались проблемой, не является ли целью каждого отдельного человека он сам и не реализуется ли ценность жизни исключительно в индивидуальном бытии. В этой постановке вопроса заключено превышение всякого опыта, переход в пустую метафизику истории. В этом как раз и состоит мое неприятие философии истории, то есть ни это утверждение, ни противоположное ему (исходящее из некоторой разумно определяемой цели развития наций или человечества) никоим образом не могут считаться научными. Общие переживания какой-то нации, общие цели и воспоминания являются реальностью. Они конституируют целеполагание индивидов и т. д., которое обусловлено их взаимопринадлежностью. Существует безжизненное, якобы само собой разумеющееся утверждение, что все существует в индивидах. Столь же безжизненным и само собой разумеющимся является и то, что удовлетворение реализованной целью, осознание общности переживаний, обладание и наполненность воспоминаниями могут иметь место только в индивидах. Однако из этого отнюдь не следует, что протекающие в индивидах процессы служат лишь для удовлетворения самих этих индивидов. Наоборот, фактом является то, что индивид стремится к национальным целям как к своим собственным, испытывает национальные переживания как свои собственные, осознает и воспоминание о таковых как свои собственные: ими он исполнен и движим. За грань этой действительности, в которой осуществляется сознание ценности, значения, цели и блага, нельзя проникнуть посредством спорных психологических рассуждений. Почему значение жизни для нас состоит именно в этом, а также в реализации некоторого значения, субъектом которого является наше собственное течение жизни, – для ответа на этот вопрос необходим доступ к такой действительности, которая нам отнюдь не дана. Многочисленные попытки выхода за пределы данности, предпринимаемые объяснительной психологией, определяются тем, что она имеет дело с бесчисленными предположениями на этот счет. Они стоят в одном ряду с теми попытками, когда вместо того, чтобы описывать религиозное переживание в том виде, как мы его на-

ходим в истории, на основании своего собственного бессильного религиозного переживания строят гипотезы, которые сводят его к эгоизму и удовлетворению собственных желаний.

Столь же предосудительные выходы за пределы данного имеют место и в том случае, где выдвигаются позитивные гипотезы об отношении индивидуального сознания к простирающемуся за его пределы реальному единству, независимо от того, определяются ли эти единства в духе этнической психологии или трансцендентно. Эти гипотезы столь же недопустимы, как и те, в которых утверждается реальное воздействие Бога на индивидуальное сознание.

Заключать от фактов взаимопринадлежности сознания и общезначимости в мышлении и долженствовании к некоему надэмпирическому субъекту, который обнаруживает себя в индивидуальном сознании, – означает совершать поворот от кантовской спекуляции к трансцендентальному конструктивному методу. В его основе лежат факты взаимопринадлежности, возможность замены понятий, обязанности, возникающие на основе обязательного характера реальной взаимосвязи, которые должны объяснять такого рода отношения. Создание этого трансцендентального метода есть смерть истории, так как именно он исключает углубление в указанные формы действительности с помощью продуктивных исторических понятий. Столь же предосудителен переход за пределы данного, когда в основание исторических форм взаимопринадлежности полагаются своего рода реальные субъекты, вместо того, чтобы сделать эти формы, рассматриваемые в качестве логических субъектов, носителем высказываний, отличающихся от высказываний индивидуальной психологии. Гербарт, первым выдвинувший идею поиска закономерных отношений в сообществах, которые бы отличались от отношений, присущих индивидуальной душе, был чужд такого рода предположению.

ВЗАИМОСВЯЗЬ НЕМЕЦКОГО ДУХА

1. Политическая. Связь со Средневековьем благодаря Лютеру. Государственная служба, разделение профессий в городах и в землях... Сходство с Фридрихом Великим. Противоположность по сравнению с Францией и Италией: римское понятие господства; город и властвующие бюргеры как воплощение господства.

2. Тем самым именно в протестантской Германии развивается административное сознание, сознание обязательств и объективных задач. Любой служащий промышленного предприятия вплоть до дорожного

служащего выполнял объективно определенный служебный долг. Возникновение такой административной структуры. Города также распределены по разрядам. В этом специфическая сила немецкого духа. Лютер и здесь является выразителем традиции.

Противоположность: организация коммун, парламент как нечто самостоятельное, финансисты со своими чиновниками, но все это объединяет понятие королевской власти.

3. Искусство, в основе которого сила, а не красота, его связанные, самодостаточные формы, музыка, звучащая из глубин, мышление, исходящее из целостности.

Противоположность: рациональный французский дух. Он нашел свое блестящее воплощение в XV веке, в то время как в Германии буржуазная философия жизни еще не была в состоянии себя выразить. Мощные противоположные движения, из которых янсенизм ближе всего немецкому духу.

С Лютера и Цвингли берет свое начало линия, связанная с выражением целостной личности (Дидро как французский тип), построение нашей духовной жизни в лютеранстве и сегодня находится в русле этой линии.

3. Эпохи

Проблема состоит в следующем: каков порядок категорий, с помощью которых возможно познание крупных исторических взаимосвязей. Какие понятия появляются вместе с новыми предметами, насколько и здесь решающими являются понятия ценности, значения и цели и т. д., которые были получены применительно к индивидам, короче говоря, как можно приблизиться к объективному знанию в этой расширяющейся области суждений, субъектом которых больше не являются отдельные лица.

1. Новые субъекты высказываний. Они выражают некую действительность. Метод их разграничения. Исходя из наук о духе. Другие классы: движения, эпохи.

2. Понятие структуры. Структура некоторой исторической эпохи. Пример: германцы перед переселением народов⁸⁰.

Я ищу подход к сложным феноменам немецкого Просвещения...⁸¹

Ни одну эпоху нельзя понять упрощенно. Метод всегда один: вырабатывать понятия, выражающие суть эпохи. Под любое такое понятие должен подпадать ряд фактов, и ни один из них не должен ему противоре-

чить. Если они охватывают целый период, то мы называем их историческими категориями. Они действуют внутри узкой сферы этого периода так же, как всеобщие категории жизни действуют везде и всегда. Они образуют взаимосвязь, которая выражает взаимосвязь самой жизни. Они возникают благодаря интуиции.

Одной из наиболее глубоких проблем является то отношение, в котором настроения какой-то нации себя обуславливают и восполняют. Таким в XVI веке был реализм, сатира, гротеск, игра фантазии; в XVII веке реализм, трагическое чувство жизни, критика и сатира.

4. Прогресс

Если речь идет об истории, то предпосылка исторического понимания заключается в том, что существует значение исторических моментов и смысл исторического процесса. Согласно этой предпосылке, даже если цель существования индивида заключена в нем самом, все равно в истории вместе с развитием индивидуального счастья происходит его распространение на многих. Таков в целом взгляд новых английских историков. Однако эта позиция предполагает выход за свои же собственные пределы. Даже если в данном случае совершенствование индивидуальной жизни от поколения к поколению и рассматривается как механическое следствие накопления ценностей, тем не менее, при этом допускается и такой способ развития, в природе которого заложено совершенствование. Именно поэтому в истории столь влиятельно представление, согласно которому ее ход имеет некий смысл; и это слово обозначает лишь предпосылку, которая дает возможность понять исторический процесс, но это не утверждение о какой-то отличающейся от самого процесса воздействия силе, которая – как имманентная процессу сущность – придает значение отдельным частям, составляющим этот ход событий.

В этом заключено лишь условие, при котором может быть понята история: его продукт и его результат суть универсальная история. Но из этого не вытекает допущение более широкой предпосылки – существования какой-то единой движущей силы в истории как ее имманентном или как ее реальном условии, которая может быть развернута затем в философии истории как Провидение, или имманентная цель, или исторически формирующая сила.

5. Универсально-историческая взаимосвязь

А. ПУТЬ ОТ ФАКТИЧНОСТИ К ИДЕАЛЬНОМУ, НА КОТОРОМ ДОСТИГАЕТСЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ СОБЫТИЙ

По своей структуре эпохи различаются друг от друга. Средневековье⁸² ... содержит взаимосвязь близких идей, которые господствуют в различных областях. Идеи преданности при феодализме, следование Христу как послушание, содержание которого состоит в противостоянии духа природе, основанном на полной отрешенности. Ряд ступеней телеологии в науке. Следует, однако, признать, что основанием этих идей является насилие, которое не может быть преодолено этим возвышенным миром.

И это везде так. Фактичность рас, пространств, насильственных отношений всегда составляет неустранимое основание. Грезой было утверждение Гегеля о том, что каждая эпоха репрезентирует новую ступень в развитии разума. Чтобы дать верное изображение какой-то эпохи, необходимо иметь ясное представление об этой фактичности.

Однако существует некая внутренняя взаимосвязь, которая ведет от обусловленных отношений, от фактичности, борьбы сил к разворачиванию идеального и т. д.

1. Любое данное состояние в бесконечном ряду обуславливает изменение, *потому что потребности, высвобождающие наличную энергию в деятельности*, никогда не могут быть удовлетворены – как никогда не может быть утолена жажда удовольствий.

2. Любая форма исторической жизни преходяща и тем самым содержит в себе распределение сил радости и гнета, расширения бытия и жизненных тупиков, удовлетворенности и нужды, которое вызывает напряженность сил и новое распределение, постоянно порождающие все новые поступки.

Обобщая сказанное: спокойное состояние свойственно лишь редким моментам исторической жизни, и то в течение короткого времени. Причины, его вызывающие, различны: равновесие, противодействующие силы и т. д. История – это движение.

3. Но и в самом прогрессе заключено счастье. При этом напряженность исчезает. Реализуется идеал и т. д.

Между неживой фактической необходимостью и высшей духовной жизнью происходит постоянное совершенствование организации, институтов, упорядоченной согласно определенным правилам деятель-

ности сил. Рассудок как бы создает механизмы, которые служат удовлетворению потребностей. Он постоянно совершенствует такого рода механизмы. Цель, которую ставит рассудок, состоит в выработке этих механизмов. Такими механизмами являются как железные дороги, так и армии, как фабрики, так и более совершенные конституции. Они составляют специфическую область рассудка, который ищет средства для осуществления своих целей и рассматривает последствия в качестве причин.

И здесь обнаруживается определенная комбинация, которая, собственно, и приоткрывает сущность истории. Ее основой является иррациональная фактичность, из нее вырастает, с одной стороны, распределение напряжения и механизмов, а с другой стороны, осуществляется переход от дифференциации наций, нравов, мышления к индивидуальному, на чем и основывается затем собственно духовная история.

В. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, ЦЕННОСТИ, КУЛЬТУРА

События становятся значительными, поскольку они сопрягаются с некоей взаимосвязью, для которой они выступают в качестве событий. И если здесь речь идет о ценностной взаимосвязи, которая, будучи надындивидуальной, обоснована и трансцендентально (а значит, трансцендентальным является и любое определение, имеющее свое основание в надындивидуальном), то в таком случае возникает лишь вопрос о том, возможен ли такого рода методический подход и подразумевает ли это, что для эмпирического имеют безусловный характер лишь формальные точки сопряжения. Но если трансцендентально-философское обоснование оспаривается, тогда нельзя установить никакого метода, никаких безусловных норм, ценностей или целей. В таком случае существует лишь то, что притязает на безусловную значимость, хотя в самом своем истоке оно уже и отягощено релятивностью.

Но фактически мы измеряем значение лишь в соотношении с определенной взаимосвязью реального или идеального типа, в силу сопряжения, в результате чего человек или событие обретают определенный характер. Если я, подобно Мейеру, выбираю какой-то момент в комплексе воздействий и как таковой соизмеряю его с современностью, то сначала я должен иметь некий масштаб, с помощью которого определяется значительное в этом моменте, в противном случае значительным было бы все, что явилось причиной бесконечного ря-

да современных состояний. По крайней мере ясно одно: я нахожу значительным в современности то, что является плодотворным для будущего, для моих поступков в будущем, для дальнейшего развития общества.

И здесь, рассматривая свою практическую установку, я с максимальной отчетливостью вижу, что, пытаясь контролировать будущее, я исхожу из общезначимых суждений о том, что следует реализовать. Современность содержит не состояния, а процессы, комплексы воздействий. Следовательно, в них – ростки будущего. Мысль Бисмарка о том, что своим местом он обязан своей религии и своему государству, а служение этому государству является самой важной культурной задачей, имела для него общезначимость благодаря религиозному обоснованию. Из этого вытекает, что нам необходимо принять это отношение и в ретроспективном плане. В некоторую эпоху развиваются всеобщие нормы, ценности, цели, лишь соотносительно с которыми только и можно постичь значение поступков. Следует, кроме того, различать, констатируется ли указанное значение только в определенных границах или безусловно. В данный момент представляется, что даже в рамках единой нации существует антагонизм относительно ценностей.

Тем самым глубже постигается тезис о том, что развитие таких идей осуществляется в столкновении противоположностей (Кант, Гегель), которые в ходе развития институтов и т. д. удерживаются в нем, формулируются, а их сопряжение друг с другом вновь делает возможной более широкую, более свободную позицию. Прежде всего следует отметить, что нет ценностей, которые были бы значимы для всех наций. В Римской империи развивается аристократическое понимание человеческого общества как носителя *humanitas*⁸³. Равным образом и в христианстве человечество понимается как некий субъект, имеющий определенную ценность. Изменение ориентации в Просвещении. Сама история – продуктивная сила, производящая ценностные определения, идеалы, цели, с которыми соотнобразуетс смысл человека и событий.

В дальнейшем разворачивается двоякая ориентация этого сопряжения – на эпоху или на прогресс человечества.

Полагают, что так возникает только осознание релятивности в истории. Несомненно, что релятивность присуща любому историческому явлению, поскольку оно конечно. Но уже в сопряжении конечного с абсолютным заключено и <сопряжение>...

Иначе говоря: составляет ли то, что выражено в исторических категориях, лишь момент исторического движения? А именно: существует ли в истории нечто наполненное ценностью и т. д. лишь в той мере, в какой оно возникает, оказывает воздействие и исчезает в пределах этой взаимосвязи?

Существует ли какое-то определение ценности, свободное от этого процесса?

Последняя из проблем на этом пути критики исторического разума такова: в истории везде существует формирование, выбор в поиске внутренних взаимосвязей. Везде продвижение вперед определяется отношениями конечности, скорби, насилия, антагонизма, накопления, связывающими одну часть истории с другой, а сила, ценность, значение и цель всегда являются теми звеньями, с которыми неразрывно связана историческая взаимосвязь. Но является ли эмпирическая взаимосвязь, эмпирическая ценность, значение, цель последним словом историков?

Путь, который я выбираю, определен следующими положениями:

1. Понятие ценности вытекает из жизни.
2. Масштаб любого суждения и т. д. дан в относительных понятиях ценности, значения и цели нации или эпохи.
3. Задача состоит в том, чтобы истолковать, как эти понятия должны быть расширены для того, чтобы стать абсолютными.
4. Короче говоря, этим достигается также полное признание имманентности ценностей и норм, выступающих как нечто безусловное в историческом сознании.

6. Заключение

Историческое сознание конечности любого исторического явления, любого человеческого или социального состояния, релятивности любой разновидности веры – последний шаг к освобождению человека. Вместе с ним человек достигает суверенности, позволяющей ему извлечь из любого переживания определенное содержание, отдаться ему полностью, непосредственно, как если бы не было никакой системы философии или веры, которые были бы обязательными. Жизнь становится свободной от познания с помощью понятий; дух становится независимым от всякой паутины догматического мышления. Любая красота, любая святость, любая жертва, повторно пережитые и истолкованные, открывают перспективы, выявляющие некую реальность. И точно так же скверное, ужасное, безобразное в нас мы принимаем за что-то присутствующее в мире, за то, что заключает в себе реальность, которая должна быть учтена в мировой взаимосвязи. Нечто, что не может вводить нас в заблуждение. И в противоположность релятивности непрерывность созидательной силы обнаруживает себя как стержневой исторический факт.

Так из переживания и понимания, из поэзии и истории возникает созерцание жизни. Оно наличествует в них и вместе с ними. Осмысление лишь поднимает его до аналитической отчетливости и ясности. В телеологическом рассмотрении мира и жизни нами распознается метафизика, покоящаяся на одностороннем, хотя и не случайном, но частичном взгляде на жизнь. Учение об объективной ценности жизни как превосходящая границы опыта метафизика. Однако мы испытываем на опыте жизненную и историческую взаимосвязь, в которой каждая часть обладает значением. Как буквы в слове, жизнь и история имеют определенный смысл. В жизни и истории существуют синтаксические моменты, подобные грамматическим частицам или глагольному спряжению, и они также имеют определенное значение. Разного рода поиски человека следуют <этому значению>. Когда-то стремились понять жизнь из мира. Однако существует лишь один путь – от истолкования жизни к миру. И жизнь наличествует лишь в переживании, понимании и историческом постижении. Мы не вносим никакого смысла из мира в жизнь. Мы открыты возможности того, что смысл и значение возникают только в человеке и в его истории. Но не в отдельном, а в историческом человеке. Ведь человек есть историческое существо.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПРИЛОЖЕНИЕ

І. ДОПОЛНЕНИЯ К ОЧЕРКАМ ПО ОСНОВОПОЛОЖЕНИЮ НАУК О ДУХЕ

К ТЕОРИИ ЗНАНИЯ

1. Задача

1.

Нижеследующее расчленение логических операций имеет цель, ограниченную задачей настоящего основоположения. Оно должно в совершенно определенном смысле ответить на вопрос о возможности объективно необходимого знания. Любое познание действительности основывается на осознании реальности самовосприятия и признании действительности за объектами, обнаруживающимися в чувственном восприятии. Однако поскольку поток <чувственных> восприятий сразу же принуждает нас к тому, чтобы отличать отдельные образы от того предмета, с которым они сопрягаются, то отсюда возникает настоятельная необходимость примысливать некоторое условие отдельных образов, позволяющее использовать их в ходе конструирования. Поэтому уже наивное доверие к чувственному восприятию заставляет нас примысливать отношение образов к органам чувственного восприятия и к условию, ограничивающему восприятие именно этими образами. Тем самым мы можем понять и необходимый характер отношений между образами, а также иметь возможность конструировать их последовательность и сосуществование. Физика и физиология конструируют, кроме того, это независимое от нас условие как строй упорядоченных законами феноменов, вытекающий из сосуществования и последовательности образов. Естественные науки, как и науки исторические, делают два допущения: предполагая независимое от единичного эмпирического сознания условие опыта этого сознания, они строго придерживаются момента данности, который присущ всем чувственным восприятиям. И, во-вторых, они допускают, что наше мышление, постольку, поскольку оно продвигается вперед в некоторых формах и согласно определенным правилам, которые очевидны для сознания, ведет к знанию, обес-

печивающему возможность познания закономерности того, что от нас независимо. Пока естествоиспытатель или историк остается на этой точке зрения и не переходит к какой-нибудь критической интерпретации знания как системы высказываний об имманентных сознанию содержаниях и их отношениях, возникает два вопроса. Может ли быть удостоверено допущение чего-то трансцендентного по отношению к эмпирическому субъекту, и если да, то на чем основывается возможность постижения этой независимой от нас реальности посредством операций нашего мышления? Этот последний вопрос возникает применительно также и к тем операциям мышления, благодаря которым самовосприятие становится одной из разновидностей познания. В нижеследующем расчленении закономерности нашего мышления речь идет о разрешении этого вопроса. Метод, посредством которого я попытаюсь его разрешить, состоит в сравнении процессов мышления в различных областях познания действительности, определения ценности и установления правил. Первичные логические операции, которые обнаруживаются в этих различных областях знания, являются теми же, что и операции, протекающие помимо дискурсивного мышления в чувственных восприятиях. Эти операции имеют своей предпосылкой сопрягающую природу мышления, но в силу своего особого качества они представляют собой лишь осознание отношений между тем, что дано. Именно к ним могут быть возведены формы и законы дискурсивного мышления. Вместе с тем проблема того, как возможно познание действительности посредством мышления, сводится к другой, основополагающей проблеме: на каком основании мы в ходе познания действительности возводим признак данности к условию, которое отделено от индивидуального субъекта восприятия и мышления.

2.

Трем разновидностям действия духа – в сфере познания, в сфере чувств и влечений и в сфере воления – соответствуют различные классы знания.

Мы исходим поначалу из результатов феноменологии знания. В основании системы познания действительности, системы нашего определения ценностей и системы установления правил лежат три разновидности действия психической жизни. Все три разновидности действия находят свое прямое выражение в языке⁸⁴. Так, действие чувства выражается в восклицательном предложении, а действие воли – в императи-

ве. Кроме того, само собой разумеется, что действие, протекающее в чувстве и волении, равно как и в восприятии некоторого объекта, также может стать предметом суждения, которое имеет своим предметом это состояние. Это случается, когда указанное состояние относится к тому субъекту, в котором оно имеет место. Так возникает суждение, объективирующее самовосприятие. При этом безразлично, является ли это самовосприятием состояния, относящегося к интеллектуальной сфере, чувству или волею. Предложение «я буду действовать в соответствии со своим убеждением» не является суждением. Однако состояние такого рода внутреннего определения воли может получить выражение в суждении внутреннего восприятия. Несколько иначе обстоят дела в том случае, когда предметом суждения восприятия становится не этот процесс как таковой, но выражается именно обладание действием, протекающим в чувстве или волею. Общезначимое знание становится возможно здесь только в том случае, если <отношения, содержащиеся> в действии чувства и воли, выражаются всеобщим образом и возводятся к надежным правовым основаниям. Ибо единичное состояние чувства связано с индивидуальным существом определенного субъекта, и потому его суждение не имеет никакой значимости для другого субъекта. Оно не может быть передано. Равным образом не поддается передаче содержание волевого решения или приказа. Тот, кому отдается приказ, не должен и не может повторять его, содержащееся в приказе волевое отношение двух лиц делает возможным только следование приказу. Только когда отношения, заключенные в действии чувства и волею, выражаются всеобщим образом, они могут стать предметом общезначимого знания. В области волею оно подразделяется на два класса. Это основано на особой природе волею. Оно представляет собой либо определение цели, когда субъект детерминирует сам себя, либо же оно направлено на определение других субъектов. В первом случае возникает понятие цели или блага, тогда как во втором случае – понятие предписания, правила или нормы. И как действие чувства оказывает определяющее воздействие на волею, так и наделение ценностью образует предпосылку целеполагания. Однако же не в том смысле, что ценности как таковые преобразуются в сфере волею в цели или блага. Природа волею, напротив, обнаруживает свою самостоятельность в форме учения о благах. Для меня ценность – это то, что я эмоционально пережил или могу пережить повторным образом как нечто обладающее ценностью. Благом в строгом смысле является то, что моя воля может полагать себе в качестве цели. Благо должно быть достижимым. Содержащееся в нем целеполагание должно уживаться во взаимосвязи жизни с целепола-

ганиями, которые более важны для меня. Таким образом, воля относительно самостоятельна и имеет своим содержанием полагание цели или блага и полагание правила или нормы. Если же отношение, содержащееся в чувстве или в волеии и полагаемое индивидуальным и непередаваемым образом, возвышается до всеобщего, то становятся возможны высказывания, которые имеют своим предметом особую природу действия в чувстве, целеполагание или правило. Они не свидетельствуют о наличии чего-то, они не утверждают ни реальности того процесса, в виде которого протекает чувство или волеие, ни существования ценностей или ценностных отношений, целей или предписаний. Они выражают отношение ценностей, которое коренится в ценностном предпочтении, иерархию благ, детерминируемую целеполаганием, обязанность, полагаемую в правиле или норме. Эти высказывания возникают там, где говорится о всеобщей значимости какой-то ценности или же ценности сравниваются друг с другом, они выражают связь некоторого круга субъектов с разновидностью действия, которая может быть выражена всеобщим образом.

Так возникают следующие основные формы высказываний и знания. Познание действительности или же просто познание (если брать это слово в его изначальном смысле) всегда имеет своим предметом данное и стремится достичь реальности и установить ее свойства. Поэтому столь глубоким в познании является различие логических и математических наук и наук, которые имеют своим предметом природу или исторически-общественный мир человека. Однако первые также возникают из действия, направленного на познание действительности; даже в абстрактнейшем своем развитии они представляют собой систему средств для вторых. Категориальные отношения, которые присущи системе познания действительности, суть реальность, вещь, качества, состояния, воздействие, претерпевание. В свою очередь, познание действительности дает основание для всевозможных ценностных определений. Ибо как установление жизненных ценностей, так и оценка внешних фактических событий сопряжена с действительностью, которая и служит основой для наделения ценностью. Там полагается действительность, данная в самовосприятии, *здесь* – действительность, данная во внешнем восприятии. Но сама оценка не является высказыванием о том, что нечто имеет место; она не осуществляется в категориях познания действительности. Здесь обнаруживается новое действие субъекта, полагаемое в чувстве, – только для него наличествуют отношения ценностей, оценки или иерархия ценностей. Эти отношения должны быть опредмечены, чтобы можно было выносить ценностные суждения. Но то, что на-

зывается здесь отношением, хотя и имеет действительность своей основой, дано, однако, лишь в эмоциональном действии. Таким же образом обстоят дела и со значимым знанием целей. В своей значимости оно зависит от системы целей. Ибо эта последняя определяет решение вопроса об иерархии целей или благ и вопроса о высшем благе. Значимость некоторого высказывания в этой области основывается на том, что при этом выражаются отношения в рамках некоторой целевой взаимосвязи, возведенной до объективной значимости. То, что требует такого рода всеобщая целевая взаимосвязь, может теперь получить выражение в виде некоторого правила. Еще раз обратим внимание на взаимосвязь между осуществляющимся в процессе волеия целеполаганием и установлением правил. Уже любое удовлетворение относится к подлежащему реализации состоянию, служащему ему средством, как всеобщее к особенному. Если волеие ставит себе в качестве цели осуществление какой-нибудь перемены, то эта последняя представляет собой особое по отношению к всеобщему, заключающемся в требуемом удовлетворении. Поэтому волеие удовлетворения может пониматься также как полагание правила, под которое подпадают отдельные возможные перемены, ведущие к удовлетворению. Таким образом, правило – это форма значимого знания, в котором выражается природа волеия.

Здесь же разрешается вопрос о том, в какой мере предписания, правила и нормы можно назвать знанием⁸⁵. В повседневной жизни мы говорим, что знаем или не знаем некоторое предписание или правило. Однако это выражает лишь осведомленность о фактах, а именно то, что мне известно некоторое грамматическое правило, или то, что я осведомлен об отношении обнародованного распоряжения к инстанции, правомочной его отдавать, а также о содержании этого распоряжения. Но когда для меня становятся прозрачны те отношения, которые связывают значимость правил или предписаний с их значимыми предпосылками в пределах некоторой целевой области, тогда нормы, правила или даже законные предписания возвышаются до объективно необходимого и общезначимого знания. Оно выражается в рационально обоснованных обязанностях. Поиск этой взаимосвязи, которая позволяла бы возвышать законные предписания до такого рода знания и была бы таким вот образом удостоверена разумом, ведет к возникновению естественного права. Предписание, правило и норма также не могут рассматриваться как суждение в строгом смысле. Ибо при этом не говорится, например, что наличествует некоторое предписание, но говорится, что оно значимо. Долженствование, содержание которого должно быть выполнено в приказном порядке, не есть предикат. Если я рассматриваю

предложение в этом смысле, то я отклоняю то, что в нем выражается, а именно связь с предписанием, правилом или нормой⁸⁶.

Различие действия в этих трех областях знания выражается еще и таким образом: познание жизненных ценностей, равно как и познание утилитарной ценности внешних вещей, неотделимо от последствий этого наделения ценностью в области чувства и порождает изменения в нем. Можно сказать, что теория представляет собой только средний член между первым наделением ценностью, осуществляемым наивным эмпирическим сознанием, и наделением ценностью под действием самой жизни, которое достигло ясности относительно себя самого в ходе самоосмысления. И это самоосмысление протекает при участии оценок, которые основываются на действиях чувства. Так же и в области воления необходимо движение вперед от позитивных предписаний, диктуемых обычаем, правом и религиозностью, через теорию и далее – к некоторой значимой взаимосвязи. Конечная цель теории в этой области состоит исключительно в достижении общезначимой взаимосвязи между всеобщими ценностными определениями, целеполаганиями и правилами.

3.

Рассмотрим теперь операции мышления в этих трех областях. Дескрипция процессов, которые ведут к объективно необходимому знанию, обнаружила в каждой из них продвижение вперед. Это движение берет начало в единичном и случайном отдельных переживаниях; рефлексия, сомнение, спор порождают в каждой из этих областей стремление к объективно необходимому знанию. Разыскивается объективная реальность, безусловный масштаб оценки, высшее благо, безусловно значимая норма поведения. То стремление к безусловному, которое было для Канта признаком теоретического разума, обнаруживается во всех трех сферах знания. Это означает, что мышление продвигается от отношения к отношению, никогда, насколько мы пока можем видеть, не достигая своей цели. Воле к знанию, целевой взаимосвязи знания, стремлению постичь в виде значимого знания идеал истинного, ценного и благого соответствует – как фундаментальное свойство любого процесса порождения значимого знания – продвижение вперед от одного отношения к другому по направлению к этой цели. От этого всеобщего характера процесса познания зависят взаимосвязь и законы мышления.

4.

Самое общее свойство мышления, которое обнаруживается во всякой сфере его активности, может быть охарактеризовано такими выражениями, как «синтез», «связь», «сопряжение». Все эти слова выражают тот процесс, посредством которого многообразие объединяется в единство. Выражение «связь» или «синтез» должно означать здесь тот способ, каким содержания сопрягаются друг с другом, поэтому разделение или отрицание также подпадают под это понятие синтетической функции, наряду со связыванием в узком смысле. Таким образом, выражение «сопряжение» в наибольшей степени соответствует тому, что должно быть здесь сказано.

Сопрягающая активность связывает между собой те процессы и результаты, которые поддаются различению⁸⁷. Мы различаем, находим сходство или равенство и постигаем степень различия. Обобщая, все эти процессы мы называем сравнением. Благодаря им и возникает сознание данного многообразия. Так становится возможным процесс разделения и связывания. Звуки мелодии схватываются мной как различные. Поэтому они поддаются разделению и затем вновь могут быть связаны в мелодию. В одной вещи мы разделяем то, что дано посредством различных чувств, например цвет, запах, вкус, и затем вновь связываем это. При этом всегда обнаруживается изменение направления и интенсивности внимания. На этом основывается и переход к процессу абстрагирования, осуществляющемуся посредством указанных элементарных процессов. При чередовании вещей, качеств и процессов внимание может направляться на то, в чем они едины, и в таком случае происходит отвлечение от того, в чем они между собой различны.

Эти операции сравнения, связывания и разделения включены, кроме того, в сознание тождественности предмета, равно как и в образование абстрактных представлений. Образ восприятия некоторой картины повторяется, как только мой взгляд вновь обращается к ней. При этом я осознаю, что сами акты восприятия различны между собой, но в то же время я испытываю на опыте, что их содержание остается тем же самым. Так я постигаю предмет как один и тот же, я осознаю как тождественность этого предмета самому себе, так и различие актов постижения. И сколь бы различны ни были процессы, ведущие к возникновению абстрактных представлений, в них, тем не менее, включены те же самые операции различения, нахождения равенства, разделения, связывания⁸⁸. Они, кроме того, позволяют постигать отношения в преде-

лах отдельной эмпирической данности. Промежуток времени переживается, отдаленность в пространстве постигается. Любой вид знания включает в себя эти операции. Оценка осуществляется посредством операции нахождения равенства или неравенства, а также операции установления степени. То же самое и с предпочтением в актах воли. Эти операции являются общими для любого дискурсивного мышления. Под последним мы понимаем мышление, связанное с языком или же другой соответствующей ему системой знаков, например с числами. Однако образы восприятия или представления, с которыми сопрягается мышление, также могут быть возведены к этим операциям как своему условию. Разумеется, это ничего не говорит о том, каким образом возникает чувственное восприятие, осознание предметов или абстрактных представлений. Исследование природы этих процессов составляет задачу психологии. С точки зрения логики и теории знания речь идет только о том, что процессы, благодаря которым пространственная и временная последовательность впечатлений или внутренних событий, обнаруживающихся как данные, связывается в формообразования более высокого порядка, могут рассматриваться как произведенные указанными операциями. Каковы бы ни были эти процессы, они эквивалентны процессам этих логических операций. Только в этом и состоит смысл теории бессознательных умозаключений, благодаря которым возникает наш образ восприятия. Она удостоверяется тем, что чувственные восприятия, а среди них прежде всего те, что связаны обманом чувств, могут быть объяснены при допущении этих первичных логических операций.

Кроме того, само собой разумеется, что процессы ассоциации и репродукции следует рассматривать как средства, которые извлекают на свет логические операции, сводят их воедино и в силу этого делают возможным их осуществление. При этом исходят из теоретико-познавательной предпосылки о сугубо относительном замещении восприятий образами воспоминания. Так же и внимание как возрастание осознанности и изменение ее распределения не ведет к изменению самого постигаемого факта.

И наконец, логические операции, которые мы назвали первичными, входят в любую основную разновидность психического действия в числе полагаемых в этом действии категорий, которые выражают содержательные отношения в рамках этих разновидностей действия. Эти категории, как и элементарные формальные операции мышления, обуславливают, в свою очередь, формирование представлений, которые лежат в основании дискурсивного мышления. Они выражают

полагаемые в действии формы сопряжений, посредством которых конституируется⁸⁹ объективно-необходимая взаимопринадлежность содержаний в пределах этого действия. Реальность, ценность и цель – вот основные категории, которые обнаруживаются в пределах этих трех видов операций.

Категории подразделяются на два класса: те, которые извлекаются из формальных операций мышления путем абстрагирования (таковы различие, сходство, равенство, степень, тождество, единство, множество, всеобщность), и те, которые выражают объективно-необходимую взаимопринадлежность содержаний, устанавливаемую различными видами психического действия. Таковы категории реальности, вещиности, причинности, ценности, цели, средства. В том случае, когда это определяется более широкой структурой знания, к ним присоединяются и другие категории, как формальные, так и объективные, которые будут названы в свое время. Нельзя выделить определенное число категорий, и их отношение между собой не может быть окончательным образом упорядочено.

5.

Элементарные формальные логические операции постигают не содержания, предметы или процессы, но отношения. В силу этого они и являются операциями мышления. Однако если рассматривать их истинностную ценность с критической точки зрения, то обнаруживается их родственность восприятиям. Возьмем два листа бумаги серого цвета различных оттенков и положим рядом друг с другом. Восприятие каждого из этих двух оттенков, непосредственная данность содержащегося в этом восприятии, связь постижения с тем, что дано, – все это повторяется также и в том случае, когда я постигаю различие двух этих оттенков серого цвета. Так мышление различия репрезентирует в соответствии со своей истинной ценностью то, что я назвал ранее восприятием второй степени. Оба восприятия являются условиями того, что указанное различие будет замечено. Когда звуки следуют друг за другом с некоторым интервалом, то выполняются условия для приведения в действие операции сознания, которая отделяет их друг от друга. Когда качества различного происхождения связываются в один предмет, то в этом случае выполняются также условия, позволяющие отделять их друг от друга и вычленять их из взаимосвязи представления этого предмета. И хотя при этом деятельность сознания по отделению и обратному связыванию имеет большую формальную свободу,

она также содержательно определена объективной необходимостью. Если, например, совокупность впечатлений освобождается от своего окружения и движется в пространстве, то она отмежевывается от своего окружения. Когда я говорю об отмежевании этой совокупности впечатлений от окружающих ее объектов, я всего лишь довожу до сознания, что здесь действительно имеет место. Из задачи, которая вытекает из целевой взаимосвязи мышления – достичь объективно значимого знания – и решение которой всегда состоит в процессах, направленных к достижению этой цели, я вывожу другие свойства мышления. Они представляют собой условия, с которыми связано разрешение этого вопроса. Цель мышления состоит в том, чтобы продвигаться вперед от обусловленного характера всякой данности, а вместе с тем и от ее относительности к объективно необходимому знанию. Отсюда следует, что эти отношения должны распространяться на все новые и новые члены.

ТРЕТИЙ ОЧЕРК

ОТГРАНИЧЕНИЕ НАУК О ДУХЕ

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ

1. Задача

Я исхожу из данной в опыте взаимосвязи наук, сущность и основание которой я разыскиваю. История, политэкономия, правоведение и общественно-политические науки, религиоведение, изучение литературы, поэзии, искусства и философии находятся друг к другу в близком внутреннем отношении, ибо все они из данной в опыте действительности извлекают переживания, чувства, стремления, акты воли, процессы представления, фантазии, мышления. Они стремятся постичь их и сделать предметом познания. Поскольку же эти переживания взаимосвязаны друг с другом, познание принуждается к тому, чтобы постигать отношения между ними. Я исхожу из этой фактически существующей взаимосвязи, которая сложилась между этими опытными науками. Она представляет собой факт, который в первую очередь и обнаруживает перед собой логик и теоретик познания. Может случиться и так, что он будет вынужден сгруппировать ее иначе, на новый лад. В таком случае встает вопрос об оправдании предпочтения именно этой взаимосвязи перед другими возможными группировками – вопрос, который может быть прояснен только на основании наличествующей фактической взаимосвязи. Выражение «науки о духе» следует понимать не иначе, как обозначение этой фактической взаимосвязи. Оно не должно включать никакого допущения относительно того, каким образом дана эта взаимосвязь. И если психология находится к этим наукам в каком-то определенном отношении, согласно которому она, с одной стороны, обосновывает их и, с другой стороны, использует их факты, то и это поначалу должно <рассматриваться> только как факт, и ее принадлежность к этим наукам остается открытой.

Науки о духе образуют взаимосвязь познания, стремящуюся сделать своим предметом все доступные переживания, из которых состоит человеческий исторически-общественный мир в том, что касается его наличия в настоящем, в воспоминании и понимании. Этим познанием за-

нимаются отдельные исследователи; они сталкиваются с чрезвычайными трудностями, однако результаты их деятельности внушают им уверенность в том, что наполовину угаснувшие переживания могут быть снова вызваны к жизни, что их течение может быть постигнуто и, наконец, что вся взаимосвязь духовного мира может быть познана и в этой взаимосвязи раскроется царство реальности.

Отсюда возникает проблема нижеследующего исследования. Спрашивается, оправдана ли и в какой мере уверенность в прогрессирующем объективном познании, которую разделяют все те, кто работает в области наук о духе. Сама эта работа, которая осуществляется в мастерской наук о духе, должна возвыситься до осмысления самой себя. Должны быть разысканы формы и категории познания в области наук о духе, должны быть установлены отношения, которые обосновывают значимость этого познания, и должны быть приведены к логическому осознанию те методы, в которых осуществляется это познание, – это увеличит надежность и сферу их применения.

Эти проблемы рассматриваются также в контексте философской системы: имплицитно – в общей логике и учении о познании, но, кроме того, и в особых приложениях общих теорий к предметам наук о духе. Однако здесь, в нашем полагании основ для наук о духе, главной темой должны стать как раз эти проблемы.

Это ограничение обнаруживает примечательное преимущество. Логическое и теоретико-познавательное осмысление наук о духе связывается здесь подобающим отношением с их историческим осмыслением. Оно может ограничиваться теми положениями, которые совершенно необходимы для основоположения наук о духе. Поэтому многие спорные вопросы, которые должна рассматривать система философии, но которые связаны со значительными трудностями, могут быть исключены как не имеющие отношения к настоящей задаче. Связь, простирающаяся от первых основополагающих положений до законченного учения о методе, может быть представлена здесь в обозримом виде. И последнее, значение чего каждый может оценить со своей собственной точки зрения: эти исследования считают себя свободными от тех проблем, с которыми сопряжено построение философской системы для всякого современного человека, но в особенности для исследователя исторически-общественной жизни, который повсюду замечает относительность исторических феноменов – как исторических и философских, так и социальных и политических.

Природа этого предмета ведет к тому, что значительная часть положений, которые содержит первое основоположение, может получить

лишь общее, очерчивающее всю эту область познания изложение. Проблема объективного познания, установление смысла, который только и может иметь это выражение, равно как и такие соответствующие ему выражения, как «бытие», «реальность», «объективность», если они должны получать свое наполнение в данных нам переживаниях познания, учение о переживаниях, взаимосвязь, которая ведет от эмпирического сознания к закону сознания, а также теория логических форм и законов – эти и другие части основоположения наук о духе могут быть рассмотрены лишь в общем виде.

Однако и в области наук о духе исследователь должен совершить в себе переворот, который ведет от эмпирического сознания, принимающего предпосылку реальности психического субъекта, вещей и других личностей, через опыт и опытные науки к критическому постижению, что эти три великих предмета, во взаимоотношении которых протекает и жизнь, наличествуют лишь в корреляции сознания к его содержанию. И столь же всеобщими, как эта взаимосвязь, в которой вплоть до последнего остатка упраздняются предпосылки эмпирического сознания, являются положения, которые позитивно устанавливают, каким образом в переживаниях коренится знание о психической взаимосвязи, которую можно было бы назвать психическим субъектом, о внешних вещах и о других личностях. В то же время такое исследование включает в себя всеобщее учение о формах, законах и категориях мышления.

Только на этом всеобщем основании может быть разрешена особая проблема наук о духе, – проблема того, каким образом здесь из переживаний, которые протекают в настоящем времени, вспоминаются или включают в себя понимание актуальных или прошедших переживаний других людей, возникает постижение духовной действительности и познание ее взаимосвязи. Ибо это постижение, обнаруживающееся в ходе развития познания в области наук о духе, предшествует любому осмыслению этих наук: эта действительность и ее взаимосвязь возникает в духе на основании его переживаний и при помощи мышления согласно категориям, реализующим в нем отношения между тем, что дано; эта действительность представляет собой творение духа. Объективное познание также и для наук о духе вовсе не является копией находящейся вне их действительности. Познание и здесь остается привязанным к своим средствам созерцания, понимания и понятийного мышления. Науки о духе никогда и не испытывали желания создавать такого рода копии, и чем далее они продвигались вперед, тем меньше они к этому стремились. «То, что произошло и происходит, неповторимое, случайное и моментальное возводится в них к исполненной ценности и смысла вза-

имосвязи – именно в нее продвигающееся вперед познание стремится проникать все глубже и глубже, все более объективным становится оно в постижении этой взаимосвязи, будучи, однако, не в состоянии когда-либо избавиться от основной черты своего существа: то, что есть, оно может испытать на опыте только посредством последующего вчувствования и конструирования, путем связывания и разделения, в абстрактных взаимосвязях, в связи понятий» (см. «Очерки по основоположению наук о духе», настоящее издание, с. 43).

Система юриспруденции отличается от суммы переживаний, вызываемых правовыми актами или сопровождающих вынесение судебных приговоров. То же самое различие имеет место и между совокупностью переживаний, вызванных общением с тем, что является незримым и неопределяемым механическими операциями, и постижением в понятиях, которые конституируют сущность религиозного общения, религиозного опыта, религиозных высказываний. Формы, в которых ведется это общение, системы культуры, в которых реализуется целевая взаимосвязь общественно-исторического мира, состоят из переживаний и отношений между ними. Однако порядок понятий, в которых познаются эти переживания, возникает только в ходе работы духа, созидającego *второй*, духовный мир, который хотя и фундирован в этом первом мире, однако создается лишь посредством присущего духу понимания, суждения, понятийного мышления.

История наук о духе обнаруживает, кроме того, что логическое и теоретико-познавательное осмысление проявляется в том случае, когда историческое изложение того, что однажды произошло, не может и не стремится быть *копией* прошедших событий – так же, как это имеет место в юриспруденции и теологии. Чем глубже история проникает во взаимосвязь события, тем с большей очевидностью обнаруживается эта ее особенность. Ибо именно в этом состоит решающий момент, на котором покоится постижение взаимосвязи в истории: эта взаимосвязь не может быть вычитана из дошедших до нас остатков исторического события, но и так называемые историко-философские идеи также не могут привноситься в дошедшее до нас прошлое, чтобы конституировать эту взаимосвязь. Сами исторические события – в том виде, как они доходят до нас из прошлого, и взятые в своем сосуществовании и последовательности – как таковые никогда не содержат в себе средство или материал для того, чтобы вывести связующую их причинную взаимосвязь и господствующие над ними формообразующие законы или же сделать заключение о реализующемся в них прогрессе или развитии. Лишь на основании аналитических наук об отдельных целевых взаимосвязях, кото-

рые в качестве *систем культуры* пронизывают историю, и, кроме того, на основании аналитического знания о внутреннем построении организаций, сложившихся в истории – на основании науки, которую можно назвать *политикой*, – лишь на основании этого осуществляется постижение взаимосвязи истории; лишь исходя из этого может быть разрешен вопрос о том, могут ли познаваться формообразующие законы, а также сделан вывод о развитии на основании сосуществования и последовательности событий. Исторически достоверное не заключается, как можно было бы подумать, в фиксировании событий согласно их сосуществованию и последовательности. В нем всегда многое остается сомнительным. Еще в меньшей степени исторически достоверное может быть обнаружено в ходе постижения личных, индивидуальных сил, действующих в истории. Только там, где исходят из обретенной посредством систематических наук о духе взаимосвязи, в которой сформировались эти силы и на которую они воздействуют, возникает видение их развития и масштаб их ценности. Итак, самым достоверным и важным всегда остается то, что доступно исследованию в области наук о духе: познание великих форм культуры и их внешней организации, их развития, их взаимодействия в некоторую эпоху, а также постижение структуры общества в том виде, как оно существовало на протяжении определенного периода времени, и тех моментов структуры общества, которые вели к его постепенным изменениям.

Итак, есть одна-единственная взаимосвязь, которая реализуется в ходе изучения общественно-исторической действительности. Есть одна и та же действительность духовного мира, которая, будучи рассмотрена различным образом, обнаруживает себя то в качестве универсальной истории, то в качестве совокупности и связи систематических наук о духе. Понимание этой действительности, мыслительное постижение наличествующей в ней взаимосвязи требуют внутреннего присутствия систематического познания из области наук о духе в том случае, если речь идет о научном познании универсальной истории в целом, там же, где оно направлено на систематическое познание какой-нибудь отдельной системы культуры или организации общества, оно нуждается в наличии универсально-исторического знания. Тем самым уже сказано, что глубочайший вопрос, затрагивающий возможность объективного познания в области наук о духе, состоит в том, чтобы постичь, каким образом посредством воспоминания, понимания и исторической критики в индивидуальных переживаниях познания индивиду может открываться сосуществование и последовательность исторических событий и как затем в этом сосуществовании и

последовательности событий может быть дана их взаимосвязь. Разрешение этого вопроса имеет своей предпосылкой учение о структурной психической взаимосвязи в том виде, как она реализуется в конкретном психическом жизненном единстве, сопрягая в то же время последнее с другими психическими жизненными единствами.

Наукам о духе присуща система связей, которая представляет собой реализацию действующей в них интенции *объективного познания* духовного мира. Она простирается от переживаний замкнутого в своей индивидуальности индивида, который начинает размышлять об истории, политике, теологии, до объективного постижения общественно-исторического мира в универсальной истории и в систематических науках о духе. Основоположение наук о духе должно исходить из содержащейся в них, имманентной им взаимосвязи познания. Их основная проблема состоит в том, чтобы определить, какой смысл в этой взаимосвязи наук о духе имеют понятия «объективное познание», «действительность», «реальность», «бытие». Поскольку же понятийное, систематическое познание присуще каждой частной науке о духе – или в качестве задачи, или в качестве предпосылки, – то спрашивается, как может реализоваться объективность понятий, посредством которых устанавливается взаимосвязь между историческими переживаниями в их сосуществовании и последовательности. Таким образом, основоположение наук о духе представляет собой ближайшим образом и в первую очередь интерпретацию понятий, которые являются конститутивными для разыскиваемой науками о духе взаимосвязи духовного мира. Процесс, в ходе которого мы, исходя из данных внешним образом знаков, познаем внутреннее, мы называем пониманием. Своего наивысшего совершенства понимание достигает в ходе исчерпания содержания того, что должно быть понято, а также в ходе достижения общезначимого знания о нем благодаря истолкованию и интерпретации. «Интерпретацией» мы называем искусное понимание прочно фиксированных жизнепроявлений. Такого рода фиксированными жизнепроявлениями являются также и понятия, и, соответственно этому, под интерпретацией понятий мы понимаем общезначимое знание о том, что подразумевается под определенным понятием и соответствующим ему словесным выражением. Метод интерпретации понятия включает в себя несколько процедур. Реализация переживаний, репрезентирующих понятие, и установление отношений между признаками, общими для этих переживаний, образует одну сторону этого метода. Но поскольку определенное понятие занимает свое место в науке, то его интерпретация должна заменять это понятие везде,

где это понятие встречается в науке, и она достигает своей цели только тогда, когда в любом контексте, в котором встречается понятие, его интерпретация соответствует этому контексту. Поэтому и слово является понятным и однозначно определенным только тогда, когда то, что под ним подразумевается, может быть обнаружено в любом содержащем его контексте. Поначалу основоположение наук о духе может быть только такой интерпретацией⁹⁰. Ибо общефилософское основоположение, ставящее себе более широкую и высокую цель, этой цели все еще не достигло. Не существует общепринятого наукоучения. И все же теория знания является одной из самых молодых наук – Кант был первым, кто усмотрел проблему этой теории в ее всеобщности. И все же с момента преждевременной попытки Фихте обобщить анализы Канта в законченную теорию дальнейшая работа обнаруживала все новые трудности, новые задачи. Однако попытки их решения сегодня противостоят друг другу столь же непримиримо, как то имело место в былые времена в области метафизики.

По мере того, как устанавливаются и проясняются понятия, которые конституируют совокупную взаимосвязь наук о духе, и категории, в которых мыслится духовный мир, все более надежным становится основание для самоосмысления той работы, ведущейся в науках о духе. Далее, однако, обнаружится, что понятия, свойственные наукам о духе и конституирующие их посредством взаимосвязи, которую они создают, фундированы в подлежащих дескриптивному постижению переживаниях и, наконец, в самом характере переживаний в этой области.

На основании этого исследования должно быть, кроме того, показано, что могут быть разрешены сомнения, выдвигаемые относительно объективной познавательной ценности наук о духе. Важнейшие из этих сомнений могут быть разрешены уже посредством правильной интерпретации понятий, которые конституируют взаимосвязь наук о духе.

ВТОРАЯ РЕДАКЦИЯ

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Задача

Разделение наук на науки о природе и науки о духе может получить основание только в ходе самого этого исследования. Здесь, в его начале, следует довольствоваться указанием на родство, существующее в группе наук, которые называются науками о духе. Это такие науки, как история, политэкономия, правоведение и общественно-политические науки, религиоведение, изучение литературы и поэзии, искусства и философских мировоззрений. Чтобы постичь природу этого родства, мы будем исходить из самого простого. Переживание, понимание чужих переживаний, суждения и понятия, выражающие переживаемые и понимаемые положения дел, связаны внутренней связью. В переживаниях фундированы два других вида знания. Любое понимание выражений чужих переживаний осуществляется на основании собственных переживаний. Данные в переживании и понимании положения дел могут быть затем репрезентированы в суждениях и понятиях. Эти последние, таким образом, фундированы в переживании и понимании. Так возникает структура знания, в которой переживание и понимание и их репрезентация связаны между собой. И эта структура повторяется во всех науках, которые мы здесь объединяем, называя их науками о духе. Все они имеют в ней свое основание. Эти науки включают также положения дел, которые не могут быть пережиты или поняты, – это физические факты. История рисует грохот и суматоху сражений, строй неприятельских армий, урон, нанесенный артиллерией, влияние местности на принятие решений в ходе битвы. Здесь, как и повсюду в ходе истории, физические процессы, проявляющаяся в них необходимость и вытекающие из них последствия составляют одну из важнейших частей исторического повествования. Однако они принадлежат истории лишь постольку, поскольку определяют развитие индивидов или их объединений, когда они принимаются в расчет при выборе средств для достижения целей индивидов и общностей или оказывают влияние на их поступки – короче говоря, имеют какое-то отношение к тому, что может быть пережито или понято. Та же связь обнаруживается и в систематических науках о духе. Заселение тех или иных земель зависит от отношения затрачиваемого на их возделывание труда и по-

лучаемого в результате урожая. Однако разнообразные свойства почвы, которыми отчасти определяется это отношение, интересуют политэкономии лишь постольку, поскольку они связаны с трудовой деятельностью, с потребностями и их удовлетворением, короче говоря, с тем, что может быть известно в переживании, в понимании переживаний или в понятиях и суждениях о них.

Идем дальше. Все систематические науки о духе основываются на сопряжении, которое имеет место между тем, что пережито и понято, и понятиями, которые все это выражают. Пережитое и понятое репрезентируется в понятиях, и содержание этих понятий заключается в том, что пережито и понято. Таким образом, совокупность пережитого и понятого может репрезентироваться в систематике понятий. С этим связан еще и третий момент. То, что дано в переживании и понимании, обнаруживает определенные и повсеместно проявляющиеся свойства, и в то же время отличает эту данность от того, что не может переживаться и пониматься, – от физических фактов. В том, что мы переживаем или понимаем, содержится вся ценность и цель жизни⁹¹. В полноте жизни, которую мы испытываем на опыте, в изобилии жизненной действительности, которую мы ощущаем, в полном жизненном проявлении того, что заключено в нас⁹², – во всем этом коренится сознание ценности нашего существования, тогда как всему тому, что лежит вне переживающего субъекта, ценность присуща лишь постольку, поскольку в понимании, обретаемом в ходе последующего переживания, оно может постигаться как носитель такого рода внутреннего мира или как источник воздействий на жизненные единства, наделенные чувством. Поэтому то, что может быть пережито и понято, что составляет область наук о духе, характеризуется тем, что в нем даны ценности и связанное с ними значение личностей и событий.

Последнюю особенность наук о духе, которая связывает их между собой и отличает от наук о природе, еще предстоит выявить. Вся ткань исторически-общественного мира, с которой сопрягаются науки о духе, состоит из жизненных единств, переживания которых, в свою очередь, могут быть также пережиты и поняты. Они суть носители и составные части любого образования, которое существует в современном обществе или же существовало в прошлом. И если связать этот факт с ценностным характером жизненных единств и тех событий, в которые они вовлечены, то обнаружится двоякое направление исследований в области наук о духе. «Постижение единичного, индивидуального является их последней целью не в меньшей степени, чем выявление абстрактных единобразий»⁹³.

Таковы сущностные черты, которые еще до начала нашего исследования могут быть установлены на основании простейшего анализа исторического развития наук о духе. Их достаточно, чтобы обозначить родственность отдельных наук, которые по общему согласию причисляются к наукам о духе, их внутреннюю взаимосвязь и свойственные им всем отличия от наук о природе. И поэтому они в достаточной степени обосновывают право на то, чтобы положить в основание дальнейшего исследования эту группу наук. Окончательное определение понятия наук о духе станет возможным только в ходе исследования. Оно требует положений, доказательство которых сопряжено со значительными трудностями и которые могут быть обоснованы лишь посредством целого ряда других истин. Важнейшее из этих положений состоит в том, что в переживании и понимании вместе с самими переживаниями дана также и их взаимосвязь, структура, которая их связывает. Вместе с этим положением раскрывается сущностная черта познания в области наук о духе, в силу чего их особенности, указанные выше, могут быть соединены в окончательную всеобъемлющую формулу. Но на основании этого положения не только может быть окончательным образом установлена сущность наук о духе – при этом может быть также расширен их объем и дано членение их частей. Ибо если это положение может быть доказано, оно делает возможным описательную и расчленяющую психологию, которая придает необходимую целостность группе наук о духе и наделяет их систематическим единством.

Таким образом, в ходе дальнейшего исследования посредством расчленения познания в области наук о духе может быть установлена сущность и объем этих наук. И это понятийное определение находит свое оправдание благодаря согласию с фактическим взаимодействием отдельных наук и плодотворности высказываний, которые могут быть сделаны относительно комплекса этих наук.

Науки о духе нацелены на объективное познание своего предмета. Это стремление объединяет всех исследователей, занятых в этой области, в этом они сходятся во всех своих работах. Они устанавливают факты; во всей полноте присущего этим фактам значения они стремятся понимающим образом повторно пережить происходящее, они постигают взаимосвязь совершающихся событий, анализируют ее, и затем – на основании этого анализа и посредством абстрагирования – выделяют систему отдельных содержаний и познают ее в понятиях. Эта система дает им, в свою очередь, новое средство для более глубокого постижения происходящего. Стремятся ли исследователи рассматривать единичное или познавать всеобщее, разыскивают ли они взаимосвязь в психичес-

кой жизни, в истории и обществе или пытаются познать в них некоторую закономерность, заняты ли они – вслед за Гербартом и Лотце – в большей степени ценностями, которые реализуются в истории человеческого рода, значением, которое связывает отдельные части этой истории в преисполненное смыслом целое, или же – вслед за Юмом и Боклем – прослеживают причинную взаимосвязь происходящего и тех единообразий, которые ему присущи, – любые усилия их в этой области, равно как и в области наук о природе, всякий раз направлены на объективное познание. И история наук о духе показывает, что на всем ее протяжении действительно происходит постоянное продвижение вглубь истории, систем культуры и психической жизни. На этом, по преимуществу, и основывается уверенность, которая сопутствует исследователям, занятых своей работой в этой области. Но одновременно они осмысливают здесь то, что они делают. Это осмысление имеет широкий охват: от приемов их работы до осознания природы того знания, которое достигается в ходе этой работы. Начала такого осознания мы находим у Фукидида, затем оно развивается у Полибия, который был погружен в теоретико-познавательные споры.

В новое время это осмысление проявилось в самых различных пунктах наук о духе. В исследованиях теологов, посвященных герменевтике, как и в критических изысканиях историков затрагивался метод понимания и установления фактов на основании дошедших до нас преданий. Стоящие на позициях естественного права юристы и теоретики государственного права следуют методам, которые могут дать научный фундамент учению о государстве и юриспруденции. *Вико* связывает свои изыскания по истории религии и права с последними основаниями человеческого познания⁹⁴. *Историография Юма* и его исследования о человеке и возможностях его познания находятся в теснейшем отношении к необходимости и закономерности, имманентно присущей процессам, протекающим в душе человека. Противоречия между историками и философами истории приводят в движение весь XVIII век. Спор между сторонниками естественной системы наук о духе и исторической школой наполняет первые десятилетия XIX века. Затем, начиная с Конта, в сочинениях которого историческое начало играет большую роль, и до Бокля и, наконец, вплоть до недавних споров о цели и методах истории науки о духе постоянно заняты осмыслением самих себя. В ходе этого непрерывного процесса возникает задача возвысить до философского осмысления правовые основания знания в области наук о духе, его логическую конституцию, его подходы и методы. Тем самым было бы дано философское обоснование системы наук о духе⁹⁵. И по-

скольку та задача, которую ставит себе эта работа, произрастает из самих наук о духе, то в них для нее предначертано направление, определяемое фактической властью прогресса, равномерно распространяющейся на все это направление. Нацеленность на решение этой задачи обнаруживается в каждом пункте работ, посвященных наукам о духе, проявляется в любом методе, используемом этими науками, и объединяет все эти методы друг с другом. Повсюду ее целью является объективное познание общества, истории и человека. Ее же предпосылкой неизменно остается возможность такого познания.

Указанная предпосылка оправдывается не только ростом этого объективного познания, но в то же время и особенностями знания, характерными для наук о духе. Исследователи проникнуты этими особенностями, даже если они их не осознают. Они дают о себе знать исследователю в ходе практического использования инструментов его работы, каковыми являются переживание, понимание, репрезентация пережитого и понятого в суждениях и понятиях. Важно подтвердить сказанное применительно к отдельным случаям. Это подтверждение имеет своим предметом не обоснование наук о духе средствами их философского основоположения – последнее будет предметом всего последующего исследования, – но поначалу относится только к тому способу, каким эти предпосылки обнаруживают себя в области исследований наук о духе.

Переживание всегда достоверно само для себя. В то время как естественнонаучное исследование само уничтожает предпосылку реальности чувственных качеств вещей, из которых оно исходит, в ходе работы историка, юриста или специалиста в области эстетики никогда не возникает сомнения в реальности того, что дано в переживании. Равным образом он не испытывает сомнений относительно возможности понимания того, что каким-то образом подразумевается, сообщается, высказывается в форме некоторого выражения. Ему предстоит постичь на опыте, что понимание во многих случаях оказывается ограниченным. Он узнаёт, что для удостоверения понимания в его определенных границах требуется обширная практика и осмотрительность. Собственные потребности исследователя ведут его к развитию технических возможностей герменевтики и ее отдельных научных дисциплин, он делает понимание искусным, осмысляет его метод, обосновывает его право и технически развивает все меры предосторожности и осмотрительности, все методы, которые обеспечивают надежное постижение реальности на этом пути. И в ходе своей работы он на опыте постигает то, каким образом переживание и понимание взаимно подтверждают друг друга. Пе-

реживание и понимание, если рассматривать их психологически, всегда отделены друг от друга. Первое из них относится к региону моей самости, второе – к региону другого человека. Оба эти процесса всегда взаимоположны друг другу, но между ними существует структурная взаимосвязь, согласно которой повторное переживание чужого становится возможным только благодаря обратному сопряжению с моими личными переживаниями. Так содержательно возникает отношение, состоящее в том, что понимаемое мной в другом я обнаруживаю в себе в качестве переживания, и то, что я переживаю, я могу вновь обнаружить в чужом благодаря пониманию. Постоянно двигаясь между переживанием и пониманием, исследователь в области наук о духе увеличивает достоверность содержания, которое тем самым как бы получает возможность перемещаться из одного рода опыта в другой. При этом он уверен в существовании других лиц. Эта уверенность основывается на допущении существования чего-то от нас независимого, что дано в чувствах, а также на допущении значимости тех методических подходов, которые позволяют нам выделять в сфере данности отдельных лиц. Далее должно быть показано, на чем основано допущение нашим естественным мышлением реальности того, что от нас независимо, и наша непоколебимая уверенность в этой реальности.

Пережитое и понятое рассматривается исследователем, работающим в области наук о духе, как нечто такое, что может быть адекватно выражено в суждениях и понятиях. Сознание достоверности здесь также возникает из практики и постоянно связанных с ней операций.

Чрезвычайно важно постичь, на чем основывается эта общая уверенность всех исследователей. Именно в этом пункте критическое сознание сталкивается с необычайной трудностью. Из единичных данностей, наличествующих в истории и обществе, возникает взаимосвязь наук о духе. Она образуется в мышлении из материалов пережитого и понятого; она реализуется в категориях, принадлежащих области духа, – это его творение. Науки о духе не создают копию чего-то единственного и неповторимого, данного им в остатках прошлого и фрагментах настоящего. Любое познание в области наук о духе нуждается в общих понятиях. Система юриспруденции отличается от суммы переживаний, в которых реализуются правовые акты или выносятся судебные приговоры. Такое же различие существует и между совокупностью переживаний, обеспечивающих общение с тем, что, будучи незримым, не поддается никакому определению посредством чисто механического вмешательства, и понятиями, в которых выражается сущность религиозного общения, религиозного опыта, религиозных свидетельств или

определяются формы, реализующие религиозное общение. И любая другая наука, имеющая своим предметом некоторую систему культуры, фундирована в том, что переживается или понимается, но все это становится доступным познанию только посредством свойственного духу суждения и понятийного мышления. Равным образом и история не является копией тех событий, свидетельства о которых дошли до нас, – она также представляет собой новое духовное творение, основание которого заключено в условиях познания. Сами исторические события – в том виде, в каком они дошли до нас, и взятые в своем сосуществовании и последовательности – как таковые никогда не содержат средства для выведения связующей их причинной взаимосвязи и, тем более, для постижения тех законов, которые определяют их формообразование. Понятия и общие суждения представляют собой средний член, связывающий события и постижение взаимосвязи. Эти понятия и суждения берут начало в практике жизни. Постепенное углубление видения взаимосвязи истории зависит, однако, и от разработки аналитических наук, имеющих своим предметом отдельные целевые взаимосвязи, которые в виде систем культуры пронизывают историю, а также от аналитического знания о сложившихся в ходе истории организациях, составляющего науку, которую можно назвать политикой. Наконец, историческое понимание и систематические науки о духе основываются не только на заключениях из фактов исторически-общественной жизни, но также предполагают определенную степень постижения хода психической жизни.

Таким образом, познание взаимосвязи истории всегда осуществляется посредством понятий и общих суждений. Они берут свое начало в опыте практической жизни, постоянно укрепляя свою связь с ним и расширяя его обоснование. Так возникают систематические науки о духе и психология, и вместе с каждым шагом этого развития все шире и глубже познается взаимосвязь исторических процессов. Более того, от этого развития зависит и сама характеристика исторических личностей, а также описание исторических событий, ибо они также нуждаются в понятиях, а их значимость и пригодность должны быть удостоверены в мышлении.

Именно на этом постоянном взаимодействии суждений и понятий с тем, что, будучи пережито и понято, репрезентируется в них, основывается та уверенность, с которой историк, юрист или исследователь религии допускает в мышлении адекватную репрезентацию того, что ему дано. На основании этого допущения в ходе своей работы он постоянно обнаруживает возможность принять за данное то, что является толь-

ко мыслимым. Переживаемое и понимаемое постоянно служат для него источником понятий, и эти последние неизменно находят свое наглядное наполнение в первом. На основании переживаемого и понимаемого исследователь религии, изолируя, абстрагируя, сравнивая и выделяя общее, устанавливает в качестве основных черт религиозности общение с незримым, возникающий в ходе этого общения опыт и основывающиеся на этом опыте догмы и жизненную практику, и затем это понятие вновь получает свое наполнение в переживаемом и понимаемом.

То, что излагается в суждениях, описывающих происходящее в обществе и истории, и то, что познается в совокупности систематических наук о духе, представляют собой одну и ту же действительность. Универсальная история возникает как наука, включающая в себя систематическое познание наук о духе и...

ВТОРАЯ ГЛАВА

Как возможно познание в науках о духе?

1.

То, что является составляющим наук о духе или обосновывающим их, включает в себя переживания, их выражение, а также понимание тех проявлений, в которых выражаются переживания и понятия, относящиеся к переживаниям. Эти классы различаются не тем, что они содержат различные факты; напротив, поначалу все это¹ – постольку, поскольку оно обнаруживается в сознании, – представляет собой переживание. Это справедливо как по отношению к выражениям и их пониманию, так и по отношению к понятиям. Однако поскольку с определенным переживанием структурно связывается и его выражение, а с ним – и понимание, возникает особое образование, принадлежащее области наук о духе. Выражение также может быть понятием. Но когда я перехожу от указанного структурного отношения к отношению предметного постижения, согласно которому познание представляет собой связь понятий, имеющих свое наполнение в переживаниях и понимании, я действую понятийным образом, и это действие связано своими собственными отношениями с переживанием и пониманием. Эти отношения включают в себя образование понятий из переживаний и пони-

мания посредством абстракции и отношение наполнения понятий посредством переживаний и понимания. Понятия, в свою очередь, образуются при помощи суждений, и поэтому между понятием и суждением существует то же отношение, что и между переживанием, пониманием и понятием.

Переживания есть и остаются основанием для любых составных частей, обнаруживающихся в науках о духе, ибо любое понимание выражения чужих переживаний осуществляется только на основании собственных переживаний, а любое суждение и любое понятие образуются только на основании переживаний и понимания.

Отсюда следует вывод: науки о духе основываются на знании переживаний.

2.

Науки о духе и их логическое и теоретико-познавательное обоснование всегда предполагают знание переживаний. Условие этого знания содержится в самом переживании. Осознание. Это означает только то, что нечто осознается. Терминологический вопрос: можно ли называть это нечто содержанием? Многозначность этого слова. Эти осознаваемые факты образуют предельный фундамент наук о духе. Вопрос о том, имеет ли то, что обнаруживается в нас как осознаваемый факт (переживание), своим условием реальность другого рода, лежит вне круга достоверного знания наук о духе. Этот вопрос можно прояснить с опорой на кантовскую теорию времени. С критической точки зрения эта теория не затрагивает вопроса о реальности времени. Тот факт, что в сознании обнаруживается поток времени, является, конечно, реальным. Да и отношения между ожиданием и осуществлением того, что ожидается, стремлением и его удовлетворением – все это содержит в себе временную последовательность. Действительная жизнь, которая нам известна, протекает во времени. Проблема Канта касается только условий обнаруживающихся в сознании фактов. Эти условия не входят в область достоверного знания наук о духе.

Если мы, направляя наше внимание, стремимся удержать некоторое переживание, то здесь в ход вступает обобщение. Оно, таким образом, представляет собой необходимое условие любого ясного сознания переживаемого факта, и поэтому любое схватывание переживаний, на основании которого формируется психологическое знание, предполагает определенные операции постижения. Условием объективности

всякого психологического постижения является то, что это постижение сопрягает лишь то, что уже сопряжено в переживании. Таким образом, психология уже в своем исходном пункте отсылает нас назад к логике и теории познания.

Было указано, в каком смысле знанию о переживаниях присуща реальность и объективность. Однако сразу следует добавить, что содержание возможных переживаний, которое непосредственно служит учреждению некоторой науки, чрезвычайно ограничено. Область выражений переживаний и охватывающих их понятий содержит бесконечно многое за пределами того, что доступно намеренной психологической констатации. Мы, в частности, увидим, что наше знание о структурной взаимосвязи лишь частично и весьма неполно может быть основано на такого рода переживаниях, но при этом оно наличествует и в таких выражениях и понятиях, которые вытекают из непроизвольного и незамечаемого психического процесса. Ибо намеренное внимание к этим процессам изменяет и рассеивает их энергию и даже влияет на само их существование. Мы обратились к интерпретации творений духа, чтобы сказать о том, что может в нем содержаться⁹⁶. ...

Примечательный процесс дополнения переживаний, благодаря которому изобилие и взаимосвязь психической жизни только и становится знанием, заключается теперь в том, что внутреннее получает выражение во внешнем и затем может быть вновь понято, исходя из этого внешнего.

Внешнее есть выражение внутреннего либо благодаря произвольной конвенции, либо в силу отношения выражения, имеющего природно-закономерный характер.

И в том, и в другом случае – это внешний знак для выражения некоторого положения дел.

Первое отношение имеет место также и в том случае, если знак, то есть один наличествующий факт, означает, по-видимому, лишь наличие другого внешнего факта. Здесь, в действительности, также имеет место понимание, а именно: благодаря знаку знание о некотором факте, содержащееся в сознании *A*, на основании произвольного соглашения становится известным сознанию *B*. Приближение поезда к вокзалу и паровозный гудок – это два внешних факта, однако соглашение относительно их связи ставит один из них (сообщающий факт) во внутреннее отношение к понимающему сознанию. Только это и делает один внешний процесс знаком для другого процесса. Иначе обстоят дела со знака-

ми, представляющими собой естественное выражение внутреннего и поэтому указывающими на него.

Здесь следует проводить различие между отношением внутреннего к поступкам, которые изменяют положения дел или же порождают сохраняющиеся впоследствии институты. Поступки и их внешние последствия, сохраняющиеся на протяжении некоторого времени, всегда позволяют нам реконструировать то внутреннее, из которого они проистекают. Прусское Земское Уложение возникло для того, чтобы регулировать жизнь определенной эпохи посредством правовых установлений, но исследователь фридрихианской эпохи использует его, чтобы понять дух этой эпохи; он движется от правовых установлений в обратную сторону – к изначальному намерению законодателя, а от этого последнего – к духовным условиям этого намерения. Таким образом, опираясь на институты, мы постигаем систему оценок жизнеотношений, целеполагание и осознание долга в том виде, как все это сложилось к определенному времени и в определенном месте в качестве того внутреннего, что выражается для нас в указанном внешнем. Выражается именно для нас – без всякого намерения и невольно, ведь эти деяния осуществлялись в порыве воли и предполагали достижение определенных целей, а не сообщение чего-то современникам или потомкам. Теперь же они наличествуют для нас как знак чего-то внутреннего, однажды бывшего, как остаток, сохранившийся от него.

Иными являются выражения, вытекающие из потребности каким-то образом выразить внутреннее, каким-то образом предъявить его самому себе или сообщить другим. Именно эта сфера является в собственном смысле областью понимания и искусного обращения с ним, достигаемого посредством интерпретации. Будь то скульптурные копии, дающие хоть какое-то представление о Зевсе Фидия, или же «Апокалипсис» Дюрера, или «Девятая симфония» Бетховена, или драма, или философская система, или какое-то стихотворение Гёте, или главное математическое и естественнонаучное произведение Ньютона – неважно, есть ли это отдельное творение или связь понятий, дающих выражение какому-то фактическому положению дел, – во всех этих случаях имеет место нечто внешнее, возникшее как выражение чего-то внутреннего и поэтому позволяющее нам понять это внутреннее.

Из этого отношения явствует, что внутреннее входит здесь во внешнее совершенно не так, как это имеет место в случае человеческих поступков. Любой поступок связан с определенными условиями, отношение которых к живой целостности поступающей таким образом личности определяет ее представление о целях, ее энергию, используе-

мые ею средства и – в том случае, если этот поступок требует продолжительного времени для своей реализации, – способность приспособления к обстоятельствам. В силу этого делать заключение о внутреннем состоянии индивида на основании его поступка можно лишь ограниченным образом. Поступок нельзя рассматривать в отрыве от всего другого. И поэтому всевозможные меморандумы, решения, речи, короче говоря, любой вид выражений, связанный с определенным поступком и, таким образом, проистекающий не из потребности выражения, но из стремления оказать определенное воздействие, – все они представляют собой часть политического действия. Здесь, таким образом, можно видеть разнообразные, соответствующие друг другу результаты волевой деятельности. В совокупности они образуют взаимосвязь самой жизни, и чем большее число ситуаций они отражают, тем богаче становится понимание внутреннего, являющегося их источником. Однако здесь нам обычно приоткрываются лишь части, отдельные просветы, фрагменты какого-то ландшафта, но нам никогда не обозреть его строения в целом.

Я представляю себе сейчас совокупность всех тех произведений искусства, литературных и научных сочинений, которые были опубликованы Гёте и которые составляют его наследие. Насколько же иным является здесь отношение между выражением и внутренним! Здесь может быть разрешена задача, состоящая в том, чтобы понимать внутреннее в определенном смысле даже лучше, чем Гёте понимал себя сам. Тот подход, который бы позволил нам достичь этого, мы намереваемся изложить ниже в мельчайших подробностях. Здесь же речь идет о том, чтобы извлечь ряд заключений для нашей проблемы, состоящей в том, чтобы дополнить прямое постижение переживаний наблюдаемого субъекта внутренним опытом или наблюдениями за испытываемым лицом.

Во-первых, постигаемое в переживании посредством наблюдения или воспоминания дополняется по своему объему. Что мы знаем, например, об операции суждения, если опираемся на наблюдение, воспоминание или даже эксперимент? Мы должны расчленить выражение суждения, заключенное в предложении, чтобы постичь его.

Во-вторых, даже там, где переживание может быть постигнуто, вся полнота его обнаруживается только в понимании. Если бы мы имели одни лишь свидетельства поэтов о своих творениях, а все их работы были утрачены, то сколь мало говорили бы они нам! Мы должны расчленить эти работы, чтобы проникнуть во внутреннюю область процесса творчества и постичь его во всей полноте.

В-третьих, посредством такого связывания наблюдения, воспоминания, эксперимента и понимания мы постигаем единообразие психической жизни. (Смотри «Первый очерк по основоположению наук о духе».)

В-четвертых, постижение структуры психической жизни основывается, прежде всего, на истолковании произведений, в которых взаимосвязь психической жизни выражается целиком и полностью. Плодотворнейшие сведения об этом дает нам здесь сам язык – наиболее всеобъемлющее средство выражения. (Понятие чистой грамматики Гуссерля. Что могут дать выражения для понимания структурных отношений. Радость от чего-то, требование чего-то, знание о чем-то.)

Я утверждаю, что при определенных обстоятельствах структурные сопряжения хотя и не наблюдаются напрямую, могут, тем не менее, достигаться в воспоминании. Важнейшее средство их постижения заключается, однако, в их выражении, которое может быть обнаружено в продуктах языка. Я рассматриваю структурное течение эмоциональной жизни, которая начинается с первых слабых отзвуков, ведет к возникновению отдельных фрагментов эмоционального потока и доходит до сознания своей полноты. Я рассматриваю реализацию некоторого понятия в наглядном созерцании. Или же я беру связь между чувством и его предметом или движение от чувства к желанию. Здесь повсюду...

ДОПОЛНЕНИЯ К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

1.

Но именно в ходе этого постоянного обмена между, с одной стороны, переживаемым и понимаемым и, с другой стороны, тем, что выражается в суждениях и понятиях, убеждение в адекватной репрезентации первого во втором постоянно получает новое обоснование.

В эмпирическом сознании субъект уверен в своей собственной реальности и в действительности вещей и личностей вне себя. Жизнь как раз и представляет собой поток сопряжений этих факторов жизни между собой. На их реальности покоится живое чувство существования. Самость находит себя аффицированной снаружи, и она оказывает обратное воздействие на вещи и людей. На основании эмпирического сознания развивается опыт. Его предметом является психическая взаимосвязь, внешние вещи, находящиеся вовне личности. Этот опыт предполагает реальность этих предметов и отношений между ними, и все же

они представляют собой факторы эмпирического сознания. Таким вот образом на почве эмпирического сознания развиваются как естественные науки, так и науки о духе, развиваются, будучи преисполнены уверенности в реальности тех факторов, которые являются принадлежностью сознания. И только из философии проникает критика этих предпосылок. Эта критика, следовательно, так же стара, как старо само философское исследование, и она сопровождает все развитие опытных наук. С этой критикой связывается другая – та, что берет свое начало в самих естественных науках и подтачивает уверенность в объективной реальности чувственных качеств. Так в естественных науках возникает отделение данного чувственного мира как феноменального от примысливаемого для его объяснения строя вещей, гипотетически упорядоченных согласно законам. При этом допущение независимых от субъекта вещей сохраняется. Однако теперь они разыскиваются в примысливаемом строе вещей, упорядоченных согласно законам. Науки о духе, напротив, целиком и полностью остаются на почве эмпирического сознания. Нет ни одного момента, возникающего из их собственного опыта, который позволял бы усомниться в реальности трех факторов жизни и в значимости знания о них. Эти науки также нуждаются в допущении реальности мира, независимого от субъекта, и должны предполагать какой-то вид его репрезентации посредством чувственных восприятий, но когда они исходят из этого...

2.

Я с самого начала указал на то, что это выражение <«науки о духе»> не является вполне подходящим. Но любое другое выражение, использующееся по отношению к этой группе наук, дает повод для серьезных возражений. Это же относится и к обозначению «науки о культуре», с недавних пор вошедшему в широкое употребление⁹⁷. Оно содержит недоказуемое и даже одностороннее определение смысла и цели истории. Это слишком благодушное и слишком доброжелательное понимание человеческого существа, в котором значительную роль играют темные инстинкты взаимного подавления и разрушения.

II. ДОПОЛНЕНИЯ К ПОСТРОЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО МИРА

1. ЛОГИЧЕСКАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ В НАУКАХ О ДУХЕ

К построению исторического мира в науках о духе я приступил с теоретико-познавательной точки зрения. Первый вопрос относится к наличествующей здесь логической взаимосвязи. Да и можем ли мы понять операции, во взаимодействии которых осуществляется построение исторического мира, без анализа логических отношений, наличествующих в науках о духе? Их предпосылка находится в тех логических операциях, которые взаимодействуют во всяком знании. Не подверженное никакому сомнению разрешение этой задачи делает возможным описательно-расчленяющая психология и ее учение о структуре.

Психическая структура

1.

Течение психической жизни состоит из отдельных процессов. Любой из них имеет начало во времени и изменяется в нем. И даже если где-то в ходе течения жизненного процесса мною делается поперечный срез, в надежде обнаружить таким образом некоторое состояние, фиксация этого состояния сознания посредством проявляющегося здесь внимания способна вызвать разве что видимость определенной продолжительности. Кому неизвестна неупорядоченность и кажущаяся случайность этого потока психической жизни? Гармоническая связь звуков вызывает чувство удовольствия; теперь в это безмятежное эстетическое наслаждение проникает зрительное восприятие, пробуждаются воспоминания, возникает желание, которое затем подавляется на основании суждения в силу страха перед последствиями его удовлетворения, – так протекает беспокойная смена, чередование процессов различного рода, берущих начало внутри и обусловленных снаружи. В этой пестрой череде я отыскиваю единообразия, и обнаруживаю два вида таковых. Выделяя отдельные процессы из их взаимосвязи, например ассоциацию, слияние, репродукцию, апперцепцию, я получаю возможность на их основании индуктивно устанавливать указанные единообразия. Таким образом могут быть определены правила зависимости, согласно ко-

торым репродукция наших представлений определяется интересом и вниманием, с которым воспринимаются впечатления и воспроизводятся их представления, а также взаимосвязью этих представлений и числом их повторений. Такого рода единообразия соответствуют законам, которым подчинены изменения во внешней природе. При выдвижении определенных гипотез они могут быть использованы для объяснения психического потока. От найденных закономерностей такого рода объясняющей психологии я отличаю другие, имеющие отношение к тому, что я называю структурой психической взаимосвязи. Эта взаимосвязь заключает в себе твердую систему отношений своих членов. Эту систему можно сравнить с анатомическим строением тела. Она представляет собой упорядоченный согласно определенным правилам строй составных частей психической жизни. Отношения в этой системе состоят из отношений между частями и их отношений к целому. Эти отношения переживаемы в том смысле, которому вскоре я дам более точное определение. Такого рода структурные отношения имеют место между далеко отстоящими друг от друга переживаниями. Так, решение, которое позволяет мне наметить для себя некоторый жизненный план, может быть структурно связано с длинным рядом поступков, которые совершаются, будучи отделены от этого решения длительными промежутками времени. Это свойство структуры имеет величайшее значение. Поскольку жизнь протекает во временных процессах, каждый из которых становится достоянием прошлого, то формообразование и развитие в ней возможны только потому, что обособленность каждого процесса преодолевается взаимосвязью, которая внутренне сопрягает то, что отделено друг от друга во времени, и поэтому сохраняет прошлое и фиксирует мимолетное в ходе продвижения ко все более устойчивым формам. Все течение жизни в целом представляет собой структурную взаимосвязь отделенных друг от друга сколь угодно продолжительными промежутками времени переживаний, расчлененных изнутри и образующих связанное единство.

2.

Итак, мы расчленяем структуру.

Любое переживание содержит в себе структурное сопряжение своих частей. Это сопряжение всякий раз включает в себя действие по отношению к некоторому содержанию. Различие действия и содержания обнаруживает свою правомерность в том, что ни способ действия не определяет наперед содержания, ни содержание – способа действия. Они изменяются независимо друг от друга. Я обнаруживаю наличие некото-

рого цвета, выношу суждение о нем, радуюсь ему, хочу иметь его в своем окружении – так одно и то же содержание проходит сквозь различные способы действия, но при этом каждый из них может относиться и к любым другим цветам, равно как и к другим предметам. То, что разделяется таким образом, связано в переживании в структурное единство. В суждении что-то мыслится, что-то говорится о каком-то предмете, так же и в чувстве то, от чего я испытываю удовольствие или неудовольствие, сопрягается с этим эмоциональным действием, а в переживании воления наличествует объектное представление предмета, который стремится вызвать к действительности волевое действие. То, что предполагается или утверждается, чувствуется, желается или волится, – как бы оно ни называлось и какими бы содержательными определенностями ни обладало, – все это исключительная принадлежность некоторого действия, а действие существует только как действие по отношению к некоторому содержанию.

Как безгранично многообразие содержаний – ведь из них состоит весь пестрый предметный мир, к которому мы относимся в нашем действии, – так же многообразно и это действие. Оно включает в себя неопределенное множество модификаций и нюансов. Они обнаруживают родство, будучи расположены в той или иной близости друг от друга. Предметное постижение некоторого механизма, чувство, охватывающее нас после смерти любимого человека, воля, направленная на реализацию определенной цели, различны не только по предмету, но и по действию, направленному на этот предмет, да и переживаются они как различные. Постигание разнородных отношений между содержанием и действием, которые имеют место в этих случаях, проводит различие лишь в пределах того, что уже содержится в переживании. В самом переживании не существует никакого интереса к различению и сопряжению того, что в нем содержится; оно протекает без всякого осмысления этого. Для осознания того, что содержится в переживании, требуется только различение и сопряжение, вызванное определенным интересом. И как мы увидим далее, лишь в ходе этого различения и сопряжения становится ясно, что содержится в переживании. Оказывается, что различие, степень родства, отношение представляют собой не свойства объектов, а формальные категории, которые являются понятийной фиксацией операций, предшествующих дискурсивному мышлению и образующих его основу. Однако только эти операции устанавливают, что содержится в чувственном постижении и переживании. Внутренний опыт дополняется его выражением в языке. Посредством различных обозначений в нем выражается переживание этих способов дейст-

вия. Я замечаю нечто, я сужу о чем-то, я испытываю от него удовольствие, я стремлюсь к чему-то – в этих и сотнях других словосочетаний мы выражаем переживания, не осмысляя того внутреннего отношения, которое получает в них выражение. Но если кто-то использует эти выражения, то я сразу же понимаю, что в нем происходит, и фиксированное выражение позволяет мне осознать содержащееся в переживании действие лучше, чем то позволяет само переживание, ибо я различаю и сопрягаю лишь то, что подразумевается в выражении и, следовательно, содержится в переживании. Стихотворения поэта и рассказы писателя с самого первого момента, то есть до всякой психологической рефлексии, также изображают, воспевают и извещают о переживаниях согласно их подлинному характеру. Они рисуют нам некоторый предмет, затем они переходят к действию по отношению к этому предмету, они эксплицируют отношения и учат нас различать их. Они выражают все это, поскольку имеют своим источником сильное переживание.

Различие определенных типов в пределах этого меняющегося действия по отношению к фактическому никогда не может быть проведено так, чтобы здесь было достигнуто полное согласие. Следует прояснить, какой смысл может иметь это различие в учении о структуре. Оно разделяет лишь виды сопряжений, сменяющие друг друга действия. Поэтому оно не имеет ничего общего с подразделением психической жизни на способности, силы или функции. Оно не утверждает того, что они есть, но и не оспаривает их наличия. Равным образом и понятие способа действия учение о структуре относит только к понимаемому в этом смысле видам сопряжения, которые регулярно обнаруживаются во взаимосвязи любой психической жизни. А именно: оно даже не исключает допущения, что психическая жизнь постепенно развивается от простейших отношений к отношениям структурно усложненным – и это касается как отдельного индивида, так и человечества в целом. Таким образом, указанное различие имеет лишь тот смысл, что оно упорядочивает переходящие друг в друга нюансы действия в соответствии с определенными типично исходными позициями. Было показано, что различные способы действия по отношению к отдельным содержаниям переживаются, а также – на основании выражения – повторно переживаются в понимании. Вместе с тем оказывается, что это различие позволяет осознать дистанцию между разными видами действия, и так мы узнаем об их родстве – ближайшем или дальнем. Кроме того, философская рефлексия также постоянно различает определенные основные позиции, что позволяет известным образом упорядочивать способности, функции, а priori различные

психические способы действия, а это, в свою очередь, ведет к возникновению известных спорных вопросов. Но поскольку в действительности рядоположенные способы действия переходят друг в друга, я отваживаюсь на выделение лишь вполне определенных типов и даю следующее основание своей классификации. Предметное постижение, с одной стороны, а с другой стороны, чувство или воля родственны друг другу лишь в том, что и то, и другое суть способы действия. Хотя постижение предмета и суждение о нем различны, несмотря на наличие промежуточных ступеней между ними, они, тем не менее, связаны тем, что все предметное постижение в целом имеет дело только с содержаниями и теми отношениями между ними, которые содержатся в данности и эксплицируются в дискурсивном мышлении. И высказывания о значимости, которые входят в область суждений о действительности везде, где только отношение отдельного суждения включается во взаимосвязь мышления, – эти высказывания представляют собой иную форму той связанной с реальностью очевидности, которая присуща как эмпирическому сознанию чувственного восприятия, так и переживанию. И если чувство и воля по преимуществу включены в комплекс воздействий, реализующийся в форме переходов, как, например, чувство невыносимости некоторого состояния и решение изменить это состояние, то, тем не менее, существует область чувств, например эстетических, которые – даже будучи очень сильны и не встречая совершенно никаких препятствий – не переходят в поступки. Если речь идет об обосновании наук о духе – то есть о нашей теперешней задаче, – то фундаментом для разделения типов предметного постижения, чувства и воли является то, что размежевание действительности, ценностей и целей пронизывает все царство духа. Правда, здесь в репрезентации и выражении обнаруживается различие в переживаниях, которое не является столь же отчетливым при самонаблюдении.

3.

Различные виды отношений напряженно воздействуют друг на друга, и одно из них вызывает другое. Образы, которые доставляют нам чувства, или мысли о них вызывают чувство удовлетворения, расширения нас самих и наполнения нашего существа, а это, в свою очередь, пробуждает стремление и решение воли, направленное на сохранение этого состояния. Это напряженное воздействие, ведущее нас от предметного постижения к чувству и далее – к воле и поступку, попадает в сферу внутреннего опыта, откуда и берет начало знание о структур-

ной взаимосвязи. Само это воздействие переживается; если бы оно не переживалось, оно бы не находило столь прямого и мощного выражения в поэзии и истории. Дана не закономерная последовательность отдельных состояний, на основании которой делается заключение об их причинной взаимосвязи, но сила напряженного воздействия, неумолимость, с которой постигаемый предмет приводит в бурное движение все чувства, неумолимость, с которой человек – вопреки всем разумным соображениям – словно заколдованный и принуждаемый внешней силой стремится присвоить себе предмет этих чувств, бездны человеческого существа, разверзающиеся именно в этом принуждении, в этой зачарованности и в этом добровольном рабстве, – все это – несмотря на различие их мировоззрения – является предметом религиозных учений Будды, апостола Павла и Августина, а также поэтических произведений великих трагиков. Это мощное выражение может быть почерпнуто лишь из глубин переживания – наше знание о напряженном воздействии, открывающее доступ к подлинной жизненной взаимосвязи, возникает не из умозаключений. Мы лишь отрывочно познаем на опыте отдельные взаимосвязи, которые затем связываются в структурную взаимосвязь на основании воспоминаний и их рефлексии. Одним движением мы обозреваем взаимосвязь воспоминаний нашей жизни. Насколько ясно обнаруживается в лирическом стихотворении переход от представляемой ситуации к потоку чувств, который рождает стремление или ведет к деянию! Или же покоящийся на типичном порядке речи комплекс воздействий, в рамках которого этот порядок, основываясь на экспозиции определенной ситуации, вызывает в нас целый мир чувств и ведет нас отсюда к определенной практической установке. Таким образом, нам все более открывается значение отношений переживания, выражения и понимания. То, что вступает в область переживания без всякого осмысления, в выражении этих переживаний словно бы выносятся наружу из глубин психической жизни. Ибо выражение непосредственно и без всякой рефлексии вытекает из души, а затем в силу своей устойчивости предстает перед пониманием. Поэтому выражение содержит от переживания больше, чем может обнаружить самонаблюдение*.

* Основные положения, необходимые для понимания нижесказанного, я заимствовал здесь из одной своей работы (Sitz.-Ber. от 19 марта 1905 г. [см. настоящее издание, с. 43 и далее), однако для более полного обоснования должен отослать к самой этой работе.

Эта структурная взаимосвязь включает в себя и другую систему отношений между переживаниями, которая обнаруживается в рамках типических разновидностей психического действия, имея при этом сходный с ними характер. Таков иерархический порядок, в котором частное, обусловленное внешним образом многообразие данностей приспосабливается к целям истории. Это именно иерархический порядок, поскольку данное продолжает сохраняться в нем, приобретая, однако, более высокую форму сознания. Случайное становится элементом взаимосвязи, независимой от случая, внешних побуждений и внутренних ассоциаций. Частное становится частью целого или отдельным случаем всеобщего; преходящее получает устойчивую форму; образ исчезает в предмете и понятии, чувство – в ценности, из волевого переживания обязанности возникает норма, а темное влечение обретает ясность в стремлении к цели. Поток жизни, в котором все становится достоянием прошлого, преодолевается воспоминанием, а случайность происходящего – взаимосвязью мыслимого.

Третий вид взаимосвязи имеет значение для продвижения духа к устойчивому и необходимому. Уже упоминалось о том, что переживание, выражение и понимание связаны структурной связью. В выражении переживание приобретает устойчивость. То, что черпается из содержания этого выражения, противостоит теперь самому переживанию как нечто внешнее, независимое и длящееся. При этом выражение может получить любая разновидность психического действия; выражение использует любой материал, взятый из сферы действительности, чтобы затем сделать из него средство для понимания. Чувство выражается в мимике и жесте, его символами становятся слово и звук; воля получает устойчивое выражение в предписаниях и законах. Так объективируется дух, и эта объективация, являющаяся внешней по отношению к нему, тем не менее, представляет собой его творение. Отношение выражения и понимания беспредельно расширяет сферу его существования в форме взаимного общения индивидов: возникает человеческое сообщество.

Здесь повсюду обнаруживается телеологический характер структурной взаимосвязи. Наличествующая в ней целесообразность является имманентной и субъективной. Она не реализует цель, предписанную природой или Богом; структурная взаимосвязь не преследует также и какой-то определенной цели: она содержит в себе лишь устремленность к цели. Но эта последняя не гипотетически влагается в нее, но испытывается на опыте. Из впечатлений, исходящих от действительности, и размышлений о них возникает гнет, боль, неудовольствие и неодобрение,

которые вызывают защитную реакцию; в других случаях расширение существования, радость, симпатия побуждают волю к тому, чтобы удерживать это состояние и осуществлять дальнейший рост. Поэтому в самой этой связи процессов содержится целеустремленность, которая простирается вперед и представляет собой заложенное в психической взаимосвязи стремление к реализации соответствующего состояния, причем это состояние должно быть соотнесено только с точкой зрения этой индивидуальной психической взаимосвязи, а не быть таковым в объективном смысле. Психическая структура целесообразна, так как имеет тенденцию порождать, сохранять и увеличивать жизненные ценности, исключая при этом безразличие или враждебность. Любой жизненный опыт учит нас тому, каким образом в индивидуальном развитии возникает определенное направление этой целеустремленности. Избавление от страдания, расширение существования, покой и уверенность души, совершенство, обязанность – все это лишь виды бесконечного многообразия индивидуальной направленности. И именно эту целесообразность мы видим действующей в последовательности форм постижения данного, ведущей ко все более надлежащему познанию, все более правильному включению отдельных предметов во взаимосвязь мышления.

Помимо этой взаимосвязи мы рассмотрим теперь взаимосвязь положений духа применительно к его прошлому и будущему. Структурная взаимосвязь не просто направлена назад в прошлое, к тому, что является неизменным, она – и это ее самая яркая черта – непрестанно находится в порыве из прошлого и настоящего в будущее, вычисляя, играя с образами и устремляясь при этом вперед. Переживание, включающее в себя это стремление, одновременно содержит в себе обязанность и свободу, но никогда в качестве умозаключения, а как переживание в себе. По отношению к кругу возможностей оно определено настоящим и прошлым, формой жизни и жизнеотношением. Все это содержится в любом стремлении, направленном вперед. А так как законы, которые не коренятся в нашем существе, не имеют над ним никакой власти, и так как сущность эта подчинена закону структуры, то возникает вопрос о том, каким образом наши идеалы фундированы этой взаимосвязью и <каким образом они> возникают.

В первую очередь учение о структуре ставит перед логикой наук о духе следующую проблему: каким образом жизнь и повторное переживание относятся здесь к понятийному мышлению? Жизнь и повторное переживание образуют основание и постоянный фон логических операций; но страдания, жертва, погруженность самости в объективность – все это непостижимо для рассудка. Переживание никогда не может раствориться в понятиях, и его темные, глубинные отзвуки – пусть и едва слышимые – со-

проводят всякое понятийное мышление в науках о духе. Уровни сознания, напротив, есть некие технические структуры, которые, последовательно минуя ряд образований, позволяют духу достичь господства как над самим собой, так и над миром. Эти уровни остаются теми же самыми – как в психической взаимосвязи, так и в сфере предметного постижения, которое обращается к этой взаимосвязи. Здесь мышление видит свой предмет насквозь. Сила интеллектуализма имеет здесь свои корни. В эпоху Просвещения интеллектуализм оставляет то, что является непроницаемым, как скопившийся на дне осадок жизни, и затем в философии Гегеля стремится растворить живое в понятийном, воссоздать понятийную взаимосвязь при помощи новых средств. Но интеллектуализм всегда вызывает реакцию полноты самой жизни, которая черпает свои силы в непостижимой непосредственности – против Просвещения в лице Руссо, против Гегеля – в лице как Шеллинга, так и Фейербаха. Проблема отношения жизни к логическому мышлению отныне всегда будет пребывать в поле нашего зрения. Она станет еще более отчетливой, если мы перейдем к структурной взаимосвязи в пределах *предметного постижения*, а от нее – к спецификации этого действия в науках о духе и науках о природе.

2. ФРАГМЕНТЫ К УЧЕНИЮ О СТРУКТУРЕ

Психическая жизнь

Психическая жизнь есть нечто бездонное. Тот, кто занимается науками о духе, должен приложить все силы, чтобы исчерпать эту неисчерпаемую область. Не может быть науки, точнее говоря, *одной-единственной* науки об этом неисчерпаемом, открывающем все новые дали и переходящем старые границы. Познание занимает по отношению к нему различные позиции. Ближе всего к нему могла бы стоять антропология, которая стремится проникнуть во взаимосвязь самих конкретных явлений жизни в том виде, как она дана до интерпретации духовных творений или истории. Только идеальная репрезентация может гармонично представить такого рода взаимосвязь. Любое реальное изложение содержит в себе противоположность между достоверными сведениями о сингулярных явлениях и болезненным ощущением, вызванным их ограниченным характером, а также между сатирой, юмором или трагедией. Антропология – это всегда удел художника, обращающего свой взгляд на психическую жизнь, это руководство к созданию художественной формы, точка зрения, позволяющая постигать индивида, эпоху, нацию.

Структура

Нет ничего более чувствительного или изменчивого, чем те ключевые состояния психической жизни, когда на несколько мгновений достигается равновесие и гармония, в которых успокаиваются желания и реализуется удивительно прекрасное состояние души. Все желания кажутся тогда нашедшими свое удовлетворение, воля успокаивается – это точка покоя в изменчивом потоке жизни. Ясной как зеркало и просветленной становится поверхность души, всегда находящаяся в движении в другие моменты. Но всего одно мгновение – и нарушается гармония между внешним миром и жизнью чувств. Предметом желания становится то, чего нет, и вновь возникает напряжение воли – будь то в области познания или внешних поступков. Здесь подлинное место жизненности, пронизывающей психическую жизнь.

Внешний мир

Внешний мир представляет собой содержащееся в жизни отношение гнета, сопряжения импульса и сопротивления. Реальность внешнего мира заключена, таким образом, в этом жизнеотношении. Реальность внешнего означает не что иное, как такого рода сопряжения с психической структурой в рамках наук о духе. Поэтому здесь не содержится ничего трансцендентного, выходящего за пределы сознания.

Совсем другой мир категорий присущ естественнонаучному понятию внешних предметов. Гипотезы и т. д.

И здесь выясняется, что в пределах самой данности объективной значимостью обладает только порядок, выстраиваемый в соответствии с законам.

3. ПРОБЛЕМА ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Проблема теории познания в науках о духе

Исходя из логики наук о духе можно теперь приступить к рассмотрению проблемы теории познания. Анализ логической структуры представляет собой предпосылку для рассмотрения проблемы того, в чем состоит познавательная ценность логических форм и методов. Ибо этот анализ ведет к постижению того, что формы и законы мышления заключаются в фундаментальных отношениях данности и в той пози-

ции, которую занимает применительно к этим отношениям логическое мышление. Но затем на предмет значимости могут быть также испытаны и те предпосылки, которые разделяет эмпирическое сознание. Это осуществляется путем проверки плодотворности операций, в которых – начиная с переживания и понимания – реализуется знание наук о духе. Такой метод подходит к разрешению этой проблемы путем, противоположным тому, что был предложен Кантом. Речь идет не об обосновании познания, которое обнаруживает себя в формальной логике и математике. Формальная логика в эпоху Канта видела логическое основание для правовой надежности любых научных положений в предельных абстракциях законов и форм мышления. Кантова теория познания, руководствующаяся этой системой обоснования, делает вывод о том, что законы и формы мышления – прежде всего суждение – содержат условия познания. Он расширил эти условия за счет тех, которые заложены в математике. При этом – в противоположность Лейбницу – он твердо придерживался разделения условий геометрии как наглядной науки и условий логики.

Я же, напротив, стремлюсь рассмотреть проблему познания там, где она имеет простейший характер. Но простейшим она является не там, где к отдельным, образам, данным опосредовано, путем конструирования примысливаются предметы, но там, где эти предметы являются данными непосредственно. И теперь я задаю себе вопрос: что дает в итоге процесс переживания и познания, равно как и образуемые на этой основе понятия? Ибо только здесь может обнаружиться, каким образом условия математического и естественнонаучного познания ведут к принятию новых предпосылок при решении других, более сложных задач.

Поэтому речь идет о том, чтобы постепенно разрешить теоретико-познавательную проблему наук о духе. Шаг за шагом, посредством установления области применения...

Кант и Фихте

Почему с Фихте начинается нечто новое? Потому что он, исходя из интеллектуального созерцания Я, понимал это Я не как субстанцию, бытие, данность, но, основываясь именно на этом созерцании, то есть на напряженном углублении Я в самое себя, рассматривал его как жизнь, деятельность, энергию и сообразно этому обнаруживал в нем реализацию таких энергетических понятий, как противоположность и т. д. Таким образом, исходная позиция Фихте близка исторической школе и

поэзии Гёте, который видит жизнь во всякой способности самости к реагированию и во всяком развитии.

Доказательство: отсюда вытекает вся его полемика со Спинозой, Шеллингом и т. д.; во второй период его позиция еще более проясняется.

Упразднение трансценденции субъективности

Связующая нить эпохи *теории познания* обнаруживается в попытке развивать познание в виде систематического целого таким образом, что анализ априори отделяется от данного как вещи самой по себе и т. д., и она получает свое завершение, когда происходит крах этой систематики, а также уверенности в том, что познание имеет дело с явной трансценденцией – трансценденцией субъективности и трансценденцией предметов. Раньше я упразднил последнее, теперь же, опираясь на свои психологические работы, я пытаюсь упразднить трансценденцию субъективности.

Нам неизвестен никакой переживаемый или испытываемый на опыте носитель жизни. Такой носитель был бы трансцендентен самой жизни. Он принадлежал бы к классу таких понятий, как душа или предмет, находящийся по ту сторону сознания. Метафизика упраздняется благодаря теории познания и психологии, в которой имеет место другой вид трансценденции. Я хочу сказать, что объективная и космическая метафизика отделяется от метафизики субъективности, и вторая является столь же несостоятельной, как и первая. Более ранняя объективная метафизика основывается на господстве понятия пространства. В ней осуществляется абстрагирование от времени, и вневременные метафизические предикации словно бы переносятся на пространственную систему. Эта система представляет собой продукт самой жизни, обнаруживающийся на самых примитивных ее уровнях. Из этой картины мира выпадает мимолетное, постоянно изменяющееся, принадлежащее времени, то, что присуще также и образам.

Еще сильнее это отношение обнаруживается в метафизике субъективности. «Я», душа – все это также входит в число того, что находится вне времени. Но ведь нам неизвестно ничего, кроме развития событий, и мы не имеем никакого права вводить еще какой-то носитель этих событий, так как это означало бы перенос понятия субстанции в мир переживаний.

Внешние объекты: эти мечи и короны, золотые украшения и сельскохозяйственные орудия, необходимые историку, как раз и представляют собой элементы переживаний. Я вызываю в памяти исторический

ход событий войны с Францией, которую я пережил⁹⁸. Внешние процессы являются здесь составной частью переживаний. В качестве таковых они принадлежат к самой жизни. Они, конечно же, не являются просто оптическими феноменами. Их реальность состоит именно в жизненном сопряжении отношения импульса и препятствия, гнета, вызванного чем-то независимым от нас, то есть в жизненном сопряжении воздействия, оказываемого на определенного волящего субъекта. Эти отношения переживаний выражают мое сознание реальности затрагивающего меня процесса, и, во-вторых, выражают именно то, что подразумевается в том случае, когда я как историк своей или предшествующей эпохи придерживаюсь реальности фактов, доступных восприятию посредством органов чувств.

4. ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК ПРИМЕР

Структура эпохи Просвещения

Эпоха, которую открывал Лейбниц, в отличие от начального периода Просвещения, принесла с собой развитие самодержавия в отдельных немецких государствах, ослабление власти церкви, рост научной культуры и все более возрастающее выражение религиозного переживания в музыке при чрезвычайном упадке всех других искусств.

Каким же образом разворачивается структура этого времени? В чем заключается его ценность, его значение, его главные цели? Именно здесь ясно обнаруживается, что эпохи высокой культуры не обязательно связаны с параллельным прогрессом в других областях. Нельзя также сказать, что один и тот же дух господствует в политической и научной жизни, в религии и искусстве. Ни в одной из этих областей не существует единого направления, но везде обнаруживаются взаимные противоречия.

Во всех великих явлениях этой эпохи господствует один и тот же трезвый, реалистический, ориентированный на мирские цели и их осуществление дух. Он представляет собой продукт неслыханного поражения, когда улетучились все великие фантазии Средневековья. Этот дух воспитан наукой. Если взять этот реализм во всей его глубине, с которой он придерживается веры в действительность, то он дает о себе знать во всех сколько-нибудь специфических явлениях немецкого духа. Таким образом, невидимые духовные нити пронизывают все области. Экономическая жизнь, социальные слои, политическое существование образу-

ют, следовательно, взаимопринадлежащее целое, которое пронизано взаимодействием его составных частей.

В ней самой – в эпохе Просвещения – заключены те силы, которые ее определяют. Ибо идеальные моменты религиозного характера не оказывают здесь более определяющего воздействия, а научный дух находит лишь в начале своего подъема.

1. Общий характер многообразных периодов... от Лейбница и до кончины Фридриха, ограничен, с одной стороны, постепенным ослаблением церковной веры и, с другой стороны, возрастанием научного духа. Догматическая церковная вера имеет своим основанием религиозное переживание общения с Богом и религиозный опыт, но со временем превращается в церковную традицию и понятийное учение. В этот период под влиянием критических вопросов возникают переходные формы, справедливо возводящие эту веру к живому истоку в переживании, а ее авторитет и правомочность – к Библии. Так возникают соответствующие секты, пиетизм, но также и католическая мистика. В этот период наука и ее поступательное развитие ведут к возникновению понимания взаимосвязи природы как пространственной системы, как динамической, упорядоченной в соответствии с законами связи и как системы телеологически сложенных организмов. Царство духовно-исторического мира еще не упорядочено с какой-то всеобъемлющей точки зрения, но лишь догматически приведено в порядок для разрешения отдельных задач жизни.

2. В этом контексте немецкий дух занимает свое особое место. По мере того, как государства борются между собой и именно в силу этого развиваются, во взаимодействии наций друг с другом возникает европейский дух. Отсюда произрастает культура, в которой на почве основного противоречия между сохранением старого и научным прогрессом, протекающим в религии, государстве и социальном строе, возникает бесконечное многообразие направлений. Наконец, в это движение политически и культурно включается также Германия. Отношение противоречия католицизма и протестантизма к основному противоречию.

3. Насколько простирается научное движение, настолько оно требует теоретического обоснования любого допущения, любого ценностного определения и любого целеполагания. Природа Просвещения состоит в том, что, основываясь на методе науки, оно использует этот вывод

применительно к любому пункту жизни. Оно охватывает этим методом ума всю жизнь; оно регулирует ее посредством рассудка. Его самоуверенность основывается на плодах науки. Поэтому оно полностью отмежевывается от прошлого с его верой, его традицией, его откровениями, его сверхъестественным вмешательством. Оно делает все ограниченным и все далее отодвигает божественное воздействие...

Но при этом – прогресс и солидарность человечества. Поэтому мышление становится опорой энтузиазма и идеалов будущего. Эти идеалы суть продукты ума. *Такова новая форма, которая является типичной для Лессинга, Фридриха и Канта.*

Это мировоззрение имеет свои границы в том, что бесконечное вытесняется из жизни в область потустороннего. Ибо в жизни оно остается только как темная и безграничная власть чувства. Бесконечность становится, таким образом, бесконечностью развития единичного духа и всего человечества. Мир очищается от богов; однако и прогресс указывает в бесконечность. И поэтому господствует сознание полноты жизни, представляющее в многообразных формах – в религиозной жизни, в мистической глубине любого жизнеотношения, во внутреннем существе природы. Но в то же время рассудочно-философское познание не может устоять перед критикой. В первую очередь не подчиняется правилам жизнь, а также ее отражение в искусстве. Источник их жизненности – их собственная сила, целостность их существа.

4. В Германии разделяется протестантская и католическая культура. Необычайная энергия протестантского духа способствует тому, что основная сила этого движения продолжает определяться схемой христианского взгляда на мир. Религиозный дух является источником континуального развития, которое пронизывает народ, духовенство, университеты и церковное руководство и в котором – несмотря на все охватывающий научный прогресс – продолжает господствовать христианское мировоззрение. Это последнее, однако, в том виде, в каком оно сохраняется после отказа от догм, представляет собой телеологическую взаимосвязь универсума, в которую человек включен как телеологически обусловленное существо. К этому же приводит и критическое рассмотрение Библии, возвращающее к раннему христианству. Поскольку человек как существо, находящееся во власти Бога, занимает отведенное ему место, то отсюда выводится учение о бессмертии. В этом ряду стоят Меланхтон, Лейбниц, Вольф, литература по общим вопросам и Кант.

Итак, мы видим, что это немецкое Просвещение опирается на определенное понимание значения жизни. *Наличие значения жизни в ней самой и в ее рефлексивном осмыслении* обусловлено взаимосвязью этого хода исторических событий и, в свою очередь, обуславливает эту взаимосвязь.

5. Когда Просвещение оглядывалось в прошлое, последнее представлялось ему рядом ступеней, последовательно ведущих к тому, что достигнуто в настоящем. Это достижение состоит в правильности познания посредством науки, распространении вкуса в искусствах и жизни и т. д. Все это имеет предварительные ступени. Вкус переходит из одной эпохи в другую. Цивилизованное государство представляет собой продукт и т. д. Чувство человеческого достоинства. Поэтому здесь история впервые освещается как целое с точки зрения науки.

И, опять же, то, что выступает здесь как высшая точка исторического познания, представляет собой созерцание значения существования. Оно вытекает из всей взаимосвязи Просвещения в целом и воздействует на нее обратным образом. Такого рода освобождение прошлого от присущей ему ценности являет ограниченную точку зрения, которая не может соответствовать повторному переживанию истории сообразно его естественной энергии. Отдельные исследователи находятся к ней в оппозиции. Прежде всего это теологическая точка зрения, сформулированная Боссюэ, Гаман и Гердер (в своем раннем произведении, посвященном истории⁹⁹) атакуют Шлёцера, Спиттлера и Лессинга. Это стало исходным пунктом для открытия Гердером имманентных ценностей в истории и, тем самым, для того, чтобы можно было отбросить то случайное, что было связано с этой точкой зрения.

6. И поскольку идеи этого мировоззрения обращаются в будущее, постольку в этом последнем заключено все творчество, все образы самого себя и всякое воздействие на мир. Мощным импульсом, направленным в будущее, из эпохи Просвещения прорываются идеи прогресса и совместного действия. Должен быть реализован процесс развития ценностей в том виде, как он существует в современности. Именно в этом и состоит счастье. Так возникают понятия цели и идеала; при этом любое творчество связано правилами и нормами, которые устанавливает рассудок. Обязанность любого деяния – в реализации определенных целей. Совершенство означает определенного рода продвижение к ним; обязанность их реализации – это существо любой работы, нацеленной в будущее.

Для современных наций являются общими следующие черты.

От случайных политических образований наблюдается движение к единому государству. Это происходило во Франции и Англии посредством объединения такого рода образований в государства, которые обретали внутреннее единство своих частей в общем языке и литературе. Германия и Италия, напротив, идут путем развития автономии отдельных государств на почве общего языка и литературы. Тем самым в сознании обеих этих наций возникало внутреннее противоречие. Именно там, где имело место патриотическое стремление к созданию единого государства, существовала тенденция упразднить то, что связывало нацию. Право соединяло нацию внешним образом; язык, литература, наука и искусство прямо включали и развивали внутреннее сознание общности нации. Религия же была моментом раскола. В эпоху Просвещения никто не признавал того, что именно Пруссия призвана дать нации форму единого государства. В этом как раз и заключался особый момент политического характера того времени. Но, с другой стороны, это государство в ходе своей политической борьбы с Австрией и Францией привнесло момент национального воодушевления. Об этом свидетельствуют *Глейм*, *Лессинг* и другие. И по мере того, как военное государство возвышалось до культурного государства, великими моментами которого были академии, университет в Галле, прусское законодательство – то есть государственные институты, которые несли в себе новую культуру, – это становилось моментом универсального прогресса. Чувство этого присутствовало всегда. Всегда ощущались связи с немецким духом. Вместе с тем получал обоснование, во-первых, этот процесс перехода Пруссии от военного государства к государству как носителю идей культуры, который затем нашел свое выражение при основании Берлинского университета, у Гегеля и т. д. Но в то же время здесь существовал и внутренний душевный конфликт. С одной стороны, эта культура была универсально-немецкой. Язык, поэзия и наука не могли быть иными. Чиновничество впитывало все это, а значит одновременно впитывало и первый момент национального осмысления, остававшийся поначалу для него неосознанным. Но в то же время военная аристократия воспринимала эту культуру как инородное для нее тело. И еще более редкими были литературные произведения, посвященные прусской доблести во времена Семилетней войны. Душа патриотически настроенных прусских поэтов была раздвоена. Идеал свободной человечности у Клейста, Лессинга и других происходил из

общенациональной жизни, не получившей государственного оформления. Этот идеал вступал в противоречие с воодушевлением, необходимым для стойкой военной доблести тех дней и для присущей ей жесткой дисциплины, железной строгости и радости битвы.

В борьбе новых государств усиливалось их единство. Они склонялись к самодержавию. Они должны были развивать армию, финансы и администрацию. В этом и проявлялась новая структура политического существования. Политическая жизнь пребывала не в процессе роста, а в процессе деления. Она всюду была пронизана рациональным целеполаганием. В том же духе действовали и финансы, светская политика и т. д. Государство ставило перед собой все больше рациональных целей: школьное образование, наука, власть над церковными учреждениями. Князья были первыми представителями единства на рациональной основе. Так возникало самодержавие.

Все это представляло собой подготовку господства рациональности в Европе, которая предшествовала обоснованию самой науки. Свободные, иррациональные силы личной преданности и т. д. заменялись силами исчисляемыми и надежными, принуждаемыми посредством военной системы и т. д.

В этом контексте Германия занимает особое положение. Пруссия должна была силой королевской власти создать единство из гетерогенного ландшафта. Армия и флот везде были основной проблемой, но в Пруссии возникает еще одна проблема – первым носителем общего духа здесь было чиновничество.

Развитие наций было связано еще и со следующим противоречием. В Англии правит аристократия; ее политическая функция связана с поглощением земельной собственности. Осуществляется взаимодействие с бурно развивающейся торговлей, с городским законодательством. *Поэтому здесь и не развивается чиновничество.* Аристократия совмещает в себе образование, собственность и политическое значение. Здесь существует также определенная градация, благодаря которой возникает единоличное господство аристократии, осуществляемое через парламент. И в эту взаимосвязь по мере развития включаются новые силы, торговля и индустрия.

Во Франции градостроительство существует со времен кельтов и римлян. Ее жизнь определяют семьи, власть которых простирается на города, районы и даже большие области. Именно они совмещают в себе образование, собственность и политический авторитет. Но этот политический авторитет отделен от королевской власти. Бессилие и недостаточный авторитет этой последней.

Франция внутренне подорвана, во-первых, в силу отношения к духовенству, во-вторых, в результате финансовых трудностей.

Пруссия как образец развития в Германии.

Современное государство развивается в направлении свободного движения собственности благодаря введению римского права. В этом заключается величайшее достижение Ренессанса.

Власть Франции в Германии пошла на убыль. Ей не удалось покорить Голландию, завладеть рейнской границей... Все это не могло воспрепятствовать возрастанию власти Австрии на востоке. Но и здесь произошли некоторые прогрессивные изменения в политической жизни, с которыми был связан и рост самосознания.

Однако политический результат развития в Германии в XVIII веке остался совершенно незамеченным ни актерами, ни зрителями этого театра. Шел дальнейший распад Империи¹⁰⁰, и когда в состязании зарождающихся суверенитетов произошел, так сказать, отбор, возник дуализм двух великих возрастающих сил, на которых могло основываться господство в Германии. Поначалу Пруссия еще состязалась с Саксонией, Баварией и Ганновером, но затем великодержавное положение Фридриха Великого разрешило это состязание в ее пользу.

«С другой стороны – католическое и кайзеровское австрийское государство, которое после окончательного завоевания Венгрии навсегда обратило одну из голов своего орла на восток – к венгерско-славянским областям, владение которыми ставило перед ним великие, однако не немецкие, а европейские задачи. Но в то же время оно утверждало и свое историческое положение в средне- и южно-немецкой государственной системе. Из конфликтов, которые последовали за этим, судьбоносным для обоих государств стал конфликт с Пруссией»*.

Здесь, таким образом, обнаруживается сколь удивительное, столь же и важное отношение между целью и значением в истории, которое дает о себе знать уже в жизни отдельных людей. Государства и монархи преследовали свои цели. Эти государства были ограничены горизонтом своего времени. Они действовали в своих интересах, а не в интересах целого или истории. Но значение того, что они делали, обнаружилось в

контексте истории лишь позднее. Это значение простирается далеко за пределы тех целей, которые при этом ставились. В этом нет ничего мистического. Не стоит беспокоить по этому поводу провидение, равно как и цель, которую могла бы преследовать сама история. В более широком контексте по прошествии времени обнаруживаются последствия целеполагания, в силу чего они оказываются членами некоторой взаимосвязи, позднее, возможно, также включаемой в еще более широкую взаимосвязь. Мы всегда видим лишь ограниченное отношение исторических членов к завершённому к этому моменту целому. Но самое главное состоит в том, что то, что мы видим, является действительным значением, даже если оно и ограничено. Оно не может быть устранено ни в каком последующем контексте. Поэтому видение историка – истинно.

Музыка Просвещения

Если мы, оставив государство периода Просвещения, вступим теперь на свободную землю немецкой духовной жизни с ее многочисленными холмами, безмятежными долинами, по которым журчат ручьи, где душа свободно предается собственным переживаниям и образам, то в качестве первого и решающего может быть указано следующее: прошлое немецкого духа, углубляющегося в самого себя, достигает здесь своего завершения, продолжает раскрываться неисчерпаемая глубина того, что обнаружилось уже в религиозную эпоху. Немного позже творчество Глюка возвещает музыкальное пророчество новой драме, происходит обобщение того понимания античного духа, которое берет начало у Корнелия и Расина. Главная черта новой музыкальной драмы проявляется в поисках музыкальной формы античной драмы. Затем следует австрийское развитие. Все это погружено в изобилие песен, театральных произведений, гимнов.

Обобщая, можно сказать, что здесь немецкий дух впервые обрел свой язык. В то время, когда немецкий словесный язык был еще не способен выражать предельные глубины душевной жизни, языком немецкого сердца стала музыка. Она пришла на смену итальянской музыке, говорящей языком страсти. В произведениях целого ряда художников, аналог которым можно найти только в греческой скульптуре, возникает особое выражение возвышенного настроения, сложной душевной жизни, созвучия различных голосов мира и даже – в симфониях Гайдна – того, что не может быть ограничено какой-то определенностью оптического образа или слова.

* *Bernhard Erdmannsdorfer*, *Deutsche Geschichte vom Westfälische Frieden bis zum Regierungsantritt Friedrichs des Großen, 1648–1740*, Bd. II. Berlin: G. Grote, 1892–1893. S. 150.

Среди тех движений, в которых обнаруживали себя старые силы, самым сильным был немецкий пиетизм. Он представлял собой лишь часть европейско-американского движения христианской религиозности. В одно и то же время он был обращен против протестантской государственной церкви и против вновь возникающей светской жизни, которой эта церковь не могла противостоять. В своем последнем основании он был борьбой против подневольного положения религиозной энергии и против следующей за всяким возвышением религиозного духа связи его энергии с культурой, государством, церковной организацией, наукой. Религиозное переживание и открывающийся ему опыт стремились освободиться от всего этого. Его самодостоверность должна быть основана только на содержащемся в нем опыте. В этом и состоит общий характер религиозного движения, которое, наряду с аналогичным течением, возникшим в первой половине XVII века в Нидерландах, включает в себя движения немецких пиетистов и моравских братьев, методистов и ирвингианцев, баптистов и квакеров¹⁰¹. Оно началось в Нидерландах, где это движение, следуя своему кальвинистскому характеру, стремилось продемонстрировать противостоящую светской жизни дисциплину в морали, разделяемой теми, кто обратился в истинную веру, и находя для этого средство в малых общинах¹⁰².

Воэций вел борьбу с рациональной философией, которая именно в это время начала возвышаться благодаря Декарту¹⁰³. Поэтому начало рациональной философии совпадает с началом пиетизма. Их встреча произошла в Нидерландах. (В 1643 году выходит прославленное полемическое сочинение Декарта – его послание Воэцию.) Но при этом Консей, Лоденштейн и Лабади, основываясь на вере в Библию и на ее исследовании, способствовали освобождению религиозного опыта и фантазии. Таким образом, необходимо выяснить, насколько Воэций под влиянием Декарта, которому он противостоял, исходил из критического сознания. То же самое и в случае названных трех исследователей. Материал у Ричля, который, однако, не останавливается на этих проблемах¹⁰⁴.

Отсюда такой же вопрос возникает и применительно к немецкому пиетизму. Повсюду господствует то же отношение: общение с Богом постулируется как предпосылка любого знания о незримом мире. Только тот, кто обратился в истинную веру, может знать что-то о незримом мире. Только он понимает Библию. Она дает ему сверхчувственный доступ к божественному миру. Теперь он в состоянии, так сказать, открывать для себя этот мир. Но полнота провидения, чудесное не завершается

вместе с эпохой апостолов. Где есть воля провидения и обращение в истинную веру, там непосредственно действует Бог, а следовательно, есть и чудо. Они связаны с Библией, но не с протестантизмом. Их свидетельства – все подлинно христианские религиозные сочинения. Подлинный Христос скрыт покровом свидетельствования. Из этого, далее, следует, что он должен разыскивать верующих за пределами видимой церкви, в которой те смешались с неверующими.

Природа религиозного опыта такова, что он стремится дополнить себя пониманием историй обращения и примеров набожности других людей. Тем самым он расширяется и укрепляется. Так возникает малая община, пропаганда, моравское братство.

Параллелизм, который, таким образом, прослеживается между Просвещением и пиетизмом. Светской толерантности противостоит толерантность религиозная, которая признает за истинную любую христианскую веру, основывающуюся на обращении. Борьбе с магией таинств средствами Просвещения противостоит их религиозное постижение. Учение о равных естественных правах любого разумного существа; упразднение гражданских классов в религиозном обращении в силу религиозной равноценности обращенных. Телеология Просвещения имеет свою параллель в пиетистской системе знаков; внимание, уделяемое молитве; пропаганде Просвещения противостоит пропаганда пиетизма.

Но сходство простирается еще глубже. Принадлежность к церкви для пиетистов не является подтверждением их веры; правовое оправдание исходит не из нее. Индивид должен искать свое оправдание перед Богом в своем собственном переживании покаяния и обращения в истинную веру. Истинной является та вера, которая переживается вот здесь. Основанием этого является само существо переживаний личности, творчески раскрытое реформаторами. Такова чистая реакция подлинного протестантизма... Но пиетизм выходит за его пределы и как великое индивидуалистическое движение все в большей степени исключает из этого религиозного течения церковь. Его величие состоит в том, что он продолжил и развил внутренние импульсы, изначально заложенные в протестантском движении, и в этом же состоит его родство с Просвещением. Здесь обнаруживается возможность религиозного мировоззрения, которое стоит на той же исторической почве, что и Просвещение.

Однако пиетизм следует совершенно определенно отличать от религиозных течений, продолжающих спиритуалистическое движение Реформации. И пиетизм, и указанные религиозные течения обязаны своим восхождением одному и тому же великому движению; религиозные секты, как и писатели обоих направлений, обладали внутренним родст-

вом и находились в одном историческом контексте. Однако их разделяют два момента. Пиетистская вера развивается не только из Библии, однако она остается привязанной к ней. Пиетизм – это библейское христианство. Отношение пиетистов к Библии меняется в широких пределах: с одной стороны, это простой читатель¹⁰⁵ Библии, который черпает в ней силу обращения, укрепления и ободрения в вере, прибегает к ней в решающих жизненных ситуациях, расширяет свой опыт, читая ее, и обнаруживает в ней свой собственный опыт; с другой стороны, это теолог, который стремится извлечь из Библии истинную систему христианской науки. И первый, и второй читатель Библии связаны друг с другом. Книги Откровения – это учения, возникающие из жизни. В Христе и сочинениях апостолов к нам подступает сама жизнь и говорит с ними.

Другой момент, который отделяет пуритан или Якоба Бёме от пиетистов, состоит в том, что в первом случае пробудившаяся в одной личности религиозность так и остается ее собственным делом. Пиетизм стремится распространить твердую христианскую жизнь, христианскую дисциплину на все секуляризованное окружение.

Но новый порядок чужд его отвернувшемуся от мира существу. Там, где возникает ориентация на этот порядок, феномен пиетизма для нас в чистом виде больше не существует. Это связано с моментом, в котором проявляется острейшее напряжение между пиетизмом и Просвещением, равно как и поучительным развитием протестантской церкви. Пиетизм – это своенравие религиозности. Он рвет все нити, связующие религию и культуру; он разрешает проблему существования христианства в мире посредством того, что требует отчуждения от этого мира, от науки, от государственного прогресса, от искусства и красоты вещей.

Необходима, однако, терминологическая точность. Несмотря на разнообразие указанные признаки, а именно в Нидерландах, в Германии, у методистов и т. д., мы все же имеем дело с единым движением, которое несет в себе одни и те же признаки; и эти направления в широком смысле можно назвать пиетизмом. Он находит продолжение – в первую очередь в Германии – в самой государственной церкви, ибо она придает ему теперь другую форму (ср. Трельч), поскольку церковная ортодоксия находит в нем основание жизни, деятельности и силы. В его рамках она создает малые общины, связанные друг с другом кружки, наподобие того, в котором Бисмарк обрел свое позитивное отношение к христианству. Секты, например моравские братья, методисты за пределами Германии и т. д. Однако пиетизм не мог утверждать свою собственную энергию, так как стремился к христианству, отделенному от мира культуры.

5. Историческое развитие

Здесь нельзя обойти стороной попытки познания общих стадий развития наций в последовательности понятий. Начиная с Гегеля, наиболее примечательные из них указывают на правило развития, которое заключается в переходе от принуждения к свободному самоосмыслению. Без всякого сомнения, внутреннее принуждение индивида является самым примитивным состоянием индивидуальной дифференциации, фактом, который всегда можно обнаружить на самых древних из доступных нам уровнях исторической жизни. Положение германцев в эпоху Тацита здесь также представляет собой выдающийся пример. В это время на германское общество еще не распространялось влияние римлян с их индивидуалистическим образом жизни, утратой национальных идеалов и обычаев, рациональным использованием отдельной человеческой жизни. Осмысление жизни и ее целей еще не выводило индивидов за пределы того, что было упорядочено привычкой, обычаем и общественным духом. Отдельный человек растворялся в народной общности. Ее могущество и ее удача распространялись и на него, но при этом он оставался действующей и признаваемой в своей ценности составной частью этой общности. Ее обычаи, нравы, представления о жизни и идеалы определяли душевный склад каждого отдельного индивида. Поэтому народные общности исполнены одной общей волей; они обнаруживают и реализуют ее в собраниях соотечественников, следуя простому уложению, которое определялось привычным для них правом. Их можно сравнить с могучими организмами, действующими под влиянием темной и все же единой воли. Это состояние мы обнаруживаем повсюду на самых древних из доступных нам уровнях развития, и оно является для нас надежным исходным пунктом. В соответствии с ним Гегель и определяет ход мировой истории как развитие по направлению к свободе. Это развитие включает постепенный рост самостоятельности и индивидуальное развитие личности, а также такое определение индивида посредством разума, в котором реализуется внутренняя свобода, а свобода, в свою очередь, воплощается в политической форме общества. Однако при этом очевидна условность такого определения хода истории, основывающегося на некотором допущении относительно высшей ценности, которую она в состоянии реализовать. Современность и современное состояние не очерчивают границ нашего исторического познания, ибо они наполнены стремлением и силой, которая простирается далеко в будущее. В этой пограничной области нашего исторического знания, где нам открываются великие тенденции, простирающиеся в бу-

дущее, возникают концепции, которые прочерчивают в будущее одну-единственную линию, исходящую из прошлого и заданную идеей ценностей, реализация которых якобы и является целью истории.

Но разве нет общих процессов развития, которые пронизывали бы всю историю и которые, отвлекаясь от продвижения к свободной субъективности, могли бы претендовать на самостоятельное значение сами по себе?

Движение истории сопровождается прогрессирующим развитием наук. Этот прогресс постоянен, непрерывен, неудержим, ибо вытекает из того, что понятия могут целиком и полностью передаваться от одного лица к другому и от одной эпохи к другой. Во всей области понимания жизнепроявлений такая возможность передачи имеет место только здесь. Поэтому существует одна общая закономерность процесса изменений, охватывающего все человечество. И она занимает выдающееся место во взаимосвязи значений этих изменений, ибо согласно другому закономерному отношению, которое впервые было установлено Бэконом, познание причинной взаимосвязи сообразно законам позволяет предсказывать будущее и благодаря использованию этой закономерности причинных взаимосвязей вызывать желаемые следствия.

С этим связан второй момент закономерно прогрессирующего изменения. Человек поначалу привязан к своей земле, он подчиняется условиям естественного движения в пространстве, непосредственно протекающего общения и обособленности событий во времени. Однако через всю историю проходит общий процесс, в ходе которого благодаря прогрессу науки эти границы постепенно преодолеваются и тем самым устанавливается всеобщая интернациональная взаимосвязь. Иной ход развития, в свою очередь, определяется той закономерностью, которая господствует в области понимания. Со временем все более возрастает объективация духа в жизнепроявлениях. Поэтому непрерывно увеличивается объем материала для исторического понимания. Познаются все более обширные взаимосвязи. Таким образом, имеет место прогресс исторического познания в рамках одной линии, причем независимо от любых колебаний энергии и направления понимания.

Из всех многочисленных моментов, которые здесь имеют место, я хотел бы затронуть еще один. По мере того, как в ходе истории возрастает свобода субъективности и расширяется ее индивидуальная форма, одновременно все более основательным становится знание, фундированное философией, и в силу этого постоянно увеличивается та надежность, с которой человек ориентируется в философском самоосмыслении. Несмотря на возрастающую свободу субъекта, одновременно все

более удовлетворяется стремление человека, погруженного в стихию неопределенности, обрести устойчивость в самом себе. Среди сменяющихся времен года и переменчивой погоды мы ищем защищающие нас надежные стены, даже если они нас стесняют. И возрастающее обоснование, которое дает нам философия самоосмысления, являет собой неудержимую, обнаруживающуюся в природе самого нашего существа тенденцию человеческого рода.

ПРИМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКТОРА

¹ Здесь и далее ссылки на немецкое собрание сочинений Дильтея (*Dilthey W. Gesammelte Schriften. Leipzig, 1914 ff.*) оформляются аббревиатурой GS с последующим указанием номера тома.

² *Дильтей В.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. I. Введение в науки о духе. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 310. (Далее: – *Дильтей. Собр. соч.* Т. I.)

³ То есть проблема подчинения знания нормам мышления и проблема его зависимости от данности.

⁴ Следует неразборчивое слово (по-видимому, описка). Лакуна может быть восполнена, например, выражением «в чувственном созерцании». – *Прим. нем. изд.*

⁵ Примечание на полях: здесь Эд. Гуссерль (*Logische Untersuchungen*) Bd. II, 459 [Ср.: *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. II (1). М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 459]. – *Прим. нем. изд.*

⁶ Далее следует незаконченное предложение. Примечание на полях: с этого места Гуссерль (*ib.*) 640. Далее пропуск. – *Прим. нем. изд.*

⁷ Здесь можно было бы дополнить: напротив. – *Прим. нем. изд.*

⁸ Первоначальная мысль не получает здесь полного развития. Ее, по-видимому, следует дополнить в том смысле, что определенные операции мышления не вызывают никакого чувства удовольствия ли неудовольствия. – *Прим. нем. изд.*

⁹ Миньон – персонаж романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера». Юлия – персонаж поэмы Байрона «Дон Жуан».

¹⁰ В переводе Г. Г. Шпета этот оборот («das dumpfe Weben des Geistes»), несколько раз встречающийся в «Феноменологии духа» Гегеля, передается как «безжизненная вибрация духа» (Ср.: *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992. С. 308–309).

¹¹ Примечание на полях: Sigwart (*Logik*) II, 473. – *Прим. нем. изд.*

¹² Примечание на полях: *Husserl, Logische Untersuchungen*, Bd. II, 373 [Ср.: *Гуссерль.* Указ. соч. С. 370]. – *Прим. нем. изд.*

¹³ *Husserl, Logische Untersuchungen*, Bd. II, 372 [Ср.: *Гуссерль.* Указ. соч. С. 369]. – *Прим. нем. изд.*

¹⁴ Замечание в конце: «Частично распространить на сказанное ранее». – *Прим. нем. изд.*

¹⁵ Здесь следует вложенный лист: «Первая задача заключается в том, чтобы установить, что общего есть в словах, переживании, выражении и понимании, и, осмысливая определенный таким вот образом фактический состав, привести его к отчетливому сознанию.

Я начну с жизни.

Ясно отграниченное и замкнутое в себе развитие событий, которое содержится в любом понятии, используемом науками о духе, – это течение жизни. Под ним понимается взаимосвязь, которая ограничена рождением и смертью. Что понимается под этой взаимосвязью? Для эмпирического сознания она заключается, прежде всего, в постоянном наличии лица на протяжении времени его жизни, причем это постоянство непрерывно и континуально, так как оно привязано к чувственному явлению этого лица. Но для нас это только первое. Мы привыкли ... (здесь рукопись обрывается). – *Прим. нем. изд.*

¹⁶ Далее следуют несколько кратких замечаний, сделанных рукой Дильтея, которые начинаются словами «Переживание в Средние века». В связи с тем, что было сказано выше и что говорится далее, см.: GS V, LXXXIII f. (предисловие издателя). – *Прим. нем. изд.*

¹⁷ Собственноручное дополнение Дильтея: «Поэтическое целое конституирует форма, которую получает событие, когда значение его составных частей возвышается определенной частью жизни. И поскольку эта взаимосвязь в событии в то же время содержит в себе часть значения, то событие становится символическим. Не в силу какой-то дополнительной черты поэзии, но потому, что так и есть в жизни. И техника определяется таким же образом». – *Прим. нем. изд.*

¹⁸ *Savigny F. C. von. Entstehung des positiven Rechts // Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg, 1840. S. 13.* (Перепечатное издание: Hildesheim: Georg Olms, 1967.)

¹⁹ *Ibid.* S. 8.

²⁰ *Ibid.* S. 2 ff.

²¹ Из письма Леопольда фон Ранке к Генриху Ранке от 24 ноября 1826 года (*Neue Briefe / Hrsg. von Bernard Höft und Hans Herzfeld. Hamburg: Hoffman und Campe Verlag, 1949. S. 90*).

²² Приложение к первой исторической работе Л. фон Ранке («История романских и германских народов. 1494–1635», вышла в 1824 году) называлось «К критике современных историографов». Одно из принципиальных положений этого критического очерка – следует описывать то, что действительно имело место в истории, не становясь судьей прошлого и не поучая современников.

²³ Имеется в виду раннее произведение Т. Карлейля «*Sartor Resartus*» (написано в 1831 году).

²⁴ Речь идет о труде А. Токвиля «Старый порядок и революция» (первый том вышел в 1856 году, второй том остался незаконченным).

²⁵ Имеется в виду книга Э. Ваксмута «Теория исторических исследований».

²⁶ Работа Вильгельма фон Гумбольдта «О задачах историографа» (1821).

²⁷ Ср.: Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 12.

²⁸ Кант И. Там же. С. 18.

²⁹ Ср.: Кант И. К вечному миру. Философский проект // Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 43 (прим.).

³⁰ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Там же. С. 7.

³¹ Дильтей имеет в виду победу Наполеона в 1806 году в битве при Йене.

³² Название первой части третьего раздела лекций Фихте «Учение о государстве» (прочитаны в Берлине в 1813 году).

³³ Ср.: Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи // Сочинения: В 2 т. Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993. С. 464. (Седьмая лекция).

³⁴ Ср.: Там же. С. 495 (Девятая лекция).

³⁵ Ср.: Там же. С. 499.

³⁶ Ср.: Там же. С. 500.

³⁷ Ср.: Там же. С. 495.

³⁸ Ср.: Там же. С. 466 (Седьмая лекция).

³⁹ См. прим. ²⁶.

⁴⁰ Humboldt W. u. Über die Aufgaben des Geschichtschreibers // Gesammelte Schriften, im Auftrag der (Königlich) Preußischen Akademie der Wissenschaften / Herausgegeben von Albert Leitzmann u. a. Bd. 4. Berlin, 1903–1936. S. 56.

⁴¹ «Историка» («Historik») – принятый в немецких работах XIX века термин для обозначения учения о методе исторической науки.

⁴² Gervinus G. G. Grundzüge der Historik. Leipzig: Verlag Wilhelm Engelmann, 1837. S. 66.

⁴³ Ranke L. u. Politisches Gespräch // Samtliche Werke. Bd. 49/50. Leipzig: Duncker & Humblot, 1887. S. 327.

⁴⁴ Ibid. S. 328–329.

⁴⁵ Имеется в виду «Очерк истории» Иоганна Густава Дройзена – сжатое изложение лекций по «энциклопедии и методологии истории», которые автор читал начиная с 1857 года.

⁴⁶ В работе «Основные черты современной эпохи» (1806) Фихте устанавливает пять эпох мировой истории: 1) эпоха безусловного господства разума через по-

средство инстинкта; 2) эпоха превращения разумного инстинкта во внешний принудительный авторитет; 3) эпоха освобождения, непосредственно – от повелевающего авторитета, косвенно – от господства разумного инстинкта и разума вообще во всякой форме; 4) эпоха разумной науки, время, когда истина признается высшим и любимым более всего началом; 5) эпоха разумного искусства, когда человечество уверенно и твердою рукой создает из себя точный отпечаток разума. Фихте полагал, что современное ему человечество живет именно в третью «эпоху пустой свободы», тогда как несколько позднее («Речи к германской нации», 1808) утверждал, что человечество вступило в четвертую эпоху. Процесс истории понимается Фихте как поэтапный переход от одного состояния райской невинности (первая эпоха) в другое такое же состояние (пятая эпоха, которая, однако, является лишь идеалом, движение к которому бесконечно). Совершая это движение, человечество переходит от невольного подчинения разуму к его свободному признанию и воплощению.

⁴⁷ Ср.: Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, § 553.

⁴⁸ Полибий находится в близких дружеских отношениях со Сципионом Младшим.

⁴⁹ Тацит в «Анналах» (Ан. II, 88) упоминает о том, что подвиги Арминия – вождя германского племени херусков, «освободителя Германии» – у германских племен «воспевают и по сейчас».

⁵⁰ Речь идет о Прусском Земском Уложении (Preußisches Allgemeines Landrecht), вступившем в действие в 1794 году. Наряду с Кодексом Наполеона (1804) и Австрийским Уложением (1811) Прусское Уложение относится к крупнейшим кодификационным достижениям конца XVIII – начала XIX вв.

⁵¹ Ср. настоящее издание, с. 152 и фрагмент «Кант и Фихте» из раздела «Дополнения к очеркам по основоположению наук о духе». – Прим. нем. изд.

⁵² Имеются в виду стихотворение Ф. Шиллера «Саисское изваяние под покровом», где ученик снимает покрывало с изваяния, олицетворяющего истину во всей ее полноте.

⁵³ Ср. окончание раздела «Осознавание, реальность: время» (настоящее издание, с. 244). – Прим. нем. изд.

⁵⁴ Замечание на полях: «Сюда же о проявлении жизни и выражении; использовать также второй раздел из «Поэтики». – Прим. нем. изд.

⁵⁵ Речь идет о пьесе В. Шекспира «Как вам это понравится» (1599).

⁵⁶ Ср. работу «Возникновение герменевтики» [Дильтей. Собр. соч. Т. IV. С. 237–254]. – Прим. нем. изд.

⁵⁷ Постановления Тридентского собора (1545–1564) закрепляли догматы католицизма и осуждали положения протестантского вероучения.

⁵⁸ Далее, видимо, лакуна в тексте. Начало следующей части зачеркнуто. – Прим. нем. изд.

⁵⁹ Расположение данного фрагмента в книге соответствует версии немецкого издателя – Бернхарда Гротгейзена. Американские издатели работы – Рудольф А. Маккрил и Фритцеф Роді – в качестве более подходящего места предлагают конец раздела «Предметное постижение» работы «Построение исторического мира в науках о духе» (настоящее издание, с. 164).

⁶⁰ В работе «Истина и метод» Гадамер сделал следующее примечание относительно этого фрагмента: «В материалы из дильтеевского архива к «Построению исторического мира ...», опубликованные в седьмом томе «Собрания сочинений», незамеченным вкрался оригинальный текст Шлейермахера (с. 225 его «Герменевтики»), который Дильтей уже напечатал в приложении к написанной им биографии Шлейермахера. Это служит косвенным доказательством того, что в действительности Дильтей так и не вышел за пределы романтического подхода. Часто трудно бывает различить конспект и собственное изложение Дильтея (Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. С. 670). В опубликованной в связи с этим заметке (Ein Schleiermacher-Exzerpt in Diltheys Fragmenten zum Aufbau // Dilthey-Jahrbuch für Philosophie und Geschichte der Geisteswissenschaften / Hrsg. von F. Rodi. Bd. 12. (1999–2000). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000. S. 271–272) Ф. Роді показал, что эта ошибка произошла не по вине автора, а по вине издателя. Данный фрагмент исключен из американского издания работы, тогда как в настоящем издании он сохранен как показательный для рецепции Дильтеем наследия Шлейермахера.

⁶¹ От *лат.* *divinatio* (вдохновение, наитие, предчувствие, предвидение). Методологическая часть герменевтики Шлейермахера задается парой противоположных понятий: дивинаторного и компаративного понимания. Дивинаторное понимание означает достижение некоторой первичной, непосредственной очевидности, с которой только и может начинаться последующий процесс истолкования, компаративной корректировки понимания.

⁶² Далее следует ряд неразборчивых строк. – *Прим. нем. изд.*

⁶³ причина соответствует следствию (*лат.*).

⁶⁴ Далее мы приводим непронумерованный фрагмент, посвященный антропологии. Согласно одному из проектов Дильтея, размышления об антропологии должны были завершать первую часть продолжения работы «Построение исторического мира в науках о духе». – *Прим. нем. изд.*

⁶⁵ См., например, работу Г. Зиммеля «Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования» (Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юристъ, 1996. С. 301–465).

⁶⁶ Далее следует неразборчивое предложение. – *Прим. нем. изд.*

⁶⁷ См. выше «Категории жизни: Целое и его части» (настоящее издание, с. 293). – *Прим. нем. изд.*

⁶⁸ Примечание Дильтея: Сюда же из «Введения в науки о духе», S. 7. (GS I, 6 [Дильтей. Собр. соч. Т. I. С. 282]). – *Прим. нем. изд.*

⁶⁹ Критику Дильтеем социологической концепции Зиммеля см. также в работе «Введение в науки о духе» (Дильтей. Собр. соч. Т. I. С. 721–723).

⁷⁰ Легенда, которую упоминает Дильтей, гласит, что когда Декарта попросили показать его библиотеку, он отвел гостя на задний двор и, указывая на рассеченного теленка, сказал: «Вот моя библиотека!» В «Рассуждении о методе» соответствующая идея формулируется самим Декартом следующим образом: «Вот почему, как только возраст позволил мне выйти из подчинения моим наставникам, я совсем оставил книжные занятия и решил искать только ту науку, которую мог обнаружить в самом себе или же в великой книге мира...» (Декарт Р. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 255).

⁷¹ См.: Лейбниц Г. В. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. С. 49 и далее.

⁷² Примечание в конце: 2) Взаимосвязь в науках о духе. Основание – «антропология». – *Прим. нем. изд.*

⁷³ Ср.: «Построение исторического мира в науках о духе», настоящее издание, с. 161. – *Прим. нем. изд.*

⁷⁴ Далее следует ряд незаконченных рассуждений Дильтея. – *Прим. нем. изд.*

⁷⁵ На полях ссылка на «Введение в науки о духе», S. 44 ff. (GS I, 35 ff. Дильтей. Собр. соч. Т. I. С. 312]). – *Прим. нем. изд.*

⁷⁶ Ср. приложение к «Категориям жизни» (настоящее издание, с. 288–289). – *Прим. нем. изд.*

⁷⁷ Ср. «Построение исторического мира в науках о духе» (настоящее издание, с. 224 и далее. – *Прим. нем. изд.*

⁷⁸ Примечание на полях: Ср. далее: Лампфехт, Введение к «Немецкой истории», Линднер, а также «Этническая психология» Лазаруса и Вундта. – *Прим. нем. изд.*

⁷⁹ Далее предполагалась вставка, отсутствующая в тексте. – *Прим. нем. изд.*

⁸⁰ Ср.: «Построение исторического мира в науках о духе», настоящее издание, с. 221. Далее следует ряд рассуждений о немецком Просвещении, которые по содержанию местами совпадают с ходом мыслей в «Построении». – *Прим. нем. изд.*

⁸¹ Следует несколько предложений, смысл и логика которых не вполне ясны. – *Прим. нем. изд.*

⁸² Далее следует неразборчивое предложение. – *Прим. нем. изд.*

⁸³ человечности, гуманности, человечества (*лат.*).

⁸⁴ Ссылка на полях, отсылающая к Христофу Зигварту и разделу «Логика» Карла Отто Эрдмана, посвященному субъективно значимым суждениям. – *Прим. нем. изд.*

⁸⁵ Ссылка на полях на Христофа Зигварта. – *Прим. нем. изд.*

⁸⁶ Примечание на полях: «Место у Эрдмана, где определение характера суждения дается с помощью идеального субъекта. Нет, однако, такого понятия о суждении, которое позволяло бы рассматривать норму, правило и предписание как суждение. Может быть приведено также следующее доказательство: любое мышление является правильным при правильном выполнении мыслительных операций над данным в переживании материалом. Таким образом, для правильного мышления не требуется наличия суждения. Если система привил может быть выведена из одной высшей нормы, то возникает совокупность значимого мышления, которая не состоит из суждений (если брать это слово в обычном смысле)». – *Прим. нем. изд.*

⁸⁷ Ссылка на «Учение о категориях» Эдуарда фон Гартмана и на Христофа Зигварта. – *Прим. нем. изд.*

⁸⁸ Ссылка на «Логику» Эрдмана. – *Прим. нем. изд.*

⁸⁹ В оригинале – конструируется. Принята корректура американского издания.

⁹⁰ Примечание Дильтея на полях: «Философская система, которая разрешает проблему знания исходя из сущностных понятий мышления и познания ...». – *Прим. нем. изд.*

⁹¹ На полях ссылка на «Введение в науки о духе». – *Прим. нем. изд.*

⁹² На полях ссылка на «Идеи к описательной и расчленяющей психологии» (GS V, 218). – *Прим. нем. изд.*

⁹³ Ссылка на «Введение в науки о духе», S. 33 [GS I, 26 (*Дильтея*. Собр. соч. Т. I. С. 303)]. См. также настоящее издание, с. 131. – *Прим. нем. изд.*

⁹⁴ Примечание на полях: «Проверить». – *Прим. нем. изд.*

⁹⁵ Ссылка на «Введение в науки о духе». – *Прим. нем. изд.*

⁹⁶ Следует примечание: «Здесь следует изложение позиции из статьи о психологии: во-первых, о влиянии внимания на сознание переживаний, во-вторых, о тех узких границах, в которых воспоминание является источником знания о переживаниях, и, в-третьих, о том, в каком объеме возможно дополнить все это экспериментом». – *Прим. нем. изд.*

⁹⁷ Термин «науки о культуре» в противоположность «наукам о духе» в полемике с Дильтеем отстаивал Генрих Риккерт в своей работе «Науки о природе и науки о культуре».

⁹⁸ Речь идет о Франко-германской войне 1870–1871 гг.

⁹⁹ Дильтей, по-видимому, имеет в виду основную работу Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791), тогда как в своих ранних работах, принесших ему известность («Фрагменты о новейшей немецкой литературе» (1766–1768) и «Критические леса» (1769)), он выступает, скорее, как сторонник Лессинга и Винкельмана.

¹⁰⁰ Речь идет о Священной Римской империи германской нации, номинально просуществовавшей с 962 по 1806 г.

¹⁰¹ Моравские братья (другие названия: гернгутеры, богемские братья) – направление, возникшее в Богемии в XV веке и основанное Петром Хельчицким, помещиком и мирянином, который, разочаровавшись в учении католической церкви, стал проповедовать свое собственное учение («учение о справедливости»), требуя возвращения к идеалам первых веков христианства.

Методисты – протестантское течение, возникшее в 1729 г. в Оксфорде и ориентированное на деятельное благочестие. Первый глава общества – Джон Уэсли. Название получили за правильный, «методический» образ жизни.

Ирвингианцы – последователи шотландца Эдуарда Ирвинга (1792–1834), пастора в Лондоне и Глазго, верившие в возможность нового сошествия Св. Духа на плоть («пятидесятничество»).

Баптисты – общины, возникшие в середине XVII века и обращавшиеся к образцам раннего христианства. В частности, само их наименование восходит к греческому «βαπτίζω» (крещу, погружаю) и отражает их взгляд на крещение по обычаю времен апостольских, то есть через полное погружение.

Квакеры – последователи Джорджа Фокса (1624–1691), одна из наиболее радикальных протестантских мистических сект.

¹⁰² Ссылка на Э. Трельча. Ср. это и следующие рассуждения с его работой «Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen». Ges. Schriften Bd. I. 1919, S. 841 f. – *Прим. нем. изд.*

¹⁰³ Примечание на полях: «Вопрос: не выдвигал ли уже Воэций против рациональности принцип переживания и опыта». – *Прим. нем. изд.*

¹⁰⁴ Речь идет о работе Альбрехта Ричля «История пиетизма в реформированной церкви» (1880).

¹⁰⁵ В оригинале – преподавателя. Исправлено с учетом конструкции следующего предложения.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Августин, Аврелий (354–430) – христианский теолог и церковный деятель 182, 246, 385

Авенариус, Рихард (1843–1896) – немецкий философ, наряду с Э. Махом главный представитель эмпириокритицизма (одна из разновидностей позитивизма), профессор в Цюрихе 138

Аристотель (384–322 до н.э.) – древнегреческий философ 144, 149, 190, 324, 330

Арминий – вождь германского племени херусков, в 9 г. разгромивший римского полководца Квинтилия Вара 218, 409

Арнольд, Готфрид (1666–1714) – лютеранский теолог и историк церкви 139

Баур, Фердинанд Христиан (1792–1860) – немецкий теолог, основатель Тюбингенской школы критического изучения Библии, находившейся под влиянием метафизики истории Гегеля 141, 190

Бах, Иоганн Себастьян (1685–1750) – немецкий композитор и органист 232, 273

Бёк, Август (1785–1867) – немецкий филолог 266

Бёме, Якоб (1575–1624) – немецкий мистик и визионер пантеистической ориентации 402

Бёмер, Иоганн Фридрих (1795–1863) – немецкий историк, издавал комментированные памятники римских императоров, документы Каролингов и др. 139, 230, 232

Бисмарк, Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен (1815–1898) – германский государственный деятель, первый рейхсканцлер германской империи в 1871–1890. Осущест-

вил объединение Германии 182, 188, 336, 343, 402

Бокль, Генри Томас (1821–1862) – английский историк и социолог позитивистского направления 369

Бопп, Франц (1791–1867) – немецкий языковед, один из основателей сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и сравнительного языкознания. Иностраный член-корреспондент Петербургской Академии наук (1853) 138, 144

Боссюэ, Жак Бенин (1627–1704) – французский католический теолог, проповедник, писатель 325, 395

Брентано, Франц (1838–1917) – немецкий философ и психолог 287

Буркхардт, Якоб (1818–1897) – германо-швейцарский историк культуры и искусствовед 300

Бэкон, Френсис (1561–1626) – английский философ 134, 325, 404

Ваксмут, Эрнст Вильгельм Гюбли (1784–1866) – немецкий историк, автор работ «Древняя история римского права», «История Франции в период Революции» и др. 408

Вико Джамбатиста (1668–1744) – итальянский философ, автор работы «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) 369

Винкельман, Иоганн Иохим (1717–1768) – немецкий историк искусства, основоположник эстетики классицизма 412

Вольтер (Мари Франсуа Аруэ, 1694–1778) – французский писатель и философ 211

Вольф, Фридрих Август (1759–1824) – немецкий филолог-классик, педагог. В труде «Изложение науки о древностях» (1807–1810) высказал понимание филологии как самостоятельной

науки об античности 138, 140, 141, 190, 275

Вольф, Христиан (1679–1754) – немецкий философ, последователь Лейбница 152, 227–228, 230, 252, 394

Возций, Гисберт (1589–1676) – датский теолог, преподавал в Утрехтском университете. Кальвинист, противник картезианства и консейнианства 400, 413

Галилей, Галилео (1564–1642) – итальянский ученый 134

Гаман, Иоганн Георг (1730–1788) – немецкий критик, писатель, философ 395

Гвиччардини, Франческо (1483–1540) – флорентийский историк и политический деятель, автор «Истории Италии» – одной из наиболее значительных исторических работ XVI в. 190, 324

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) – немецкий философ 142, 155, 156, 245, 300, 302, 308, 322, 323, 333, 341, 343, 388, 396, 403, 406, 409

Гёльдерлин, Фридрих (1770–1843), немецкий поэт 157

Гендель, Георг Фридрих (1685–1759) – немецкий композитор и органист 269, 272

Герbart, Иоганн Готфрид (1744–1803) – немецкий философ, психолог и теоретик педагогики 333, 338, 369

Гервинус, Георг Готфрид (1805–1871) – немецкий историк, литературовед, представитель культурно-исторической школы 153, 157, 158

Гердер, Иоганн Готфрид (1744–1803) – немецкий философ 395, 412

Геродот (490–480 – около 425 г. до н.э.) – древнегреческий историк 209

Гёте, Иоганн Вольфганг (1749–1832) – немецкий поэт 246, 247, 299, 376, 377, 391, 406

Гиббон, Эдвард (1737–1794) – английский историк. Наиболее известная работа – «История упадка и разрушения Римской империи» (1776–1788) 139, 140, 190

Глейм, Иоганн Вильгельм Людвиг (1719–1803) – главный представитель анакреонтического направления в поэзии, получившего распространение в Галле 396

Глюк, Кристоф Виллибальд (1714–1787) – немецкий композитор 399

Гомер – древнегреческий эпический поэт, которому с времен античной традиции приписывается авторство «Илиады», «Одиссеи» и др. произведений 190

Гоббс, Томас (1588–1679) – английский философ 252, 326

Гримм, Вильгельм (1786–1859) и **Якоб** (1785–1863) – немецкие филологи 300

Гумбольдт, Вильгельм фон (1767–1835) – немецкий филолог, философ и государственный деятель 138, 140, 144, 151, 157, 158, 159, 408

Гуссерль, Эдмунд (1859–1938) – немецкий философ, основатель феноменологии 54, 83, 84, 287, 378, 406

Даламбер, Жан Лерон (1717–1783) – французский просветитель, математик, философ. В 1754 избран во Французскую академию. С 1751 вместе с Д. Дидро участвовал в создании «Энциклопедии» 134

Данте Алигьери (1265–1321) – итальянский поэт 324, 334

Декарт, Рене (1596–1650) – французский философ, математик, физик и физиолог 134, 325, 329, 400, 411

Дидро, Дени (1713–1784) – французский философ и писатель 339

Дройзен, Иоганн Густав (1808–1884) – немецкий историк и методолог исторической науки 157, 158, 159, 408

Дюрер, Альбрехт (1471–1528) – немецкий живописец, рисовальщик, гравёр, теоретик искусства 264, 376

Евсевий Кесарийский (Евсевий Памфил) (около 263–339) – церковный историк, автор «Церковной истории», «Жития императора Константина» и др. исторических работ 189

Землер, Иоганн Соломон (1725–1791) – немецкий лютеранский теолог и предтеча критического текстологического подхода к изучению Библии,

автор работы «Трактат о свободном изучении канона» 139, 230, 232
Зиммель, Георг (1848–1918) – немецкий философ и социолог 301, 309, 410, 411

Иеринг, Рудольф фон (1818–1892) – немецкий правовед, считающийся основателем социологической юриспруденции. Автор работ «Дух римского права», «Цель в праве» и др. 129, 130

Кант, Иммануил (1724–1804) – немецкий философ 69, 74, 111, 113, 134, 137, 139, 140, 145, 146, 151–155, 157–160, 217, 227, 240–241, 329, 330, 343, 353, 365, 374, 390, 394, 408, 409

Карлейль, Томас (1795–1881) – английский философ, историк и публицист 147–149, 156, 182, 300, 407

Кармер, Иоганн Генрих Казимир фон (1720–1801) – прусский министр и юрист, первый канцлер при Фридрихе II, занимался кодификацией обычного права, проводил правовые реформы 196

Кеплер, Иоганн (1571–1630) – немецкий астроном, один из создателей астрономии нового времени 134, 268

Клейн, Эрнст Фридрих (1744–1810) – юрист, входивший в число высших государственных чиновников в Пруссии 196

Клейст, Эвальд Христиан фон (1715–1759) – немецкий поэт, участвовал в походах Фридриха II 396

Консей, Иоанн (1603–1669) – немецкий теолог, преподавал в Бремене и Лейдене 400

Конт, Огюст (1798–1857) – французский философ, основоположник позитивистской философии 136, 156, 161, 219, 369

Корнель, Пьер (1606–1684) – французский драматург, представитель классицизма 399

Кювье, Жорж (1769–1832) – французский зоолог, один из реформаторов сравнительной анатомии, палеонтологии и систематики животных 144, 171

Лабоди, Жан (1610–1674) – французский теолог-реформатор. Иезуит, перешедший в кальвинизм. После отлучения от кальвинизма в 1670 организовал самостоятельную общину пиелистов в Германии 400

Ламберт, Иоганн Генрих (1728–1777) – немецкий математик, астроном, физик и философ 134

Лейбниц, Готфрид Вильгельм (1646–1716) – немецкий философ, математик, физик, юрист, историк, языковед 137, 157, 227, 228, 248, 252, 292, 319, 325, 326, 328, 390, 392–394, 411

Лессинг, Готхольд Эфраим (1729–1781) – немецкий драматург, теоретик искусства и литературный критик-просветитель 139, 227, 228, 230, 232, 233, 326, 394–396, 412

Лоденштейн, Йодокус (1620–1677) – протестантский проповедник и поэт, проповедовал высокие стандарты индивидуального поведения 400

Локк, Джон (1632–1704) – английский философ 134

Лотце, Рудольф Герман (1817–1881) – немецкий философ и естествоиспытатель 127, 138, 301, 369

Людовик Немецкий (ок. 804–876) – внук Карла Великого. После Верденского раздела (843) к нему отошло Восточно-Франкское королевство, располагавшееся к востоку от Рейна и послужившее началом будущей Германии 335

Лютер, Мартин (1483–1546) – немецкий теолог, деятель реформации 227, 232, 264, 286, 325, 336, 338, 339

Маколей, Томас Бабингтон (1800–1859) – английский писатель, историк, публицист и политический деятель 190, 304

Макиавелли, Николо (1469–1527) – итальянский политический философ 210, 324

Мах, Эрнст (1838–1916) – австрийский физик и философ, один из основателей эмпириокритицизма 138

Маробод – царь германского племени маркоманов, в 8 г. до н. э. основав-

ший сильное царство. В 17 г. н. э. был разбит Арминием, в 19 г. – готами, после чего бежал к Тиберию. Скончался в 37 г. 222

Меланхтон, Филипп (1497–1560) – немецкий протестантский богослов и педагог, сподвижник М. Лютера. Составитель Аугсбургского исповедания (изложение основ лютеранства, 1530) 140, 227, 394

Мёзер, Юстус (1720–1794) – немецкий историк, юрист и публицист 232

Мейер, Эдуард (1855–1930) – немецкий историк, автор работ «История древнего мира», «Хронология Египта», «Происхождение и начала христианства» и др. 324, 342

Милль, Джон Стюарт (1806–1873) – английский философ и экономист 156, 161

Моммзен, Теодор (1817–1903) – немецкий историк 141

Монтескье, Шарль Луи (1689–1755) – французский просветитель, правовед, философ 130, 140, 151

Мюллерхоф, Карл (1818–1884) – немецкий филолог, автор работ по немецкой филологии и античности 141

Мюллер, Иоганн фон (1752–1809) – швейцарский историк, автор написанной в духе идей Просвещения «Швейцарской истории» (т. 1–5, 1786–1808, доведена Мюллером до 1489, позднее продолжена др. историками до 1851) 144, 147

Мюллер, Карл Отфрид (1797–1840) – профессор классической филологии в Геттингене 141

Неандер, Иоганн Август Вильгельм (1789–1850) – немецкий протестантский историк и теолог 189

Нибур, Бертольд Георг (1776–1831) – немецкий историк античности 138, 141, 144, 146–148, 171, 190, 208, 333

Ницше, Фридрих Вильгельм (1844–1900) – немецкий философ 300

Ньютон, Исаак (1643–1727) – английский физик и математик 376

Оттон Фрейзингенский (ок. 1111–1158) – немецкий епископ, внук Генриха IV, автор работы «Historia de duabus civitatibus», посвященной философской интерпретации мировой истории 324

Павел апостол (I в.) 140, 297, 385

Паскаль, Блез (1623–1662) – французский математик и философ 182, 318

Платон (427–347 до н.э.) – древнегреческий философ 189, 190, 274, 297, 319

Полибий (ок. 200–120 г. до н. э.) – древнегреческий историк. После победы римлян под Пидной был интернирован в Рим, где занял проримскую позицию 210, 324, 369, 409

Пуанкаре, Жюль Анри (1854–1912) – французский математик, физик, философ 138

Пуфендорф, Самуэль (1632–1694) – немецкий юрист, представитель естественно-правового учения в Германии 227

Пфафф, Иоганн Фридрих (1765–1825) – немецкий математик 230

Ранке, Леопольд фон (1795–1886) – немецкий историк, один из крупнейших представителей немецкой исторической школы, критически относился к философии истории Гегеля 146, 148–150, 158, 182, 189, 190, 300, 333, 407

Расин, Жан (1639–1699) – французский драматург, поэт, представитель классицизма 399

Ричль, Альбрехт (1822–1889) – немецкий теолог, родоначальник направления, ориентированного на изучение этического и социального аспекта теологии 98, 189, 400, 413

Руссо, Жан-Жак (1712–1778) – французский философ и писатель 246, 247, 388

- Савиньи, Фридрих Карл (1779–1861) – немецкий юрист, глава исторической школы права 138, 141, 143
- Сакс, Ганс (1494–1576) – немецкий поэт, сапожник по профессии, создавший более шести тысяч рассказов, песен и басен. Сторонник Лютера 264
- Сварец, Карл Готлиб (1746–1798) – прусский юрист и реформатор. С 1791 по 1792 преподавал право и политические науки кронпринцу (впоследствии – Фридрих Вильгельм III). Сотрудничал с И. фон Кармером в ходе работы над кодификацией обычного права 196
- Сервантес, Сааведра Мигель де (1547–1616) – испанский писатель 231
- Сократ (470–399 до н. э.) – древнегреческий философ 74, 98
- Солон (между 640 и 635 – около 559 до н. э.) – афинский политический деятель, реформатор 248
- Спиноза, Бенедикт (1632–1677) – нидерландский философ 289, 391
- Спиттлер, Людвиг Тимотей (1752–1810) – профессор истории и церковной истории в Геттингене, автор «Очерка истории европейских государств» 395
- Тацит, Корнелий (ок. 58 – ок. 117) – древнеримский историк 218, 222, 223, 403, 409
- Тетенс, Иоганн Николаус (1736–1807) – немецкий ученый и философ, идейно близкий Канту. Главное произведение – «Философские опыты о человеческой природе и ее развитии» (1777) – в определенной степени предваряет «Критику чистого разума» Канта 74
- Токвиль Алексис Шарль Анри Клерель (1805–1859) – французский историк, социолог и политический деятель 144, 149, 407
- Томазий, Кристиан (1655–1728), немецкий юрист и философ-просветитель, сторонник школы естественного права. Основной труд – «Основы естественного права» (1705) 227, 230, 232
- Трельч, Эрнст (1865–1923) – немецкий протестантский богослов, философ, историк религии, один из основателей социологии религии 402, 413
- Фейербах, Людвиг (1804–1872) – немецкий философ 388
- Фехнер, Густав Теодор (1801–1887) – немецкий психолог, один из основоположников экспериментальной психологии 127
- Фидий (V в. до н.э.) – древнегреческий скульптор 376
- Фихте, Иоганн Готлиб (1762–1814) – немецкий философ 127, 140, 145, 149, 152–155, 157, 159, 160, 204, 266, 283, 333, 365, 390, 408, 409
- Фома Аквинский (1225 или 1226–1274) – средневековый философ и теолог 324
- Фрейданк – немецкий странствующий поэт, предполагаемый автор дидактических поэм на моральные и религиозные темы (XIII в.) 226
- Фридрих II Великий (1740–1786) – прусский король 196, 219, 227, 338, 398
- Фукидид (около 460–400 до н.э.) – крупнейший историк античности, автор «Истории Пелопонесской войны» 147, 189, 190, 209, 210, 323–324, 369
- Херцберг, Эвальд Фридрих граф фон (1725–1795). С 1763 по 1791 – прусский министр. Ввел наименования Восточной и Западной Пруссии (официально деление принято в 1773) 196
- Цвингли, Ульрих (1484–1531) – швейцарский деятель Реформации 339
- Цедлиц, Карл Альберт фон (1731–1810), прусский министр юстиции. Возглавлял церковный департамент с 1770 по 1788. Занимался реформой высшего образования. Основал систему провинциальных средних школ и установил абитуриентский экзамен для приема в университет 196
- Шекспир, Уильям (1564–1616) – английский драматург и поэт 202, 231, 409
- Шеллинг, Фридрих Вильгельм Иосиф (1775–1854) – немецкий философ 127, 149, 156, 245, 388, 391
- Шиллер, Иоганн Фридрих (1759–1805) – немецкий поэт, драматург и теоретик искусства 151, 157, 325, 409
- Шлейермахер, Фридрих (1768–1834) – немецкий протестантский теолог, философ и языковед 138, 140, 142, 155–157, 159, 186, 190, 225, 266, 275, 297, 410
- Шлёцер, Август Людвиг фон (1735–1809) – немецкий историк, филолог, статистик. На российской службе в 1761–1767, адъютант (1762), иностранный почетный член Петербургской Академии наук (1769). В 1768–1809 профессор Геттингенского университета 326, 395
- Шлоссер, Фридрих Кристоф (1778–1861) – немецкий историк, автор «Всемирной истории» (19 тт.) 153, 232, 310
- Шопенгауэр, Артур (1778–1860) – немецкий философ 127
- Эйхгорн, Карл Фридрих (1781–1854) – немецкий юрист, историк права, один из главных представителей исторической школы права 138
- Юм, Дэвид (1711–1776) – английский философ, историк, экономист и публицист 134, 139, 140, 369